

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации

Федеральный исследовательский центр
«Коми научный центр Уральского отделения
Российской академии наук»

Институт языка, литературы и истории
Коми научного центра Уральского отделения
Российской академии наук

**ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА
ОРЛОВСКОГО УЕЗДА ВЯТСКОЙ ГУБЕРНИИ.
МАТЕРИАЛЫ Н. А. ДОБРОТВОРСКОГО**

Сыктывкар
2024

УДК 39(470.342-89)
ББК 63.5:82(28-8Вят)
Т65

DOI 10.19110/978-5-89606-669-9

Традиционная культура Орловского уезда Вятской губернии. Материалы Н. А. Добротворского / сост. и коммент. В. А. Поздеев; науч. ред. Ю. А. Крашенинникова. – Сыктывкар, 2024. – 315 с.

В книгу вошли архивные и опубликованные материалы по фольклору и этнографии Орловского уезда Вятской губернии, а также материалы по этнографии пермяков Вятской губернии, собранные в 1880-х гг. ссыльным этнографом-любителем Н. А. Добротворским.

Traditional culture of Orlovsky uyezd of Vyatka province. Materials by N. A. Dobrotvorsky / comp. and comment. by V. A. Pozdееv; ed. by Y.A. Krasheninnikova. – Syktyvkar, 2024. – 315 p.

The archival and published materials on folklore and ethnography of Orlovsky uyezd of Vyatka province, as well as materials on ethnography of Permyaks of Vyatka province, collected in the 1880s by the exiled amateur ethnographer N. A. Dobrotvorsky are in the book.

Рецензенты:

доктор филологических наук, профессор Т. А. Золотова
кандидат филологических наук, доцент В. Е. Добровольская

Работа выполнена в рамках темы сектора фольклора ИЯЛИ ФИЦ Коми НЦ УрО РАН «Поэтика фольклора народов Европейского Севера России в синхронии и диахронии» (рег. № 121051400044-2).

ISBN 978-5-89606-669-9

© В. А. Поздеев, 2024
© ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, 2024

В. А. Поздеев

Н. А. ДОБРОТВОРСКИЙ – СОБИРАТЕЛЬ И ПУБЛИКАТОР ВЯТСКИХ ФОЛЬКЛОРНО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ

Материалы по этнографии и фольклору, собранные Н. А. Добротворским во время вятской ссылки, представляют несомненный интерес как с точки зрения содержания, так и с точки зрения истории собирания и изучения.

Известно, что Николай Александрович Добротворский родился в 1860 г. в Бессарабии в семье священника, учился во Владимирской духовной семинарии, из которой вышел после 3-го класса.

С Вятской губернией его связывает ссылка. Одним из первых, кто обратил внимание на обстоятельства пребывания Н. А. Добротворского в Вятской губернии, был вятский историк П. Н. Луппов¹. В книге «Политическая ссылка в Вятский край»² исследователь, опираясь на архивные документы, хранящиеся в ЦГАКО, написал несколько страниц о Н. А. Добротворском. П. Н. Луппов отмечал, что «причиной высылки его было следующее обстоятельство. 29 января 1879 г., зайдя в полицейскую часть г. Владимира, он стал угрожать заряженным револьвером приставу 2-й части и дежурному полицейскому надзирателю; его задержали, подвергли обыску, причем в записной книжке его была обнаружена запись о том, что он “поступил в солдаты, думая найти здесь благородную почву, но ошибся

¹ Луппов Павел Николаевич (22 октября [3 ноября] 1867, с. Усть-Чепца, Вятская губерния – 2 февраля 1949, Ленинград) – российский и советский историк, вятский краевед. Доктор исторических наук. Заслуженный деятель науки Удмуртской АССР.

² Луппов П. Н. Политическая ссылка в Вятский край. – Москва: Издательство Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1933. – 208 с.

в расчетах»¹. За такое поведение и за «вредное влияние на семинаристов, особенно живущих по квартирам»², по настоянию местного епископа, его обязательно нужно было выслать.

Известно, что первоначально Н. А. Добротворского сослали на жительство в с. Слудка Орловского уезда Вятской губернии (ныне – село в Прилузском районе Республики Коми). Ссылный должен был состоять под негласным надзором. П. Н. Луппов, изучив архивные документы, писал, что в отношении Н. А. Добротворского были нарушены все существующие правила. Его не переводили в уездный город Орлов, не давали вспомоществования как нуждающемуся ссылкой, хотя он не раз писал об этом вятскому губернатору. Н. А. Добротворский даже некоторое время жил в долг, занимая у местных крестьян. Как отмечал П. Н. Луппов, «ссылный Н. А. Добротворский (известный впоследствии автор очерка “Пермяки”), который был водворен в с. Слудку с 47 коп. денег в кармане в декабре 1879 г., подал прошение о назначении ему пособия на содержание, ссылаясь на то, что у него нет родных, к кому бы он мог обратиться за помощью. Хотя у вятского губернатора уже было уведомление от владимирского губернатора о том, что Добротворский “положительно не имеет никаких средств к содержанию”, тем не менее губернатор посылает обычный запрос орловскому исправнику, не может ли Добротворский содержаться за свой счет. В этой переписке проходит 1 ½ месяца»³. Таким образом, просьба Н. А. Добротворского к вятскому губернатору о назначении ему пособия «ходила» полтора месяца. Между тем Н. А. Добротворский пишет новое прошение о пособии, где заявляет, что до сих пор он одолевается у крестьян в ожидании кормовых денег; теперь ему уже никто не доверяет и ему остается умереть с голоду или покончить с собой. Только после такого письма губернатор делает распоряжение о выдаче пособия, причем назначает его не со дня приезда Н. А. Добротворского в Слудку, а со дня последнего его прошения.

После ухудшения здоровья его помещают в Великоорецкую больницу, а затем в декабре 1880 г. (после выхода циркуляра министра

¹ Луппов П. Н. Указ. соч. – С. 70.

² Там же.

³ П. Н. Луппов указывает на Д. 640 канцелярии Вятского губернатора 1879 г. В настоящее время в ЦГАКО – Ф. 582. Оп. 139. Д. 120.

10

Его Превосходительству,
Господину Начальнику Вятской
губернии

Слава моего поддольца по-
мещика в городе Орлове, убого
налого в запасно-режоваро и в в
поопределяющихся в Резерва
платного батальона Никола
Добровольского

покорнейшее прошение.

Приглашенный в город Орлов под надзор
поименно, я решительно не имая ника
ких средств к существованию, и по р
своих занятий, какъ учитель, не могу
найти себе работы; а потому решно
именно покорнейше прошу Вася,
Ваше Превосходительство, соизволив
двухнадесять распоряженіе о назначеніи
мнѣ изъ казенъ едмелвельного Ресед
го пособія.

Надпись, что Ваше Превосходител
ство соизволено отнестись къ мое
горькой, незавидной участи и исполн
моего просьбу, такъ какъ у меня нѣтъ
никого и вь родствѣ, къ кому бы я м

обращиваясь съ просьбой о помощи
Во силу прошитого увеличения
рядовой 19²⁰ пшеничного резервного
ложа, помощивенный подполковник
гражданский, Николай Добротворский
подписавший.
Декабря 22²⁰
1879²⁰ года.

Прошение Н. Добротворского Вятскому губернатору
от 22 декабря 1879 г.

81
Его Превосходительству
Господину Начальнику губернии.

Состоящую под надзо-
ромъ полиціи въ г. Гро-
вѣ, запаснаго рязовскаго
Никольскаго Добротворскаго
прошеніе.

Не имея под руками не-
ходимаго матеріала для задуман-
наго мною сочиненія по древней исто-
ріи Вятскаго края, я покорнѣйше
прошу Ваше Превосходительство
разрѣшить мнѣ проѣхать въ г.
Вятку на 3-4 недѣли для научнаго
занятія при мѣстной Библиотекѣ. 25
Апр., 1882. Состоящій подъ надзоромъ полиціи
Никольскій Добротворскій.

Прошение Н. Добротворского о разрешении работать
в Вятской библиотеке от 25 апреля 1882 г.

внутренних дел о поселении политических ссыльных) переводят в уездный город Орлов.

Во время Вятской ссылки Н. А. Добротворский вел собирательскую работу, фиксировал различные факты из жизни крестьян Орловского уезда. Для более полного обзора имеющихся публикаций по этнографии ему необходимо было работать в библиотеке г. Вятки, о чем он просил губернские власти, но ему не разрешали выезжать в Вятку. Он вынужден был пользоваться публичной библиотекой в г. Орлове, что помогало ему писать этнографический очерк о пермяках Орловского уезда.

Все письма Н. А. Добротворского вскрывались и прочитывались, потому что неприкосновенность переписки политических ссыльных была аннулирована министерским циркуляром от 17 августа 1863 г. Уездные исправники пересылали корреспонденцию губернатору, который мог отправить ее далее или задержать. «Активность вятской полиции в деле просмотра корреспонденции, – писал П. Н. Луппов, – шла далее: исправники вычеркивали в получаемых и отправляемых письмах те фразы и места, разглашение которых они считали нецелесообразными или неудобными»¹. Н. А. Добротворский после того, как написал статью «Пермяки», вынужден был просить разрешения послать ее в журнал. Резолюция Вятского губернского жандармского управления на предназначенной к печати рукописи гласила: «Это сочинение может быть допущено к печатанию в “Вестнике Европы”»².

За годы ссылки в Орловский уезд Вятской губернии (1879–1882) Н. А. Добротворский собрал и опубликовал достаточно большой этнографический и фольклорный материал, отражающий реалии пограничья, где жили русские и коми-зыряне. В начале XX в. Д. К. Зеленин³ дал описание с комментариями рукописей, прислан-

¹ Луппов П. Н. Указ. соч. С. 58.

² Луппов П. Н. Указ. соч. С. 60.

³ Зеленин Дмитрий Константинович (21 октября [2 ноября] 1878, Люк, Вятская губерния – 31 августа 1954, Ленинград) – российский этнограф, диалектолог и фольклорист. Зеленин Д. К. Материалы для описания Вятской губернии, хранящиеся в архиве Императорского Русского географического общества // Зеленин Д. К. Духовная культура Вятки: (фольклорно-этнографические и диалектологические статьи начала XX в. / сост. и науч. ред. В. А. Поздеев. – Киров: ООО «Радуга-ПРЕСС», 2015. – С. 165.

ных из Вятской губернии, хранящихся в архиве Императорского географического общества¹. В указателе материалы Н. А. Добротворского датируются по штампу 12 ноября 1882 г. В Архиве Русского географического общества (далее – АРГО) хранятся его рукописи, которые состоят из нескольких дел: Ф. 10. Оп. 1. Д. 37–42.

В рукописи «Лекарственные средства, заговоры и т. п. (Орловск[ого] уезда, Вятской губ.)» 12 листов². В ней представлены сведения о народной медицине: средства от беременности, для присухи, от родимца; заговор от урока или сглаза; чтобы мужа с женой разлучить, от зубной боли, от поноса и некоторых других болезней. Приведен ряд пословиц и поговорок, 12 загадок, как отмечал Д. К. Зеленин, «записано без соблюдения особенностей местного говора»³.

Рукопись «Детские игры (6 стр.)» содержит описание детских игр и считалок⁴. Собиратель зафиксировал известные детские игры, некоторые из них описал подробно, некоторые – только обозначил.

В рукописи «Сказки, легенды, предания и т. д. (Орловск[ого] у[езда], Вятской губ[ернии]» приведен всего 21 номер⁵. Записаны сказки, предания и легенды в г. Орловеи в разных волостях Орловского уезда, например, в Пинюжанской волости, в селах Великорецком и Соловецком, в деревне Халтурины, у пермяков в с. Слудке. Н. А. Добротворский в комментариях отмечает, что одну из сказок ему рассказывали «на половину на русском, на половину на пермяцком языке. Для удобства я перевел все пермяцкие слова по-русски. Что

¹ Зеленин Д. К. Описание рукописей ученого архива Императорского Русского Географического общества. Вып. 1. – Петроград, 1914. – 483 с.; Памятная книжка Вятской губернии и календарь за 1913. – Вятка, 1912. – С. 1–51 (отд. 1); Зеленин Д. К. Материалы для описания Вятской губернии, хранящиеся в архиве Императорского Русского географического общества. – Вятка, 1912. – 51 с.

² АРГО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 37.

³ Зеленин Д. К. Материалы для описания Вятской губернии, хранящиеся в архиве Императорского Русского географического общества // Зеленин Д. К. Духовная культура Вятки: (фольклорно-этнографические и диалектологические статьи начала XX в. / сост. и науч. ред. В. А. Поздеев. – Киров: ООО «Радуга-ПРЕСС», 2015. – С. 165.

⁴ АРГО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 38.

⁵ АРГО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 39.

касается до содержания сказки, то всякий может видеть, что само-бытного в сказке нет ничего, все заимствовано из разных русских сказок...»¹.

Как отмечал Д. К. Зеленин, записи вятских сказок Н. А. Добротворским немногочисленны, и что «сказки записаны вообще без соблюдения особенностей местного говора, но неплохо; нередко встречаются местные, чисто народные обороты и выражения. При каждой сказке указывается точно место записи»².

Вятские сказки из Архива РГО опубликовал А. М. Смирнов в 1917 г.³ Он поместил в сборник 14 сказок из рукописи Н. А. Добротворского (№ 122–135)⁴, не вошли № 1, 2, 4, 8, 11, 12, 20, в основном предания и легенды.

В рукописи «Этнографические данные об Орловском у[езде] Вятской губ[ернии] (18 стр.)»⁵ собиратель фиксирует и раскрывает особенности жизни, быта, хозяйствования и обрядов. Хотя Н. А. Добротворский не ставил своей целью записывать все песни Орловского уезда, в рукописи «Песни (28 стр.)»⁶ он приводит 46 текстов песен, некоторые из них с вариантами. Последняя рукопись «Особенности русского наречия в Орловском у[езде] Вятской губернии. Собраны Н. Добротворским» содержит словарь местных слов, отмечены фонетические особенности говора этих мест⁷.

¹ АРГО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 39. Л. 54 об.

² Зеленин Д. К. Материалы для описания Вятской губернии, хранящиеся в архиве Императорского Русского географического общества // Зеленин Д. К. Духовная культура Вятки: (фольклорно-этнографические и диалектологические статьи начала XX в. / Сост. и науч. ред. В. А. Поздеев. – Киров: ООО «Радуга-ПРЕСС», 2015. – С. 167.

³ Смирнов Алексей Матвеевич (1876–1958) – филолог, фольклорист. Сборник великорусских сказок Архива Русского географического общества. Издал А. М. Смирнов. – Петроград: Типография Российской Академии наук, 1917. – Т. IV. – Вып. II. – С. 507–990.

⁴ Сборник великорусских сказок Архива Русского географического общества. Вып. I // Записки Русского географического общества по отделению этнографии. Т. XLIV. – Петроград, 1917. – 504 с.

⁵ АРГО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 40.

⁶ АРГО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 41.

⁷ АРГО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 42.

К апрелю 1882 г. Н. А. Добротворский написал этнографический очерк о пермяках, который был отправлен в редакцию журнала «Вестник Европы». Его напечатали в № 59 в 3-й и 4-й книжках за 1883 г. В работе автор отмечал, что «у нас еще очень мало описано о северо-восточных инородцах финского племени; мало фактов, мало обобщений»¹. Автор видит необходимость фиксирования различных сведений о пермяках в том, что, может быть, это «последний документ их истории»². По сути это была первая и единственная статья, основанная на непосредственных наблюдениях над пермяками Вятской губернии Орловского уезда. «Прожив довольно долго среди пермяков, – писал Н. Добротворский, – я коротко ознакомился с их языком, характером и нравами и передаю здесь читателю свои наблюдения»³.

Необходимо отметить, что о пермяках Орловского уезда уже был материал, который собрал и оформил в рукопись М. С. Косарев⁴. В ЦГАКО храниться рукопись «Пермяки Вятской губернии, преимущественно Орловского уезда», поступившая в Вятский губернский статистический комитет в 1863 г.⁵ Однако эта рукопись не была опубли-

¹ Добротворский Н. А. Пермяки. Бытовой и этнографический очерк // Вестник Европы. – 1883. – № 59. – 3 кн. – С. 228.

² Там же. С. 228.

³ Там же.

⁴ Косарев Михаил Сидорович (1804–1871) родился в г. Нолинске, с отличием окончил 4-классную Вятскую гимназию, с 1821 г. работал учителем Нолинского народного училища, затем получил место в Сарапульском народном училище. С 1828 г. в течение двух лет был вольным слушателем Казанского университета. С 1836 г. преподавал географию и математику в Вятской гимназии, с 1839 г. – учитель истории и географии в училище детей канцелярских смотрителей. Работал учителем в пансионе девиц, женской гимназии, епархиальном училище. Умер в возрасте 67 лет в Перми.

⁵ Плосков И. А. Материалы по духовной культуре южных коми (из Вятского архива) // Финно-угроведение. – 1996. – № 1. – С. 94–99; Он же. Вятская архивная рукопись XIX в. о «пермяках» и ее автор // Вятская земля в прошлом и настоящем. Материалы III научной конференции, посвященной 50-летию Победы в Великой Отечественной войне. – Киров, 1995. – Т. 2. – С. 132, 133; Он же. Вятский исследователь финно-угорской культуры М. С. Косарев // История и культура Волго-Вятского края (к 90-летию Вятской ученой архивной комиссии). Тезисы докладов и сообщений межрегиональной научной конференции. – Киров, 1994. – С. 431; Крашенинникова Ю. А.

ликована. В 1878 г. вышел альбом «Народы России. Живописный альбом». Во втором выпуске помещена небольшая статья о пермяках, в которой отмечены основные антропологические и этнографические особенности этого народа¹. И. Н. Смирнов² в 1891 г. опубликовал достаточно обширный историко-этнографический материал по пермякам в «Известиях общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете»³. В начале XX в. появилась основательная работа В. М. Яновича «Пермяки: этнографический очерк»⁴, в которой он приводит сведения о пермяках, проживающих в бассейнах рек Инвы, Камы, Косы (Чердынский, Зюздинский, Глазовский уезды). Многие факты, зафиксированные Н. А. Добротворским и М. С. Косаревым, нашли подтверждения в статье В. М. Яновича.

Следуя традициям этнографических описаний этносов, Н. А. Добротворский в статье сделал попытку осмыслить этногенез пермяков, для этого он привлек известные на то время работы по истории финно-угорских народов (И. Ф. Блюменбах⁵,

Обзор материалов вятского архива по традиционной культуре южных коми // Вятский родник: Сборник материалов научно-практической конференции. – Киров, 2007. – Вып. 8. – С. 55–59.

¹ Народы России. Живописный альбом. – Санкт-Петербург: Типография товарищества «Общественная польза», 1878. – Вып. II. – С. 187–189.

² Смирнов Иван Николаевич (7 [19] января 1856, с. Арино Казанской губернии – 15 [28] мая 1904, Казань) – российский историк и этнограф, ординарный профессор Императорского Казанского университета по кафедре всеобщей истории.

³ Пермяки: историко-этнографический очерк / [соч.] И. Н. Смирнова. – Казань : Типо-лит. Имп. Каз. ун-та, 1891. – [6], 289 с. – (Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете; т. 9, вып. 2).

⁴ Янович В. М. Пермяки: Этнографический очерк // Живая старина. – 1903. – Вып. I, II. – С. 52–171.

⁵ Blumenbach, Johann Friedrich. Handbuch der vergleichenden Anatomie: Mit Kupfern Göttingen, 1805; Блюменбах И. Ф. Руководство к естественной истории. Ч. 1 / [соч.] Иоганн. Фридр. Блюменбаха; с нем. на рос. яз. пер. Петром Наумовым и Андреем Теряевым. – Санкт-Петербург: [б. и.], 1796. – 309 с. (Эта книга выдержала 12 изд. (1780–1830).

К. К. Бредов¹, М. А. Кастрен², Т. Вайц³, Н. А. Фирсов⁴). Он отмечал, что «вместе с вотяками и зырянами они (пермяки) составляют так называемую пермскую ветвь большого финского, или чудского, племени»⁵. Сведения, которые исследователь собирал, в статье он расположил «традиционно», как поступали исследователи инородцев того времени: исторические сведения, организация поселений пермяков, хозяйство и быт, духовная культура.

Н. А. Добротворский, опираясь на фольклорные источники, в частности на сказание о двух братьях Осьяс и Ожьяс, видит в сюжете этого сказания причины переселения пермяков. Народ, живший на «восходе солнца» и поклоняющийся «страшному богу Шурма», не принес в жертву ему «двух мальчиков», за это был прогнан «далеко на закат»⁶. Помимо сведений, почерпнутых из эпических сказаний, Н. А. Добротворский использовал историко-географические сведения Ф. Мюллера, Н. М. Карамзина, Р. Вирхова, В. Н. Майнова, Д. А. Коропчевского, Ж. Л. А. Катрфажа и Э. Э. Эйхвальда о финских племенах, их расселении по европейской части. Внимание автора привлекает новгородская колонизация. Он описывал, как новгородцы оттесняли финские племена на северо-восток Вятской земли и «по всей Биармии»⁷.

¹ Бредов К. К. Антропология или Краткое руководство к познанию жизненных отправления человеческого организма в здоровом состоянии, в применении к понятию образованных людей всех сословий. – Санкт-Петербург: [б. и.], 1844. – 504 с.

² Кастрен М. А. Основы зырянской грамматики. – Helsingforsiae, 1844. – 166 с.

³ Вайц Т. Антропология первобытных народов. Т. 1 / Теодор Вайц; пер. А. П. Федченко. – Москва: Издание А. И. Мамонтова, 1867. – VI, 216 с.

⁴ Фирсов Н. А. Положение инородцев Северо-Восточной России в Московском государстве. – Казань, 1866. – 269 с.; Он же. Инородческое население прежнего Казанского царства в новой России до 1762 г. и колонизация закамских земель в это время. – Казань, 1869. – 448 с.

⁵ Добротворский Н. А. Пермяки. Бытовой и этнографический очерк // Вестник Европы. – 1883. – № 59. – 3 кн. – С. 229.

⁶ Там же. С. 230. См.: Конаков Н. Д. Ожьяс // Мифология Коми / Н. Д. Конаков, А. Н. Власов, И. В. Ильина и др. / Науч. ред. В. В. Напольских. – Москва: Издательство ДИК, 1999. – С. 264.

⁷ Добротворский Н. А. Пермяки. Бытовой и этнографический очерк // Вестник Европы. – 1883. – № 59. – 3 кн. – С. 234.

Также Н. А. Добротворский писал о чуди, «чудских ямах», приводил сведения, которые ему были доступны или рассказаны информантами¹.

Н. А. Добротворский в статье сравнивает пермяков с другими финно-угорскими народами, например, так он пишет о существовании письменности: «можно думать, что у пермяков, равно как и у родичей их, вотяков, существовала и письменность»². Почти постоянно раскрывает связи и взаимовлияния русских и пермяков. Основной материал в статье посвящен этнографическим наблюдениям. В работе отмечалось, что пермяки в земледелии и скотоводстве многое заимствуют от русских, поэтому они более консервативны. Сравнивая постройки русских и пермяков, Н. А. Добротворский выделял постройки последних. Он писал, что пермяк «достиг известной степени совершенства в архитектуре своих построек: они прочно сложены и довольно красивы на вид»³.

Описывая одежду, обувь, еду, напитки, исследователь вникает в тонкости изготовления материала, покроя, а в некоторых случаях приводит примеры вкусовых качеств продуктов⁴.

В статье автор раскрывает характер и психологические особенности пермяков⁵. На наш взгляд, такие сведения имеют важное значение для объяснения не только поведенческих стереотипов пермяков, но и многих бытовых черт, общественного поведения, народных юридических обычаев и народных верований, суеверий и предрассудков. Н. А. Добротворский отмечал, что «между собой пермяки живут дружно, редко ссорятся и не обижают друг друга»⁶. Автор подмечал многие недостатки быта, поведения, болезни пермяков, которые сложились исторически или были переняты от русских. «Пермяки

¹ См.: Низов В. В. Биармия и вятская чужь // Шведы и Русский Север: историко-культурные связи (К 210-летию Александра Лаврентьевича Витберга): Материалы Международного научного симпозиума. – Киров, 1997. – С. 160–190.

² Там же. С. 237.

³ Там же. С. 244.

⁴ Там же. С. 248–251.

⁵ Там же. С. 254.

⁶ Там же. С. 259.

часто страдают болезнью глаз от курных и дымных изб <...> Но самыми страшными бичами являются оспа и сифилис»¹.

По мнению Н. А. Добротворского, пермяки – отличные охотники, лес и охота для них не только важная хозяйственная деятельность, но и своеобразная психологическая разрядка. «Пермяк молодой – в душе охотник; он страстно любит шляться по лесам и лугам, далеко раскинувшимся берегам рек, протекающих здесь, – за утками, рябчиками, зайцами и белками»².

В статье не приводятся фольклорные тексты, однако Н. А. Добротворский останавливается на основных обрядах: свадьба, похороны, родильные, некоторые календарные. Автор отмечал особенности фольклорных традиций пермяков, не столько тематику, сюжеты, жанровую систему фольклора пермяков, сколько особенности исполнения, влияние русского фольклора. Так, он писал: «Песни они поют русские и при том до такой степени искажают их, что в большинстве случаев трудно добраться до смысла. Напев песен отличается монотонностью и однообразием. В нем слышится безысходная тихая грусть, от которой сжимается ваше сердце. Песня поет, стонет над ухом, разливается глубокой, но неоформленной, затаенной тоской... Веселых, разухабистых песен у пермяков очень мало»³.

Н. А. Добротворский отмечал, что у пермяков нет бытовых сказок, их сказки не богаты поэзией и не блещут цветами фантазии, «целые эпизоды в них иногда заимствуются из русских сказок. Содержание свое они черпают исключительно из мира духов. В каждой сказке непременно является черт, леший, водяной и т. д.»⁴. Поэтому автор статьи делал вывод о том, что пермяцкие сказки являются остатками языческих верований пермяков. Еще одной оригинальной чертой сказок является финал: «Здесь, как писал Н. А. Добротворский, вы найдете непременно сто р[ублей] денег и ½ ведра водки, – то, как плату за услугу, то, как находку, то, как вено брачное, то, как стоимость брачного пира, – ни больше, ни меньше как сто рублей и полведра водки! Даже в песнях – и то случается слы-

¹ Там же. С. 263.

² Там же. С. 553.

³ Там же. С. 252.

⁴ Там же. С. 253.

шать об этих ста рублях и полуведра водки. Должно быть, пермяку сильно хочется иметь эти вещи»¹.

Н. А. Добротворский в статье приводит сведения об основных верованиях пермяков, их отношении к языческим богам. Он отмечал расположенность народа к суевериям, которые сопровождают пермяков всю жизнь от рождения до смерти. Собиратель, приведя примеры отношения пермяков к языческим богам и духам, приходит к мнению, что «пермяка христианином назвать мудрено. У него, собственно говоря, две веры: своя собственная, перешедшая к нему по преданию от времен давно минувших, и церковная, христианская. Из смешения этих двух верований у него и получился тот оригинальный, крайне-своеобразный взгляд на Ена и черта...»².

В статье «Два слова о верованиях пермяков» (1883, № 14) некоторые сведения автор взял из объемной работы «Пермяки». Кроме того, из этой же статьи многие исследователи черпали факты жизни, быта, верований, некоторые сведения о фольклоре пермяков. Н. А. Добротворский интересовался местными историческими сведениями и достопримечательностями. Кроме этой статьи, им было помещено в «Приложении к Вятским губернским ведомостям» несколько небольших статей: «Раскол в Пинюжанской волости Орловского уезда» (1883, № 6, 7, 10), «Клады в Орловском уезде» (1883, № 12, 13).

Н. А. Добротворский был освобожден из вятской ссылки 9 сентября 1882 г. Вятский губернатор долго не выдавал ему документы на руки и отправил их по почте Владимирскому губернатору.

После освобождения Н. А. Добротворский вернулся в г. Владимир. Энергичный по натуре, он скоро становится одной из центральных фигур народнического кружка, в который входили владимирские гимназисты и семинаристы. Один из участников кружка, С. П. Шестернин³, вспоминает, что Н. А. Добротворский во Владимире появился к концу его гимназического курса (1883–1884). С. П. Шестер-

¹ Там же. С. 234–235.

² Там же. С. 575.

³ Шестернин Сергей Павлович (1864–1944) – социал-демократ, большевик. Один из организаторов Иваново-Вознесенского рабочего союза. Юрист, сотрудник ВСНХ.

нин дает развернутую характеристику самого Н. А. Добротворского и его деятельности: «Добротворский – сын священника, учился во Владимирской духовной семинарии, но курса не окончил. Будучи семинаристом, он обвинялся в покушении на жизнь владимирского полицейского пристава, но дело было прекращено по заключению экспертизы, установившей, что покушение было совершено в состоянии аффекта, т. е. в ненормальном состоянии умственных способностей. Тем не менее, как “неблагонадежный”, Добротворский в административном порядке был сослан на три года в Вятку, где занимался статистикой и писательством. После ссылки он вскоре приехал во Владимир <...> Добротворский, человек бурного и страстного темперамента, тоже не мог усидеть дома и рвался к пропаганде и агитации среди молодежи. Ему нужна была аудитория, и он нашел ее в нашем кружке. Мы быстро познакомились. Добротворскому было в то время лет 25–27. Высокий, худой, стройный, с небольшой черной бородкой, некрупными, но правильными чертами лица, с белым высоким лбом, Добротворский был подвижен, как ртуть. Он ходил в высоких смазанных сапогах, красной рубашке «на выпуск» и в черной шляпе с широкими полями. Костюм этот был не особенно конспиративен, но так одевались все тогдашние радикалы, а некоторые при этом надевали темные очки. В маленьком номерочке грязной гостиницы, близ вокзала, мы часто собирались у Добротворского. Я и сейчас живо представляю тесную комнату, слабо освещенную маленькой керосиновой лампой, переполненную учащейся молодежью. От большого количества выкуренных папирос скапливалось столько дыма, и порою в номере становилось так душно, что приходилось открывать дверь в коридор, нарушая правила конспирации, но в пылу увлечения мы мало думали об этом»¹.

После возвращения во Владимир Н. А. Добротворский публиковал статьи фольклорно-этнографического характера. В 1884 г. вышла небольшая заметка Добротворского в «Приложении к Вятским губернским ведомостям» «Вятское озеро во Владимирской губернии»². В неофициальной части «Владимирских губернских ведомостей»

¹ Шестернин С. П. Пережитое: Из истории рабочего и революционного движения 1880–1900 гг. – Иваново, 1940. – С. 20, 21.

² Добротворский Н. Вятское озеро во Владимирской губернии // Приложение к Вятским губернским ведомостям. – 1884. – № 102. – С. 4.

опубликованы заметки: «Клады в Вязниковском уезде» (1883. 23 сент., № 38; 30 сент., № 39); «Клад в Баглачеве» (1883. 11 нояб., № 45); «Окаменелая лошадь (Предание)» (1883. 18 нояб., № 46) и др. В 1884 г. в «Историческом вестнике» Н. А. Добротворский публикует довольно большой очерк «Пугачев на Каме», в котором, как он писал, на устных и печатных материалах раскрыты отношение жителей Прикамья и, в частности, инородцев к самому Пугачеву и его соратникам, а также организация того сопротивления, которое оказывали правительственные войска¹.

Большой серьезный материал по обычному праву собран Н. А. Добротворским в двух статьях под заглавием «Крестьянские юридические обычаи в восточной части Владимирской губ. (Уезды: Вязниковский, Гороховецкий, Шуйский и Ковровский)» (Юридический вестник. М., 1888. Г. 20. Т. 28, [№ 6/7], Кн. 2/3, (июнь/июль). С. 322–349; Юридический вестник. 1889. Г. 21. Т. 2, [№ 6/7], Кн. 2/3, (июнь/июль). С. 261–293). В первой статье «Крестьянские юридические обычаи...» («Брак»), помимо этнографического описания свадебного обряда, анализируется экономическая составляющая крестьянских свадеб, в частности, освещается вопрос о приданом. Н. А. Добротворский рассматривает также особенности заключения брака в среде офеней. Вторая статья из этой «серии» – «Семья, семейные разделы и право наследства» – раскрывает не только юридические стороны брака, но и взаимоотношения мужа и его родных с женой, мужа с родительской семьей. Кроме того, описаны способы, с помощью которых решаются семейные проблемы. Владимирский материал представлен также в публикации Н. А. Добротворского «Коляда во Владимирской губернии» (Живая старина. СПб., 1898. Вып. 3/4. С. 482–485).

В Архиве РГО хранятся рукописи Н. А. Добротворского из Владимирской губернии, описанные Д. К. Зелениным: рукопись № 54 – «Песни Вязниковского уезда», датируемая 1883 г., содержит 23 текста разных жанров; обращает на себя внимание фрагмент былин о Чуриле – редкий для Владимирской губернии материал; рукопись № 55 – «Детские песни Вязниковского уезда», датируемая 1882 г., в которой даны шесть разделов, озаглавленные собирателем: «Песни при разных случаях», «Песни-драмы», «Песни колыбельные

¹ Добротворский Н. А. Пугачев на Каме // Исторический вестник. – 1884. – Вып. XVIII. – С. 719–753.

(речитативы)», «Песни-речитативы, употребляемые при играх», «Песни-речитативы, употребляемые для того, чтобы дразнить друг друга», «Песни разные». Приведены 16 номеров докучных сказок¹.

В Государственном архиве Владимирской области хранится письмо Н. А. Добротворского (1898) к земскому врачу А. В. Смирнову, который был краеведом, библиографом и общественным деятелем².

В 1884 г. после разгрома кружка Н. А. Добротворский был выслан в Курск. Там он служил статистиком Курского земства. В этот период им было написано несколько статистических и этнографических работ и заметок³. Так, в газете «Курский листок» за 1886 г. Н. А. Добротворский опубликовал ряд заметок под общим заглавием «Народный календарь»⁴.

В 1888 г. в «Вестнике Европы» «Саяны. Историко-этнографический очерк»⁵ вышла статья Н. А. Добротворского, в которой описана одна из групп населения Курской и Харьковской губерний – так называемые «саяны», представленная исследователем как «отдельная народность».

¹ Зеленин Д. К. Описание рукописей ученого архива Императорского Русского Географического общества. Вып. 1. – Петроград, 1914. – С. 179–181.

² Смирнов Александр Васильевич (26.08 (07.09) 1854, с. Вашки Переславского уезда Владимирской губернии – 16.12.1918, г. Владимир) – краевед, библиограф, общественный деятель, земский врач. Источник: Личные фонды русских историков и краеведов XIX–XX веков в Государственном архиве Владимирской области / сост. Г. Д. Овичников; ред. А. А. Ковтун. – Владимир, 1999. – 48 с. (Материалы по истории Владимир. губ. Вып. 6). – С. 16. (Д. 622, 779; 1866–1918).

³ Добротворский Н. А. Промыслы и внеземледельческие занятия крестьян Центрального района. – Курск: тип. Губ. земства, 1885. – [2], II, 229 с. Автор в книге не указан; установлен по изданию: Русский аноним. и подпис. псевд произведения печати, 1801–1926. – Ленинград, 1978. – Вып. 2. – С. 118.

⁴ Народный календарь. Январь // Курский листок. – 1886. – 6 февр., № 11; То же. Февраль // Курский листок. – 1886. – 23 февр., № 16; Народный календарь (Приметы и поверья Курского края). Март // Курский листок. – 1886. – 27 марта, № 25; То же. Апрель // Курский листок. – 1886. – 1 мая, № 34; То же. Май // Курский листок. – 1886. – 26 июня, № 50. Подп.: Д-ский Н.

⁵ Добротворский Н. Саяны. Историко-этнографический очерк // Вестник Европы. – 1888. – № 9. – С. 197–213.

Более основательные статьи Н. А. Добротворского были помещены в «Русском архиве»¹ и «Киевской старине»². Его рукописные материалы по Курской, Воронежской и Орловской губерниям хранятся в Архиве РГО³.

Имеются сведения, что после Курска Н. А. Добротворский служил в статистическом бюро в г. Смоленске. За период службы там он опубликовал несколько работ⁴. В 1889 г. имел книжную лавку в г. Смоленске и входил в организованный П. Заичневским⁵ кружок, для которого через знакомого наборщика С. Зверина доставал шрифт для тайной типографии. Арестован в 1889 г., заключен в Смоленскую тюрьму. Вскоре признан психически ненормальным. Дата смерти не установлена.

В настоящем издании мы воспроизводим тексты из Архива РГО, собранные Н. А. Добротворским, – это шесть дел и пять публикаций в периодической печати. Также публикуются архивные материалы ЦГАКО, связанные с пребыванием Н. А. Добротворского в ссылке в Орловском уезде Вятской губернии.

Материалы, собранные Н. А. Добротворским, представляют несомненный интерес для профессиональных этнологов, фольклорис-

¹ Добротворский Н. Заметки Д. А. Деменкова о путешествиях Императора Александра Павловича по России, с объяснениями Н. А. Добротворского // Русский архив. – 1887. – Вып. 3. – С. 305–314; Народное предание об освобождении монастырских крестьян. Н. А. Добротворского // Русский архив. – 1887. – Вып. 6. – С. 164–168; Крестьянин поэт Суханов. Заметка Н. А. Добротворского // Русский архив. – 1888. – Вып. 7. – С. 729–731.

² Курские и орловские Кудеяры // Киевская старина. – 1888. – № 12. Документы. – С. 117–123.

³ Зеленин Д. К. Описание рукописей ученого архива Императорского Русского Географического общества. Вып. 2. – Петроград, 1915. – № 36. Н. А. Добротворский. Обрезанцы. – С. 669–670. № 37; Н. А. Добротворский. Промышленные и потребительские артели в Курской губернии. – С. 670.

⁴ Добротворский Н. А. Историко-археологический музей в Смоленске // Исторический вестник. – 1888. – Т. 34, № 11. – С. 524–528.

⁵ Заичневский (Зайчневский) Пётр Григорьевич (18 [30] сентября 1842, с. Гостиново Орловской губернии – 19 [31] марта 1896, Смоленск) – российский революционер-народник, один из идеологов якобинского направления в народничестве, автор прокламации «Молодая Россия». В 1895 г., по возвращении из ссылки, поселился в Смоленске, где вскоре умер в марте 1896 г.

тов и историков. В научный оборот вводятся достаточно оригинальные, неопубликованные записи фактов бытовой, хозяйственной и духовной жизни русских и пермяков.

Принципы публикации текстов.

При подготовке текстов к публикации мы стремились передать особенности фонетического написания слов, устных выражений, которые автор записывал от информантов, отражающие народный говор. В некоторых случаях мы старались привести тексты Н. А. Добротворского к современным нормам орфографии и пунктуации, в том числе в написании окончаний прилагательных, местоимений, глаголов, авторское ударение, букву Ё (там, где она выделена автором), указания на диалектное произношение. Написание прописных и строчных букв в именах собственных, местоимениях, географических названиях, словах, имеющих отношение к церковной сфере, по большей части сохранено; любое наше исправление оговаривается в сносках. Написание числительных преимущественно дано как в рукописных текстах. Сохранены авторское подчеркивание и пояснения в текстах в скобках и в подстрочных сносках.

Наше вмешательство в текст рукописи касается написания через дефис сложных слов, предлогов, частиц с самостоятельными частями речи. Кроме того, предпринято разделение предлогов с самостоятельными частями речи, Ъ в конце слов снят, буква Ъ заменена на Е, І – на И, при необходимости И заменяется на Й.

В квадратных скобках расшифрованы сокращения, сделанные в рукописных текстах, восстановлены пропущенные буквы, слоги и слова.

В круглых скобках приводятся указания на листы рукописи. Сохранены авторские круглые скобки, в которых автором даны краткие поясняющие комментарии в текстах о местах записи и информантах.

Пометы. Знаком // обозначен конец листа. Помета <нрзб.> используется в случае невозможности прочтения слова.

Знаки препинания расставлены в соответствии с современными нормами. Произведена разбивка текстов на абзацы, выделены диалоги, прямая речь.

Система сносок. В сносках: 1) описаны случаи графического вмешательства в текст оригинала (зачеркивание букв, слов, надписыва-

вание поверх затертого текста, указание автора на изменение порядка слов в предложении, метки на полях, пометы автора и отдельные случаи редакторской правки); 2) сохранены авторские подстрочные сноски (как правило, это комментарии, расположенные в нижней части листа): текст курсивом с заключенной в скобки пометой «прим. Н. А. Добротворского»; 3) поясняющий комментарий автора, сделанный автором, дается в круглых скобках в тексте рукописи без помет.

Название текста, данное автором рукописи, выделено полужирным шрифтом. При отсутствии заглавия (в большинстве случаев) нами дано название полужирным шрифтом в квадратных скобках. Нумерация записей в каждой рукописи отдельная, в квадратных скобках представлена наша нумерация в случаях, когда нет авторской или текст имеет указание в квадратных скобках [БН] – без номера.

В тексте значение диалектных слов и слов на коми языке дается в сноске. Многие диалектные слова из рукописей имеются в словаре к рукописи «Особенности русского наречия в Орловском у. Вятской губернии. Собраны Н. Добротворским».

Археографические и историко-культурные сведения вынесены в комментарии. Приводится именной указатель.

Автор выражает искреннюю благодарность всем коллегам за помощь в подготовке сборника.

РАЗДЕЛ I. РУКОПИСИ Н. А. ДОБРОТВОРСКОГО

ЛЕКАРСТВЕННЫЕ СРЕДСТВА, ЗАГОВОРЫ И Т. П. (ОРЛОВСК[ОГО] УЕЗДА, ВЯТСКОЙ ГУБ[ЕРНИИ]) (6 стр.)

(Л. 1) 1. Что бы¹«обьяловеть»², т. е. лишить себя способности деторождения, здешние женщины пьют настой плакун-травы³. Цветочки у нее маленькие, светло-лиловые; листья узкие, продолговатые, покрытые черными крапинками – трава как будто вся в слезах, вечно плачет, оттого и получила свое название. Корень – телесного цвета, имеет по 4-5 маленьких отростков и очень похож на руку ребенка. Потому, вероятно, и пьют ее, чтобы ребят не было. Впрочем, здешние знахарки уверяют, что не только женщины, но даже и коровы, и овцы «яловеют», поевши этой травы. Попадается она очень редко, растет в «потных» местах⁴, в оврагах, на поймах, около озер, прудов, ключей и т. п. Мне удалось достать засушенный экземпляр этой травы; он и до сих пор сохраняется у меня.

(Записано в Колковской вол. дер. Лопаткиной).

2. Чтобы парень девку любил. Надо истопить баню пожарче и потом на полке пропотеть хорошенько. Когда пот выступит на груди, то снять его ложечкой, и «кануть» (т. е. капнуть) их 12 раз в кипя-

¹ Подчеркивание у Н. А. Добротворского.

² Обьяловеть – пск., твер. о корове, остаться яловой, без телка // Толковый словарь живого великорусского языка. В. И. Даль. – Москва: Изд. общ-ва любителей Российской словесности. – 1863. – Ч. 2. – С. 1216. «Яловица» ы. Сущ., ж. Овца, не давшая приплода // Материалы для объяснительного областного словаря вятского говора. Н. М. Васнецова. – Вятка, 1907. – С. 356.

³ Плакун-трава – дербенник иволистный (лат. *Lythrum salicaria*) – многолетнее травянистое растение, вид рода Дербенник (*Lythrum*) семейства Дербенниковые (*Lythraceae*). Применяется в народной медицине, а также как декоративное и медоносное растение.

⁴ «Потные» места – низинные влажные места.

ченую крещенскую воду¹, и при каждой капле приговаривать: «чтобы также кипело сердце раба Божия N о рабе Y, как вода эта кипела», и потом дать парню.

(Запис. в Пищальской волости).

3. Чтобы сделать лицо румяным, девушки здешние натирают его бадягой². В это время ею «заест, защи//плет (Л. 1 об.), так что и сама не рада будешь». Средство это употребляется очень редко, только в экстренных исключительных случаях, пот[ому] что оно вредно: лицо скоро постареет, морщинами «возьметса», синяки на нем будут.

(Запис[ано] со слов Катерины Семен[овны] Чарушниковой в г. Орлове).

4. Чтобы приворотить парня, нужно подать в церковь просфиру³ за упокой его, и потом, когда поп вынет из нее частичку, – съесть ее; парень будет хворать и сохнуть от любви. А чтобы отворотить парня, следует, наоборот, подать просфиру за здоровье и опять-таки съесть ее.

(Запис. в Пищальской волости).

¹ Крещенская вода – это обычная вода, которая после совершения особого молебна приобрела освящающие, благодатные и исцеляющие свойства. Молебен называется водоосвящением, или водосвятием. После молитв священника, троекратного опускания в воду креста и призывания благодати Святого Духа она становится святой.

² Бадяга – либо бодяга (лат. *Spongilla*), лекарственное средство, препарат животного происхождения, обладающий местным раздражающим, противовоспалительным и анальгезирующим действием. Получают высушиванием колоний пресноводных губок из семейства бадяговых (*Spongillidae*): озёрной бадяги (*Spongilla lacustris*), речной бадяги (*Ephydatia fluviatilis*). Назначается при гематомах.

³ Просфира – Просфорá, устар. просвира́ (др.-греч. *πρόσφορά* – «приношение»; мн. ч.: прósфоры) – богослужебный литургический хлеб, употребляемый в православии для таинства Евхаристии и для поминания во время Проскомидии живых и мёртвых. Своим происхождением просфора уходит в глубокую древность. В Ветхом Завете упоминается заповедь о принесении хлеба в жертву: «пусть он приносит в приношение своё квасный хлеб, при мирной жертве благодарной» (Лев. 7:13). В скинии Моисея находились хлеба предложения (пресные), состоящие из двух частей, что символизировало хлеб земной и небесный, то есть два начала, Божественное и человеческое.

5. От родимча или перполоха¹. Нужно хорошенько натопить баню и потом выпарить в ней ребенка новым венником, – парить и приговаривать: «Березка матушка сама себе рубашку наживает, березка зеленеет, кудрявеет, и рабе божией (имя и отчество ребенка) что тельцо здорово, чтобы тельцо едренело²; – чтобы с белого тельца из ясных очей из черных бровей (по др[угому] варианту: с соколиной бровки, с соболина глазка) вода сошла и худобу снесла. Чирище³, урочище⁴, озевище⁵, – от ныне до веку чтобы // (Л. 2) их не было». Потом взять нитяную петлю и в нее продеть ребенка три раза. Кто-ниб[удь] посторонний должен спросить при этом: «баушка⁶ (или тетушка), что снимаешь?» – «Переполох снимаю, отвечает баушка, чтобы от ныне до веку до смёртушки до самой не приставала». – Это средство в ходу большом не только у крестьян, но даже и в самом городе. К фельдшарам и докторам за медицинской помощью, в случае детской болезни, обращаются здесь очень редко, – не более как в одном случае из 100.

¹ Под этим именем не разумеется какой-либо определенной болезни. Родимчем называют вообще – всякую детскую болезнь, кроме оспы и кори, и так образ. Все болезни детей лечатся одним способом. Оттого что может быть здесь и сильна смертность в возрасте от 1 до 5 лет (прим. Н. А. Добровторского). Родимчик – болезненный припадок у маленьких детей, сопровождающийся судорогами и потерей сознания. Переполох – испуг у детей. Некоторыми симптомами испуг отличается от родимчика, однако, оба насланы «людьми с дурным глазом». К дурному глазу восприимчивы чаще всего дети.

² Ядренеть – несов. крепнуть, становится сильным, здоровым (о человеке) // Областной словарь вятских говоров (далее – ОСВГ). Вып. 12. Ц–Я. – Киров: ООО «Радуга-ПРЕСС», 2018. – С. 174.

³ Чирый (чирище) – фурункул, это острый гнойный воспалительный процесс, поражающий волосяные фолликулы, а также прилегающие к ним мягкие ткани и сальную железу.

⁴ Урок (урочище) – суеверное представление о порче, наводимой через слова и речь; недобрый завистливый взгляд, сглаз, насылание болезни.

⁵ Озевище – зурочить, сглазить, испортить злым помыслом, худым глазом, произн. озёвать, вост. озепать и озяпать. Озёпали парня, уроки напали. Озева ж. арх. озёв м. вост. озевище вят. озеп, озепище м.

⁶ Баушка – бабушка.

6. Заговор от «урока», «сглаза»¹. «Я встану, раб Божий, перекрещусь благословлюсь; выйду из избы в дверь, становлюсь на правую сторону. Вокруг меня стоят столбы заплотины укладные², с 39 замками, с 39 ключами. Я пойду в океан-море, брошу прямо в рот щуку-белугу (Sic!). Кто может вытащить на берег, тот меня может поднять и укрепить. Колдун укрепи (имя рек) душу и тело, легкое и печень. Будет мое слово ймко³ и крепко от ныне до века». Этот заговор «шептунья» читает потихоньку над водою, к[ото]рую потом и дают выпить больному.

Запис[ано] в с. Великорецком.//

(Л. 2 об.) 7. Еще средство, чтобы не забеременеть. Есть трава «площица годовая»⁴, растет на горках, на веретях (холм), лист широкий, по земле будто стелется; ее называют иначе «главной травой». Нужно запарить в горшке али в затирнике⁵ и потом пить.

¹ Урок, сглаз – порча (от портить) – суеверие, основанное на вере некоторых людей во вредоносное магическое влияние со стороны недоброжелателей. За результат влияния принимаются болезнь, смерть, психическое расстройство, уродство, расстройство дел и добрых отношений, расторжение договоров. Порча наводится посредством недоброго взгляда (сглаз) или с помощью магического ритуала (обряда, наговора), через пищу, вещи, воду, ветер, дерево. Суеверия и мифы о существовании порчи, а также о возможности уничтожения такого влияния (снятия порчи) в различной степени распространены у многих народов. Другие названия – урбк, переполбх, прикбс, ураз, призбр, осуд, озев/озев, пристрет, притка/притча.

² Столбы заплотины укладные – «заплот и заплотник», м. 1. Плотный бревенчатый или дощатый забор между двумя строениями. 2. Изгородь. 3. Плотина; запруда. 4. Запор. Бревно, закрывающее ворота // ОСВГ. Вып. 4 / под ред. З. В. Сметаниной. – Киров, 2006. – С. 139, 140.

³ Имко – ёмко, нареч. качеств. количеств. 1. Будучи способным вместить большое количество чего-либо.

⁴ Площица годовая – Вшивая трава, вшивица ж. растен. *Padicularis*; сокорица, мытник, шелудивник, медовая трава.

⁵ Затирник – затирка, затерка пск. кадушка или кадочка (в чем затирают?). Затирный, затирочный, к затирке относящийся. Зитирная кадка, в которой готовится насолод, для пива // Толковый словарь живого великорусского языка В. И. Даля. – Москва: Изд. общ-ва любителей Российской словесности, 1863. – Ч. 1. (А–З). – С. 581.

8. Чтобы забеременеть, – для этого употребляется также трава площади, но площадь совсем другого сорта, так наз[ываемая] «площадь месяшная»; растет в низких местах, лист также широкий. Как только начнет ее пить, через месяц же понесет, т. е. забеременеет. Ни той, ни другой площади мне самому видеть не привелось.

(Запис[ано] в дер. Крыничих).

9. Магнит, или по здешнему произношению мамнит, нашел смешное применение у здешних знахарок. Он употребляется одной из знахарок для «приворотта». Для этого она варит его в воде, нашептывает что-то над ним и дает девице, которой хочется приворотить какого-либ[о] парня. Говорят, действует. Крестьяне убеждены, что мамнит завезен сюда «из Антихристовой страны»: «там и камни то не лючки¹...».

10. Чтобы тоску напустить, девку приворожить. «Стану я раб Божий (такой-то, имя рек) благословясь, пойду перекрестясь из избы во двор, из двора во частый лес. Во частом лесу кап//кан (Л. 3) стоит, а в капкане тоска сидит. Я возьму той тоске помолюся, помолюся, поклонюся: ты подь², тоска, навались сухота – великая печаль, на рабу Божию (имя рек), чтобы она, раба Божия, не могла ни пить, ни есть, ни спать, ни ткать, а все бы обо мне, рабе божьем (имя рек), тосковать. Штобы слово мое крепче камня было, штобы летело оно в ретиво сердце, в горячую кровь рабы божией (имя рек)». Этот заговор должен говорить сам парень, повторяя его вслед за шептуньей³.

(Зап[исано] в самом г. Орлове).

11. Чтобы присушить девку. Для этого весной, когда деревья «в соку» бывают, срезают березовую «вичку» (прут небольшой) и ставят его у иконы, приговаривая: «Как вичка будет сохнуть, так

¹ Лючки – лючки, люцки, нар. Ладненько, правильнее, хорошенько // Материалы для объяснительного областного словаря вятского говора. Н. М. Васнецова. – Вятка, 1907. – С. 127.

² Подь – пойдн.

³ Шептунья – шептунья, ж. Женщина, обладающая способностью колдовать или лечить заговорами. Орл.+ Афн., Ктл., Лз., Нлн., Нгр., Пжн., Свт., Слб., Шбл., Юрн. // ОСВГ. Вып. 12 / под ред. З. В. Сметаниной. – Киров, 2018. – С. 232.

чтобы сохла раба Божия (имя рек) по мне, рабу Божьему (имя рек). Аминь, аминь, аминь.

12. Чтобы мужа с женой разлучить. «Соломон царь¹ по улке ходил, Соломон-царь камешки бросал, – камешки-раздоринки. Куды² бросит, тут раздор идет. Ты «батюшко, Соломон-царь, ты хитер и мудер, разлучи ты раба Божия (имя рек) с рабой Божией (имя рек), чтобы за одно не думали, не гадали, на одно поле не ходили, одной ложкой не хлебали, чтобы он ей неспокудлив³ (Sic!) был, а она – как люта⁴ медведица. Чтобы день коротали они на улице, а ночью – о царевом кабаке, чтобы // (Л. 3 об.) опостылела ему так, как паут⁵ лесной. Чтобы не спал он с ней на одном изголовьице, с титьками не играл, в кари очи не целовал. Слово мое лепко⁶, крепко».

13. От зубной боли. Ходят на колокольни и грызут зубами самый большой колокол, приговаривая: «Колоколушко, батюшко, вызвони мою зубную боль», – и так до трех раз. Потом, сходя с колокольни, следует произнести три раза «Богородицу».

14. Та же. Один старый чиновник так вылечивает зубную боль. Он пишет на маленьких клочках бумажки слова: «матафит гафит каталехо маттаии тафрас»⁷ и потом велит положить бумажку на зубы.

¹ Соломон-царь – третий еврейский царь, правитель объединённого Израильского царства в период его наивысшего расцвета. Сын царя Давида и Вирсавии.

² Куды – куда.

³ Нespoкyдлив – есть слово «скудать – гл. сред. Нищать, приходиться в бедность; начинать прихварывать // Материалы для объяснительного областного словаря вятского говора. Н. М. Васнецова. – Вятка, 1907. – С. 292.

⁴ Лют – о животных свирепый, кровожадный, хищный.

⁵ Пауты – из породы слепней (прим. Н. А. Добротворского).

⁶ Лепко – Лепый, церк. стар., а изредка и ныне употребляется в смысле: хороший, красивый, прекрасный, благовидный; лепший, лучший.

⁷ «Матафит гафит каталехо маттаии тафрас» – записи на бумаге часто использовались для усиления заговоров. Н. Познанский писал: «Спасительные надписи иногда бывают очень кратки и в этом случае уже очень близко подходят к другому виду надписей, известных под именем „абракадабр“. Самое слово „абракадабра“ имеет магическую силу. По нему стали называть и другие непонятные слова (или набор непонятных слов и даже просто

Практику имеет большую, лечит удачно и сам непоколебимо верит в таинственный смысл слов, хотя и не понимает, кажется, их значения.

[Б. Н.] От поносов здешние крестьяне употребляют желуди. Для этого их кладут в горшок и заливают водой; затем горшок герметически закупоривают, залепляют густым ржаным тестом и ставят в печь на ночь. Затем этот настой дают пить больному. От поносов же едят черемху¹.

[Б. Н.] От горячки поят настоем зверобоя. //

(Л. 4) [Б. Н.] От катара желудочного², который здесь очень распространен, употребляют «белт», т. е. сулему³, в довольно густом растворе. Выпив несколько глотков, больной запивает сейчасом молоком, но все-таки продолжительное пользование этим средством значительно вредит здоровью и расслабляет организм: «нутро гадит больно».

членораздельных звуков), обладающие такую же репутацией магической силы. Часто они оказываются искаженными греческими или латинскими словами. Попадают слова восточного происхождения. Есть основание думать, что европейские абракадабры имели своей родиной древний Восток. И там, вероятно, они представляли тот же самый вид священных надписей, какой в настоящее время представляют у нас надписи из имен Христа и святых. Потом, переходя от одного народа к другому, они распространились по всей Европе; смысл их забылся, форма исказилась. И, когда таким образом народились „абракадабры“, в подражание им стали создавать новые, состоящие уже из простого набора членораздельных звуков. Абракадабре часто придается какая-нибудь вычурная форма». Познанский Н. Заговоры: Опыт исследования происхождения и развития заговорных формул / Ст., примеч., сост. списка источников Ф. С. Капицы. – Москва: Индрик, 1995. – С. 71 (Ре-принт. изд. 1917 г.).

¹ Черемха – черемуха и ее плоды, ж. Снч., Свт. // ОСВГ. Вып. 12 / под ред. З. В. Сметаниной. – Киров, 2018. – С. 42.

² Катар желудочный – буквально «воспаление желудка».

³ Сулема – суш., ж. мышьяк, вообще – яд // Материалы для объяснительного областного словаря вятского говора. Н. М. Васнецова. – Вятка, 1907. – С. 307.

[Б. Н.] От катарра желудочн[ого]. Употребляют также лобазник (донник)¹; трава эта – высокая, растет в елохе², на потных, сырых местах.

[Б. Н.] От запоров катарральных³ и простых в большом худу сыворотка.

[Б. Н.] От грыжи – местные знахарки дают внутрь крепкую водку в незначительных количествах, отпаивая после большого молока.

[Б. Н.] От лихорадки лечатся калиной и осиновой корой.

[Б. Н.] Вересовые ягоды⁴ пьют в отваре от одышки и когда человек чахнет.

[Б. Н.] От головной боли пьют отвар из рябиновых ягод⁵, или просто едят эти ягоды мерзлыми, если дело происходит зимою.

(Если головная боль происходит от загорания желудка, то, нет сомнения, рябина должна помочь, пот[ому] что она «слабит», т.е. ускоряет пищеварение и усиливает отделение желудочных соков). //

(Л. 4 об.) [Б. Н.] От желтухи лечат вшами. Отваривают их для этого в горячей воде и пьют.

¹ Лобазник (донник) – Лабазник, или Таволга (лат. *Filipéndula*), – род крупных многолетних корневищных холодостойких трав семейства Розовые (*Rosaceae*). Насчитывается 13 видов (по данным на 2023 г.), произрастающих в Северном полушарии; Донник лекарственный (лат. *Melilótus officínalis*) – двулетнее травянистое растение, вид рода Донник семейства Бобовые подсемейства Мотыльковые.

² Елох – м. топкое низменное место, болотистый покос // ОСВГ. Вып. 4. Е–И / под ред. З. В. Сметаниной. – Киров, 2006. – С. 12.

³ Запоры катарральные – хронические запоры.

⁴ Верес – можжевельник, род вечнозелёных хвойных кустарников и деревьев семейства Кипарисовые. Ягоды – шишкоягоды растений из рода можжевельник.

⁵ Ягоды красной рябины широко применяются в народной медицине. Наиболее часто настои и отвары используют для снижения кровяного давления, лечения малокровия, анемии и сердечной недостаточности.

[Б. Н.] Кравовик или кровяник¹. Камень такой есть, красного цвета, продается в москательных лавках; дорогой камень; когда уронишь его – звенит, как гривенник – серебряный. Полезен от ушибов. Скоблят (ножу он легко поддается) его и, разводя в отварной воде, мажут ушибленное место. Сам я этого камня не видел.

Собр. Н. Добротворский //

(Л. 5) **Пословицы (Вятской губ., Орловского у.)**

Аввакум сказал наобум, а ты бери себе на ум.

Баба цена – грош, да дух – от нее хорош.

Базар цену ставит.

Без труда на вытащишь и рыбки из пруда.

Блины пекла да со двора стёкла.

Блин – не клин, брюхо не расколет.

Было ремесло да хмелем заросло.

Все под Богом ходим.

Другие женятся, а у нас хоть очи светятся.

Его пестом² в ступе³ не попадешь.

За мухами не с обухами.

Молчи, коли Бог убил.

Кабы не Бог, так и медведь-от бы в лесу сдох.

Кабы не клин да не мох, так и плотник-от бы сдох.

Клин плотнику близкая родня приходится.

(Плотников здесь очень много, – в подгородних селениях около 25 % всего населения. У них особый цикл пословиц и песен).

Как выть, так тому и быть.

Каково угощенье, таково и приглашенье.

Из-за гроша не вылетит душа.

Наш Ондрей всех мудрей.

Не ровны и пальцы на руках. //

¹ Кравовик (кровяник) – м. минерал, плотная тёмно-красная разновидность гематита; поделочный камень, используемый и в качестве полировочного материала. В народной медицине применяли для снятия воспалений и нарывов с ран, а также его свойства использовали при ожогах и переломах.

² Пест – короткий тяжёлый стержень с округлым концом для толчения чего-нибудь в ступе.

³ Ступа – инструмент для толчения и растирания чего-либо.

(Л. 5 об.) Николу в полу, Христа в уста – и пошел по улице.
Ни шатко, ни валко, ни на сторону.
Ныне весь разум в водке.
Ласковое-то теля¹ две матки сосет.
Мало то есть, да и полагало то здесь.
От своих трудов праведных не наживешь палат каменных.
(Поэтому богатство здесь объясняется всегда чем-нибудь необыкновенным и даже сверхъестественным, кладом или, наконец, убийством, воровством, но только не трудом праведным).
От труда не будешь богат, а будешь горбат.
Первая-то рюмка – колом, а вторая соколом.
Пей да дело разумей. – Пить пей да ума не пропей.
Правда то ноне² сгорела, – один дымок остался.
Правду то судьи слопали, оттого у них и брюхо толсто.
Ретивый-то конек наезжает на пенек. //

(Л. 6) Руби дерево по себе.
Сапожник стяжек стегнет да рубль возьмет; стегнет два – ан глядишь рубля полтора.
Склался³ с коробля на крошки.
Смерть – окладное дело.
С ним говорить – что в мешок солнышко ловить.
Словно вчера родился.
Сорок лет – и бабий век.
Собой цены не установишь.
Табашники – не как калашники, всегда поделятся.
То не сбережешь, что жидко замесишь.
Торговали кирпичом, да и остались ни при чем.
У Бога широко и глубоко, да у нас то узко.
У бабы семьдесят две увертки в день.
Чей хлеб, того и земля.
Чужое то добро в страхе живет.

¹ Теля – теленок.

² Ноне – ноне, понесь, нонеча, нонче, нонечи, и нынеча. Нареч. 1. В настоящее время, теперь; нынче. 2. Сегодня // ОСВГ. Вып. 6 / под ред. 3. В. Сметанной. – Киров, 2011. – С. 252, 253.

³ Склался – класть – помещать, в данном случае переложил.

Хозяйство вести – не портками трясти.
Тело на жилах, земля на поземе.
Что чему повинно: кисель молоку, а шея кулаку.
(Собрал Н. Добротворский) //

(Л. 6 об.) **Загадки, записаны там же**

Что в избе с колом? (Кошка с хвостом)¹.
На одной ноге стоит, а на всю избу глядит. (Светильня, светец²).

Бел, кудряват, слез под кровать, стал хохол раздувать. (Веник).

Что на спичку не повесишь? (Яйцо).

Что в коробеечку не запрешь (Солнечный луч).

Пять-пять овец сено теребят, пять-пять овец труху подбирают
(Процесс пряжи).

Легит баба вся в заплатках; кто ни пошевелит, всяк заплачет.
(Луковица)

Пан панович пал на воду, воды не замутил и рыбы не разбудил.
(Дождь)

Из избы комоло³, с улицы рогато (Углы у избы).

Идет свинья от овина в два (Sic!) рыла (Ночевки⁴, на которых тесто катают и месят).

Через избушку – струнка. (Солнечный луч).

¹ Ответы заключены в скобки составителем.

² Светильня, светец – м. 1. Подставка для лучины, освещающей жилые, а также приспособление с укрепленной в нём горячей лучиной, то же что и светильно // ОСВГ. Вып. 10 / под ред. З. В. Сметаниной. – Киров, 2016. – С. 39.

³ Комоло – безрогий, не имеющий рогов.

⁴ Ночви – сущ. ж. ночвы – отлогий, развалистый липовый лоток овальной формы с ручками на удаленных частях. На ночвах сеют муку для затвора квашни; на них же валяют тесто для караваев // Материалы для объяснительного областного словаря вятского говора. Н. М. Васнецова. – Вятка, 1907. – С. 157; Ночевки – ночви, ночвы, ночёвки, ночевни, мн., ночёвка и ночва, ж. 1. Корытце, долбленный деревянный лоток для различных хозяйственных надобностей (для просеивания муки, для очистки зерна от мелкой шелухи, замешивания теста и т. п.) // ОСВГ. Вып. 6 / под ред. З. В. Сметаниной. – Киров, 2011. – С. 256.

Поутру встал, лоб ласкал (Засканные рукава у женщин, когда те
месяц хлеб в квашне¹).

Запис[ал] Н. Добротворский

Комментарии

Лекарственные средства, заговоры и т. п. (Орловск[ого] уезда, Вятской губ[ернии]). АРГО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 37. Л. 1–7. 12 стр. в четверку. (Получено в 1882-м г.).

Народная медицина; средства от беременности, для присухи, от родимца; заговор от урока или сглаза; чтобы мужа с женой разлучить, от зубной боли, от поноса и некоторых других болезней. Ряд пословиц и поговорок; 12 загадок; записано без соблюдения особенностей местного говора.

1. Что бы «объяловеть»... Л. 1.
 2. Чтобы парень девку любил. Л. 1.
 3. Чтобы сделать лицо румяным... Л. 1–1 об.
 4. Чтобы приворотить парня... Л. 1 об.
 5. От родимча или перполоха. Л. 1 об.–2.
 6. Заговор от «урока», «сглаза». Л. 2.
 7. Еще средство, чтобы не забеременеть. Л. 2 об.
 8. Чтобы забеременеть... Л. 2 об.
 9. Магнит... Л. 2 об.
 10. Чтобы тоску напустить, девку приворожить. Л. 2 об.–3.
 11. Чтобы присушить девку. Л. 3.
 12. Чтобы мужа с женой разлучить. Л. 3–3 об.
 13. От зубной боли. Л. 3 об.
 14. Та же. Л. 3 об.
- [Б. Н.] От поносов. Л. 3 об.
[Б. Н.] От катара желудочного. Л. 4.
[Б. Н.] От катарра желудочн. Л. 4.
[Б. Н.] От запоров катарральных. Л. 4.
[Б. Н.] От грыжи. Л. 4.
[Б. Н.] От лихорадки. Л. 4.
[Б. Н.] Вересовые ягоды. Л. 4.
[Б. Н.] От головной боли. Л. 4.

¹ Квашня – ж. деревянная кадка для теста.

[Б. Н.] От желтухи. Л. 4 об.

[Б. Н.] Кравовик или кровяник. Л. 4 об.

Пословицы (Вятской губ., Орловского у.). Л. 5–6.

Варианты вятских пословиц опубликованы в разных изданиях: Трапицын И. «Народный нравоучитель». – С.-Петербург, 1864; Васнецов В. М. Русские пословицы и поговорки в рисунках. – 2-е изд. – Москва, 1913. – 85 л.; Лузянина Л. Н. Пословица не зря молвится // Энциклопедия земли Вятской. Т. 8: Этнография, фольклор / Сост. В. А. Поздеев. – 1998. – С. 543–551.

Загадки, записаны там же. Л. 6 об.

ДЕТСКИЕ ИГРЫ (6 стр.)

(Л. 1) 1. Квач¹ (бежки). Играют только самые малые дети, от 4 до 8 лет. Для того чтобы выбрать «водильщика», складывают кольцом указательный и большой палец и в это кольцо плюют. У кого слюна заденет палец, тому и «водить», т. е. ловить других, которые будут бегать. Если же все попадут в кольцо и плевков не остался на пальце, то начинают «считаться»

«Бегла пена
Из-за моря,
Стала бить,
Колотить
Царь царицу
Королицу,
Сахарок
И медок.
Выди вон
Королек!» //

(Л. 1 об.) «Королек» выходит; за ним другой; третий и т. д. Оставшийся должен «водить».

2. Испрятышки. «Считаются» так.

Заец белый,
Куды бегал?

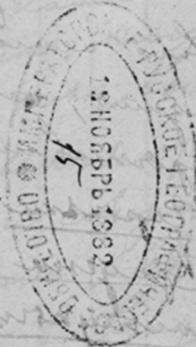
¹ Квач – в значении игры в салки зафиксировано в современном Нагорском районе // ОСВГ. Вып. 5 / под ред. З. В. Сметаниной. – Киров, 2011. – С. 37.

Драмский миф (6 стр.)

1
1
X. 38

1. Кварц (Бродяжки)
слова эти, ~~они~~ ить 4 до 8 лет
для того что бы играть "в
шарика", складывают кобылиц
указательной и большой палец
и в это кобыцу вставляют. У кого
слова заданная палец, тому
и "ведит", т. е. ловит дружка,
которое будет играть. Если же
все попадут в кобыцу 2
и палец не выйдет на палец
цель, то начинать "снова"

Берега моря
Иль-за моря
Слова будут
Кобылицы
Царь царю
Коробку
Сахарок
И медок
Кочка вонь

Рукопись «Детские игры». АРГО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 38. Л. 1.

– В лес по лычко.

Чем драл?

Куда клал?

– Под корыто.

Кто украл?

Родивон,

Поди вон.

Кто остался и вон не выходит, тот водит, ищет спрятавшихся товарищей.

[Б. Н.] **[Считалка]** (Л. 2, лист другого формата)

Еще «считаются» так:

Первинчики, другенчики,

Летели голубенчики.

На калубе, на елубе,

На сучок бережок,

На мотольце рожок.

Прело, горело,

По-за морю летело.

Пин-пин, соколянкин сын,

Соколянка-дворянка, –

Сокол, вылетай!

[Б. Н.] **[Считалка]**

Перводан, другодан, на колоде барабан. Пятьсот судья Катерина *дья* (Sic!) Прело, горело, позади ле//тело (Л. 2 об. лист другого формата). Пьян Касьянка, сынок соколок, поди вон уголок.

[Б. Н.] **[Считалка]**

Раз, два, три, старая баба ты; низко летела в болото засела, уточек приела, олик (должно быть: орлик) вылетай! //

Продолжение (Л. 1 об.) 3. Горелки. Играют дети и взрослые.

4. Краденые палочки или палочка-застукушка. Игра происходит у какого-ниб[удь] здания. Водильщик остается на одной стороне // (Л. 3) его; все прочие играющие убегают на другую и там прячутся, кто как умеет: кто залезает на крышу, кто под амбар, кто в траву ложится, кто в солому заберется. Когда наконец все спрячутся и крикнут: «поди!», водильщик идет искать. Увидя кого-ниб[удь], он бежит скорее на переднюю часть здания и стучит в стену приготовленной

заранее палкой, торжественно провозглашая имя найденного. Если он при этом ошибется и скажет, что видел Алексея, тогда как, на самом деле, видел Ивана, то все вылезают из своих нор и собираются на общее обсуждение. «Обозначка» ставится всегда в вину водильщику, и играют опять // (Л. 3 об.) идут прятаться. Но вот наконец водильщик нашел и успел застучать одного, другого, третьего. Тогда товарищи спешат к попавшимся на вырчку стараются подбежать к палочке незаметно для водильщика и застучать всех. Если кто успеет сделать это, все освобождаются, и игра начинается снова при старом водильщике. Если же, не смотря на все старания, этого сделать не удастся, то водильщик сменяется; его место заступает первый, кого он застучал.

5. Ляпки (бежки). При этой игре назначают где-ниб[удь] место убежища, так называемое «сало», – у дерева, напр[имер] // (Л. 4) на крыльце, на подъезде и т. п. Каждый играющий сюда может прибегать для отдыха и водильщик не смеет здесь его тронуть.

6. На матках. Так называют здесь игру в лапту.

7. Даровки. Игра мячом. Один бьет локтой (лаптой) в мяч, другие – ловят руками, или «в подол», или, наконец, штанами. Кто изловил мяч, тому и «чикать!».

8. В накатыши. То же что и в даровки. Только здесь изловивший мяч должен попасть в локту, плашмя положенную на землю, с того места, где ему удалось поймать мяч. «Троичная землянка» (т. е. // (Л. 4 об.) когда кому-ниб[удь] удастся три раза с подряд поймать мяч не с локты прямо, не с воздуха, а с земли) дает право на «чиканье».

9. В выхода. Игра мячом в пристенок. В этой игре отделений – «разов»:

- 1) бросают мяч в стену и ловят обеими руками – три раза;
- 2) три раза бросают мяч в стену и ловят одной рукой;
- 3) бросают мяч на воздух вертикально и ловят обеими руками – три раза;
- 4) так же – одной рукой, – два раза;
- 5) бросают мяч через левую руку и ловят правой – три раза;
- 6) – через правую ногу – три раза; //

(Л. 5) 7) – опять в стену, правой рукой отшибают назад и потом ловят обеими руками;

8) – то-же, но ловят одной рукой.

Эти две последние фигуры называются «сдвоивать».

9) бросают опять мяч в стену и вместо того, чтобы ловить, подставляют под него свою голову – три раза.

Кто не успеет выйти в этой игре, не проделал всех этих фигур, того ставят к стене и бросают мячом в спину, каждый по 15 раз. – «В выхода» играют не только дети, но порою и взрослые, особенно в городе.

10. В круговеньку. Игра мячом. Все становятся кругом, в середине – водильщик. В него начинают бросать мяч. Если он успел поймать мяч или по крайней мере // (Л. 5 об.) поднять его в круге, то с него снимается «воженье»; водит тогда тот, по чьей оплошности «вышел» водильщик. Очень часто случается, что водильщика положительно «замучают», забывают жестким мячом до слез, особенно если он не ловок и не расторопен.

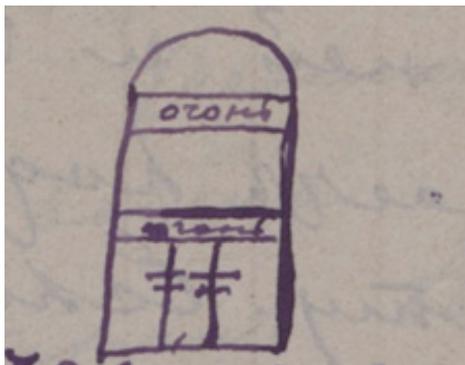
11. В козонки, или в бабки.

12. В лодыжки – в карты (стуколка) и «в розброс». В карты играют уже подростки, парни; а «в розброс» – малые дети и старики.

13. В городки. Играют в 10 городков. Об игре в один городок не имеют никакого понятия.

14. В цари. Эту игру приходилось нам не раз видеть и в центральных губ[ерниях]: во Владимирской, Московской и Рязанской. // (Л. 6) Игра старинная. Состоит она вот в чем. Острой палкой рисуется на земле такая фигура:

Аришина 3 длины и 1 ½ ширины. Потом берут *козенок*, или *лодыжку*, и бросают ее в первую нижнюю «ласту» с правой стороны и затем скачут в ворота за нею на одной ноге и вышибают из ласты. При этом нужно вышибить лодыжку не в бок, а к воротам, откуда она

была брошена и откуда началась скачка. Строго также наблюдается, чтобы ногой не ступать на черту: это значит «сгореть»; в таком случае бросает лодыжку и начинает скакать другой. За правой // (Л. 6 об.) ластой следует левая. Удачно выбивший лодыжку из правой, бросает ее во вторую и снова скачет за ней и вышибает. Затем бросает лодыжку в третью ласту. Если при этом она попадет в «огонь» – маленькую узенькую полоску, лежащую между широкими ластами, значит дело сгорело; начинает бросать другой. Кто удачно попадет в третью ласту и сразу вышибет козенок оттуда, тот становится царицей. 4-я ластва дает звание царя. При этом ни в первый ни во второй «огонь» ступать ногою не дозволяется. Огни нужно непременно перескакивать. Это игра мудреная; для нее нужен особый навык. В цари играют только мальчики 10–14 лет. //

(Л. 7) 15. В войну. Игра недавнего прошлого. Вызвана последней русско-турецкой кампанией. Употребительна главным образом в школах. Ученики разделяются на два войска: русских и турков. Затем выбирают начальников – со стороны русских Скобелева¹, а со стороны турок – пашу² (заметьте: не пашу́, а пáшу) и начинается настоящее сражение, в котором льется настоящая кровь из разбитых носов и зубов. За последнее время игра эта выводится из употребления, пот[ому] что воспоминания о войне утратило свою первоначальную свежесть.

16. Чехарда и мала куча – обыкновенные игры школьников.

17. Змея бумажного пускать – составляет любимую забаву здешних ребят. С неимовер//ными (Л. 7 об.) усилиями достают они для этого лист бумаги, пускаясь иногда даже на воровство.

18. Скакать на доске – забава исключительно одних девушек с 7 и до 24 лет, т. е. вплоть до замужества. Для этого кладется доска

¹ Скобелев Михаил Дмитриевич (17 [29] сентября 1843 – 25 июня [7 июля] 1882) – русский военачальник, генерал от инфантерии (1881), генерал-адъютант (1878). Участник Среднеазиатских завоеваний Российской империи и Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., освободитель Болгарии.

² Паша́ (сокращ. персидск. «падишах» – верховный правитель; – правитель) – высокий титул в политической системе Османской империи, в Египте (до 1952 г.) и некоторых других мусульманских государствах и странах.

на какой-нибудь чурбан; на концах становятся «ровные» – приблизительно одинаковые по весу девушки и начинают скакать, подпрыгивая вверх чуть не на целый аршин. Все доктора здешние отзываются, что это прыганье чрезвычайно вредно и губительно действует на здоровье. Искривление матки, встречающееся здесь так часто, объясняется именно этим скаканием на доске.

19. Рели или качели здесь в большом ходу.

Запис[ал] Н. Добротворский.

Комментарии

Детские игры (6 стр.). АРГО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 38. Л. 1–7 об.

Получено в Архив ИРГО в 1882 г., согласно каталожному заглавию, статья относится к Орловскому уезду. Описание 19 игр; несколько подробнее описаны; квач, испрятышки; крадена палочка, в цари, скакать на доске. Бумага писчая, вероятно, из школьных тетрадей: Л. 1, 2–7 в «клеточку», Л. 2 – «в линейку».

В сборнике Е. А. Покровского «Детские игры, преимущественно русские (в связи с историей, этнографией, педагогикой и гигиеной)» приведены 26 вятских детских считалок, 43 игровых приговора, песни, речитатива и другие жанры игрового фольклора.

1. Квач (бежки). Л. 1–1 об.

– Вариант: Покровский «Ловишки». С. 103.

– Способ разделения на команды приводит Покровский: «Плевки». С. Желаяющие участвовать в игре соединяют концы большого и указательного пальцев руки и плюют в образовавшееся от такого соединения пальцев кольцо: все те, у кого слюна пролетит в кольцо, не попав на руку, причисляются к первенствующей партии в игре, остальные к подчиненной. Способ этот преимущественно практикуется в Смоленской губернии». Покровский, с. 59.

– считалка «Бегла пена...» вариант: Покровский, с. 54.

Вариант концовки: Покровский, с. 54.

Тута

В чашке

Орешки,

Медок

И ледок.

Поди вон,
Сахарок (иные приговаривают Королек)
Вар.: Покровский «Прятки простые, Кулючки».
Вар. считалки несколько отличается: повторяется «четыре, пять... шесть, семь... восемь, девять, десять... стару бабу весят».
Покровский, с. 57.

2. Испрягышки. Л. 1 об.
Вар.: Покровский «Прятки простые, Кулючки».
Вар. считалки несколько отличается: повторяется «четыре, пять... шесть, семь... восемь, девять, десять... стару бабу весят».
Покровский, с. 57

3. Горелки. Л. 1 об.

4. Крадены палочки или палочка-застукушка. Л. 1 об. – 3 об.
Вар.: Покровский, Зоря, палочка-выручалочка.

(Б. Н.) [Считалка] Л. 2.

(Б. Н.) [Считалка] Л. 2.–2 об.

(Б. Н.) [Считалка] Л. 2 об.

5. Ляпки (бежки). Л. 3 об.–4.

Вар.: Покровский «Ловишки»

6. На матках. Л. 4.

Вар.: Покровский, Лапта.

7. Даровки. Л. 4.

Вар.: Покровский, даровки.

8. В накатыши. Л. 4–4 об.

9. В выхода. Игра мячом в пристенок. Л. 4 об.–5.

Вар.: Покровский, Выходы, выходцы, выводы, стенка об стенку, простенки, распинушка.

10. В круговеньку. Игра мячом. Л. 5–5 об.

11. В козонки, или в бабки. Л. 5 об.

Приведено только название игры.

Вар.: Покровский, Игры с костями.

12. В лодыжки – в карты (стуколка) и «в розброс». Л. 5 об.

Стуколка – карточная игра, цель игры: взять большее количество взяток. Стуколка, так называется игра потому, что игрок объ-

являет о своем желании играть не словами, а легким постукиванием костяшками пальцев о стол. Перед игрой игроки делают ставки. Ставка должна быть делима без остатка на три равные части (3, 6, 9, 12). Каждая игра стуколки состоит из трех взяток. Первый сдатчик определяется жребием, далее игроки сдают карты по часовой стрелке. Колода тщательно тасуется, снимается и каждому игроку сдается по три карты. Оставшаяся колода кладется в закрытом виде по центру стола и является прикупом, верхняя карта колоды открывается и кладется сверху нее, это козырь. Желающие играть объявляют об этом, те, кто пасуют, сбрасывают свои карты на стол. Когда очередь доходит до сдатчика, то он должен стукнуть или спасовать.

После этого начинается прикупка. Прикупка идет по кругу, каждый игрок может прикупить карты, а лишние сбросить. После окончания прикупки начинается розыгрыш. Игрок, которому принадлежит первый ход, должен ходить с козырного туза, если туза у него нет, а есть король сам-друг с дамой, то игрок должен ходить с короля. Следующий игрок, должен класть карту такой же масти, если такой карты нет, то игрок должен класть козырь, если нет козыря, то может ходить с любой карты. После розыгрыша всех взяток определяется победитель.

Игрок, который не взял ни одной взятки, ставит ремиз в размере всей находящейся на столе суммы. Его ремиз разыгрывается в следующей игре.

Игрок, который взял большее количество взяток, становится победителем.

«В разброс» – игра в «дурака». Цель игры сводится к тому, чтобы избавиться от всех карт. Игрок, которому это не удастся сделать, признается «дураком» (проигравшим). Перед началом кона карты необходимо перетасовать (перемешать).

Вар.: Бахирев, VII стуколка, с. 87; Дураки русские, с. 134.

13. В городки. Л. 5 об.

Вар.: Покровский, Рюхи, Чушки, Городки.

14. В цари. Л. 5 об.–6.

Вар.: Цари (Владимирская, Тульская губернии, Кубанская область), Царства (Пермская губерния), Котлы (Вятская, Астраханская губернии), Классы (школьное название). Покровский достаточно

подробно описывает игру «Цари» (с. 125–127) в разных губерниях. В Вятской губернии ее название «Котлы». Записанная Добротворским игра напоминает описание пермского варианта Покровского.

15. В войну. Л. 7.

Добротворский отмечает, что это игра недавнего прошлого.

16. Чехарда и мала куча. Л. 7.

17. Змея бумажного пускать. Л. 7–7 об.

18. Скакать на доске. Л. 7 об.

Вар.: Покровский писал, что скакание на доске встречается во всех странах Европы.

19. Рели, или качели. Л. 7 об.

СКАЗКИ, ЛЕГЕНДЫ, ПРЕДАНИЯ И Т. Д. (ОРЛОВСК[ОГО] У[ЕЗДА] ВЯТСКОЙ ГУБ[ЕРНИИ])

(Л. 1) 1. [Хотел один раскольник причастье расстрелять]

Хотел один раскольник причастье расстрелять. Как дал ему поп в церкви причастье то, он его не глотнул, выпустил изо рта, да и положил в карман. Пришел домой, взял ружье и пошел в лес. Положил причастье на пенёк, отошел маленько, может шагов на 20, да и хочет стрелять. Только и видит – на пеньке то человек, весь в белом, стоит. Он отдернул ружье – ан там никого нет. Он вдругоряд наметился – стоит тебе человек, да и шабаш. Что за чудо? Отвел ружье, посмотрел – никого. Он и в третей опять наметился – опять человек в белом весь. Так и бросил, не стал стрелять, потому // (Л. 1 об.) не станешь же стрелять по человеку. А кабы выстрелил – и убил бы Иисуса Христа, потому как это он и был в белом-то.

(Записано в Пинюжанской вол[ости] Орловского у[езда])

Другой вариант. Один человек был в лесу и нечаянно порезал себе руку топором. Кровь капнула на щепку. Он возьми да ту щепку и расстреляй. Только было наметил из ружья – глядь, ан на песке сидит перед ним красная баба, – вся красная, вот как брусника. Он испугался, тут же упал и умер. (Записана там же).

2. [О громе]

О громе сама Матерь Божия не знает, откуда он берется. Спрашивала она И[исуса] Христа об этом: «Скажи, де, сын мой возлюбленный, откуда это гром приходит к нам?». Христос ей и говорит: «Мати моя! Ты, говорит, три дни мучилась, как я мертвым был, – потому и не знаешь; а кабы // (Л. 2) ты, говорит, промучилась еще три дня – ну тогда бы тебе открылось это. А теперь тебе узнать (об этом) никак нельзя. Так и не сказал: «После де, узнаешь, как на страшный суд придешь».

А ноне многие пишут и говорят о громе, пытаются узнать тайны Библии. Грех это большой.

(Записана в с. Пинюжанском у раскольников).

3. [В богатстве правды нет]

В богатстве правды нет. Жил был плотник, один добрый был человек, все раздавал нищим. Пойдет, что выработает и отдает им: нате,

Л. 39.

Сказки, легенды, предания и т. д.
(Орловск. у., Вятской губ.)
Занес. А. Добронравен.
(Минск.)

15

1.

Команда одних раскольников пригласила
мужиков. Как даи ему намь вь уезд
пригласиле - то, они со не шлопнуть, вь
русских иль рѣка да и поволиль вь
кармань. Приметь дамоу, вѣль рудыи да
и приметь с лас. Поволиль пригласиле на
речку, аишеся маленько, мадеръ шаровъ
на 20, да и речку спускають. Можно и вь
днѣв - на речку по речку, вѣль вь вь
домъ, стонить. Ова андернука рудыи -
ань тамъ оного нѣтъ. Ова вь руду
наимѣнѣе ~~речку~~ - стонить мѣль речку
да и шаровъ. То да чудо? Ова вь рудыи,
раскольниковъ - мѣль нѣко. Ова и
стрѣнѣи овалъ наивѣнѣе - овалъ
речку, вь вѣль вѣль. Такъ и вь
иль, нефель спускають, потамъ

Рукопись «Сказки, легенды, предания и т. д. (Орловск[ого] у[езда]
Вятской губ[ернии]»). АРГО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 39. Л. 1.

дескать, мне не нужно. Вот ладно. Святые отцы и просят у Господа: «Дай, говорит, Господи плотнику богатство». Не знали вишь, они, что будет; а Бог ведь все это знал; от него не сукроешься. Ладно. Сидит плотник на бревне; тук да тук – ан хватъ деньги и посыпались из бревна-то. Он сейчас подобрал // (Л. 2 об.) их, богатым сделался... в Москву сичас товаров разных накупил, торговать стал; ну, и вестимо дом себе такой смахал, что, пожалуй, и у нас в Орлове не отыщешь. Только и приходят к нему святые отцы. А у него у ворот-то стоят, чтобы нищих никого не пропускать. Святые отцы прошли все-таки: еще бы, божия сила тоже. Вот ладно. Они тут к хрестьянину одному, что богачу прислугал. «Пустите, говорит, нас переночевать; так и так люди странные, издалека зашли». – «Нет, говорит, наш господин не любит нищих, взашей вас прогонит. А вот, коли хотите, ложитесь здесь, в хлеве, со свиньями». Встали как святые отцы на-утрò, да и взмолились Господу: «Господи, говорит, отними у него богатство». Ну, и отнял. Бог послушал их. Он опять в плотники пошел, милостив // (Л. 3) опять стал к нищей братии и так и прожил весь век¹.

(Записано в дер. Тороповой).

4. Сказание об Антихристе

Антихрист придет скоро. Он уж теперь народился, – народился из царского рода. Сидит в горе каменной, за 12 железными дверями, за 12 железными замками. Голод его мучит, пить ему там нечего, – вот он и грызет те двери с замками. 7 дверей прогрыз, осталось всего пять. А пока выйдет – и пойдет людей душить, да в веру свою обращать. Коли не захочешь, не поклонись ему, он тебе сперва сустав на пальце отрежет, потом другой, потом и весь палец отрубит; а коли и то не возьмет – совсем // (Л. 3 об.) замучит... – Смущать будет всякими дарами, денег даст, сколько хошь – только их не бери: «Бога прогневишь». Он любит играть в карты, и чай пить, и табаки (sic!) курить; пиры будет задавать своим-то, кто уверует в него, водкой напоит – только поди. Он как есть человек, вот хоть бы я, али ты; только ноги у него больно велики, словно у филима (филина). – Илья пророк сойдет с неба и станет биться с ним, огненный меч у него будет. Антихрист его поразит и голову ему отрубит. А как потечет кровь из Ильи пророка, – и загорится вся земля, и мы будем гореть в этом огне.

(Запис[ано] в с. Пинюжанском, у раскольников).

¹ Эта сказка, кажется, переделана с христианского сказания о каменотесе.

5. [Как мужик перехитрил черта]

Увидел леший мужика, да и говорит: «Поклонись мне!» – «Нет, говорит, ты мне поклонись сперва». Черт и говорит: «Ладно», // (Л. 4) только допрежь силами померимся, кому кланяться нужно». Ну, вот хорошо. Черт взял чурку да как бросил – она так в облако прямо и полетела, да там и засела. – «Ну, это, говорит (мужик), что! Нет ты вот посмотри, как я брошу у меня в небе засядет». Только замахнулся он, да и бросил – тихонько за себя. Черт глядел-глядел – нет ее, нигде не видит. – «Ну, говорит, ты, мужик, сильнее меня». Так и ушел из наших мест; больше уж и не видать его с тех пор.

(Запис[ано] со слов Александра Торопова, крестьянина дер. Тороповой).

6. Откуда медведи пошли

Жил-был злой помещик, у него была жена, тоже злая. Они всячески у крестьян денег добивались, к <нрзб.> ли их. Крестьяне боялись их пуще огня, бегали, как увидят. А им все мало было. Вот помещик и говорит жене: «Жена, // (Л. 4 об.) а жена! А как бы нам сделать, чтобы мужики нас еще больше боялись и денег больше давали». А она и говорит ему: «Давай сделаемся зверьми, каких люди еще не видывали». Вот и сделались медведями. Хорошо живут в лесу. Вот и пошел туда один мужик за ягодами, да и увидел их. Испугался очень, бросил коробицу, бежал в деревню: «Так и так, – орет, – православные, видел в лесу каких-то зверей; ходят на задних лапах, малину сосут». Мужики испугались. Уговорились идти в лес, всей деревней посмотреть, каки-таки звери есть. Пошли и видят медведи залезли на дерево; а там борт был; к меду, значит, они подбирались. Как увидели там их <нрзб.>, так и назвали их медведями: мед, значит, ведают.

(Запис[ано] в г. Орлове). //

(Л. 5) 7. О том же

Медведи допрежь того были такие же православные люди, как вот мы с тобой. Жили, вишь ты, в одном селении дед да баба; жили они бедным-бедно. Дом был у них развалющий, коровки совсем не было, на дворе ветер гуляет. Только вот пришла зима, холод пошел, сиверко¹, а у них и дров нет. Только берет тут мужик топор и в лес. «Дров, говорит, наколю, протопиться, по крайности, будет чем». По-

¹ Сиверко – северный ветер.

шел. Только колол, колол и подходит к березе одной – белая такая, заколдованная была. Тяп да тяп по ней, а береза и говорит ему: «За чем ты меня, старичок, рубишь? Так много здесь дерев других?» – «А ты, говорит, что за барыня? У меня всем деревьям честь-то одинаковая, что тебе, что сосенке». И опять тяп да тяп. «Не руби меня! Право слово, говорит, службу тебе сослужу, – какую // (Л. 5 об.) хошь службу... Скажи только, чего хочешь – все тебе будет». «Ладно, говорит. Коли ты уж такая добрая, так не оставь, сделай милость, дай мне богатства, лопоти¹ там, денег. А то я совсем бедно живу: нечем ни одеться, ни что...». Береза и говорит: «Поди домой, будет тебе богатство». Вот пошел. Хвать он дом-от у него новый, на дворе то кони, а на крылечке то жена разнаряженная сидит, дожидается его из лесу. Вот ладно. Живут они хорошо, едят, спят сладко. Только и думает дед: «Вот я теперь богат, ем сплю сладко, а все как-то не то... почету мало, не то, что староста. Дай, пойду к березе, не будет ли от её чего» Взял топор и пошел к березе. Приходит, опять тяп да тяп по березе. А она его спрашивает: «Что ты, дедушка? Соскучился на богатстве». «Оно и все бы хорошо, да почету мало. Нельзя ли // (Л. 6) стать мне старостой?». «Можно, говорит, отчего же. Поди домой, будешь старостой». Пришел – ан, там уже бумага лежит. Быть ему старостой. Хорошо. Много ли, мало ли прошло, только и смекает дед: лучше быть господином; господа то ничего не делают и податей не платят. Он к жене, – как тут быть. Подумали вместе, подумали, да и решили: ийти опять старику к березе. Пришел он опять в лес, топорик с собой взял.

Приходит к березе: тяп опять по ней. Она и спрашивает: «Что ты, дедушка?». «Да вот, красавица, не хотца мне быть старостой, и простым мужиком. Сделай ты меня дворянином». «Ладно, говорит. Поди домой, будет тебе и дворянство». Пришел мужик домой, глядь – ан, дом-от у него господский, каменной; у ворот слуги стоят, спрашивают: «Чего угодно?» А жена сидит в горнице, плис да бархат² на ней. Он стал с нею рядом, и стали они барами. Вот хорошо. Проходит, может, месяц // (Л. 6 об.) ли другой. Не хотца старику дворянином быть;

¹ Лопоть – одежда.

² Плис да бархат – плис (швед. plys от лат. pilus – «волос») – хлопчатобумажная ткань из грубой пряжи, с ворсом, похожим на бархатный, род хлопчатобумажного бархата.

чина захотелось. Идет опять в лес к березе. «Так и так, матушка-березушка, спасибо тебе за все. Только нельзя ли мне быть чиновником?» «Ладно, говорит, будет тебе и чин. Ступай себе домой». Не успел на порог ступить – приходит царев указ: награждает его царь чинами. Но ему и этого мало. Захотелось быть губернатором. И опять к березе. Она и спрашивает: «Что ты, старичок?» «Надоело, говорит, мне дворянство; все губернатору кланяются. Хочу быть сам губернатором». «Трудно это сделать. Ну, да уж ладно. Поди себе; будешь и губернатором».

Рад мужик, домой труской бежит¹, хватя, а там уж гонцы от царя к нему присланы. Ставит его царь губернатором. Зажил мужик губернатором, пиры, банкеты задает, делами ворочает. А все скушно, потому у царя под рукой. «Нет, говорит, пойду опять // (Л. 7) к березе. Пусть царем меня сделает».

Пошел, тяп-тяп ее топором. Она и спрашивает: «Что ты, говорит, дедушка? Чем недоволен?». «Да все бы хорошо. Спасибо тебе, наградила всем, в чины вывела. Только не хотца мне быть губернатором, нельзя ли в цари попасть?». «Что ты говоришь, опомнись. Всем тебя я убоготворила, а ты все хочешь еще, да еще. Ты подумай только, что был мужиком, дрова колол, а теперь губернатор стал. Будет с тебя, а царем тебе нельзя быть, потому как царь – помазанник²». «Нет, говорит, ты уж меня сделай царем, матушка-березушка. Я тебе в ножки поклонюсь». И бух в ноги. Береза и говорит: «Смотри, не проси, и остальное потеряешь». А дед все просит, не унимается, по земле ползает. «Сделай да сделай меня царем». «Ну, да, говорит, коли уж вы такие, так вот вам – ты будешь медведем, а жена медведицей. И ходите вы по лесу отныне до веку». Так и стал мужик с бабой // (Л. 7 об.) медведями. А кабы не жадны были и век людьми, православными были бы.

(Запис[ано] мною в с. Великорецком).

8. Отчего у человека в «нутре» грязно

Как сотворил Бог человека, человек чистый был спервоначалу, белой, ровно снег. И пустил его Бог в Рай: «Поди, говорит, гуляй тут,

¹ Труской бежит – бег трусцо́й – бег со скоростью 7–9 километров в час.

² Царь – помазанник – царя называют помазанником Божиим, потому что царя помазывали на царство, причем помазывали миром.

делай, что хошь. Только не грязнись, мотри¹. Вот те и лопоть чистая и сапоги, значит, и всё». Ладно, пошел человек. А тут – пыль, грязь. Измочился, обмарался весь и идет к Богу. Видит Бог, человек весь обмарался в грязи, взял, да и выворотил его // (Л. 8) грязью внутрь, а бело на ничку. И стало грязно в брюхе у человека.

(Записано в с. Соловецком).

9. Об Иване, сыне крестьянском и Марье-царевне

Жил царь и задумал он жениться. Заслал сватов, ну и женился. Вот ладно. Живет там с женой. И нужно ему ехать – там на войну что ли, али куды... Уехал, жену бросил. А жена-то уже беременна была; ему она не сказала. Уехал он, пробыл там 7 годов, потом еще сколько-то. Ну и едет домой, к жене, ворочается значит. Пить ему захотелось, – больно² захотел и он сам и лошадка. Подвернул к речке, напоил лошадку и сам пить стал. А тут Шумкало девятиголовое большое, черное // (Л. 8 об.)хватило его за бороду, да и держит его. И говорит ему: «Отсули³ мне, чего ты дома не знаешь, так отпущу тебя». Иван-царевич долго в голове перебирал, чего не знает дома. «Все, – говорит, – помню (sic!); и жена и хозяйство все – как быть». А про ребенка и не знал. Шумкало отпустил. Приезжает Иван-царевич домой. Ворота отворять вышла жена, ребенок с ей. Ну поздоровались, вестимо. «Чей, говорит, это робенок у тебя». «А это, говорит, твой робенок. Я забеременела тогда, тебе не сказала, а как ты уехал, он и родился без тебя». Вошли в избу, она стала на стол накрывать, уважала, величала его. Потом как отужинали, пошли в клеть спасть. // (Л. 9) Сын подходит и говорит: «Благословите меня, тятенька, мамонька». Благословили. «Поди⁴, говорит, сынок, ляг на кроватку». Ладно пошел он спать. Только снится ему: прилетают 31 птица с булатными крыльями, железным носом; постучали в кровать кры-

¹ Мотри – смотри.

² Больно – очень.

³ Отсулить – сулить что, кому, обещать, обнадеживать. См.: Толковый словарь живого великорусского языка: [в 4 т.] / [соч.] Владимира Даля. – 3-е изд., испр. и знач. доп., изд. под ред. [и с предисл.] проф. И. А. Бодуэна-де-Куртенэ. Т. 1–4. Санкт-Петербург; Москва: т-во М. О. Вольф, 1903–1911. Т. 4: С–V. – 1911. – 1619, XII, XVI с. – С. 630.

⁴ Поди – пойд.

лом, обчистили носики и говорят ему: «Не пора ли Иван, сын христьянский, спать, пора на работу вставать, куда тебя отец отсулил». На утро Иван царевич встал, умылся беленько, оделся гладенько, Богу помолился, идет к родителям: так и так говорит, тятенька, мамонька; видел я, говорит птиц с булатными крыльями, железным носом, прилетали, говорили: «Поди, слышь, куда тебе тятенька отсулил. Куда ты меня, тятенька, отсулил?» Отец ни гу-гу, помалкивает.

К ночи сын опять к родителям. «Благословите, говорит, меня, тятенька, мамонька, мне на покой». Ну, благословили. «Поди, говорят с Богом, сынок // (Л. 9 об.) от богоданный, ляг на кроватку, спи до утра» (sic!). Пошел, лёг. Только опять прилетают 32 птицы с булатными крыльями, с железными носами. Постучали крыльями в кровать, обчистили носики и говорят ему: «Не пора, Иван-царевич, спать, пора на работу вставать, куда тебя отсулили». Встал Иван-царевич, идет ко тятеньке мамоньке: «Так и так, говорит, привидилось (sic! должно быть, али грезилось) мне нонешней ночью, будто опять прилетали птицы с булатными крыльями, железным носом. Куда ты меня, тятенька, отсулил? Оне опять меня посылали...». Отец молчит.

Только вечером спать нужно ложиться, сын и просит: «Благослови, говорит, меня тятенька с мамонькой, мне спать идти».

Благосло//вили (Л. 10), ладно: «Поди, говорит, теперь спать, сынок». Лег он на кроватку, заснул. Только и опять прилетают 33 птицы с булатными крыльями, с железным носом; постучали в кроватку, очистили носики и говорят ему: «Не пора тебе, Иван-царевич, спать, пора на работу вставать, куда тебя отец отсулил». Встал на утриё¹, умывался беленько, одевался ладненько и идет к отцу: «Благословите, говорит, меня родители в путь дорогу. Я хочу идти, куда ты меня отсулил». Родители дают ему свое благословение. Попрошался он, пошел.

Ни близко, ни далеко, ни низко, ни высоко, шел-шел, видит: стоит избушка на веретенной пятке². // (Л. 10 об.) Он взашел в нее. Видит – сидит старушка. Помолился он Богу и сел на присестке³. Старушка и говорит ему: «Знаю я, Иван-царевич, куда ты путь держишь; только не могу помочь тебе. А живет там дальше моя сестра; к ней и поди.

¹ На утриё – на утро.

² Веретенная пятка – веретено имело утолщение на одном конце, для лучшего вращения.

³ На присестке – на скамейку у входа в избу.

Она тебе все порасскажет». Ладно, пошел он дальше. Шел да шел ни близко, ни далеко, ни низко, ни высоко, – видит ешшо¹ избушку на веретенной пятке; стоит перед ним да вертится. Он взошел, помолился Богу и сел на присесте. Старушка ему и говорит: «Знаю я куда ты идешь, добрый молодец; только не могу пособить тебе. А вот поди ты к старшей сестре, она тебе все расскажет». По//шел (Л. 11) Иван-царевич. Шел-шел, ни близко, ни далеко, ни низко, ни высоко, видит – опять стоит избушка на веретенной пятке; вертится кругом, что мельница. Взошел в нее, видит сидит старушка. Он и спрашивает ее: «Куда, говорит, мне баушка идти надоть? Мне вот те, сестрицы-то твои, сказали, что ты знаешь». «Знаю, – говорит, – знаю, Иван-царевич. Я уж давно ждала тебя. Поди ты вот по этой дорожке, придешь в царский дом. Там живет Шумчело², он мой крестник, родной тоже. Только ты в дом-от самый не ходи, а поди туда тольке³ к окошку. Увидишь красненькую лопотинку, // (Л. 11 об.) туда и проберись, в ту избу, значит, и ступай. Там увидишь дочку его, Марью-царевну». Пошел он. Видит царский дом, большой такой. Он в него не взошел, а пошел дальше. Видит на окне красная лопотинка висит; туда и пошел. Приходит, Богу помолился, в ноги Марье царевне поклонился. Марья-царевна и говорит ему: «Смотри, ты как пойдешь к тятеньке, он тебя что делать заставит, ты никому не рассказывай, а поди прямо ко мне. Я во всем тебе помогу, сколько моей силы мочи хватит. Только смотри, меня не оставляй. А Иван царевич стоит слушает, ручки сложил; а потом и говорит ей: «Где же мне подчиняться? Что скажешь, все сделаю». «Ну, ладно, говорит Марья-царевна; – а теперь пошел отдохни». // (Л. 12) Ладно, пошел Иван-царевич. Только и зовет его Шумчело и говорит: «Задам я тебе, Иван-крестьянский сын, задачу. Коли угадаешь – жилечь, а не угадаешь – режанечь⁴». «Ну, уж, говорит Иван царевич, буду стараться перед вашей Царской милостью, – сколь [Г]осподь Бог пособит и сколь силы моей хватит». «Ну, слушай, – говорит – что бы до петухов ты вырыл коло-

¹ Ешшо – еще.

² Шумпало, шумчело – должно быть, перековерканное чучело.

³ Тольке – только.

⁴ Режанечь – зарежет (предаст смерти).

дец, и сруб¹ поставил, и журавечь² золотой. А теперь пошел, работай. Опосля я приду, посмотрю».

Закручинился Иван царевич, головку повесил, ходит сам не свой. Пошел к Марье-царевне. «Так и так, говорит, Марья-царевна, задал отец // (Л. 12 об.) твоей задачу, угадаю – жилечь, не угадаю – режанечь». «Уж я, говорит, знаю: я ведь сильнее его. Ты не заботься, не тоскуй. Поди помолись Спасу, да лёжись спать». Вот она вышла на крылечко и махнула красной лопотинкой и зыкнула³: «Смуглянки-маженки, (sic!) как тятеньке и мамоньке служили, так и мне послужите». Все к ней собрались. Вот она и сказала им: «Подите, – говорит, – выройте колодець, золотой журавечь поставьте и сруб, и все...». Вот они всёй семьей побежали и пошли строить: кто досточку, кто брёвнышко, кто с кирпичем, кто с журавчем, кто молоток тут несет. Сладили все и с весточкой к Марье-царевне – бежали: «Все, говорят, готово». Она // (Л. 13) пошла и разбудила Ивана царевича. «Вставай, говорит, Иван-царевич, сын крестьянский; я все уладила: и колодець сделали и все. Поди топерь выпотрайся⁴ в глине, а то он будет думать, что ты не работал». Пошел Иван царевич, опатрался глиной, обмазался весь и пошел к царю: «Все, мол-де, готово, поди погляди». Ну, он пошел с ним. Видит – колодець, и журавечь золотой, и сруб; схохотал обвернулся. «Ну, это, говорит, не ты делал, а дочка, Марья-царевна, это все ее хитрости. «А ты вот что теперь: поди до петухов весь вот этот лес сруби, расчисти, сборони, спашь, посеи, пажни⁵ да амбар⁶ сострой, да смолоти, да в тот амбар и заколоти. А коли не сделаешь, что я те наказывал, дак и не житель больше». Закручинился Иван царевич, сын крестьянский, голову повесил, ходит // (Л. 13 об.) сам не свой.

¹ Сруб – деревянное сооружение (колодца), стены которого собраны из обработанных (рубленых) брёвен.

² Журавечь – журавль представляет собой рычаг с противовесом на одном плече и ведром для забора воды на другом.

³ Зыкнула – издать зык, звук.

⁴ Выпотрайся – выпатрать – сильно запачкать, загрязнить. Кмн., Кчп., Пжн., Дрв., Шбл., Слб., Юр., Бхл., Орл., Свч., Орч., Вшж., Д.; Выпатраться, вымараться в чем. Вся выпатралась у грязи (в грязи) // ОСВГ. – Вып. 1–2. – Киров, 2012. – С. 225.

⁵ Пажни – сожни.

⁶ Амбар – строение для хранения зерна, муки, припасов, а также товаров.

Пошел он к Марье-царевне, все порассказал ей. Вот, говорит, что он наказывал. А Марья царевна и говорит: «Не сумлевайся¹, ложись спать да молись Спасу. Я уж улажу». Вышла на крылечко, махнула красной лопотинкой и сзычала: «Служанки-маженки! Как тятеньке, мамоньке служили, так и мне послужите». Все собрались. Она и говорит: «Подите, лес гнетите², сейте там, пашите, бороните, хлеба убирайте, стройте амбар, все зерно в него свалите». Ладно, пошли бегать: кто топорок, кто молоток, а кто с косой, кто с серпом; – все обтяпали. Идут к Марье-царевне с весточкой: все, значит, построили. Ладно. Марья царевна будит Ивана царевича. «Вставай, Иван-царевич, сын крестьянский. Хлеб уж убран; я все сладила. Поди вымарай лицо сажей, выпатрайся весь и иди к отцу». Иван царевич встал выпатрался, пошел к отцу: «Все, говорит, сделал. Подём глядеть». Пошли. Видит царь все, как есть, улажено: и лес расчищен, и хлеб убран. Обвернулся, схохотал. «Это, говорит, хитрости дочки моей, Марьи-царевны. А ты топерь церковь мне построй, в одну ночь, что бы к обедне поспело освятить ее».

Закручинился Иван-царевич, голову повесил, ходит сам не свой. Пошел к Марье-царевне. «Ну, что, говорит, он опять на тебя накинул». «Да вот, говорит, церковь заказывал соорудить». «Ладно. Ты не заботься. Помолись Спасу да ложись спать. Я уж устрою». Вышла на // (Л. 14 об.) крылечко, взмахнула красной лопотинкой и сказала: «Служанки-маженки! Как тятеньке, мамоньке служили, так и мне послужите». Прибежали всей семьей. Марья-царевна и говорит им: «Подите церковь устройте, чтобы к обедне святить поспела». Побежали, изладили. Марья-царевна пошла разбудила Ивана-царевича. «Вставай, говорит, поди, поди, церковь излажена. Опатрайся в известке, выбелись весь, да и ступай к отцу». Пошел он опатрался и идет к отцу: «Так и так, говорит, церковь я изладил». Пошел царь, поглядел: точно церковь. «Ну, ладно, говорит; в этой церкви ты венчаться будешь. Я за тебя отдам дочь свою. Вот приходи, // (Л. 15) завтра, я тебе их покажу, выбирай любую». Иван-царевич и говорит: «Это как вашему царскому степенству будет желательно, а я бы тово³, женился, потому хозяйкой нужно все одно обзаводиться». «Так вот, говорит, приходи завтра, выбирай любую, какая поглянется».

¹ Сумлевайся – сомневайся.

² Гнетите – рубите.

³ Тово – того.

Пошел Иван-царевич к Марье-царевне: «Так и так, говорит, завтра отец женить меня хочет; невесту буду выбирать». «Ну, говорит,мотри, Иван-царевич. Я тебе много служб сослужила;мотри, не оставляй меня. Он тебя поведет по трем горничам¹. Везде будет по 11 красных девушек. Ты,мотри, в первой не бери и во второй не бери; я буду в третьей горнице. Коло² лица у меня будет летать мушка, а я ее стану платочком отганивать. // (Л. 15 об.) На меня и покажи. Скажи: «Вот де моя невеста. А теперь пошел спи». Ладно. Вот он встал на утре, умылся беленько, оделся гладенько и пошел невесту выбирать.

Привел его царь в первую горничу. Иван-царевич говорит: «Нет, этих не надо». Царь повел его в другую горничу. Иван-царевич и говорит: «Нет, эти мне не *глянутся*». Царь повел его в третью горничу. Иван-царевич и увидал тут: Марья-царевна от мушки беленьким платочком отмахивается. Вот, говорит, моя невеста. Царь схотал: «Знает, говорит, куда метиться. Ну, говорит, теперь пойдем в церковь». Пошли, ну Иван- // (Л. 16) царевич и женился на ей. Пошли пир пировать. Долго пировали. Потом на подклет³ привели, положили на кроватку, одних оставили. Только и говорит Марья-царевна Ивану-царевичу: «Нужели, говорит, ты не стосковался по отцу-матери своей?» «Стосковался, говорит; как не стосковался». «Ну, так поедем к родителям». «Поедем, говорит». Ладно. Собрались, сели на коней и поехали. А Марья-царевна хитра и мудра была: она кукол надела-ла, фигур, значит, эдаких, дьяволов, да и расставила их везде: на шосток⁴, на постельку, на шкафчик, у порога. А сами взяли, да и уехали.

Тут на утре горшки стали бить⁵, самовар ставить. А потом пошли молодых поднимать. // (Л. 16 об.) Поторкали⁶, поторкали: «Вставайте, говорят, пора уж. А кукла им и отвечает тоненьким голоском:

¹ Горнича – горница, истор., устар. комната наверху, на верхнем этаже.

² Коло – около.

³ Подклет – подклет, подклеть, подызбица – название нежилого нижнего этажа под верхним жилым помещением, или нижний, цокольный этаж.

⁴ Шосток, шесток – площадка между устьем и топкой русской печи, куда в левый угол загребается жар, а посредине иногда разводится огонёк под таганом.

⁵ Горшки стали бить – обряд бить горшки, когда на следующий день после свадьбы родственники будят молодых разбивая горшки о дверь и стену комнаты, где они спали.

⁶ Поторкали – торкать – прост. стучать, тыкая, ударяя чем-либо.

«Погоди-и-ите, погодиите маленько, я еще только встаю, платьицо оболокаю». Вот они опять ждуть да пождуть, нет молодых, да и все. Царь по горнице ходит, сердится. «Пооди – Че, говорит, что они там замешкались». Опять пошли. Стучатся, а кукла и говорит: «Пóблик веничком мету, сорóк выбрасываю. Уделаю так приду». Вот ладно. Царь по горнице походит, головой взвернет сердится, а их все нет. Царь заругался: «Ах вы, говорит, подлецы, сукины сыны добудиться не могли... Постой-ко я вить¹ сам пойду». Пошел – ан там куклы одни, комеди, значит.

Смекнул он, что убежали они и погоню за ними послал. «Валите, говорит, лошадей, не // жалейте (Л. 17); в мою голову дуйте». Поехали, жарят, стегают, что на поди; а у лошадей искры из глаз, точно под копытом.

Марья-царевна и говорит Ивану-царевичу: «Слышишь ли, Иван-царевич, погони?». А Иван-царевич и говорит: «Да что, говорит, я? Ты боле меня знаешь». Вот она слезла с телеги и приложила ухо к земле. Слышит: погоня. «Ну, говорит, плохо: за нами гонятся». Скоренько слезла, Ивана-царевича голубем сделала, а себя голубкой, а лошадок и телегу в березку да осинку переделала. Вот ладно. Наезжает погоня и спрашивает голубков: «Голубки, голубки, не видали ли молодого жениха с невестой, не проезжали ли здесь они?». «А как отрастать начала березка да // (Л. 17 об.) осина, так тогда проехал молодой жених с невестой». Посмотрели: березы старые, давно уж это было, – не догонишь. Взяли, да и воротились. Только и спрашивает отец: «Ну, что догнали?». «Нет, говорят, не догнали. Доехали до березки. Там сидят два голубка: голубь да голубка. Мы и спросили их: не видали ли, мол, вы, не проезжала ли тутока жених с невестой?». «Какие, говорит видели, как отрастать стала береза да осина, так они тогда и проехали. Мы взяли, да и воротились». А царь и говорит им: «Эк, вы простокваши. Не знаете и тово: ведь эти голубки они и есть. Поезжайте, говорит, сейчас за ними опять; гоните, жарьте лошадей в мою голову, догоните их беспременно». Поехали. Жарят, дуют копей, а у них искры из глаз сыплются да так во все стороны и разлетаются.

Марья-царевна и говорит Ивану-царевичу: «Ох, Иван-царевич, не слышно ли пого//ни (Л. 18) за нами?». А Иван-царевич и говорит, ты, Марья-царевна, и хитра, и мудра, послушай сама; может чего

¹ Вить – видимо.

услышишь, а уж мне, где с тобой равняться». Только Марья-царевна слезла с коней, припала ухом к земле, слышит, едут за ними, близко уже. Вот и говорит Ивану царевичу: «Беда, Иван-царевич, сын хрестьянски, погоня близко». Взяла она, сделал из коней часовню, а сама стала просвирней¹, Ивана-царевича подомарем² оборотила. Едет погоня и спрашивает их: «Не видали ли, не проезжали ли тут молодой жених с невестой». А Марья-царевна и отвечает им: «Как часовня строиться начала, так проезжал тут молодой жених с невестой. А больше никого не видали». Глядят часовня старая, давнишняя, мохами инда³ обросла. «Нет, говорят, уж не догнать, поедем домой». Марья-царевна и говорит им: «Да вы от кого будете?». «А мы, говорят, от царя, // (Л. 18 об.) Шумпалом зовут его». «Ну так я, говорит, его знаю. Вот, отвезите ему гостинец, просвирку⁴ ему пошлю». Ладно. Взяла она, завертела в грамотку г(овно) коневье. «Вот, говорит, отдайте ему это. Я за здравьё ему отсулила! Только мотрите, говорит, не развертывайте... так прямо ему и отдайте». Приехали к царю. «Ну, что, говорит, догнали их?» А они ему и отвечают: «Нет, говорят, не нагнали. Только видели цасовню, просвирня, в ней монах⁵, али там подомарь, Богу молятся стоят. Мы и спросили их: «Не видали ли, мол, не проезжали ли тутока молодой жених с невестой? А они нам отвечают: как цасовня строится начала, так тогда проехал молодой жених с невестой. Мы посмотрели, а цасовня то инда мохом обрасла, старая престарая. Все равно, мол, не нагонишь. Взяли, да и ворота-

¹ Просвирня – устар. женщина, занимающаяся выпечкой просвир.

² Подомарь – пономарь; официально парамонарь (от др.-греч. *παραιωνάριος* «приставник, привратник, придверник») – служитель Православной Церкви, обязанный прислуживать при богослужении, а также звонить в колокола.

³ Инда – союз, также частица, прост. Выражает отношения следствия: так что, так что даже.

⁴ Просвирка – просфорá (разг. просвирá, просворá, проскурá, просквирá, от др.-греч. *просфорá*) – богослужебный литургический хлеб, употребляемый в православии для таинства Евхаристии и для поминания во время Проскомидии живых и мёртвых.

⁵ Монах – мона́х (м. р. греч. *μοναχός* – «одинокий», от *μονος* – «один», ж. р. мона́хия) – обычно член религиозной общины, в соответствии с обетом ведущий аскетическую жизнь либо в рамках монашеской общины (братии), либо в одиночестве, отшельничестве.

лись. Про//свирня-то (Л. 19) вот тебе просвирну просвиру послала. Знает, вишь, тебе наказывала кланяться». Развернул он – хватъ, ан, коневье го(вно). Закричал, рассердился. «Ах, подлянка, это и есть она. Чего вы там глядели? Просвирня то и есть Марья-царевна, а подомарь – Иван, сын крестьянкой. Вам бы нужно привести их. И тово уж не сьумели». Сел сам на коней, в погонь за ними поехал.

Только Марья-царевна и говорит Ивану-царевичу: «Иван-царевич, сын хрестьянской, не слышишь ли погони?» – «Ох, Марья-царевна, куда уж тут и ты и хитра, и мудра, – сама послушай». Только и припала она ухом к земле; слышит, погоня в запятках¹. «Ну, говорит, Иван-царевич, беда! Отец едет погоней, уж близко в запятках». Взяла она лошадей рекой с берегами оборотила, сама щукой // (Л. 19 об.) стала, а Иван царевич окунем пошел. Вот, ладно, плавают, играют в воде. Отец и едет на тройке с прозвонами²; ружья у него, сабли и все. Подъезжает к реке, видит: щука да окунь. Сичас узнал, что это Марья-царевна и есть. И говорит ей: «Чтоб тебя, дочка моя милая, век ходить тут в воде, не развернуться». Только Марья-царевна и говорит ему наоборот: «Чтобы тебе, тятенька мой милой, век ездить тут никогда домой не добраться!» Вот ладно. Поехал отец домой. Ездил, ездил, – никак тебе не может попасть на свою землю; все кружится мимо. Подъезжает опять к реке и говорит Марье-царевне: «Ах, Марья-царевна, дочь моя милая, ездил, я ездил, никак не могу домой попасть. Сними ты с меня заклятьё³ своё». «Ладно, говорит, сниму, только ты // (Л. 20) прежь⁴ сними с меня». Ну царь и говорит ей: «Развернись, выдь на берег». Марья-царевна развернулась, на бережок вышла с Иваном-царевичем под ручку. «Вот, говорит, поезжай, тятенька, доедешь домой». Отец заворотил коней и поехал. Так и доехал благополучно.

Марья-царевна и говорит Ивану-царевичу: «Иван-царевич, сын хрестьянский, зачем нам ехать к родителям твоим? Может они померли, али что, да и не рады будут: потому отбился от них, все едино.

¹ В запятках – в данном случае по следам, следом.

² На тройке с прозвонами – на тройке с бубенцами.

³ Заклятьё – колдовство, приводящее к магическому изменению естественного хода событий.

⁴ Прежь – прежде.

Поедем лучше к моему отцу назад. Он чай¹ осерчал², разговорим его». Иван-царевич и говорит ей: «Поедем, Марья-царевна, куда ты, туда и я. Ты спасла меня; теперь куда хошь поди – я не отстану от тебя». Ладно, запрягай лошадей и поехали назад к отцу. Только доехал//и (Л. 20 об.) до дворца, Марья-царевна и говорит Ивану-царевичу: «Иван-царевич, сын крестьянской, ты поди во дворец один, а я вот под вересовым кустиком посижу, подожду тебя. Отец тебя встретит, как родного, будет почитать, угощать. Только мотри, много вина не пей. Да как выдет к тебе старшая невестка, её седуна³ не чалуй. А как почалуёшь, меня и забудёшь, не воротишшя сюды больше». Вот ладно. Пошел Иван-царевич, сын хрестьянской к царю. Царь обедает, и его с собой посадил, чествует, поштует⁴. «Кушай-де, Иван царевич, у меня и вин разных, и всякого меду, и пряников довольно». Ладно. Только и напился Иван-царевич, бесприметношно пьян напился, что и знику⁵ нет. Так тут и повалился под стол прямо. // (Л. 21) Старшая невестка подошла тут к нему, седуна подвела: «Поцелуй, говорит дяденьку». Как поцеловал он Ивана царевича, так он и забыл про Марью-царевну. Вот царь и говорит ему: «Иван-царевич, сын хрестьянской! Не хочешь ли жениться?» «Как бы, говорит не жениться, – хочу вестимо, коли вот царское степенство повенчает меня». Царь и говорит: «Повенчает тебя поп, а я тебе только невесту выберу». «Выбери, говорит, ваше царское степенство!». Стоит да кланяется царю, а сам и позабыл, что его Марья-царевна под вересом дожидается. Началось тут сватовство, пива наварили, вина накурили, – все как быть. А Марья-царевна все сидит под вереском, дожидается Ивана-царевича. День прошел, другой, третий. Нет уж, говорит, видно не придет, подти домой нужно. Пошла к дому, зашла // (Л. 21 об.) на задворки, нашла там баушку-старушку и говорит ей: «Подь, матушка, сходи, посмотри, что в доме делают». Баушка сходила высмотрела

¹ Чай – частица и вводное слово.

² Осерчал – прост. рассердиться.

³ Человек, который не может ходить. В коми сказках седун – младший брат, который не слезал с печи. – URL: <https://lukoshko.net/story/sedun.htm> (дата обращения: 15.09.2024).

⁴ Поштует – потчшуешь, потчевать – стар. предлагать съесть, выпить что-либо; угощать.

⁵ Знику нет (не давать) – покоя нет с кем-либо, сладу нет.

все, приходит и говорит Марье-царевне: «Там сватовство идет. Отец просватал дочку старшую за Ивана-царевича». Марья-царевна опять просит ее: «Подь, матушка, сходи в избу, там на суднице¹ квашенка² стоит, пловёт³ она. Ты ее уйми, тестичка отбавь да сюда в кармане и принеси». Ладно. Пошла баушка, взяла тестичка и несет Марье-царевне. Марья-царевна взяла тестичка, сделала из него голубку да голубочка и просит опять баушку-старушку: «Подь, матушка, сходи в избу, там пир идет. Посади голубочков на жерновча⁴, а сама сую да приходи». Баушка-старушка пошла в избу, посадила голубочков на жерновча. Пир идет. Иван-царевич впереди со своей невестой сидит. Только голубочки и говорят на жерновчах: «Уру, уру, голубчик мой! Уру, уру, голубушка! Иван-сын хрестьянской забыл покинул Марью-царевну под вересовым кусточком. Она его оборанивала, от лихого зла защищала». Иван-царевич не слышит голубочков, с невестой // (Л. 22) чалуется, вино попивает. Голубочки и ближе придвигаются, и опять: «Уру, уру, голубчик мой! Уру, уру, голубушка! Иван, сын хрестьянкой, забыл покинул Марью-царевну под зеленым кустиком, под зеленым, вересовым. Она его оборанивала от лихого зла защищала». Тут уж Иван-царевич услышал, вздогонулся да и говорит: «У меня ведь хозяйка есть – Марья царевна. Я покинул ее под вересовым кустиком в поле». Пошел туда, да и говорит Марье-царевне: «Марья-царевна, голубка ты моя, прости меня. Я было совсем позабыл об тебе, другую сватал». А Марья-царевна и говорит ему: «Говорила я тебе, не пей вина, не чалуй седуна. Вот ты испил вина, а старша невестка и привела к тебе седуна свою; то и забыл ты меня. // (Л. 22 об.) А теперь пойдём во дворечь». Взяла она, знаешь ты, его под руку, да и пошли к отцу. Пришли, пировать стали, – река разливанная: пей-ешь, что хошь. Так и стали жить да поживать да добра наживать. И теперь живут, сказывают стары то люди, живут да нам поклоны шлют.

(Записана со слов Орины Халтуриной, дер. Халтурины).

¹ Судница – навесная полка для хранения посуды.

² Квашенка – это кадка из дерева (дуб, осина, липа) или глины, в которой готовили тесто. Ее выдалбливали из цельного ствола или составляли как бочку из отдельных досок, скрепляя обручами и клепками.

³ Пловёт – плывет из квашенки.

⁴ Жерновча – ручная мельница.

10. [Девушка и жених разбойник]

Жил богатой хрестьянин. У него была дочка молодая, – уж такая ли красота писаная, что только на-поди. И бойкая была, страсть какая: *николи* ничего не боялась. «Чего мне, говорит, я сама всех испужаю».

Ну и вот пришла ярманка, отец с матерью на базар поспело ехать. Запресли лошадку и поехали. А девка одна осталась, домовничать значит. Вот // (Л. 23) ладно. Ночь подходит. Девка заперла ворота, косу, топор взяла, все значит припасла, как бы чего не было; а сама легла спать. А тут парень один жил неподалеку. Он узнал, что девка то одна дома, отец с матерью уехали, взял, да и подговорил мужиков: «Пойдем, говорит, ограбим ее; чай у них много добра-то позапасено. А девка одна – много ли ей нужно? – дал тычка и с ног долой». Ладно, пошли. Приходят в самую полночь: темно так, что хоть глаз коли, а тут и дождь, и ветер, и все... Только вора и ходить в *экую* ночь. Вот он и давай окончо¹ прибывать, тряс, тряс – нейдет тебе, да и полно. Он туды дальше руку то просунул, хотел отдрать значит ею. А она как взяла да как хватит его по рукам // (Л. 23 об.) косой, – рука так и отлетела. А он давай Бог ноги, только бы поскорее убраться-чо от нее. Так и убежал.

Много ли, мало ли проходит, только и приезжает он сватать ее. Ну, и сваты с ним, значит, как следует, а сваты то эти так же разбойники, как и он. Сладили дело, уговорились что там, пировать пир сели. У жениха рук то нет, он и надел перчатки черные, а в них набил песку. Невесте и невдомек это, а отец и спрашивает: «Что это говорит у тебя, парень, перчатки на руках». «А так, говорит, руки болят маленько».

Девку совсем уж посватали, домой поволокли... к жениху, значит. А девка все еще не знает, что муж-от у ней разбойник. Едут, едут, а до дому было далёко. К ночи приехали, тёмно стало, дождик моросит. Вот он и собирается // (Л. 24) ее убить, што она руки отрубила ему. Велел ей баню топить, в котел воды носить, чтобы сварить ее тамотко². Взяла она ведерцы да и пошла на реку воду носить. Носит-носит, а котел большущий, много в него нужно, уморилась она. Тут люди были к ей приставлены, возьми, да и скажи ей: «Ведь в котле, мол, тебя варить хотят, для себя носишь воду, – носи не ленись». Как услышала это девка да давай Бог ноги поскорее, как бы убежать. Бежала,

¹ Окончо, «оконце» – уменьшительное к «окно».

² Тамотко – там.

бежала и спряталась на ёлку. Как узнал жених, что она убежала, сейчас в погону: «Врешь, слышь, не уйдешь, сыщу». И поехал с пиками, с косами нагонять ее. Искали-искали, умаялись, обмочились все (а в те поры дождь шел). Ну и пришли под елку, отдох//нуть (Л. 24 об.) маленько захотели. Девка сидит ни гу-гу, пришипилась на ёлке. Только жених взял пикку да ткнул в ёлку и говорит: «Вот бы нашел окаянную, так и испроколел бы всю пикой». Кровь то у ёй так и льется из ножек; терпит, да Бога молит, как бы уйти до свету. Жених и говорит: «Что это больно уж дождь льет здесь, подём, парни, дале». Темно вишь было, и не сдогадались, что это кровь у ней из ноги льет. Так и ушли.

Девка слезла с ёлки, да и побежала домой. Шла, шла, видит: мужик с сеном едет. Она к ёму и упала в ноги: «Так и так, дядюшка родименький, спрячь меня в сено: разбойники, говорит, меня ищут. Как привезешь меня к отцу, он тебе половину имения отдаст». Ладно. Мужик спря//тал (Л. 25) ее в сене. Едет дале. Только и нагоняют тут его разбойники. Старший-ет атаман и говорит: «Не видал ли, говорит, здесь не пробежала ли девка?». Старичок и отвечает: «Нет, говорит, не видал». Разбойник и спрашивает: «А не в возу ли она у тебя?». Старичок и отвечает: «Нет, говорит, не в возу, – ничегошеньки у меня тамotka нет». Разбойники туда пиками и тычут, тыкали, тыкали – нет не нашли. Девку всю разпроназили, а она все молчит. Так и ушли: «Видно, говорит, и взаболь¹ у ёго никого нет. Поезжай с Богом, старичок, не обессудь на нас, что мы тебе сено то потыкали». Ну, а как они ушли, стари//чок (Л. 25 об.) поехал себе и дочку домой доставил. Отец ему половину богатства за это отдал.

(Записано со слов Орины Халтуриной, дер. Халтурины. Сказка эта самая распростран[енная] в здешнем уезде).

11. Откуда баба пошла

В Законе не так об этом сказано. Я вернее *баю*. Только, значит, Бог соговорил Адама, он походил-походил по Раю да и уснул. Подошел тут Бог к нему растворил у него грудь взял ребро. Думал-было жену Адамнину сделать. Только хотел он сказать: «Будь жена», – вдруг бежит собака. А в те поры в Раю не было мяса: не кололи, слышь, никого, никого не убивали. А ей больно мяса то захотелось. Вот бежит она, видит: у Бога в руках кость. Она сейчас // (Л. 26) «Ам!»

¹ Взаболь – нареч. вправду, в самом деле // ОСВГ. – Вып. 1–2. – С. 160.

и схватила у него кость и побежала изо всех сил мочи. Бог-от за ёй, а собака то от ёво. Ну догнал-таки, ухватил за хвост: «Стой!» говорит: «Я тебе вот задам трезвону». Ну и хочет кость у ней изо роту выгащить. А собака то как рванется от ёво, так и оторвала хвост. Хвост-от у Бога в руках и остался один, а сама, значит, драло. Бог поглядел, поглядел – хвост; ну, что с ним станешь делать? Мекал, мекал – да и говорит: «Что тут? Все едина, ладно и так». Взял, да и сотворил жену из собачьего хвоста, а Адама омманул¹: сказал, что из ребра // (Л. 26 об.) ево. Вот откуда жена пошла. От того ей и почету мало.

(Запис[ано] в г. Орлове, со слов солдата, здешнего уроженца).

12. [Быличка]

Пошли девки в житницу² гадать, – на Рожество это было. А в житнице стяг мяса³ висел. Им и не покажись, что это мясо. Только оне глядят, што тута, а стяг и храпнул⁴, упал, значит, на пол. Вестимо, обомлели, спугались; а стяг плясать, скачет по полу, бегаёт. Оне бежать, прибегают домой, забились на печь, глядят, а стяг-от вбежал в дверь, да и пляшет у голбца⁵. Спужались очень, а мужик тут // (Л. 27) нашелся поумнее, взял да и сказал: «Бараний зад, воротись назад!» Ну он и ушел опять в житницу.

(Запис[ана] со слов Авдогьи Горевой, крестьянки дер. Вилки Левиной волости).

13. [Быличка]

Однажды девки слушать пошли (о Рождестве).

Пустой дом тут, в деревне, был, – так вот туда оне и забрались. Парни проведали это, да и забились на полати⁶ запрежа еще – попугать девок хотели. Вот ладно. Взошли девки в избу, а тут из подполу

¹ Омманул – обманул.

² Житница – устарелое амбар, помещение для хлеба, зерна.

³ Стяг мяса – м. очищенная мясная туша без головы и ног, большой кусок мяса // ОСВГ. – Киров, 2016. – Вып. 10. – С. 238.

⁴ Храпнул – издал звук.

⁵ Голбца – голбец – в деревянных избах – конструкция при печи для всхода на печь и полати, а также спуска в подклет.

⁶ Полати – полати – лежанка, устроенная между стеной избы и русской печью; деревянные настилы (нары), сооружаемые под потолком.

бес и вылезает. Заганул¹ им загадку: «Что, бает, за 3 косы да что за три дуги?». Девки спужались страх. Парни тут и шепнули им: «Вы, бают², не бойтесь, мы отгадаем». // (Л. 27 об.) Вот и бают бесу: «А и три косы, бают, коса – у девки, да коса – что косят, да коса – петуха (?); а и три дуги бают: дуга запрягательная, да дуга – радуга, да дуга – бровь у красной девушки». Черт видит: отганули³. «Бежите, бает, скорее, скорее, не то худо будет». Они сичас драло⁴. Только у одной девки сарафан спал; так тут в избе и остался, голая домой прибежала. Посмотрели тут на другой день, а сарафан весь по клочкам так и разбросан по всей избе.

(Запис[ана] со слов крестьянки Авдотьи Горевой).

14. Мужик и запойщик

Муж с женой жил. Жили страсть⁵ бо//гато (Л. 28). Только ему, этому мужу-то, все в уши вносят, про жону бают. Ну, а он не слушает. «Что, бает, за пустяки». И бить николи⁶ жены не бил, пальчиком не тронул.

Только и поехал он по семя в город, да и *бает* жене: «Я, бает, поеду, а ты меня, мотри, меня не дожидай; севодни не приеду». Завтра, значит, али⁷ как-нибудь. Ладно, уехал. Жона сичас всего настряпала. Вот к ней и приходит гость – вечером-то. Сичас за стол его посадила, потчивает всем. Тут и крысается⁸ в дверь кто-то: стук-стук-стук! Она сичас ему и бает: «Полезай в печь». Приостергается, значит, виду не хочет показать. Вот и взошел в избу другой, тоже гость, сел. А тут в дверь опять крысается кто-то. Она сичас и другого в печь. Третьей // (Л. 28 об.) пришел, и он за стол. Ну она его потчивать принялась, все

¹ Заганул – загадал.

² Бают – говорят.

³ Отганули – отгадали.

⁴ Драло – ср. побег, бегство, утек; более употреб. дать драла, уйти, убежать, удрать, дать тягу, тягуна, улизнуть.

⁵ Старсть – очень.

⁶ Николи – никогда.

⁷ Али – или.

⁸ Крысается – стучится.

вынесла на стол: ешь, пей! А тут четвертый гость – муж на ворота¹ приехал. Она сейчас его: «Полезай в печку». Так и спрятала: верно друг дружку знали, смиренно сидят в печке. Пропустила мужа в избу, да и бает: «Что, бает, приехал, я ничего не припасла, думала: до завтрава пробудешь». А муж попандерит² захотел. «Поем, думает, спать лягу». Взял лучинку зажег и полез в печку; заглянул ан там стряпни прибыло. Он и кричит имьям (им): «Вылазьте-ко из печи», а сам сейчас припас, чем забушить³ их. Они выползли то отудова, а он сейчас их взял да убил. Убил, да и обзаботился, куда значит их дети. А жену и паль//чиком (Л. 29) не пошевелил. Ну, упечатал он их, да и спределил пока-то в подпечь⁴. А нужно подальше убрать. Сам нести боится; как тут закручинился, запечалился. «Что, бает, я стану делать топерь?». Вот день пришел, он и пошел на базар. Видит: там запойщик⁵ пьяница ходит. Запойщик его и спрашивает: «Что закручинился?». Как маленько там *ино* попало ему, он и рассказал все: «Вот, бает, так и так, ночевал у меня монах да вдруг с душой расстался. Не знаю топерь, как и быть». А запойщик и говорит ему: «Ест[ь] об чем заботиться! Давай, я упрячу, только ночи дожждать». Вот он и приходит домой и выложил монаха под порог. Запойщик приходит, видит – мертв, околел // (Л. 29 об.) то и есть (sic!). Взял свалил на плечи и понес. Нес, нес... Только тут солдаты были на обвахте⁶, караулили. Вот и спрашивают его: «Кто тут идет?» – «Черт, бает, // (Л. 30) идет, монаха несет». Солдаты дивятся промеж себя: «Что, бают, это такое? Где черт монаха взял?» Только приносит запойщик его *на-реку*, спехнул в пролубь, падогом помешал, да и пошел опять к мужику плату взять с него. Ладно. Только приходит, а тут другой мешок под порогом, мужик его выбросил. Запойщик и говорит: «Ишь ты! Поперед меня поспел!». Взял опять, свалил на плечи и понес опять на реку. Солдаты

¹ На ворота – обратно.

² Попандерит – поесть.

³ Забушить – ударить обухом.

⁴ Подпечь – подпéчье – пространство между полом и печью для различных предметов: печного инструмента (кочерги, ухватов и т. д.).

⁵ Запойщик – то же, что и пьяница.

⁶ Искаженное слово – гауптвахта (от нем. Hauptwache, букв. «главный караул») – первоначально – главный караул, позже в Русской армии – караульный дом, т. е. место для размещения караула.

его спрашивают: «Кто тут идет?» – «Черт, бает, идет, монаха несет». «Да что это, бают, куды монахов то таскают? Все тащат, все тащат. Когда же это конец-от будет?»

Вот ладно. Спехнул он его в пролубь, подогом помешал. «Ну, бает, сиди топеря тут, не бегай». Пошел назад к мужику. Подходит к мужикову дому – ан там еще монах, мужик его подсунул. «Да чтойто, бает, это? Долго я с тобой мучиться то буду, сукин ты сын? Ну, уж, бает, я тебя топерь подале стащу, не прибежишь». Взял опять и понес. Солдаты опять и спрашивают: «Кто тут идет?». «Черт, бает, идет, монаха несет». «Ну, бает, что бает это будет? Все монахов да монахов. Весь монастырь, бает, скоро сносит».

Запойщик пошел, спехнул в про//лубь (Л. 30 об.) монаха. Идет назад, к заутрене звонили, поп в церковь пошел. «Ах ты, бает, сукин сын, подлец экой! Давно ли я тобой вошкаться¹ стану? Что я те пять раз што ли носить то буду?» А поп молитву читает: «Я, бает, поп, ты меня не трожь!». А он взял да так и умаял, в пролубь снес.

Тут разыскные пошли, стали, слышь, искать монахов; куды это они девались; да и поп также пропал. Солдаты видели это, нужно им обликовать². Вот они и рассказали все: «Черт, бает, всю ночь монахов таскал». Ну, так на чертей и положили: «Черт, бает, да и все тут».

Только запойщик все ходит к мужику: «Деньги давай!». Выдать хочет. Мужик давал, давал да // (Л. 31) уж и нечего стало: «Ничем ничего не осталось». Вот и бает он своей хозяйке: «Я, бает, умру, а ты меня в гроб положи, да в черковь отнеси, да две коробки спичек положи со мной».

Ладно, и умер, доспел значит. Она его снарядила, в черковь снесла, там положила. Ночь пришла. Ну и приехали тут к *черкве* разбойники. Окно выломали, влезли в черковь, шарпать³ стали везде. Шарпали-шарпали, шарпали-шарпали, побрали много чего, тут и деньги, и золота. «Ну, бают, будет, подемите домой». А мужик из сподтиха⁴ вылез из гроба, – он все слушал, что там делали. Взял

¹ Вошкаться – вошкать, вошкаться, вологодск., перм., вят. кишеть, шевелиться; возиться, копать, хлопотать около чего; мешкать, вяло ворочаться, корпеть над чем.

² Обликовать – кую, кует, несов. Уличить, обличить в чем-либо.

³ Шарпать – шарпаю, шарпаешь, несовер., кого, что (обл.). Грабить, обирать.

⁴ Сподтиха – (разг.). Молча, ничего не говоря, то же, что втихомолку.

спички¹ обмазал лицо, да и стал у стены. Как пошли разбойники, он и обворотился² к ним. Разбойники так тут и упали: спички то здесь светятся, когда ими намажешь что, и у него морда то в // (Л. 31 об.) свету вся, а разбойники думали, что он святой. Так и умерли тут все. Мужик подобрал все коробки ихние, да и ушел домой. Богато стал жить тогда.

(Запись со слов Авдотьи Горевой, крестьянки дер. Вилки).

15. [Иван-царевич и мачеха Ягибаба]

Жил царь, а у царя один сын был. Мачиха не одевает и не женит его. Вот он поклался³ и пошел вдоль дороги. А на встречу ему идет Бог. Ты, говорит, что парень горюешь? Вот он и говорит: «Забижает, говорит, меня мачиха, не одевает и не женит. Как тут мне не горевать?» Бог ему и говорит: «Ты отступись от её, наплевать, а лучше сделай вот что: возьми чарушку⁴ пшеницы // (Л. 32) и уйди на подсеку и посеяй. Как вырастет та пшеница, прибегут 3 куничи; оне не три куничи, а 3 девицы. Ты поймай одну за хвостик, переломи хвостик и взади, и впереди брось. Тут тебе и будет девица, ты и женись на ней». Ладно. Пошел Иван-царевич, взял чарушу пшеницы, ушел на подсеку и посеял. Только прибегают 3 куничи, то – не 3 куничи, а 3 девицы. Взял пымал он одну за хвостик, переломил его, и взади и впереди бросил, тут и вышла девица. И говорит она Ивану-царевичу: «Пымать то ты меня пымал, да только не совсем». «А как же, говорит не совсем я тебя пымал». «Да ведь у меня, говорит, имеется то совсем нет ничего. Я живу одна, как барыня за тремя морями, за тремя поля//ми (Л. 32 об.), да за тремя лесами». И стала она его просить: «Отпусти меня Иван-царевич за именем⁵; я тебе *приплавлю* его на ко-

¹ Спички фосфорные – состояли из смеси бертолетовой соли, белого фосфора и клея. Белый фосфор светился ночью.

² Обворотился – обернулся.

³ Поклался – сложил куда-либо.

⁴ Чаруша – (чашка короноватая, чашка хлебопечная) – посуда для формовки теста, представляющая собой круглую в сечении чашу без ручек, долблённую или выточенную из дерева либо плетённую из корней сосны, ивы, диаметром 25–30 см, высотой около 10 см, с пологими стенками.

⁵ Именьё – приданое.

раблях». Богатеюща была ведь. «Да ты, говорит, меня проманешь¹». «Нет, поштё² промануть, приплавлю. Только ты уж отпусти да мотри у реки, дожидай меня». Иван-царевич отпустил и пошел домой.

На утре встал, умылся, нарядился, волосы причесал и пошел на реку. У мачехи Яги-бабы был сын, 20 лет ему было. Вот *мачиха* – Яги-баба – и говорит ему: «Возьми моего сынка с собой погулять». «Пойдешь, говорит». Ладно, пошли. Он три булабочки в голову воткнул и пошел. Сидят на реке. Ягибабин парень сон и напускает на жониха: мать-то его проводила с этими фигурами: жоних заснул. // (Л. 33) А тут и невеста пристала, три корабля приплавил, все именничко свое. Видит жоних спит и без чувства. Она его будит, со слезами будит: «Ты, говорит, верно осердился на меня. Топерь я только три корабля приплавил, – а то на шесть кораблей имеется привезу». Она и говорит сыну то мачихи: «Как проснется он, ты скажи ему, чтобы он не сердился, 6 булабочек воткнул в голову. Я на 6 кораблях приеду. Не уж он не встанет может прочувствуется. Так и скажи ему, говорит».

Уехала она. Потом он проснулся и говорит: «Была ли здесь моя невеста?». «Была». «Подлец, ты сукин сын! Зачем ты меня не разбудил?». «Да сколь тебя будили, а ты все спишь. Кой прах³ тебе велел так крепко // (Л. 33 об.) спать?». Вот и пошли домой. На утро уделал себя как следует, головку вычесал, шесть булавок воткнул и идет к речке. А мачиха Яги-баба и говорит своему сыну: «Ты мотри не робь⁴, не оставайся от ёго; турить⁵, его турить, без чувства турить». Ну, он и пошел вместе с ним. Иван-царевич и говорит ему: «Да ты что, говорит, парнёшко, за мной увязался?». «Да я, говорит, ничего; мне мамка велела». «Ну, так иди, говорит, сиди, места то не жалко».

Вот пришли, сели. За полчаса время, и стал парнишка сон напускать на Ивана-царевича. Он заснул. А тут и девица пловёт. Глядит, а он спит уж. Она его будит: «Вставай, говорит, голубчик мой! Полно тебе спать-то!» И уж, Господи помилуй, как она // (Л. 34) его будила.

¹ Проманешь – обманешь.

² Поштё – почему.

³ Кой прах – прост. Зачем, почему? Какого дьявола, какого лешего.

⁴ Робь – в данном случае «не робей».

⁵ Турить – несов. 1. Посылать кого-либо куда-либо; 2. Заставлять делать что-либо; требовать // ОСВГ. – Киров, 2017. – Вып. 11. – С. 108.

Будила, будила, – нет, не могла добудиться. Так и уехала, простилась, поцеловалась: «Прощай, говорит, не сердись: поеду, – еще больше привезу, коли ты этим не доволен». Наказала парнёшке: «Ты, говорит, скажи ему: завтра приеду на 9 кораблях, ошшо больше именича привезу. Пусть в голову воткнет 9 булавок». Ну, и уехала.

Вот он просыпается, говорит: «Была невеста?». «Была». «А ты пошто меня не разбудил?» «Я, говорит, будил, и она будила да что тут сделаешь? Мертво спишь...»

Вот он это дело смекнул, видать: не чисто, и говорит: «Ты ради Христа не ходи со мной». Пошел и не берет с его. Яги-баба ему и говорит: «Его бери, нельзя не взять: ре//жанеч (Л. 34 об.) будет – тебе али бы мне». Ну, взял, делать нечего. Пришли на реку, парнишка и опять сон на него наводит. Он опять уснул. Приезжает девица на 9 кораблях, а он спит опять. Она будит его зачала, будила, будила, будила, – нисколь не чувствует, что хошь делай с ним. Потрясла его, на ж(опу) посадила, говорит: «Ради Бога, пожалей же ты меня: близко ли именичо везла! Из-за трех морей пригнала». Нет, все спит. Отступилась, говорит: «Пушай топерь ищет меня за 3 морями, за 3 землями, за 3 реками. Коли хочет, пусть скует 3 шляпы медных, 3 копыя железных, тогда и поди. Когда истычет копыя и износит шляпы, тогда и меня найдет».

Проснулся он, а парень ёму и говорит, рассказал все. Вот он // (Л. 35) и пошел в кузничу и сковал себе 3 копыя железных да 3 шляпы медных, да и пошел вдоль дороги.

Море перешел, землю перешел, реку перешел. Шляпа износилась и копые одно истыкалось. Тут и пришел ко избушке, а в ней старушка. Старушка и говорит ему: «Ты куда, молодець, поклался?» Иван-царевич и говорит: «Да вот, баушка, поженитися захотел и то Бог нас лючки¹ не свел. Што мне теперь делать? Не знаю». А баушка ему и говорит: «Ты поди, Иван-царевич, дальше. Там есть – моя сестра живет. Ты к ней и ступай. Она с ёй гостичча. Ты как ей скажешь, она и залучит невесту в гости. Тут ты и увидишь её. Ступай топеря». Пошел он и пошел. Шел, шел: море перешел, землю перешел, реку перешел. У него шля//па (Л. 35 об.) износилась, копые истыкалось. Видит стоит избушка, а в ней старушка. Он и спрашивает ее: «Что, говорит, далеко ли мне до моёй невесты? Ты ведь, поди, знаёшь, го-

¹ Лючки – по-людски, по-человечески.

стишься с ей». «Нет Иван-царевич, я не знаю. А ты вот поди дальше, там живет моя сестра старшая. Она с ней так гостичча¹. Ты и спроси у ней: где, мол, моя невеста? Она тебе и расскажет, в гости ее залучит, а ты спрячься да слушай, что будет невеста говорить. Тут ты и узнаёшь, серчо то болит у ее али нет по тебе». Ладно, пошел он.

Шел, шел. Море перешел, землю перешел, реку перешел. Шляпу износил, копье изломал и пришел к избушке. Глядит, а в ей старушка сидит. Он ей и говорит: не знает ли, говорит, баушка, где мне невесту найтить?» // (Л. 36) «Знаю, говорит; она мне крестнича приходится». «Залучи, говорит, ты в гости ее, я хоть бы посмотрел на нее, – что она любит ли меня ошшо». Вот Яги-баба и послала за ей, наказывает, чтобы в гости приходила. А сама Ивана-царевича в подпол посадила: «Сиди, говорит, тут топерича, а как придет она, ты и слушай, что будет говорить. Тут и свою судьбу-ту узнаёшь». Иван-царевич сел там и слушает. Вот приходит невеста. Яги-баба за стол ее садила, почивала всем. То да сё, вот и спрашивает ее Яги-баба: «Ты, кресенка², замуж выходила, да не вышла». «Да как ты, говорит, знаешь это?» «Да уж знаю, говорит, и жониха твоео знаю». «Да нет, говорит, быть не может, штобы знала. Вот он, чай, далеко: за 3 морями, да 3 землями, да за 3 реками остался. Как тебе его знать?» «Да уж я знаю», – это Яги-баба то говорит. А невеста // (Л. 36 об.) сказала: «Я, говорит, вышла за него замуж, приехала к ёму с 3 кораблями приданого – он меня не принял, осердился знать, что мало привезла. Ну, я опять поехала, привезла шесть кораблей – он опять меня не принял. Я привезла девять кораблей – тоже не принял. Все спит, все ему мало. Эсколь³ близко ли далеко ли везла – спаси, Господи! Топерь уж у меня сердце к нему отпало». И нисколечко не жалеет его: «Как, говорит, увижу его, так и съем. Пусть лучше и нейдет сюды». Иван царевич слушает в подполье; видит – дело не рука, так и не вышел, просидел там. Яги-баба и спрашивает кресничу: «Скажи, говорит, креснича, чем ему можно твое серче приворотить? Чтобы, значит, ты опять его полюбила». Креснича и отвечает: // (Л. 37) «Есть тут на море дуб, в дубе кобылья голова, а в голове – утка, а в утке – яичко, а в яичке – мое сердчо.

¹ Гостичча – гоститься. Проводить время в гостях, бывать друг у друга в гостях.

² Кресенка – кресна – крестная дочь, крестница.

³ Эсколь – сколько, как много, каково количество.

Как достанет он его, так я опять его сполуюблю, а то дак нет, и не дождайся». Сказала и сидеть не стала больше, сичас вскочила и ушла.

Баушка сичас выпустила его из подполу, говорит: «Ступай топерь ищи дуб, поди прямо на восход». Пошел Иван-царевич. Пришел в город, видит на площади стегают слугу Василья калёным прутьям, просят недоимку в 30 рублей, 30 рублей податей. Иван-царевич и спрашивает их: «Что, говорит, вы это делаете?» «Да вот выколачиваем 30 рублей недоимки с слуги Василья Петровича». Ладно, он взял вынул из-за пазухи деньги, отдал им. «На-те, говорит, вам, только пустите его». Так и скупил. Хорошо, // (Л. 37 об.) Василья пустили. Пошли они тут вместе. Идут, идут; видят: волк. «Давай, говорит, застрелим его: жарёха добрая будет». «Нет, погоди, говорит, он тебе, Иван-царевич, пригодится». Послушал Иван-царевич не застрелил волка, мимо себя пропустил. Летит коршун. Иван-царевич говорит: «Ой, вот жареха то и летит, застрелим его». Василий опять сдержал его: «Погоди говорит, не бей; может, пригодится на нужное время». Идут дальше. Видят на песке рыбка лежит, трепехается. «Ой, вот, говорит Иван-царевич, нам Бог посылает; будет жарёха¹». «Нет, погоди, Иван-царевич; может пригодится. Пусти-ка ее в море; это лучше будет». Ладно // (Л. 38) пустили. Вот и идут дальше. Глядят – ан середь моря дуб стоит, в солнышко смотрится, облачком закрывается. Василий и говорит: «Вить этот дуб и есть. Как бы нам туда пробраться?» Стали строиться. Мостили, мостили, брёвна натаскали, вицами связали, – а до дуба далеко были. Уж они мостили, мостили – нет, все далеко ошшо осталось. Рубили, рубили – срубили-таки. Дошли до дуба. Только Василий-слуга поястик вынимает; говорит: «Он у меня благословенный, от святителя Тихона²». Да как начал резать им, только щепки полетели. А тут и голова конска вылетела из дубу. Волк сичас тут и есть, теребит голову из всех сил мочи. Из головы вывалилась утку(а). Тут коршун прилетел; как на//чал (Л. 38 об.) клевать ее, как начал клёвать, сичас разхмыстал³. Яичко и вывалилось из её; покатилося, покатилося да в море

¹ Жарёха – всякое жареное блюдо.

² Святитель Тихон – епископ Русской православной церкви, епископ Воронежский и Елецкий, богослов, крупнейший православный религиозный просветитель XVIII в. Канонизирован Русской церковью в лике святителей, почитается как чудотворец.

³ Разхмыстал – расклевал, растеребил.

и свалилось. А тут рыбка достала, выпехивает яичко из воды. Выпехивала, выпёхивала и выворотила на бережок яичко. Иван-царевич сейчас хватил и подобрал яичко; говорит: «Спасибо тебе, рыбка. Хотел я жарёху из тебя сделать, а топерь ты добро сделала мне, так и будь же ты в море».

Пошли тут ко баушке Яги-бабе. Иван-царевич и говорит ей: «Вот, говорит, мы достали яичко, топерь как быть?» Топерь она заперла их опять в подпол, а сама чарушку¹ яичь принесла, да на стол поставила, а перед ним яичко с сердчком положила. Потом послала за невестой. Ну, пришла она. Баушка садит ее за стол, поштует всем. // (Л. 39) Невеста съела свое сердечко; облупила яичко и съела его как быть. Съела, да и обзаботилась; такая ли сидит задуманная, страсть! Баушка ей и спрашивает: «Що ты, говорит, такая закручинная? Що пуще не покушала?» «Да что? У меня теперь горе есть». «Какое же такое твое горе?» «Да как же, говорит, жаль мне мово парня стало». «Ну, так ты, говорит, не заботься, я тебе жониха достану». «Неужеля? говорит». «Пра², говорит, достану». «Я, говорит, тебе много тысяч денег тебе дам, только достань». «Достану, говорит, кресненька, достану». «Где уж тут достать? Он топерь за тремя морями, за тремя землями да за тремя реками остался. Эсколь я плавала эсколь долго... Где уж тут!» // (Л. 39 об.) «Ты веришь Богу, достану, говорит». «Достань, говорит, достань, пожалуста». «А коли хошь, так давай суды руку, чтоб тебе ничего ему вредного не сделать». «Ничего не сделаю, вот те Микола-крест³». Ну ладно. Баушка тут отворила подполье, да и говорит им: «Выходите, говорит; невеста больно хочет видеть вас». Вышли они. Невеста и говорит Ивану-царевичу: «Ах, говорит, душа, где ты взялся?» «Я, говорит, за тобой пришел, 3 моря переплыл, три земли перешел, 3 реки перешел – вот тебя и нашел». «А уж я, говорит, это значит невеста-то; сколько, говорит, я издержалась: ведь три раза за тобой, за милым, ездила». Ну, хорошо. Вот они и говорит ему:

¹ Чаруша, или черушка – чашка для теста, сплетенная из ивовых корней. Отсюда Чарушины, Чарушниковы – фамилии, очень распространенные в здешних краях (прим. Н. А. Добротворского).

² Пра – усеченное от правда.

³ Микола-крест – в данном контексте клянется на иконе Святого Николая или на кресте с образом Святого Николая.

«Кма¹-ли тебе именича // (Л. 40) приправить?» «А мне, говорит, ничего не надоте. Кабы ты была со мной – вот и ладно». «Нет, говорит, я тебе 12 короблев приплавлю: уж как хошь». Поехала сичас и приплавилла 12 кораблёв. Иван-царевич и говорит ей: «Поедешь, говорит, на старину»². Так и поехали. Василья то с собой взяли, как он помог больно ему. А Яги-баба дома осталась: «Куды уж, говорит, мне с вами ехать, кости ломать». Поехали, значит. Как увидала мачиха, что плывут они – сичас заныряла, заныряла. Ну, они тут ее и расстреляли. Так и стали жить – Иван-царевич со своей невестой.

(Запис[ано] в дер. Калямовой).

16. [Иван-царевич и Яги-баба повитуха]

Жил царь богатой-пребогатой, а у него // (Л. 40 об.) была жена, беременна ходила. Растряслась³ она и принесла ему ребенка: говорит: «Поди ты, супруг мой любезный, баушку мне приведи». Царь сичас оболокся⁴, пошел. Шел, шел, на встречу ему и попадается яги-баба. «Ты куды, говорит, Иван-царевич (sic!), собрался? сказывай». «Да я иду, говорит, по баушку, жена вот у меня растряслась». Яги-баба и говорит: «А я, говорит, чем не баушка? Сумею, небось, повить ребенка⁵. Возьми меня». «Подем!», говорит. Ну, ладно, пришли они домой. Яги-баба баньку стопила, взяла робенка сносила, помыла, попарила, красненьку рубашечку оболокла, на коня посадила, в руки книжку дала, в горку проводила. Взяла сама поросёнка да и несет в избу, говорит: «Не дал Бог сынка, дал поросеночка». Посодила за стол и ушла домой. // (Л. 41) Ладно. Год прошел. Только царица и опять понесла; растряслась, посылает царя: «Поди приведи ты мне баушку». Оболокся царь, пошел. Только и видит: опеть ему [на] встречу Яги-баба идет – куликает⁶. Остановила его и спрашивает:

¹ Кма-ли – много-ли? (прим. Н. А. Добротворского).

² На старину – до дому, домой (прим. Н. А. Добротворского).

³ Растряслась – родила.

⁴ Оболокся – оделся.

⁵ Повить ребенка – принять роды, помочь родить.

⁶ Куликает – в данном контексте: идет с клюкой. (Куликать, клюкать, на-клюкаться, клюнуть. Для обозначения опьянения, состояния навеселе в разговорно-фамильярном стиле употребляется глагол клюкать – клюкнуть; ср. наклюкаться).

«Ты куда, говорит, царь пошел? Кака у тебя беда приключилась? Сказывай?» «Да вот, говорит, иду по баушку; жена, вишь, у меня растряслась». Яги-баба и говорит ему: «Возьми меня, чем я не баушка?» «Так что, подем, говорит, все едино». Вот ладно. Пришла Яги-баба, баньку стопила, ребенка сносила, попарила помыла, красненьку рубашечку оболокла, на коня посадила в руку книжку дала, в горку проводила. Взяла сама щенёнка, да и принесла в избу. Вот, говорит, не дал Бог сына, дал Бог щененочка». Посадила за стол, пошла домой. // (Л. 41 об.) На другой годик царица опять понесла. Посылает за мужем. «Пооди, говорит, сходи, супруг любезный, по баушку». Царь скоро оболокся, пошел. На встречу опять Яги-баба попадает. «Зачем, куда идешь, царевич, сказывай». «Жена растряслась, по баушку иду». «Возьми меня, – говорит это Яги-баба, – уж я бы тебе как помыла его». «Нет, говорит, куды. Поищу похуже». «Да нет, ты возьми, братец, видишь, рази я – ни здоровая, ни сытая, ни красивая – уморю что ли твою робенка». Царь взял, <пропуск> потому как пристаёт к ёму, привел он ее к царице. Яги-баба сичас баенку стопила, робенка сносила, попарила, помыла, красненькую рубашечку оболокла, на коня посадила, в руки книжку дала, в горку проводила. А сама взяла лягушку. Идет в избу. «Не дал, говорит, Бог // (Л. 42) сына, дал лягушоночка». Посадила за стол и говорит царю: «Пошто у тебя, царь-батюшка, жена носит эку погань, а робенков нет. Посади ты ее на дощечку, да заколоти в бочку, да на реку и спусти». Царь слушает ее. Приказал заколотить царевну в бочку, и щеночка, и поросеночка, и лягушку туда запятить. Пустили их в море. А Яги-бабе царь говорит: «Живи у меня, Яги-баба, постелю стели, пол мети, щи вари, а кашу будём варить оба». Так и осталась у ёво Яги-баба.

Вот бочка пловёт по реке, тут уж года пловет, а на землю не вскинется. Лягушка и говорит: «Здесь, мамонька, не баско¹: темно; а я скажу вот: бочка, к бережку приплыви, – она и приплывет». «Что ты, говорит, эко чадушко, сделать? Нешто послушает тебя бочка?». Да уж, говорит, послушает». Да и говорит: «Бочка, к бережку плыви, плыви». Бочка и приплыла к бережку. Вот лягушка и, говорит, опять: // (Л. 42 об.) «Мамонька родима, я молвлю: бочка расколись, она и расколется». «Что ты, говорит, эко чадушко, сделаешь? Где тебе тут: бочка то смолёвая, железными обручам (творит[ельный] п[адеж]) ско-

¹ Баско – красиво.

вана». «Ничего, говорит, мамонька; уж я сделаю». Говорит: «Бочка расколись, растреплись». Бочка и раскололась. Они все и вышли.

Идут дальше. Царица идет, и поросенок, щеночек бежит, лягушка от них не отстаёт: прыгает передом инды¹. Вот ладно. Шли, шли, пришли, глядят, – батюшки, как баско: чистые поля, зелены луга, поточки² царски поют песни арски (sic! должно быть от райски). Идут, любят: «Вот так баско!» Видят: тут дом стоит, большой такой, може вон с черковь, али больше. Они туды заглянули; стоят там трое деточек уж таких-то ли славных да отважных, в красных рубашечках все ученые такие жаль поглядеть (sic!). Царица плакать, горько плачет: «У всех, гово//рит (Л. 43), детки, как есть, а у меня ишь гóведа³ какая! Хоть бы провалились куда-нибудь». Лягушка и говорит будто ей: «Не сбывай ты нас, момонька, не сбывай: твои ведь все, а в домике то в красных рубашечках то братики наши». «Как, говорит, так?». «А так, говорит. Яги-баба их примыла (sic!), принарядила, да суды и пустила. Вот какие умницы топерь сделались». Услыхала как это царица, как заплачет. Уж так-то плачет, так-то плачет, будто дождь большой идет. А лягушка ей опять и говорит: «Да ты, говорит, мамонька, не плачь; мы их достанем. Только вот ты нацеди у себя грудного молока; колобок замесим да им и отдадим. Сичас они и узнают матушку свою».

Царица тут сичас молока у себя наци//дила (Л. 43 об.); замесала колобок. В печку поставила: румяный вышел, скусный⁴: так бы ведь и съели. Лягушка и говорит: «Привяжи ты его, мамонька, к веревочке, да и пусти по воде. Он сичас приплавит к братцам, прямехонько к ним. Они и поедят его».

Ладно, царица привязала колобок к веревочке и пустила по морю. Поплыл – поплыл колобок – прямо к братцам во двор. Видят братцы: колобок плывет: «Давай, говорит, съедим его, больно он румян, скусный, чай, поди, сладкой». Ну, и съели. Сичас у них в сер[д]це и зашевелилось: «Это, говорит, беспрременно нам матушка наша родная прислала. Где ни есть она тут. Снарядились, пошли искать. Хвать-от она тут-то и есть. Сичас они в избу к себе и, стали почитать всем,

¹ Инды – инда – даже, так что, что даже.

² Поточки – птицы.

³ Гóведа – мн. крупный рогатый скот. В данном контексте просто животные.

⁴ Скусный – вкусный.

в передний угол¹ //(Л. 44) засадили. Поросеночек, щеночек, лягушка с ней, не отступают, и за стол сели. Сынки и спрашивают ее: «Что ты, говорят, матушка водишься с ними? Разе не нашла ково полутше?». А мать им и отвечает: «Это, говорит, все мои сыночки: нельзя кинуть их: свое ведь». Да и рассказала, все как есть рассказала. Про лягушку, как она, значит, и из моря вынесла, и дом нашла и все.

Только сынки и говорят: «Мамонька ты свет наша, больно нам хотца на родителя посмотреть. Живем мы здесь без разума, без родителева благословения. Отведи ты нас к нему». Вот и пошли; чисты поля, зелены луга, поточки царски поют песни арски – за ними идут (sic!) и поросеночек, и лягушка, и щеночек тут же. Ну, и пришли // (Л. 44 об.) они домой. Ягибаба, как шальная, бегаёт с угла на угол, стреляет по избе; видит, значит, плохо: режанеч ей будет. А царь увидал их, сичас встречать вышел. Привел их в избу. И стали они жить да поживать, да добра наживать. Вам сказка, а мне баранков связка: вам на поученье, а мне на угощенье. Здоровы будьте, добрые люди!

(Запис[ано] в дер. Калямовой).

17. Маёрша

Жила-была маёрша. Пошла она к обедне. А она баская, красивая была, кто нейдёт – заглядится. Вот и идет тут мимо татарин, баёт ей: «Миленька маёрша, полюби меня!». «Ладно, баёт, приходи, как стемнеет». И опять, значит, // (Л. 45) своей дорогой пошла. Вот ладно. Навстречу тут попадается дякон: «Миленькая маёрша, полюби меня!». «Ладно, баёт, приходи, как стемнеет, сладимся». Идет дальше. А тут поп с обедни пошел; увидал маёршу да и баёт: «Миленька маёрша, полюби, баёт, меня». «Ладно, баёт, приходи, как стемнеет».

Вот ладно. Маёрша мужу и баёт: «Поди, баёт, куда-нить на вечер; ко мне гости придут». Он ушел. Только что ушел он, приходит татарин да приносит денег мешок; баёт: «Куды деньги то дёвать, миленькая маёрша?». «Ну, баёт, вали за печь». Сели тутотка² они на печь, баяли, баяли... Татарин и сказал: «Не пора ли нам, миленька маёрша,

¹ Передний угол – краснѣй у́гол (от ст.-слав. красънь – «красивый, прекрасный»); святой угол, передний угол, кутный угол (кут), большой, почётный, верхний угол, кутник – у восточных славян наиболее почётное место в избе, в котором находились иконы и стоял стол, обычно был обращён на юго-восток.

² Тутотка – тут.

спать?»). «Ночь еще долга, – насидимся, набаемся». Это будто ма // ёрша-то (Л. 45 об.) бает. А тут дьякон стучится; в калитку, значит, бухает со всех сил: «Пусти», бает. Она сейчас ему: «Разболокайся, бает, вставай на лавку да держи полицу¹». Татарин стал тут. Пустила дьячка; а он мешок принес с деньгами. «Куды, бает, деньги девать?» «Вали, бает, за печь». Свалил за печь, сел сам на печь; маёрша к нему подсуседилась. Баяли, баяли... Дьякон, бает – «Поздно уж»; бает: «Миленька маёрша, не пора ли спать ложиться?» «Ну, бает, ишо налёжмся, навалеемся: ночь-от долга». А тут поп стучится. Дьякон сейчас: «Куды, бает, я денусь?» «Прячься под короб, на полати полезай». Залез туды дьякон; сидит, молчит. Она сейчас калитку отворила, попа пустила. А он с деньгами: кошель целый // (Л. 46) припёр (sic!). «Куды, бает, деньги девать, миленька маёрша?» «Валей за печь да полезай на печь; и сама туда же за ним. Сидели-сидели. Только поп и бает: «Не пора ли нам ложиться, миленька маёрша?». «Налёжмся ишо, набаемся, ночь то вот долга». Ну, тут и муж идет, стучает в ворота. Поп забоялся. «Миленька маёрша, куды, бает, я денусь?» «Разболокись, батюшко, оболочи вот этот портяной старушкин сарафан² да подь, мели на жерновах³». Посередь избы жарнова стояли; она и заставила его молоть рожь. Пришел тут муж. «Что, бает, у тебя за баушка?». «Была, бает, на базаре, купила дуру (sic!), дала грош да и велела молоть рожь: на посыпку свиньям пригодится» «А эт//от (Л. 46 об.), чево у тебя?» Татрин-от стоит, на него указывает. «Это живопищики⁴ ехали, живопись написали». Муж бает ей: «А чево, бает, глаза бегают, чево ребра равны? Надо скобелью⁵ оскоблить. Дай-ко тут у меня, бает, в пестере⁶ скобель была». Как услышал татарин это, да давай Бог ноги. Так и убежал. А поп да дьякон не сдогадались, тут остались.

¹ Полица – посудная полка на стене.

² Портяной сарафан – сарафан из грубой дмотканой ткани.

³ Жернова – ручная мельница.

⁴ Живопищик – рисовальщик, художник.

⁵ Скобель – Ско́бель (струг, наструг, кородёр) – старинное орудие плотников в виде прямого или изогнутого лезвия с рукоятями на обоих концах, предназначенное для сдирания коры с брёвен и их первичного обстругивания.

⁶ Пестерь – плетёная из лыка корзина, короб. То же, что и кузов.

Вот маёрша и бает: «Возьми, бает, ружье да постреляй в короб: что-то там елозит». Муж как взял ружье да как начал пулять в короб, – так и убил дьякона.

Потом, значит, за попадьею послали, пожелали ее достать в гости. Пришла попадья. Жалуется, что поп пропал. «Пошел, бает, к обедне да так и не бывал; запростился где-то ша//тина¹ (Л. 47)!» А муж и бает: «Была вон жена на базаре, дуру купила, дала грош, чтобы мелила (sic!) рожь: авось пригодится свиньям на посыпку». Глянула она, – ан это поп. «Кабы не моя, бает, дура то эта». Взяла да увела его домой. Тем и покончилась. Маёрша разбогатела. Жила да орешки все грызла!..

(Запис[ано] со слов Федора Коротаяева в г. Орлове).

18. [Барин и раб-живописец]

Жил был человек один, а у него был раб-живописец. Строгий был этот человек, спуску никому не давал. Муку мученску терпел от него раб, ни днем, ни ночью покою ему не было: все рисуй да рисуй, а барин себе в карман деньги кладет. Одно // (Л. 47 об.) слово жидомор, настоящий N (имя этого Орловского купца, отличающегося свою скупостью). Вот раз призывает он раба своего, да и говорит ему: «Нарисуй, говорит, мне черта, да чтобы верно было, точка в точку чтобы». «Да как же, говорит, я нарисую, ваше благородие, коли я не видал его никогда». «А уж это, говорит, дело твое. Рисуй, как знаешь, только чтобы было непременно, а то смотри: повешу, говорит». Видит раб – смерть приходит; что тут делать? А нарисовать не умеет. Тогда еще на иконах-то этих чертей не было, православные не знали, как рисовать его. Стал он Бога молить, чтобы Бог ему помог. Помолился крепко-накрепко, потом лег и заснул. Вдруг и слышит чей-то голос: «Раб, вставай, поди в баню, там увидишь черта и патрет с него нарисуешь». // (Л. 48) Встал он и пошел в баню. Сел за стол, грамотку взял, – во как ты теперичко, сидит, дожидается. Вдруг и слышит: в предбаннике стук, вой поднялся. Он так и обмер. А тут кто-то крикнул: говорит: «Раб Божий, не убойся!». И из-за двери выставилась рука по самое плечо, мохнатая, толстая. Такая. У-у! Раб дрожит, а сам водит, водит по бумаге, ну, и нарисовал. Тут опять: «Раб Божий, не устрашись!». Нога из-за двери выставилась. Он сейчас и ее сри-

¹ Шatina – бездельник, гуляка // ОСВГ. – Вып. 12. – С. 108.

совал. «Раб Божий, не умри!». И вся рожа высунулась. Он сейчас все и нарисовал. Только идет он из бани, а ему голос слышится; говорит: «Раб Божий! Ты не гляди на картину; а сверни ее да барину отнеси. Да смотри у него там не долго оставайся, а сейчас как отдашь// (Л. 48 об.) -от, выходи, а то худо будет». Ладно. Пришел он, отдал барину, а сам сейчас поскорее и вон, за дверь. Только вот обедать пора, а барин все нейдет, сидит там у себя. Что за чудо? Ждали, ждали; пошли туда – ан хватъ, он мертв лежит, а перед ним картина.

(Запис[ано] в г. Орлове, от здешнего уроженца – мещанина).

19. Как царь Соломон из ада вышел

Господь пошел в ад после смерти. Освободить там всех, вывел вон из аду, в рай определил. Тут в аду и царь премудрый Соломон был. Он и говорит: «Господи! А меня, говорит, что не взял? И мне отсюда хочется выйти». «Ну ты, царь Соломон, и хитер и мудер, сам выйдешь». И ушел. // (Л. 49) Царь премудрый Соломон видит дело плохо, останешься, пожалуй, совсем. Взял он всю мудрость свою, думать стал. Ну, и надумал. Сажень взял да ну отмеривать: «Это, говорит, под собор, это под часовенку, это под колоколенку», – весь ад измерял, плант¹, значит, произвел, весь как есть. Только черти и говорят: «Он, говорят, весь ад у нас отнимет; выгоним его лучше». И выгнали: «Поди, говорят, поди, убирайся; нам такие не нужны». Царь премудрый Соломон вышел сейчас, догоняет Господа: «Вот, говорит, Господи, ты меня не взял, а я сам вышел. Спасибо, ты мне мудрость дал».

(Запис[ано] со слов старика Тимофея Торопова, в деревне Тороповой). //

(Л. 49 об.) 20. О царе Петре

Петр – скрозитель² был: скрозь всеё землю прошел. И сюда (т. е. на Вятку) из Питера приезжал. Хотел здесь корабли строить, да мужики уперлись: не хотим, мол, слушать тебя, не станем робить. Петр и туды, и сюды, умалить хотел; да нет, ничего таки не сделал. Так и уехал: «Оставайтесь вы, говорит, здесь, пни вятские, и кораблей вам не будет никогда». Ну, и не было здесь кораблей николи³. Только

¹ Плант – план.

² Скрозитель – видящий сквозь землю. (Скрозь – сквозь, через чего-нибудь) // ОСВГ. – Вып. 10. – С. 121.

³ Николи – никогда.

во батюшка Александр Николаевич¹ запрет тот снял, и кораблям (парходам) велел сюды² ходить.

[Поехал царь Петр к Англичанам]

Поехал царь Петр к Англи//чанам (Л. 50). Приехал туды и стал строить корабли, будто как простой хрестянин. Только и увидала его там королева. Позарилась³ на него: больно уж хорош был. Вот и говорит ему: «Приходи ко мне уж во дворец вечером». Петр Великий посмотрел, видит: – царица перед ним, говорит: «Недосужно⁴ мне больно, да уж ладно, говорит, для вашей милости приду, так и быть; работы, значит, брошу, а приду беспрременно». Вот ладно. Приходит вечер. Нужно к королеве идти. Пошел к ней во дворец. «Где, говорит, тут мне королеву найтить? Мне ее саму нужно видеть; давече⁵ наказывала придти. Починить, должно, али что-то нужно ей». Сам под мышками держит скобель⁶, рубанок⁷, – весь // (Л. 50 об.) струмент свой приволок. Ему сичас сказали: «Вот, говорит, туды поди, там будет королева». Пошел он, шел, шел. Много комнат разных разукрашенных и лестниц тута: то вверх, то вниз спускаться нужно. Только и пришел он в большую горницу; а посередь её трон, а на троне то царица сидит. «Здравствуй, говорит, Петр Великий!». Он диву дается, как это она его знает. «Да как ты меня, говорит, знаешь?» «Да уж

¹ Батюшка Александр Николаевич – Александр II Николаевич (17 [29] апреля 1818, Москва – 1 [13] марта 1881, Санкт-Петербург) – российский император (1855–1881) из династии Романовых, проводивший широкомасштабные реформы. Старший сын сначала великокняжеской, а с 1825 г. – императорской четы Николая Павловича и Александры Фёдоровны.

² Сюды – сюда.

³ Позариться – страстно захотеть овладеть кем-либо, чем-либо.

⁴ Недосужно – устар. некогда, недосуг.

⁵ Давече – 1. Недавно, несколько часов тому назад. 2. Накануне, на днях // ОСВГ. – Вып. 3. – С. 110.

⁶ Скобель – скобель (струг, наструг, кородёр) – старинное орудие плотников в виде прямого или изогнутого лезвия с рукоятями на обоих концах, предназначенное для сдирания коры с брёвен и их первичного обстругивания.

⁷ Рубанок – рубанок (от нем. Raubank), рубан, рубаночек, – ручной плотницкий и столярный инструмент, служащий для получения путём строгания ровной поверхности дерева.

я знаю; даве¹ заприметила тебя, потому и спозвала. Давай ужинать, садись – гостем будешь». Сели ужинать. Всякие варева на золоте подают, вин заморских нанесли, ложки то сербряны, ножи золоты... Вестимо, царски полаты², не то, что у нас; из эких рюмок пить не станут... Только королева и говорит Петру Великому: «Петр Великий, // (Л. 51) возьми, слышь, меня замуж за себя; я тебе все царство свое подарю, а как не возьмешь, так расстрелять велю». Петр Великий и говорит: «Неслед³ мне царю белому, православному тебя замуж брать, ты ведь еретница⁴, нашей веры не держишься, а твоя вера собачья...». И-и-и, батюшки светы, как осерчала королева: «Так ты так-то, чу, Петр Великий, ругать меня вздумал в моем дворце! За это тебя следовало бы злой смерти предать, да уж я помилую тебя. Только вот тебе испытанье. Ложись нынче ночью со мной на одну постелю. Я тебя буду обнимать, целовать, а ты ежели пальцем тронешь меня – голова прочь, и царство свое не увидишь». Петр Великий говорит: «Ладно, я лягу с тобой, и пальцем тебя не трону». Вот она сичас скликала прислужниц своих: «Подите, говорит, // (Л. 51 об.) мне устелите; я сичас спать лягу». Они пошли стлать: перины там, подушки... Господи, Господи, чего только нет. Ну, вот она и говорит Петру Великому: «Ну, говорит, ляжем топерь». Легли. Она его ну целовать, миловать, к сердцу прижимать. Петр Великий и разморило. «Дай», говорит. «Нет, и думать не моги...». А сама все обнимает, да цалует его. Он опять: «Дай», говорит. «Нет и думать не моги...». Ему уж невтерпеж стало. Зачал он ей сказки плести, разные говорил, – нет все как-то не мог подойти. Тут уж ругаться стал: «Ваши, де, совсем не умеют ничего; как есть дураки настоящие. Ты вот и царица есть, да и то... видала ли когда клинья⁵?» «Видала», говорит. «А умеешь ли заколачивать их?». Царица говорит: «Нет, не умею». Петр Великий говорит: «Я, пожалуй, покажу тебе, а то какая это – царица, а // (Л. 52)

¹ Даве – тоже, что и давече.

² Царски полаты – царский дворец.

³ Неслед – диал., прост. – Не следует, не нужно.

⁴ Еретница – последовательница ереси 1. Еретичка женщина 2. обл. бранное слово.

⁵ Клинья – клин –заостренный с одной и расширяющийся с другой стороны кол, кусок дерева, железа, треугольный предмет для распорки в столярном деле и строительстве.

клинья закалачивать¹ не умеет». Ну и показал верно. *Отпентерил* ее, да и к стороне; сичас в окно, да и утек. Царица за ним в догон целое войско послала, да где тут догнать? Он и от двух войск и то убег бы. Ловкий был парень, сичас тут, а завтра ищи его. Как гармонь во все стороны растягивался. Куды захочет, туды и потянет.

(Запис[ано] в г. Орлове).

21. [Водяной и Дядюшка-Леший]

Однажды вышел водяной на берег драться с лишим. Он одолел «дядюшку»² и повесил его на дерево. Дядюшка висит на березе, висит, качается. А тут один христьянин шел, Кузьмой звали его. Дядюшка как взмолился ему: «Осовободи, говорит, го//лубь (Л. 52 об.), из петли; что хошь сделаю для тебя». Кузьме пожалелось, выпустил его из петли. Черт: «Я, говорит, не дам тебе деньги топереча; потому куды тебе их? Сыт, обут, работаешь хорошо. Я лучше за тебя в солдаты пойду». А тогда еще охотники были; за другого можно было служить. Ну, Кузьма говорит: «Ладно; да только ты обманешь меня, пожалуй». «Нет, пошто обманывать? Ты мне удружил, и я тебе тоже удружу». Хлопнули по рукам, зипунами³ поменялись. Кузьма домой пошел.

Вот спешно, царь набор собирает, на войну хочет идти. Дядюшка за Кузьму в ратники пошел; а ему наказывает: «Сходи, говорит, ты, Кузьма, в деревню ко мне, проведай родников моих; тоже у меня там отец, мать остались. Ты им поклон скажи, да скажи еще, что я на царской службе топерь, через 12 лет домой буду». Кузьма пошел. // (Л. 53) Только он прямо в деревню не пошел, а зашел перво в кабак. Деньги у него были, он и запировал там. Пьет день, другой, шесть ден прошло. «Нет, говорит, топерь будет; нужно идти к свату в гости». Пошел в чертову деревню. А черт ему допрежь все рассказал, как идти. «Ты поди, говорит, все на восход, все на восход. Дойдешь до перекрестка – влево сверни и ступай тут задом наперед. Увидишь деревню, 9 домов, каменно строеньё. Ну, и спроси там, где мой отец;

¹ Клинья заколачивать – эвфемизм, слово или выражение, заменяющее собой (и таким образом смягчающее) резкое, грубое или интимное высказывание.

² Так наз. пермяки лешего (прим. Н. А. Добротворского).

³ Зипун – длинный кафтан из самотканного сукна.

так и спроси: где, мол, тут найти Ивана Ванеча¹. Тебе сейчас укажут; ты и ступай в тот дом. Там увидишь и мать, и отца». Пошел Кузьма в лес; шел, шел; видит: перекресток. На лево взял, повернулся и задом пошел. Тут деревню увидел, 9 домов – все каменно строенье. Спросил: «Где, говорит, тут Иван Ванеч живет?». Ну ему, // (Л. 53 об.) видимо, сказали: «Вон, говорит, где он живет». Кузьма в дом взошел, видит, Иван Ванеч сидит за столом, впереди. А образов нет никаких, одни шишки еловые торчат. «Вот, говорит, так и так; сын ваш, черт лесной, за меня охотой в солдаты пошел, а я вам от него поклон принес. Все ли добру по здорову, ответьте?». «Ничего, говорит, здорово, садись с нами, гость будешь». Кузьма сел, обедать зачали. Пряниками его, канфетами угощают; водки тоже поднесли. Что хошь, пей и ешь. Старик и говорит Кузьме: «Больно мне здесь скучно без сына-то; гости, Кузьма, у меня». Кузьма рад, остался. Прожил шесть ден, стал было домой собираться. «Пора, говорит, и честь знать, не все в гостях сидеть». А тут леший и приходит... это сын-от, значит. Он уж всю службу прошел, топерь от царя отпущен, домой идет. А Кузьма и не ведает, что 12 лет прошло // (Л. 54) все ему кажется, что 12 ден.

Леший ему и говорит: «Собирайся, Кузьма, домой пойдешь. Жена у тебя там загуляла, за другого замуж хочет выходить. Завтра и девичник будет». Кузьма закручинился: «Как, говорит, это так, жена моя за другого выходит. До чего Господь меня, грешного, довел!» Леший и говорит ему: «Ты, говорит, не кручинься, я тому делу помогу. Жена ни за кого не выйдет, у тебя останется. Поедем со мной». «Поедем», говорит. Черт как свистнул – сичас их подняло и понесло ветром по воздуху, выше леса стоячего, ниже облака ходячего. Ехали, ехали; вдруг Кузьма шапку обронил. «Постой, говорит, дядюшка, я шапку обронил, надоть поднять». «Нет уж, говорит, теперь некогда понимать; шапка то твоя далеко осталась, за 500 верст позадь нас. Да нишни² заедем в Казань, новую купим». Ну и вправду, заехали, новую купили. Только приезжают в деревню к Кузьме. Черт и // (Л. 54 об.) посылает его в избу. «Пооди, говорит, один, а мне нельзя: суседко³, пожалуй, рассердится». Кузьма пошел. А в избе сидит впе-

¹ Ивана Ванеча – Ивана Ивановича.

² Нишни – несов. молчи, не издавай никаких звуков // ОСВГ. – Киров, 2011. – Вып. 6. М–Н. – С. 248.

³ Суседко – домовой (прим. Н. А. Добротворского).

реди жена, с женихом целуется, а девки песни поют. Только Кузьма и говорит: «Дайте, говорит, напиться, люди добрые». Дали ему пива, в туес¹ налили. «Нет, говорит, пусть молодка-сударушка, сама невеста поднесет мне». Пошла к нему невеста сама: честь требует, как же? Только подходит ближе к нему, видит, а на руке то у него перстень обручальной. «Это, говорит, мой перстень». И мужа узнала сейчас, взяла его за рученьку, подвела к столу: «Вот, говорит, гости дорогие, муж мой, а я ему жена». Тут и стали вместе жить. А Черт подарил Кузьме на прощанье 100 р[ублей] денег да полведра водки.

(Эта сказка записана у пермяков Орловского у[езда] Вятской губ[ернии] в с. Слудском. Мне рассказывали ее на половину на русском, на половину на пермяцком языке. Для удобства я перевел все пермяцкие слова по-русски. Что касается до содержания сказки, то всякий может видеть, что самобытного в сказке нет ничего: все заимствовано из разных русских сказок. Оно и не мудрено: пермяки Орл[овского] у[езда] Вятск[ой] губ[ернии] живут на большой дороге и давным-давно обрусели, утратили все следы своей национальности. Если что и осталось у них своего, так это один язык, да и тот начинает мало по малу «рушиться» и забываться).

Комментарии

Сказки, легенды, предания и т. д. (Орловск. у. Вятской губ.)
Запис. Н. Добротворский. АРГО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 39. Л. 1–54 об.
Рукопись в четверку. Получено в 1882 г.

№ 1. [Хотел один раскольник причастье расстрелять].
Л. 1–1 об.; [Другой вариант]. Л. 1 об.

В легенде раскольник хотел расстрелять причастие, которое он не проглотил, а положил в карман². Только он прицелился, как ему показался человек в белом, отвел ружье – там никого нет. Такой обо-

¹ Туес – круглый берестяной короб с плотно прилегающей крышкой для переноса продуктов.

² В «Рассказе отца Алексея» И. С. Тургенева (впервые опубликовано: «Вестник Европы», 1877, № 5) герой Яков под воздействием Беса выплюнул причастие и растер ногой. Возможно, что при разработке одного из эпизодов рассказа сыграли некоторую роль и литературные ассоциации. В заметке «Дневника писателя» Ф. М. Достоевского «Влас» (о стихотворении Некрасова), опубликованной в № 4 «Гражданина» за 1873 г., приводился эпизод

рот заставил раскольника не стрелять по причастию. Вывод в легенде делается с учетом психологии и этики человека: «так и бросил, не стал стрелять, потому (Л. 1 об.) что не станешь же стрелять по человеку». Но самое главное, что в легенде религиозный момент углубляется тем, что человек в белом был никто иной как Иисус Христос.

В религиозных легендах часто действуют персонажи христианской мифологии, но в народной трактовке, которые соотносятся с языческими, фольклорными персонажами. В другом варианте легенды, записанном Н. Добротворским, мифологический и психологический аспект усиливается тем, что человек хотел расстрелять щепку, на которую капнула кровь из порезанной руки, но «глядь, ан на песке сидит перед ним красная баба, – вся красная, вот как брусника». В легенде не уточняется, кто была эта «красная баба», но на «божественное» происхождение «красной бабы» указывает то, что Н. Добротворский в рукописи подчеркивает, что это «другой вариант» предыдущей легенды о расстреле причастия. В этом варианте текста можно видеть указание на Богородицу, так как ее часто в народных представлениях изображали как красную, связанную с «рудой» – кровью. Так, А. Н. Афанасьев приводит заговоры на остановку крови, в которых есть обращение к Богородице: «на море, на океане,

с «оскорблением святыни», которое должно было произойти, но не совершилось под влиянием галлюцинации – видения Христа.

В деревне несколько парней поспорили: «Кто кого дерзостнее сделает?». Один из них, местный «Мефистофель», взял со своего товарища клятву исполнить то, что он укажет, и затем потребовал от него принять причастие, но не проглотить.

«– Отойдешь – вынь рукой и сохрани. А там я тебе укажу.

Так я и сделал. Прямо из церкви повел меня в огород. Взял жердь, воткнул в землю и говорит: положи! Я положил на жердь.

– Теперь, – говорит, – принеси ружье.

– Я принес.

– Заряди.

– Зарядил.

– Подыми и выстрели.

Я поднял руку и наметился. И вот только бы выстрелить, вдруг предо мною как есть крест, а на нем Распятый. Тут я и упал с ружьем в бесчувствии» (Достоевский Ф. М. Дневники писателя. 1873 // ПСС в 30-ти томах. – Москва: издательство «Наука», 1980. – Т. 21. – С. 34).

на острове на Буяне девица красным шелком шила; шить не стала – руда перестала»¹. Еще в одном заговоре: «как вечерняя и утренняя зоря станет утухать, так бы у моего друга милаго всем недугам потухать», Афанасьев делает вывод о том, что «из приведенных заговоров видно суеверное усвоение древне-языческих представлений о богине Зоре – пречистой Деве Богородице; такое смешение, очень обыкновенное в народных сказаниях»². Видение «красной бабы» и намерение выстрелить в Богородицу вызвало психологический шок, человек «испугался, тут же упал и умер».

№ 2. [О громе...]. Л. 1 об. – 2.

Перedelка библейской легенды.

По мнению А. Н. Афанасьева, на образ Богородицы были перенесены древнейшие черты о «богине-громовнице»³. В тексте (О громе) раскрывается легенда о связи Богородицы с тайной грозы. Автор/исполнитель рассказывает о том, как Богородица не узнала о тайне грома, потому что мучилась только три дня после смерти Сына. В устах народного рассказчика слова Христа звучат как упрек Богородице: «Мати моя! Ты, говорит, три дни мучилась, как я мертвым был, – потому и не знаешь; а кабы ты, говорит, промучилась еще три дня – ну тогда бы тебе открылось это. А теперь тебе узнать (об этом) никак нельзя. Так и не сказал: «после де, узнаешь, как на страшный суд придешь». Очень важное дополнение в тексте от лица информанта: «А ноне многие пишут и говорят о громе, пытаются узнать тайны Библии. Грех это большой». Н. А. Добротворский уточняет: «записана в с. Пинюжанском у раскольников». Легенда отражает осуждение проникновения в тайны Библии, соблюдение «страха-уважения» перед этим.

№ 3. [В богатстве правды нет]. Л. 2–3.

Впервые опубликована: Сборник великорусских сказок архива Русского географического общества. Издал А. М. Смирнов. Вып. 1–2. – Петроград, 1917. Вып. 1. № 122. С. 377. (Записки Русского географического общества по отделению этнографии, т. 44). (Вятская губ.)

¹ Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. В 3-х т. – Москва: Изд-во «Индрик», 1994. – Т. 1. – С. 223, 224.

² Там же. С. 224, 225.

³ Там же. С. 226.

СУС 751С*=АА *7961 «В богатстве правды нет: добрый бедняк получает богатство, становится скупым и прогоняет нищих».

Вар.: Иваницкий, № 50.

№ 4. Сказание об Антихристе. Л. 3–3 об.

Переделка библейской легенды.

В «Сказании об Антихристе» раскрывается известный сюжет о «последних днях»: «Антихрист придет скоро. Он уж теперь родился, – родился из царского рода. Сидит в горе каменной, за 12 железными дверями, за 12 железными замками. Голод его мучит, пить ему там нечего, – вот он и грызет те двери с замками. 7 дверей прогрыз, осталось всего пять». Этот сюжет о Сатане (Антихристе) имеет много вариантов. Так, А. Н. Афанасьев приводит целый ряд сюжетов и отмечает, что «почти то же рассказывается и в нашем народе: в день воскресения Христос посадил сатану в подземелье под скалой, заковал его в двенадцать железных цепей и запер двенадцатью железными дверями и двенадцатью железными замками. Сатана в продолжение года грызет двери, замки и цепи, но всякий раз, как только остается ему перегрызть последнее звено цепи, раздастся радостный клик: «Христос воскрес!» – и в то же мгновение двери, замки и цепи становятся по-прежнему целыми и крепкими. Будет, однако, время, когда он успеет разорвать цепи – и тогда наступит конец мира»¹. В этом же селе от раскольников была записана еще одна легенда «Сказание об Антихристе». Еще Э. В. Померанцева отмечала, что такой мифологический персонаж, как черт, отражает народный взгляд на искушителя (Антихриста). Эти сюжеты легенд связаны с христианскими представлениями о Боге и Антихристе. Особые черты этому персонажу приписываются старообрядцами. Они считают этот образ отражением не только библейских взглядов, но имеющих черты никонианских последователей. «Легенды о происхождении чërта, бытующие в народе, – писала Э. В. Померанцева, – как правило, восходят к апокрифической литературе и базируются на представлениях о борьбе светлого и темного начал в мироздании, о борьбе бога и сатаны. <...> В них рассказывается о том, как сатана возгордился, и бог сверг его. «Сотона же прошибе землю и ста на бездне под землю,

¹ Афанасьев А. Н. Указ. соч. С. 447.

и ина же его сила с ним, иная же сила оста на земли и претворишася в бесы и прелщают человеки»¹.

№ 5. [Как мужик перехитрил черта]. Л. 3 об.–4.

В сказке упомянут в начале леший, а потом черт.

Впервые опубликована: Сборник великорусских сказок архива Русского географического общества. Издал А. М. Смирнов. Вып. 1–2. – Петроград, 1917. (Записки Русского географического общества по отделению этнографии, т. 44). Вып. 1. № 123. С. 377–378 (Вятская губ.)

СУС 1062 «Кто выше бросит камень: птица вместо камня».

Вар.: Сказки Сар. обл. С. 31–33; Никифоров, 65; Элиасов, Тунк., 194; Митропольская, 111.

№ 6. Откуда медведи пошли. Л. 4–4 об.

Записано в г. Орлове, 1882 г. «Сказки, легенды, предания и т. д. (Орловск. у[езд], Вятской губ.). Запис. Н. Добротворский» (АРГО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 39–41); Поздеев 2010: 14. Широко известный мотив превращения в медведей злых людей. Легенда также дает толкование табуистическому названию зверя. Березкин В109. Человек стал медведем.

Впервые опубликована: Сборник великорусских сказок архива Русского географического общества. Издал А. М. Смирнов. Вып. 1–2. – Петроград, 1917. (Записки Русского географического общества по отделению этнографии, т. 44). Вып. 1. № 124. С. 378. (Вятская губ.).

Вар.: Азбелев 1992, № 319 (г. Орлов Вятской губ.) [чтобы их еще больше боялись, помещик с женой решают стать невиданными зверями; стали медведями; мужик увидел, как медведь ест малину; пошли всем селом; медведи на дереве мед сосут; их называли медведями]: 461 (=Белова, Калининков 2014, № 137: 106).

№ 7. О том же. [Откуда медведи пошли]. Л. 5–7 об.

Впервые опубликована: Сборник великорусских сказок архива Русского географического общества. Издал А. М. Смирнов. Вып. 1–2. – Петроград, 1917. (Записки Русского географического общества по отделению этнографии, т. 44). Вып. 1. № 125. С. 378–380. (Вятская губ.).

¹ Померанцева Э. В. Мифологические персонажи в русском фольклоре. И. Я. Порфирьев. Апокрифические сказания. – Санкт-Петербург, 1877. – С. 89. Оригинал доступен на сайте КнигоГид (<https://knigogid.ru/books/506333-mifologicheskie-personazhi-v-russkom-folklore/toread/page-37>).

В рукописи приведено два предания «Откуда медведи пошли». Так, в предании № 7 [О том же] используется сказочный сюжет. Последняя сказка записана Н. А. Добротворским в с. Великорецком. Сюжет развивается как у А. С. Пушкина в «Сказке о рыбаке и рыбке», только вместо рыбки в этой сказке выступает береза.

Афанасьев Т. 1: 89–90 (без указ. места записи; указаны варианты из Пермской и Енисейской губ.).

АТУ 555 «Рыбак и его жена». См. также СУС 555 «Коток золотой лобок (золотая рыбка, чудесное дерево)» с указанием вариантов (с. 158). Один из самых популярных этиологических сюжетов у русских и украинцев. Другие варианты этого сюжета, столь же многочисленные, которые следуют за пушкинской «Сказкой о рыбаке и рыбке», не имеют этиологической концовки: все возвращается на круги своя. Как и в большинстве вариантов, терпение дарителя заканчивается, когда проситель требует, чтобы его сделали богом. Как и во многих версиях, инициатором требований выступает жена. Ср. № 143.

Ср. аналогичные тексты о происхождении волков (№ 148) и кошек (№ 168).

Вар.: Семевский М. И. Сказочник Ерофей // Отечественные записки. – 1864. – № 2. – С. 489, 490.

Березкин В109. Человек стал медведем. Русские (Рязанская): [мужик пахал, жалуется барыне на жизнь; отвечает, что хочет быть барином; она сделала его барином; теперь хочет быть царем; барыня: всегда будешь недоволен, будь медведем; вот откуда взялся медведь]. Вар.: Смирнов 1917, № 240: 134; русские: Азбелев 1992, № 319 (г. Орлов Вятской губ.). Описание сюжета: [чтобы их еще больше боялись, помещикс женой решают стать невиданными зверями; стали медведями; мужик увидел, как медведь ест малину; пошли всем селом; медведи на дереве мед сосут; их называли медведями]: 461 (=Белова, Кабакова 2014, № 137) баба послала деда нарубить дров; липа просит ее не рубить – будут дрова; дома наколотые дрова; затем старуха посылает к липе за хлебом; затем хочет, чтобы их все боялись; старик вернулся, на пороге споткнулся и стал медведем; старуха тоже споткнулась, стала медведицей; от них происходят медведи], 141 (Олонецкая). Олонецкая: [старик хочет рубить липу, чтобы продать и купить хлеба]: 109, 109-110; Кузьмина и др. 2005, № 7/21. Описание сюжета: [бобыль собрался рубить липу,

та просит не рубить, обещает новую избу; затем бобьль просит богатство, знатность; когда стал просить царства, липа превратила его в медведя; поэтому у медведя лапы походят на человеческие руки]: 107–108; Белова, Кабакова 2014, № 138, 142 (Москва). Описание сюжета: [бобьль стал рубить липу; та предложила исполнить его желание; он попросил хозяйство, затем жену, затем пост старосты, чиновника, губернатора; когда хочет быть царем, липа превращает его и жену в медведей]: 110–112; (другие односюжетные русские варианты: Белова, Кабакова 2014, № 143–145: 113–116).

№ 8. Отчего у человека в «нутре» грязно. Л. 7 об. – 8.

Березкин. Н42. Творец отлучается. Н43аа. Оплеванные фигуры. 14.28.31–36.39 Власова 1986, № 41 (Орловская губ.). Описание сюжета: [Бог создал Адама и Еву, пустил жить в раю, оставил чистую Собаку сторожить рай от лукавого; тот дал Собаке кусок хлеба, она его пропустила, он с головы до ног оплевал Адама и Еву; Бог вывернул Адама и Еву наизнанку, поэтому слюна поганая; сделал собаку нечистым зверем, она по шерсти погана, а по нутру чиста, зовется не собака, а пес]: 38; Кузнецова 1998 (Новгородская, Псковская, Вятская, Смоленская, Орловская, Пензенская, Тамбовская). Описание сюжета: [Бог сотворил тело человека, отошел, оставив собаку, которая была тогда без шерсти, стеречь его; Сатана, напустив холод, соблазняет собаку теплой шерстью, чтобы она подпустила его к человеку; оплевал человека; Бог вывернул человека наизнанку нечистым внутрь]: 99, 159; Морохин 1998, № 457. Описание сюжета: [Бог сотворил человека, Дьявол обмазал его соплями и грязью; Бог снял грязь, сотворил из нее собаку, велел охранять человека; Дьявол испугался ее и ушел; (зап. Е. Т. Соловьевым в 1874 в Казанской губ.)]: 427; русские (Новгородская, Псковская, Вятская, Смоленская).

№ 9. Об Иване, сыне крестьянском и Марье-царевне. Л. 8–22 об.

Впервые опубликована: Сборник великорусских сказок архива Русского географического общества. Издал А. М. Смирнов. Вып. 1–2. – Петроград, 1917. (Записки Русского географического общества по отделению этнографии, т. 44). Вып. 1. № 126. С. 381–391. (Вятская губ.).

СУС 313А. «Чудесное бегство: Юноша, обещанный черту (водяному царю, чародею), в назначенный срок является к нему, выполняет с помощью девушки (дочери водяного царя) трудные задания, бежит с нею; они превращаются в разных животных и предметы».

№ 10. [Девушка и жених разбойник]. Л. 22 об. – 25 об.

Впервые опубликована: Сборник великорусских сказок архива Русского географического общества. Издал А. М. Смирнов. Вып. 1–2. – Петроград, 1917. (Записки Русского географического общества по отделению этнографии, т. 44). Вып. 1. № 127. С. 391–393. (Вятская губ.)

СУС 956В «Девушка и разбойник». Девушка и разбойники: девушка, оставшись одна дома, замечает спрятавшегося разбойника и убивает его; товарищи убитого под видом сватов увозят ее к себе; девушка бежит; разбойники являются в ее родительский дом, девушка их разоблачает.

Вар.: Афанасьев, 342, 343; Садовников, 106; Кавк., 1893, XVa, с. 164–167; Записки Красн., II, 20; Ончуков, 13, (224); Цейтлин, 15; Зеленин, Перм., 71; Винокурова, 20, (=Верхнел., 18); Васильев, IV, 7a, 1), (с); Чернышев, 55, 65; Балашов, 68; Шастина. 14; Кожемякина, 1973, с. 148–152; Бахтин-Ширяева, 23 № 14 «Мужик и запойщик».

№ 11. Откуда баба пошла. Л. 25 об. – 26 об.

Березкин F5A. «Женщина из хвоста», АТУ 798.

Вар.: Белова, Кабакова 2014, № 368 (Архангельская, конец 1920-х). Описание сюжета: [Сотворил Бог Адама. Тому тоскливо стало. Стал у Бога бабы просить. Бог было отговаривался, отговаривался да и согласился. Вот уснул Адам. Бог вынял у ёво рёбро, хотел из ёво бабу сотворить. Да захотел в это время до ветру. Положил Бог рёбро, сам убежал за кусты. Бежала мимо собака, увидала рёбро, сцапила и побежала. Бог выскоцил из-за куста, побежал за собакой, схватил её за хвост. Собака рванулась. Хвост оторвался. Бог и говорит: А ведь все равно. Мясо за мясо сойдёт. Взял, да и сотворил Еву из собацёво хвоста].

№ 12. [Быличка]. Л. 25 об.–26 об.

Подобный сюжет: Вятский фольклор. Мифология / подг. изд. А. А. Ивановой. – Котельнич, 1996. – № 318–322.

№ 13. [Быличка]. Л. 26 об. – 27.

Впервые опубликована: Сборник великорусских сказок архива Русского географического общества. Издал А. М. Смирнов. Вып. 1–2. – Петроград, 1917. (Записки Русского географического общества по отделению этнографии, т. 44). Вып. 1. № 128. С. 393. (Вятская губ.).

Зиновьев 40. Под рождество в пустом доме бес загадывает девкам загадки – № 774–778 (750). VI 40 Под рождество в пустом доме

бес загадывает девушкам загадки: девушки гадают, к ним является черт, загадывает «Что на свете три косы?» – отвечает парень (старик), наблюдающий за девушками, тем их спасает; девушки не могут отгадать загадки – черт их губит. Вар.: Вятский фольклор. Мифология / подг. изд. А. А. Ивановой. – Котельнич, 1996. – № 135, 147.

№ 14. Мужик и запойщик. Л. 27 об. – 31 об.

Впервые опубликована: Сборник великорусских сказок архива Русского географического общества. Издал А. М. Смирнов. Вып. 1–2. – Петроград, 1917. (Записки Русского географического общества по отделению этнографии, т. 44). Вып. 1. № 129. С. 393–396. (Вятская губ.).

СУС 1359 «Любовники попы в печи». 1536В=АА *17301 Мужик хоронит трех попов, мужик убивает трех попов (панов, купцов) – любовников своей жены; нанимает солдата (пьянчугу), чтобы тот бросил тело одного из попов в реку, затем подсовывает второго и третьего; солдат бросает в реку и встретившегося с ним живого попа, приняв его за вновь ожившего утопленника. Вар.: Афанасьев, Акад., III, 33, с. 404–406 (Заветн.); Ончуков, 82; Зеленин, Вят., 35; Соколовы, 33, 87; Зимин, 105; Винокурова, 22; Озаровская, 12; Карнаухова, 12, 16; Куприяниха, 69; Красноженова, 21; Ск. Сар. обл., с. 88–91; Тамб., 25; Господарев, 29; Волог., 22; Молдавский, с. 230–232; Померанцева, Башк., 37; Королькова, 1969, с. 365–370.

№ 15. [Иван-царевич и мачеха Ягибаба]. Л. 31 об. – 40.

Впервые опубликована: Сборник великорусских сказок архива Русского географического общества. Издал А. М. Смирнов. Вып. 1–2. – Петроград, 1917. (Записки Русского географического общества по отделению этнографии, т. 44). Вып. 1. № 130. С. 396–402. (Вятская губ.).

СУС 400₂ =АА 400*В Царь-девица: герой обручается с нею, но усыпленный трижды просыпает свидание: отыскивает ее с помощью животных или волшебных предметов.

Вар.: Сказки дедушки, с. 3–29; Афанасьев (230), 232, 233, (271, 272); Эрленвейн, 12, 40; Белкин. 4; Садовников, 61; Соколовы, (57); Карнаухова, 131; Коргуев, 24, 25; Господарев, 3; Тумилевич, 12; Потвин, (19), 20.

№ 16. [Иван-царевич и Ягибаба повитуха]. Л. 40–44 об.

Впервые опубликована: Сборник великорусских сказок архива Русского географического общества. Издал А. М. Смирнов. Вып. 1–2. –

Петроград, 1917. (Записки Русского географического общества по отделению этнографии, т. 44). Вып. 1. № 131. С. 402–405. (Вятская губ.).

СУС 707 Чудесные дети: царь (царевич) подслушивает разговор трех девушек-сестер; женится на младшей, обещавшей родить прекрасных сыновей; детей, рожденных ею в отсутствие царя, подменяют сестры (ведьмы) щенятами (зверенышами); царь приказывает посадить жену с новорожденными в бочку и бросить в море; бочка приплывает к острову, где сын основывает царство чудес-диковинок; царь едет посмотреть на диковинки и встречается с женой и детьми; клеветницы наказываются.

Вар.: Афанасьев, 283–286, 287 (13), 288, 289; Худяков, 49, 53, 63, 84, 85; Колосов, С. 311–314; Ончуков, 5; Соколовы, 42; Китайник, 10.

№ 17. Маёрша. Л. 44 об. – 47.

Впервые опубликована: Сборник великорусских сказок архива Русского географического общества. Издал А. М. Смирнов. Вып. 1–2. – Петроград, 1917. (Записки Русского географического общества по отделению этнографии, т. 44). Вып. 1. № 132. С. 405–407. (Вятская губ.).

СУС 1730* Влюбленный поп вертит жернов (перебирает просо, толчет крупу): жена по уговору с мужем заставляет попа, пришедшего к ней, молотить зерно (сам муж заставляет попа-любовника перебирать просо, толочь крупу).

Вар.: Смирнов, (5); Карнаухова, 151; Курск., С. 47, 48.

№ 18. [Барин и раб-живописец]. Л. 47 – 48 об.

Впервые опубликована: Сборник великорусских сказок архива Русского географического общества. Издал А. М. Смирнов. Вып. 1–2. – Петроград, 1917. (Записки Русского географического общества по отделению этнографии, т. 44). Вып. 1. № 133. С. 407–408. (Вятская губ.).

СУС 819*=АА *816 Портрет черта: крепостной живописец по приказу барина рисует портрет черта; рисует в бане, не смотрит на него и приносит барину; барина находят мертвым.

Вар.: Афанасьев, Легенды, (31); Башк. Ур., 12. С. 37–39.

№ 19. Как царь Соломон из ада вышел. Л. 48 об.–49.

Впервые опубликовано: Сборник великорусских сказок архива Русского географического общества. Издал А. М. Смирнов. Вып. 1–2. – Петроград, 1917. (Записки Русского географического общества по отделению этнографии, т. 44). Вып. 1. № 134. С. 408. (Вятская губ.).

СУС 803 Цепь сатаны: Христос освобождает из ада грешников, но оставляет там царя Соломона; тот приковывает сатану (Люцифера) к цепи, которую он непрестанно грызет, но каждый год после пасхи она становится такой же.

Вар.: Сов. фольк., № 2–3, с. 311; Добровольский, 32, с. 258–266; Романов, VI, 50, с. 447–460; Т. 1. С. 203, Верещагин, № 456.

Лит.: Кузнецова В. С. Легенды народной Библии о Соломоне в аду: устные и книжные источники // Критика и семиотика. 2010. Вып. 14. С. 17–28.

№ 20. О царе Петре. Л. 49 об.

[Петр – скрозитель]

Легенда имеет местный сюжет. Во время правления Александра II по р. Вятке прошел первый пароход. Вятчане встретили пароход только 3 (15) мая 1861 г. Эта встреча подробно описана очевидцем в «Вятских губернских ведомостях»: «Старые и малые, мужчины и женщины бежали на берег реки, мчались туда на собственных и наёмных экипажах, чтобы посмотреть необыкновенное явление – прибытие парохода...» (Б. п. Вятка 3 мая 1861 // ВГВ. Часть неофициальная. Отд. 2. 1861. 6 мая. С. 147).

[Поехал царь Петр к Англичанам]. Л. 49 об.–52.

Сюжет сочетает сказочные и легендарные мотивы.

№ 21. [Водяной и Дядюшка-Леший]. Л. 52–55.

Опубликована: Добротворский Н. Два слова о верованиях пермяков // ВГВ. 1883. № 14. С. 3, 4; Сборник великорусских сказок архива Русского географического общества. Издал А. М. Смирнов. Вып. 1–2. – Петроград, 1917. (Записки Русского географического общества по отделению этнографии, т. 44). Вып. 1. № 135. С. 409–411. (Вятская губ.).

Известный сюжет: леший в благодарность за услугу служит мужику.

В финно-угорской мифологии сюжет борьбы водяного с лешим (например, Вёрса с Васа) охотник оказывает помощь Вёрса, за это он получает награду. Упоминание сражения лешего с водяным и вознаграждении лесника за помощь лешему есть в статье И. Н. Смирнова «Пермяки...». «Пошел лесник в лес. Идет мимо плотины и видит – леший сражается с водяным» (С. 269).

ПЕСНИ (28 стр.)

(Л. 1) 1.

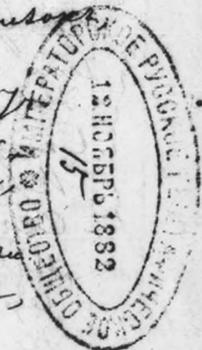
Что, мой милый, занываешь?
Что случилось с тобой?
Твои оченьки поблекли,
На меня уж не глядят,
Все уста ваши прелестны
Про любовь не говорят.
Кто к любви очень близок,
Завсегда сердце болит,
Сердце ключиком кипит.
Стали Ванюшу женить.
Полтора-ста издержали,
За себя Дуняшу взяли,
Дуню в тереме держали.
Дуня в тереме ходила,
Своего мужа будила:
– Встань-ка, Ванюша, проснись,
Удала к тебе преехала родня.
У широких ворот дороги гости стоят,
Дороги да не простые –
Шурья-братья холостые.
Дуня сплакала, завыла,
На крылечко выходила,
Говорила братьям речь:
Уж вы, братья мои, братья,
Поезжайте, братья, к дому,
Повезите по поклону
Моему отцу родному;
Позабудьте-ка одну
Да мою мамоньку родну. //

(Л. 1 об.) Вы-ка то ее забудьте,
Что просватала меня,
Просватала отдала
Не за милого дружка.
Приобзарилась она

Песни. (Увеч.)

1.

Тво, мой милой, самовласть?
Тво ступочка к мадам?
Мои оренбуки подкажи,
На меня удрис не сводити,
Все уста ваши прехеснос,
Про любовь не сводити.
Амо к: любовь оренбуки сводити,
Завсегда сергуе сводити,
Сергуе хрестомоси кити,
Стану Ванову сводити,
Похорога - ста сводити,
За себи дурину сводити,
Дурин к: мерени сводити,
Дурин в: мерени сводити,
Своер милона сводити:
Смане ка, Вановна, просити,
Угана к: мейн протавла сводити.
У широкити воже долом воже сводити,
Долом да не просити -
Мурет - бранет сводити.
Дурин етаката, сводити,
На етаката сводити,
Своерка бранити сводити:
Удрис в: бранет мой, бранет,
Похорога, бранет, к: сводити,
Похорога по поклону
Моему сводити сводити,
Похорога ка егну
Да моя мамонку сводити.

На высокие дома,
На высокие на дома,
На раскрашены балконы,
Что на медны самовар,
На хрустальные стаканы.
Сколь я чаю не пила –
Вдвое слез я пролила;
Сколь я сахару не ела –
Вдвое горя претерпела.
Через блюдце слезы льются,
Не могу сердца унять, –
Я не знаю, с кем гулять.

(Песня подгородних крестьян. Записана в г. Орлове, Вятской губ.).

2.

Поиграй, моя гармошка,
Со лазоревый цветок (sic!)
Приходи, моя милая,
Со горючею слезой.
Слеза канет, снег растает, –
Тута вырастет трава,
Никто травынки не сорвет,
Никто серпом не сожнет, –
Никто милую не сватат //
(Л. 2) Никто замуж не берет.
Я сидела бы, девчонка,
На высоком под окном (sic!).
Я взвилась бы полетела
Где живет мой дорогой,
Пригорюнилась бы села
В (sic!) край дороженьки большой
По Симбирской трактовой,
Мимо рощи зеленой,
Мимо рощи он идет,
Радость песенки поет
В терем голос подает,
Чтобы слышала милая,
Не дремала, не спала,

К себе милого ждала.
У мово то ли милóва
Жена лютая змея
Обесчестила меня
Хочет девушку бесчестить,
Всю на свете просмеять,
Русы косы приобрезать
Алу ленту в грязь втоптать.
Тебя, мой миленькой женят,
Тебя (меня?) замуж отдадут,
Так и воли не дадут.
Ох ты тятка, тятка мой!
Я не пахарь буду твой,
Не коситель луговой – //
(Л. 2 об.) Раззоритель домовой.
Раззорил я мать-отца,
Сам в солдаты нанялся.
С горя ноженьки не ходят, –
На подводе увезут.
Ох, ты тятка, тятка мой
Я на печке отдыхать (sic!).
Я кошу, кошу, кошу
Косу на межу брошу,
Сам за девкам побегу.
Девок восемь, я – один;
Девки в баню, я в овин.
Девки легли на полок,
Ручки ножки в потолок...

(Окончание нецензурное. Записано в с. Слудке, Орловск[ого] у., Вятской губ.; у пермяков. Песня эта самая распространенная здесь; поют ее и с аккомпанементом гармоники и без нее, и старые, и молодые, и даже дети. К слову замечу, что с. Слудка лежит на большой дороге; здешние пермяки совершенно обрусели, приняли русскую одежду, нравы, многие переменяли даже свой язык на русский).

3.

Пристроила сударыня сына своего разным животом,
Что и чистым серебром, красным золотом.

Выйду я, сударыня, на пристань кораблей,

Куплю я, сударыня, корабль новую.

Корабль новья со гребцам стоит,

Со гребцам стоит, дожидается.

Провожу я тебя сударыня по синю морю, //

(Л. 3) Взойду я, сударыня, на круту гору,

Вскричу я, сударыня, своим зычным голосом:

Простимся с тобой!

– Рад бы я проститься – корабль не стоит,

Корабль не стоит, как сокол летит.

– Ты когда, мое дитяtko, в гости будешь ко мне?

– Домой меня, матушка, через 20 лет,

Через 20 лет либо буду, либо нет, –

Буду к тебе матушка через 30 лет.

Прилечу я тебе, мамонька, кукушечкой,

Сяду ли я, мамонька, на твой зелен сад,

На твой зелен сад, над твоим окошечком,

И пропою тебе, мамонька, своим громким голосом,

Горькими слезами весь сад потоплю,

Кручиной, печалью все яблонки изеушу.

(Записана в с. Слудка. Напев протяжный, заунывный).

4.

Любил парень девку,

Любил да вспокинул,

Что вспокинул, насмеялся. //

(Л. 3 об.) В глаза, в черны очи,

Во черныя бровья,

В черны бровья, в черны глаза.

Свети, свети, месяц,

Свети молодой, –

Во всю темну ночь, –

По улице вдоль, до крайня двора

Во крайнем во дворике

Вдовушка живет;

У вдовушки девушка –
Больно хороша;
Очень больно хороша,
Домнушка-душа
–Домна ли ты, Домнушка,
Открой ворота,
Встречай молодца.
–Молодец ты, молодец,
Не во время пришел, –
Несчастье твое,
Несчастье мое.
Я головушку чешу,
Сама косыньку плету;
Русы косы заплету,
Ленту наложу.
– Алую то ленточку
Кто тебе купил?
Батюшка купил,
Милой подарил, //
(Л. 4) Безотходен был,
Без отказа жил,
Тропинку тропил,
Дорожку торил,
Пряничком манил,
Вином напоил,
Пряничком кормил.
(Записана тоже в с. Слудке, у пермяков).

5.

Что на крутом на бережочке,
Да уж как на желтеньком песочке
Стоял тут темненький лесочек.
Как во этом во лесочке
Стояла тёмница.
Что во этой во темнице
Сидит молодец удалой,
Сидит молодец удалой – московский извощик,
И во эту по темницу никто не заедет,

Не заедет и не зайдет.
Вот зашла туда
Дорогая матушка родимая.
– Ох, дитя, чадо милое!
Уж и полно тебе в темнице сидеть //
(Л. 4 об.) Не пора ли тебе дитячко на свет выходить.
Свою буйную головушку на свет выносить?
Уж хотят тебя, Миронушка, в солдатушки отдать.
– Не пойду я, добрый молодец, в солдаты...
(не кончена. Запис[ано] там же, в Слудке).

6.

Скажем-ка мы, братие,
Что значит двенадцать?
Двенадцать – апостолов.
Скажем-ка мы, братие,
Что значит одиннадцать.
Одиннадцать – праведных,
Столько же неправедных (?)¹
Скажем-ка etc.
10 – заповедей божьих.
Девять – чинов ангельских,
Столько же архангельских.
Восемь – концов у креста².
Семь – соборов святых отец³. //
(Л. 5) Шесть – крыл херувимских.
Пять – ран на кресте.
Четыре – Евангелиста.
Три – патриарха на земле.
Два – скрижали Моисея.
Один – Сын Марии,

¹ По др[угому] варианту: одиннадцать праотцев (прим. Н. А. Добротворского).

² По др[угому] варианту: восемь душ спасшихся (прим. Н. А. Добротворского).

³ По др[угому] варианту: семь соборов и вселенских (прим. Н. А. Добротворского).

Милует, карет,
Всеми управляет.

(Запис[ано] в селе Пинега, Орловск[ого] у. Вят[ской] губ., у рас-
кольников).

7.

Ой ты, ягодка, ягодка моя,
Сладка ягодка изюменная!
Что по блюдечку катается,
Ровно сахар разсыпается.
Цаю, цаю рось (sic!) по горенке хожу,
Цаю, цаю ручки в пазушке ношу;
Я ношу, ношу, понашиваю,
На сине море поглядываю,
На сине море поглядываю.
По синему по морюшку
Пташица плывет,
Что плывет да расплывается (sic!)
И в ладе не остается.
Что по бережку детинушка идет,
Он идет, идет, насвистывает //
(Л. 5 об.) И с собой ведет девонюшку.
Девонюшка то его спрашивает,
А детинушка рассказывает.
– Еще что долго не женишься?
– С молодой женой намаешься,
Со старухой нагорбешься
Кабы ты, моя девонюшка,
За меня пошла за сирого.
Уж тогда, моя девонюшка,
Мы с тобой бы славно зажили.
Ой ты, ягодка, ягодка моя.
Сладка ягодка изюменная!

(Запис[ано] в г. Орлове, со слов Орины Халтуриной).

8.

Ой, воля, ты, воля,
Воля батюшкова!

Утешай нас не жена –
Нига (нега?) матушкина.
Куды ёна захотела,
Ёна вздумала пошла,
Рука в руку положила,
За праву руку взяла,
За праву руку взяла,
По горнице провела,
Миколаем назвала.
Ой, пой ты, не пой,
Мне не быть за тобой, //
(Л. 6) Уж я буду ли не буду
За Миколенькой – дружкой.
Как у Коли-кудряша
Нету денег ни гроша, –
Походочка хороша.
За походочку люблю,
За праву руку возьму,
Я за Вашу за любовь
Золотым кольцом дарю, –
С руки перстень золотой
Позолоченый, витой.
Ой, воля, ты, воля,
Воля батюшкова!
Утешай нас не жена –
Нига матушкина!
(Записана в г. Орлове).

9.

Экой Ваня, разбесова голова,
Сколь далече отъезжаешь от меня?
На кого ты спокидаешь, друг, меня,
Не на друга, не брата своего.
С кем прикажешь лето теплое гулять?
– Ходи, гуляй, моя милая, одна
Сам уеду на чужую сторону, –
В дальны города,

Оставляю я тебя горькой сиротой
Не на друга не брата своего //

(Л. 6 об.) (Запис[ано] со слов крестьянки Аксиньи Сем[еновны].
Калеватовой в дер. Мундере).

10.

Лет пятнадцати мальчишечка
На Кавказ уехал жить
Да у хозяина служить.
Хотел девять лет прожить;
Через 8 на девятый
Привелось расчет просить.
С хозяином рассчитался –
Денег гроша не пришлось
Всю дорожку мальчик проехал –
Об расчетике скучал,
Куды денежки девал,
Когда гривна, когда рубль,
Когда два с полтиной вдруг.
Я не буду баловать
Да с долгим хвостам гулять:
Не пособят наживать,
А пособят проживать.
Деньги дело наживное,
Об них нечего тужить;
Любовь – дело другое,
Об ней нужно дорожить.

(Записано со слов Григория // (Л. 7) Колеватова, в д. Мундера.
Песня, очевидно, новейшей формации. Мундера – деревня подгород-
ная и малоземельная, крестьяне все уходят на сторонние заработки).

11.

Эх, сказали Васю в очи не видал,
Не видать Васю, не видывати,
Его голосу не слыхивати.
Вот Василий по улице идет,
Во руках Вася да скрипочку несет,

Во гармонию наигрывает:
Ты гармонья, гармонья моя,
Выбирай дружка Васильюшка!
Вот сказали: Вася в очи не видать,
Не видать Васю, не видывати
Его голосу не слыхивати, и т. д, и т. д.

(Песня эта поется парнями под аккомпанемент гармоники и повторяется обыкновенно сряду // (Л. 7 об.) раз 10–15. Она очень нравится парням; ее можно слышать на деревне каждый день. Запис[ано] в той же дер. Мундере со слов Григория Колеватова).

12.

Уж как по мосту, мосточку,
По калиновому,
Ой, калина-ли моя, ой, малина-ли моя!
По другому, по сухому,
По рябиновому
Ой, калина-ли моя, ой, малина-ли моя
Ай и шел, прошел детинка
Голубой на нем кафтан (2)
Ой, калина-ли моя! Ой, малина-ли моя!
Полы машутся, раздуваются
Ой, калина и проч.
Миткалинова рубашечка
Белеется
Ой, калина проч.
А косою вороточек,
Золотой галунок
Не ворохнется.
Ой, калина ли моя! Ой, малина ли моя!

(Запис[ано] со слов Орины Халтуриной, дер. Халтуриных).

13.

Маленький мальчуточка, где ты вечер был?
Ой, и где ты спобывал?
В горенке сидел,
В окончо глядел; //
(Л. 8) На полё поехал,

За угол задел,
Зазнобу запел:
Зазноба, зазнобушка,
Зазноба моя
Где ты, моя милая, живешь?
Далече живет, далече –
По ту сторону Москвы.
Где мы, миленький, расстались,
Тут мы с тобой не видались
(Запис[ано] со слов Орины Халтуриной).

14.

Прощай девки, прощай бабы
Нам топеря не до вас:
Во солдаты везут нас.
С горя ноженьки не ходят,
Глазки на свет не глядят.
Я не верила подружкам,
Почему милова жаль;
Я сповыросла поболе,
Я сама стала гулять,
Стала милова жалеть. //
(Л. 8 об.) Ошшо што это за месяц:
Ночью светит, во день пять, –
Ошшо што нынче за милой:
Летом ходит, зимой нет.
– Мне зимой ко тебе ходить –
Да во кафтане без карманов,
Без подошвы сапоги.

(Рождественская, поют на игрищах. Запис[ано] со слов Орины Халтуриной).

15.

На рождественских игрищах играют, между прочим, в вьюнок.
Все становятся в круговеньку; парень сидит посередь круга на стуле
или просто на полу и «выбирает вьюнок». При этом поют.

Сидит олень на перёгороде.
– Тепло ли те, олень?

Студено ли те, олень.
– Колды тепло, колды студено,
Колды холодно, колды голодно.
– Призакинься, олень, призакучивайся! //
(Л. 9) Вот со девушки платочек,
Со голубушки веночек,
Со старья старушки
Почепешничек,
С молодова музыцка
Опоясоцка.

В это время каждая девушка дает парню свой вьюнок: кто плат с головы, кто серьгу, кто суперчик. Потом, когда песня кончится, одна из девушек входит в круг и начинает ходить вокруг парня (это здесь называется плясать); а прочие поют:

Выкупай-ко, красна девушка вьюнок,
Выруцай-ко, раскрасавица, вьюнок.
Не отдам ино¹ без выкупа,
Не отдам ино без выруцки топерь,
Что без сто рублей, без тысяцы,
Без дородной красной девушки. //

(Л. 9 об.) Затем девушка подходит к парню и просит у него свой вьюнок. Парень не дает так, назначает выкуп – «раз, или два почоловать». Девушка исполняет его желание. Но парень все-таки не отдает ей вьюнка он требует, чтобы девица сказала ему, кто у нее жених. После долгих отнекиваний и протестов, девушка накрывается вместе с парнем платком и говорит ему на ухо имя своего суженого. Тогда парень отдает ей вьюнок. В середину круга входит другая девушка на место первой; с ней повторяется то же самое. Затем третья, четвертая и т. д., покамест парень не перецелует всех девок в хороводе. Тем и игра кончается.

(Запис[ано] в дер. Калямовой).

¹ Ино – частица, которую местные жители прибавляют почти к каждому слову. Никакого значения в речи она не имеет (прим. Н. А. Добротворского).

16.

Покочуся колесом,
Диво то ли-лю //
(Л. 10) Ладо-то моя!
Наломаю прутьев кма¹
Диво то ли-лю
Ладо-то моя!
Огород загорожу
Диво то и проч.
В саду яблонь посажу
Диво то ли-лю и проч.
Скажи, кто ее сушил?
Скажи, кто ее познобил?
Детинушка сушил,
Детинушка познобил.

(Песня тоже Рождественская, хороводная. Вначале песни девка ходит в круге, а парень «по-за-кругу». При словах: «Скажи, кто ее сушил, познобил?» парень входит в круг, целуется с девкой и пляшет с ней, т. е. ходит плавно по кругу.

Запис[ано] в дер. Калямовой).

17.

Сидит дрёма,
Сама дремлет //
(Л. 10 об.) Полно дрёмушка дремати,
Пора девок выбиратьи
Выбирай-ко, выбирай, –
Коя лучше,
Коя толще,
Коя чище всех.

(Песня Рождественская. При начале ее парень середь круга на стуле, или просто на полу. Во время пения слов – «Забирай-ко, забирай и т. д.» он берет из круга девку, какая ему «потянется», и сажает к себе на колени. Запис[ано] там же).

¹ Кма – много.

18.

Сидит дрёма на золоченом стуле
Прядет дрёма шелковый кужель
Золотое веретенцо –
Пряла, такала –
Куды она девала?
Мужу на рубашку,
Себе на сарафан. //

(Л. 11) А ты, девка, а ты, красна,
Пряла ты, ткала,
Куды ты девала?

Девушка, которая сидит посреди круга на стуле, отвечает-поет:

– На огород вешала, вешала.

Хор:

– А куда с огорода девала?

– Собаки, собаки утащили.

(Песня эта также Рождественская, «игрищёвая». Записана в дер. Калямовой).

19.

Сидит, сидит ящер
Под ореховым кустиком;
Грызет, грызет ящер
Ореховы ядра.
Ящер ты, ящер,
– Будешь ли жениться? //

(Л. 11 об.) Выбирай невесту –

Из-сорока любую,

Из трех молодую.

– Стар я стал,

Не могу я (в)стать

(В)стати было,

Походити было,

Разломать костей

Для своих гостей:

Для Дарьи, для Марьи,

Для Душицы, для Катюшицы.

(Песня Рождественская. При начале ее парень сидит посереде круга; при словах: «выбери невесту» он встает и берет за руку девушку, выводит ее из круга и становится возле себя, а сам опять садится. Когда запоют: «стать было, походить было...», он встает и пляшет с девкой. Запис[ано] в дер. Калямовой). //

(Л. 12) 20.

Во заводе были мы,
Сокола мы видели,
Соколицу-девицу,
Чистолицу, белую,
Щеки алы, румяны.
Тут девица гуляла.
Ты девица подбодрись,
Трое, двое обернись,
Раз пятнадцать поцелуй!

(Песня хороводная. Замечу мимоходом, что «караводом» здесь называют не только круг из парней и девок, схватившихся руками. Если дело происходит зимою, в «мясодны игрища» (от Рождества до Масляницы), когда каравода на улице водить нельзя, то молодежь собирается в чью-нибудь избу; девки рассаживаются вокруг стен по лавкам и скамьям, парни сидят за столом под матицей. (Л. 12 об.) Это и называется «кругом» или «караводом». Во всех случаях, когда я упоминал или буду упоминать «хоровод», нужно понимать под этим словом, кроме летнего обычного великорусского хоровода, еще и этот «круг-каравод» зимний, «игрищевой». – Во время этой песни девка и парень, схватившись за руки, крест на крест пляшут – бегают быстро вдоль комнаты, взад и вперед. Если же в комнате парней нет, что бывает в настоящее время очень часто, вследствие усиленного развития отхожих промыслов, – то под песню эту в хороводе пляшут 3 девушки, схватившись за руки. Запис[ано] в дер. Калямовой).

21.

Посеяли девки лен,
Коробец на семена.
Уродися, белый лен –
Маковки золочены,
Злат корень, шелковый, //

(Л. 13) Князь ходит по полю,
Молодой по чистому,
За ним шла, за ним шла
Раскастка девушка.
– Подыми, девка, картуз.
– А я сударь не твоя,
Не твоя служанушка, –
Родимого тятеньки.

(Песня хороводная – «плясковая»). Пляшут парами, человек
6–8, – если парни есть на лицо, то с парнями; если же нет, то и одни
девушки. Запис[ано] там же).

22.

Во мурышке¹ (sic!) валы вьются,
Вьются, вьются, вьются.
Конь тут к морю подбежал.
Он не напил – возмутил;
Возмутя, проговорил:
Подьте, девки, за мужья
За старого старика.

– Я старому сноровлю,
Постелюшку постелю //

(Л. 13 об.) В три рядочка кирпичу,
Во четверто шипичу²

(Хороводная. Пляшут, правильнее ходят по кругу, парень с дев-
кой. Запис[ано] там же).

23.

Парень бравый да кудрявый
Вечор³ был у тебя,
Не признала ты меня
Отсылала от себя:
«Поди прочь, паренек,
Я сама мещанска дочь».

¹ Возможно, собиратель неточно понял слово «во морюшке».

² Шиповник (прим. Н. А. Добротворского).

³ Вчера вечером, местн[ое] (прим. Н. А. Добротворского).

Сколь ни дует ветерок
На Колковский городок¹,
На Колковский, Питинбургский,
На купеческий домок
У купца, у дворянина (дворянина?)
Растворялись воротца.
Тут красавица идет
Парень за руку ведет
На ней платице дерет
Голубое, дорогое – кошенировое.
(Хороводная-плясовая. Пляшут парами, по 6–8 человек. Записано в дер. Халтуриных). //

(Л. 14) 24.

Я по травке шла,
По муравке шла,
Я на бел камень ступила,
Алый тюфень² проломила.
Мне не жаль тюфня
Жаль белого чулка:
Чулочок беленький –
Дружок миленький.
Мил мой, мил,
Мила ягодка моя!
Не садись возле меня,
Не высматривай меня:
Я не пойду за тебя,
Уж я пойду ли, не пойду
За удала молодца.
Ходи, молодец, удал,
Носи голевой кафтан,
Пухову шляпу с пером,
С государевым орлом,
Полотенце на орел

¹ Должно быть, Колково село, Орловск[ого] у. Вят[ской] губ[ернии] (прим. Н. А. Добротворского).

² Тюфень – туфля (обувь).

Отцу матери сбезчестье
Роду племени покор. //

(Л. 14 об.) Мне нельзя идти домой

Сказать маменьке родной

Скажу так, либо сяк

Либо иначе, либо так.

(Хороводная, плясовая. Пляшут по двое – парень с девкой.

Запис[ано] в с. Великорецком).

25.

Вариант 24

Я по травке шла,

Да по муравке шла,

Я на бел камень ступила,

Алой тюфель проломила,

Чулок белой загрязнила.

Чулок беленький –

Дружок миленький!

Не садись подле меня,

Не гляди мил на меня,

Я невеста не твоя,

Я не пойду за тебя;

А уж пойду ли не пойду –

За Ивана-короля.

У Ивана-короля

Ни скота, ни живота. //

(Л. 15) (Тоже хороводная. Пляшут по двое. Запис[ано] в д. Тороповой).

26.

Вариант 4

Ково здесь нету –

Тово и люблю.

Ково ненавижу (sic!)

Зався на глазах,

Зався да на глазоньках,

На ясных очах

Свети, месяц,

Свети, молодой!
Просвети, месяц, дорожку
По улице вдоль.
В крайнем то дворике,
Во крайнем-то домушке
Вдовушка живет.
У вдовушки девушка,
Дочь была хорошенька,
Очень хороша, расхорошенька.
В доме-то недужка
В доме домовидушка //
(Л. 15 об.) Малая сестрица
Отворяй ворота,
Пропуская меня,
Добра молодца
– Не в пору да не во времечко,
Не в счастливый час
Молодец пришел.
Я головушку чешу
Медным гребешком,
Косичку плету,
Заплетаю алой ленточкой.
(Хороводная. Во время пения девка с парнем медленно и плавно
ходят по кругу или по избе. Запис[ано] в д. Тороповой).

27.

Вербонька кудрявая,
Не рости, верба, во ржи,
Рости, верба, на межи.
Вербу дождиком не мочит,
Вербу ветром не берет,
Канарейка гнездо вьёт
Соловейка разовьёт.
Люди спросят: «Чей такой?» //
(Л. 16) Таня скажет: мой сокол
Удивительный какой!
Удивил меня сокол
Своей белой красотой

Де¹ мы сойдемся,
Поздороваемся,
Разойдемся, распростимся,
Поцелуемся?
(Хороводная, плясовая. Пляшут парами, по двое. Запис[ано]
в дер. Калямовой).

28.

Не летай-ко ты, соколик, высоко,
Не маши-ко ты крылом далеко.
Ешшо много бояр с Москвы,
А и нет такого молодца,
Что детины хозяйновица (sic!)
Как Иван-от свет Лексеича.
Я бежу, бежу по поженке²
Добегаю до цасовенки:
На цасовенке то голуби сидят.
Первый голубь – ничего дак ничего,
(Л. 16 об.) А второй-от говорит дак говорит
Завтра праздничек Иванов день,
Девонюшка гулять пойдет,
Что гулять пойдет, –
С собой детинушку поведет,
Детинушку– хозяйновица.

(В былое время песня эта, по всей вероятности имела какое-
ниб[удь] обрядовое, таинственно-религиозное значение и пелась
только накануне Иванова дня, что видно из самой песни. Теперь она
потеряла свой первоначальный смысл и поется на игрищах и гулян-
ках. Языческое значение Ивана-купалы позабыто народом. Иван-
креститель³ является в понятии здешних крестьян уже как христи-

¹ Де – вм[есто] где (прим. Н. А. Добротворского).

² Пожня – сенокосная полоса местн[ое] (прим. Н. А. Добротворского).

³ Ивана Купала (Иванов день, Ив́анщина, Ивана Купалы, Купала) – народный праздник восточных славян, отмечаемый 24 июня (7 июля), посвящённый, по мнению исследователей, летнему солнцестоянию и наивысшему расцвету природы. По времени и названию совпадает с христианским праздником Рождества Иоанна Предтечи, от которого и берёт своё название: так как имя Иоанна – Креститель.

анский святой. Это видно из распространенного здесь поверья, что в Иванов день грешно есть капусту, так как «вилок» капусты // (Л. 17) напоминает по своей форме человеческую голову, да и капуста сама выросла из крови, капавшей на землю из отрубленной головы Иоанна Крестителя. – Как бы то ни было, но можно думать, что чествование Ивана-Купалы, Иванова дня, было распространено по здешней местности и исчезло только в недавнюю пору. В доказательство этого мы могли бы привести целую массу фактов – и летописных, и бытовых – но, чтобы не уклоняться слишком далеко от предположенной цели, мы ограничимся здесь только простым указанием на чрезвычайную распространенность этой песни в уезде, да и вообще по всей Вятской губ. У нас записано четыре варианта ее в разных местах уезда. Варианты // (Л. 17 об.) эти представляют на столько мало разницы, что мы не считаем даже нужным приводить их здесь.

Песней этой в настоящее время «жониха девки припевают». При слове «девоюшка» называют какую-ниб[удь] девушку, стоящую в кругу, а при слове детинушка – парня. Оба выходят на середину избы и пляшут, взявшись за руки. Запис[ано] в дер. Калямовой).

29.

Пошел молодец на гулянье,

На девицыно собрание

Ля-ли, ля-ли, ля-ли, ля-ли.

Мир вам, девушки,

Мир, куманье,

Ля-ли etc.

Мир вам, красная, веселая!

Ля-ли и пр.

Пошел молодец, захватился (sic!)

Пришел к мамоньке, жолобился,

Ох, ты, мамонька, мать родимоя! //

(Л. 18) Ты на что меня на горе спородила.

На что глупого да споженила?

Жена мужа не любит,

На постелюшку спать не пустит,

Со постелюшки сотолкает,

С изголовья съиспёхает,

Одеялышко сдергает.

(Хороводная. Две девки ходят по кругу взявшись за руки. Записана в дер. Калямовой).

30.

Во своей большой деревне

Не видал парень веселья.

Я видал, видал веселье

По одну воскресенье.

Сударушка-лапушка

По задворью ходит.

По задворью ходила,

Не тропицу тропила –

Водицу носила.

Детинушка бел-кудрявый

Из оконяя смотрит; //

(Л. 18 об.) Девушке слово молвит,

– Кабы ты моя сударка

Не эдак любила,

Инак бы ходила.

(Поют на игрищах. Пляшут парами под гармошку. Запис[ано] в дер. Калямовой).

31.

Как у сокола голова болит,

Как у ясного разболелался,

Чем мы будем ту голову лечить?

Лентой алой, парусентою (sic!)

Исполать¹ идет красна девушка,

Завила кудри у детинушки

До единого руса волоса.

(Хороводная. Темп скорый, поется под гармонику. Пляшут парами. Запис[ано] в с. Русанове).

32.

Зайду млада в сенницы

Возьму млада ведерцы, //

(Л. 19) Пойду млада по-воду –

На крутую на гору.

¹ Исполать – устарелое хвала, слава (в восклицательном обращении).

Сама сяду на траву,
Разсыплюся яблонью,
Яблонью кудрявою,
Душицей зеленою.
Кому было бы играть,
Кому было бы плясать?
Поиграть детинушке,
Поплясать девонюшке.

([Поют] на игрищах и на гулянках. Пляшут вчетвером (нечто вроде первой кадрили). Чуть ли не заимствована эта пляска у горожан, пот[ому] что в старинных песнях никогда вчетвером не пляшут. Сами крестьяне говорят, что эта пляска новая, появилась всего только назад 7–10 лет. Что же касается песни, то ее поют «исстари». Запис[ано] в дер. Мундере, подгородн). //

(Л. 19 об.) 33.

На улице во саду
Гулял молодец с саду (sic!)
Щиплет траву-лебеду,
Он и рвет, и берет,
Во пучечки кладет.
Пойду, кину, пойду в рощу,
Ко молодцу на колени.
Посижу я у него,
Погляжу я на него,
Поцелую, да уйду
С собой ешшо девку уведу.

(Хороводная. Пляшут 3 девки. Запис[ано] там же).

--

Кроме того, в хороводах на игрищах и гулянках поют следующ[ие] известные везде песни: «Во лузях, во лузях, во зеленых лузях» и проч. Во время пения этой песни три девки ходят по кругу или по избе, то ускоряя, то замедляя // (Л. 20) шаг, смотря по песенному темпу.

«Как у наших у ворот» и проч. При этом танцуют (так и говорят танцуют) вчетвером 1-ю кадрили. Почти всегда поют под аккомпанемент гармоники.

«На горе то малина» и проч. Пляшут вдвоем по кругу – девица с парнем, или просто две девицы, если в парнях недостаток.

«Посеяли лебеду на берегу во мою крупную расадушку» и т. д. – известная всем солдатская песня. Пляшут и по двое и по четверо. Очевидно, песня так недавно усвоена крестьянами, что они даже не успели приурочить к ней известной определенной пляски.

«Сидит Ваня на диване» и проч. При начале песни парень сидит посреди круга. Потом, когда запоют: «сам за Казен//кой (Л. 20 об.) поехал...», к нему подходит девица. Парень встает и кладет ей руку на плечо, и так идут оба вдоль избы или по кругу.

Все эти песни крестьяне сами наз[ывают] новыми и утверждают, что они только недавно занесены в здешние края бурлаками с Волги, солдатами, рогожниками, плотниками, шерстобитами, и владимирскими офенями, которых здесь по губ[рнии] очень много шляется. Орловские крестьяне впрочем накладывают на эти «прихожие» песни свой оригинальный отпечаток: каждую из них они приуравливают к хороводу, пляске и играм, что видно уже и из приведенных примеров. //

(Л. 21) 34.

Как вечерняя зорюшка спотухала,
На меня ли грусть тоска напала.
Из окошечка в окошечко глядела,
К себе милого дружечка поджидала.
Я ни чуть (sic!) его, милого, дождалася,
Я к миленькому дружечку на шею бросалася.
Подарила с ручки золото колечко
За колечико мамонька бранила:
– Ты куды, дочи, колечко потеряла?
– Я в огороде капустку поливала,
С ручки золот перстель потеряла.
Укатилось колечко по бороздке,
Укатилось золотое по глубокой.
За бороздкой то речушка бежит,
За речушкой мой миленький живет.
Скоро то колечко опять ко мне приплывет.

(Эта прекрасная песня записана у одной старухи в д. Чисти; молодые поют ее редко, почти совсем не знают. Поется протяжным, заунывным голосом). //

(Л. 21 об.) 35.

Не лести, милой, меня словам,
Не обманывай в глазах:
Ты почувствуй, друг мой любезный,
Что я тебе говорила,
За что я тебя, девчонка, полюбила,
Полюбила всем сердцем да душою,
Да усердной всей своей любовью.
Я с измалых лет, девченка,
У тятеньки, у мамоньки выросла,
В холе-ниге, во высоком терему,
От солнца, от погоды свое лицо сберегла
Цветно платьицо носила...
От худыя славушки никуда да не ушла.
(Запис[ано] в д. Чисти. Напев протяжный, грустный).

36.

Я вечор дружка милаго
Унимала ночевать: //
(Л. 22) Ты ночуй, ночуй любезной,
Ночуй ночку у меня.
– Я радехонек остаться, –
Боюсь до свету проспять.
– Ты не бойся, не бойся, любезной
Я до зорьки разбужу.
До зореньки разбудила
И далече провожала;
До тех пор я провожала,
Где любовь наша скончалась,
Скончалась, распалась...
Слезно плакала по нем,
Слезно плакала рыдала,
Да на бережке стояла
Ручки к сердцу прижимала.
Ты по що меня покинул?
– Я за то тебя покинул,
Что годами молода, –
Лет семнадцати девчонка –

За гульбой рано пошла.
(Песня хороводная. Пляшут или ходят по двое в круге. Запис[ано]
в д. Трухине). //

(Л. 22 об.) **37.**

Сидел голубочек,
Сидел на дубочке.
Прилетела пава,
Середь двора пала.
Про то павушка знала,
Про то разумела,
Где мой милой робит,
Где же работает.
Конюшка седлает,
Коня, лошадь вороную
Обседлавши коня,
Обседлавши ворона,
Со двора съезжает.
Шила, вышивала
Милому желетку
Золотым узором,
Золотым да мелким.
Плакала, рыдала
Слезы вытирала
Правою рукою
Русою косою.
Не плачь ты, милая,
Не плачь, дорогая! //

(Л. 23) Сам я скоро

Буду к тебе в гости

Привезу подарок –

Кумачу, китаек,

Дюжину сигарок (sic!).

(Песня, по всей вер[вероятности], занесена из города. Поют ее
редко. Запис[ано] в д. Чисти).

38.

Как под белою березкой
Не листочки шумят,
Не листочки шумят –
Про милого говорят (2),
Про милого про Иванушку-дружка.
Ты, Иванушка, дружок мой!
Завтра праздничек у нас,
Завтра праздничек-воскресничек
На гулянье в лес по ягоды пойдем,
За калиной, за малиной,
Черной ягодой-черемушкой. //
(Л. 23 об.) Принабравши Маша ягод,
Из лесочку прочь пошла,
Из лесочку, из садочку –
На большую-то дороженьку,
На большую, трахтовую,
На Симбирский большой трахт,
На Симбирский, на Московский
Во почтовый новый дом.
Во почтовом во дому
Пир беседа весела,
Пир, беседушка – веселье,
Молодежи больно кма¹,
Молодежь больно баска,
Да с ними Сашинька одна.
(Поется на помочах. Запис[ано] в д. Тороповой).

№ 39

Сколько вам, мамонька, не гнаться – расставаться.
Всю Расеюшку за нам не испроить. //
(Л. 24) Синя морюшка слезами не наполнить.
Наполняла сине море ручьями,
Из-под камешка погодка сподувает.
Не ясен сокол по воздуху летает,
Не отец сокола и не матери провожает,
Провожали, уважали меня люди добры,

¹ Кма – много.

Люди добрые, все суседи ближние,
Провожали, уважали всей деревней,
С единой мамонькой да не простился – воротился.

(Поется, когда провожают кого-ниб[удь] в солдаты. Напев необыкновенно заунывный и грустный. Во время пения никто не может сдержаться от слез, все – и родные, и посторонние – поют и плачут. Запис[ано] в д. Тороповой).

40.

Любила я друга семнадцати лет,
Миляе его нет.
Куда я не пойду – все горе за мной,
Чего я не возьму – из рук валится.
Лучше бы младенькой в больных лежати
Да в леса бежати.
В лесах вольги нету:
Лавровы листочки тихонько шумят –
Народ по деревне все во слых – говорят.
Пойду под куст, где пташки поют,
Спрошу пташек, где мой мил живет.
Моего милого давно вживе нет
Уж как закрылся он да тонким полотном.
Полотничко обшито черной бахромой,
Черной бахромой да золотой мишурой.
(Запис[ано] в дер. Крыничих).

41.

Хай, Дуняша, ты Дуняша доина (sic!)
По бережку ходила да гуляла //
(Л. 25) На камешек ножкой ступила да ступила!
Свет ты наша, родима сторона,
Истобенская, большая слобода¹,
Знать то мне во этой слободе не бывать,
Пивца и винца не пивать,
Сладкой водочки не кушивати,
Красных девок не целовывати.
(Свадебная. Зап[исано] в дер. Калямовой).

¹ Село Истобенское в 15 верстах от г. Орлова, вниз по течению р. Вятки (прим. Н. А. Добротворского).

42.

Вкруг я бочки хожу,
Вкруг дубовенькия,
Да я на бочку гляжу,
Да на дубовенькую.
Оттыкайся, гвоздок!
Наливайся, медок!
Наливайся, душа,
Душа зятюшкова.
Я напился, как бык,
Сам не знаю, как быть.

--

Вкруг я печки хожу,
Вкруг муравленья¹; //
(Л. 25 об.) Я на печку смотрю,
Да на муравленую.
Открывайся, заслон!
Вынимайся, пирог!
Наедайся, душа,
Душа зятюшкова!
Я наелся, как бык,
Сам не знаю, как быть!

(Свадебная. Поется утром на другой день свадебного пира, когда молодая начинает подметать избу, по которой разбросаны черепки разбитых горшков, а жених и вся родня его садятся за стол для «опохмелья» и завтрака. Других свадебных песен я здесь не привожу; в «Календаре Вятской губ. за 1881 год» помещены все свадебные песни Уржумского, Елабужского и вообще всех южных уездов губернии; здесь, в Орловском у., они поют такие же или с // (Л. 26) самыми незначительными вариантами. Поэтому приводить их здесь было бы излишне).

43.

Я гуляю, веселюсь,
Тяточки с мамкой не боюсь.
Тяточка мерина продаст,
На гулянье денег даст;

¹ Муравленая печь – печь, отделанная глазурованными изразцами.

Мамка по миру пойдёт,
Мне игрушку¹ заведет.
(Обыкновенная песня молодых парней, поется всегда под гармо-
нику).

44.

Будет нам, ребята,
Чужо пиво пити;
Не пора ли нам, ребята,
Свое заводить.
У нас все, братцы, готово //
(Л. 26 об.) Все и испасено:
У нас солод на овине,
А хмель на тычине.
Тычинушка к земле гнется,
Бело хмель вьется.
Обломился, опустился
Хмель на сыру землю
Не сплетайся, не срастайся,
Бел хмель, с повилицей;
Не сживайся, не свыкайся,
Молодец, с девицей.
Хорошо наше свыканье,
Тяжко расставанье:
Мы свыкалися годочек,
Расставлись в часочек.
(Запис[ано] в с. Соловецком).

45.

Маленькой мальчишечко –
В горенке сидел (2),
Свое горе терпел.
Сушит, грустит сердечко
Знаю для кого (2), –
Для любезны своеё. //
(Л. 27) Во тереме, во садочке

¹ Игрушка – здешнее название гармоньи (прим. Н. А. Добротворского).

Сашинька живет.
Там места прекрасны,
Приятный дух несет
Если ты сполюбишь,
Возьму за себя;
Если не сполюбишь, –
Убью сам себя.
Сам себя убью,
Во сыру землю пойду
Чую, люди бают,
Слышу, говорят,
Словно будто мальчика бранят.
Маленький мальчишечка
Шельма, видно, был (2),
Сам себя он погубил.
(Запис[ано] в с. Соловецком).

46.

Как завел мне муж коровушку
На мою бедну головушку.
Сяду я под ту коровушку, //
(Л. 27 об.) Зареву во всю головушку.
(«Пьяные бабы поют»)

Все старинные песни здешних крестьян непременно соединены с игрою и пляскою. Даже из новых песен, заимствованных со стороны, многие совершенно акклиматизировались здесь и сопровождаются игрою и пляской, как это видно из предыдущего. У здешних крестьян нет даже слова петь песни; здесь говорят: «играть песню», а не петь.

У многих песен в моем сборнике не помечены игры. // (Л. 28) Это произошло главным образом от того, что многие песни записаны не мной самим, а доставлены мне лицами посторонними. Но я уверен, что большая часть приведенных здесь песен сопровождается плясками и играми. За это говорит общая тенденция в здешнем народе олицетворять песню, представлять ее в живых образах и картинах. Я полагаю, что эта тенденция имеет строго традиционный характер. Она представляет любопытный образчик // (Л. 28 об.) переживания

в культуре. Это остаток, наследие времен давно-минувших, когда песня имела известное обрядовое значение.

Еще одно замечание. Может быть, многие из этих песен уж появились давным-давно в печати и известны публике. Я не знаю этого. Мне привелось жить в таких глухих палестинах¹, что достать какой-нибудь сборник народных песен и проверить себя не было никакой возможности.

Н. Добротворский

Комментарии

Песни. АРГО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 41. Л. 1–28 об. 56 стр. в восьмушку. Получено в 1882-м г.

1. **«Что, мой милый, занываешь? Что случилось с тобой?»** Л. 1–1 об.

Лирическая песня.

Близкий вариант: Соколовы 2, 430.

2. **«Поиграй, моя гармошка, со лазоревый цветок».** Л. 1 об. – 2 об.
Частушечный спев состоит из нескольких частушечных текстов.

3. **«Пристроила сударыня сына своего разным животом».** Л. 2 об. – 3.

Лирическая песня рекрутская.

4. **«Любил парень девку, любил да вспокинул».** Л. 3–4.

Близкий вариант: Соб. VI, № 118; Абрамский, № 18; ПП, № 1664; Леонтьев, № 157. ТКУЦ, № 36.

5. **«Что на крутом бережочке ...».** Л. 4–4 об.

Лирическая песня рекрутская.

6. **«Скажем-ка мы, братие, что значит двенадцать?»** Л. 4 об. – 5.

Духовный стих записан от «раскольников». По происхождению кант, сочиненный учениками духовных школ. Трактуются как исходное значение «чисел». Исполнялся каликами в форме диалога двух полухоров, один задавал вопрос, другой на них отвечал. В данном варианте отсчет идет от двенадцати по убыванию, а не от одного к двенадцати. В тексте Н. А. Добротворский опускает повторение

¹ Глухие палестины – дальние, глухие уголки местности.

всех чисел перед следующим числом. В комментариях собиратель называет другие варианты трактовки чисел, но не приводит «стихотворные» варианты текста.

Близкий вариант: НДС 2004, № 3; Бессонов 1861, № 93 (Евангелистная песнь. Киреевский), № 94, 95, 96, 97.

Стих о числах («Вы люди оные...») другое название — «Евангелистная песнь». Известен в культуре многих стран. Кроме распространенного латинского, существуют варианты: провансальский, португальский, немецкий, польский, еврейский, чешский, моравский, болгарский, белорусский и др. В русской культуре стих появился с XVII–XVIII вв.

«Два тавля Моисеевых...» – таблицы (скрижали) с десятью заповедями: «И когда (Бог) перестал говорить с Моисеем на горе Синае, дал ему две скрижали откровения, скрижали каменные, на которых написано было перстом Божиим» (Исх., гл. 31, 18).

«Три патриарха на земле...» – ветхозаветные патриархи Авраам, Исаак и Иаков.

«Шесть крыл херувимских...» – согласно Библии, херувимы двукрылы; здесь они названы вместо ангелов высшего чина – серафимов, которые ближе других предостоят престолу Господню: «Вокруг Него стояли Серафимы; у каждого из них по шести крыл; двумя закрывал каждый лице свое, и двумя закрывал ноги свои, и двумя летал» (Исх., гл. 6, 2).

«Семь чинов ангельских...» – по канону чинов ангельских – девять; они разделяются на три иерархии: высшую (серафимы, херувимы, престолы), среднюю (господства, силы, власти) и низшую (начала, архангелы, ангелы). Для стиха число семь могло быть заимствовано из перечисления ангельских сил в «Откровении Иоанна Богослова»: «семь звезд суть Ангелы семи церквей» (гл. 1, 20); «семь Ангелов, имеющие семь труб» (гл. 8, 6); «семь Ангелов, имеющие семь последних язв» (гл. 15, 1). Кроме того, известны иконописные изображения «Собора Архистратига Михаила и прочих Небесных Сил бесплотных», где показаны семь архангелов: Гавриил, Рафаил, Уриил, Селафиил, Иегудиил, Варахиил и Иеремиил.

«Единдесять праотец...» – до Великого потопа родословие Адама (от него до Ноя) насчитывает, по Библии, десять праотцев. После прародителя Адама, счет ведется от его третьего.

7. **«Ой ты, ягодка, ягодка моя...»**. Л. 5–5 об.

Лирическая песня любовного цикла.

8. **«Ой воля, ты воля, воля батюшкова»**. Л. 5 об. – 6.

Лирическая песня любовного цикла.

9. **«Экой Ваня, разбесова голова, сколь далече отъезжаешь от меня»**. Л. 6–6 об.

Лирическая песня любовного цикла, поздняя. Близкий вариант: Соб. V, № 482–488; ПП. № 25, 62; Васнецов, 141; ПФМ 47; Карельский Край 108; Леонтьев 83; ТКУЦ, 83; Устьянские песни II,11; Забайкалье 12; РНПМЗ Щ, № 14; РСПС, № 113.

10. **«Лет пятнадцати мальчишечка на Кавказ уехал жить»**. Л. 6 об. – 7.

Лирическая песня любовного цикла, поздняя. Публиковалась в сборниках русских песен. Более полный вариант приведен в статье В. А. Александрова «Деревенское веселье в Вологодском уезде. Этнографические материалы». С. 172–174. (Александров В. Деревенское веселье в Вологодском уезде: этнографические материалы / В. Александров // Современник. – 1864. – Т. 103, № 7. – С. 169–200).

11. **«Эх, сказали Васю в очи не видал»**. Л. 7–7 об.

Лирическая песня любовного цикла.

12. **«Уж как по мосту, мосточку, по калиновому...»**. Л. 7 об. – 8.

Бликие варианты: Картыков, № 234; Шейн 1, № 1151.

13. **«Маленький мальчуточка, где ты вечер был?»**. Л. 7 об. – 8.

Пальчиков, № 59; РНПВО, № 82; Шейн 1, № 574.

14. **«Прощай девки, прощай бабы, нам топеря не до вас»**. Л. 8–8 об.

Лирическая песня любовного цикла, поздняя. Публиковалась в сборниках русских песен.

Близкий вариант: Соб. V, 482–488; ПП ин 25, 62; Васнецов, С. 10, 15; ПФМ 47; Карельский Край 108; Леонтьев 83; ТКУЦ, 83; Устьянские песни II,11; Забайкалье 12.

15. **«Сидит олень на перёгороде...»** (при игре «в вьюнок»). Л. 8 об. – 9 об.

Песня игровая.

16. **«Покочуся колесом...»**. Л. 9 об. – 10.

Песня хороводная.

17. **«Сидит дрёма, сама дремлет»**. Л. 10–10 об.

Игровая песня. Публиковалась в сборниках русских песен.

Близкий вариант: Васнецов, С. 214, № 33; РПВС 2006, № 98–99; Вятский родник 2009, № 39.

18. **«Сидит дрема на золоченом стуле...»**. Л. 10 об. – 11.

Игровая песня. Публиковалась в сборниках русских песен.

Близкий вариант: Васнецов, С. 214, № 33. С. 214: Киреевский № 2888; Соб. II, № 648; Листопадов IV, №192; РЛПС, № 109; Горелов, № 77.

19. **«Сидит, сидит ящер...»**. Л. 11–11 об.

Песня игровая (Рождественская), известно много вариантов. Ящер (также Яша, белор. Ящур) – традиционная летняя игра восточных славян, где главным персонажем является «Ящер», избирающий девушек. В одном из вариантов парень, изображающий ящера, должен поцеловать избранницу.

Близкий вариант: Васнецов, С. 233, № 25; Шейн 1, № 1071.

20. **«Во заводе были мы, сокола мы видели»**. Л. 12–12 об.

Игровая-поцелуйная.

В пояснении Н. А. Добротворский относит ее к хороводным. Он разделяет летний и зимний «каровод»: «Кроме летнего обычного великорусского хоровода еще и этот “круг-каровод” зимний, “игрищевой”. – Во время этой песни девка и парень, схватившись за руки, крест на крест пляшут – бегают быстро вдоль комнаты, взад и вперед». Собиратель не понял, что этот танец – «кадриль», которая имеет разные «фигуры». Данная песня исполняется во время кадрили. Так, в Уржумском районе зафиксированы такие песни кадрили: № 1. Чижик, № 2. Во заводе были мы, № 3. Воробышек молоденький. См.: Вятский родник. 2009. № 57.

Близкий вариант: Истомин, Ляпунов, № 25, С. 175; Попов, С. 192 («походенечная»). РПВС 2006, № 106.

21. **«Посеяли девки лен, коробец на семена»**. Л. 12 об. – 13.

Песня плясовая. Близкий вариант: ТФНО, 135.

22. **«Во мурышке валы вьются...»**. Л. 13–13 об.
Песня хороводная.
23. **«Парень бравый да кудрявый...»**. Л. 13 об.
Песня плясовая.
24. **«Я по травке шла...»**. Л. 14–14 об.
Хороводная-плясовая. Близкий вариант: Шейн 1, № 530.
25. **«Я по травке шла...»**. Л. 14 об. – 15.
Вариант № 24.
26. **«Ково здесь нету – тово и люблю»**. Л. 15–15 об.
Хороводная. Вариант № 4. Первая строчка – переделка из романа «Кого-то нет, кого-то жаль...», слова М. Яковлева, музыка И. Рупини (Рупин). См. песенник: Любимый подарок для молодых людей и девиц. – Москва: Изд. Губанова, 1897. – С. 142.
27. **«Вербонька кудрявая, не расти, верба, во ржи...»**. Л. 15 об. – 16.
Близкие варианты: Васнецов, С. 239, 240, № 37; Соб. 4, № 88, С. 62.
28. **«Не летай-ко ты, соколик, высоко...»**. Л. 16–17 об.
В комментариях Н. А. Добротворский относит песню к неизвестному языческому обряду, смысл которого потерялся. Собиратель отмечает некоторые особенности поверья на Иванов день, в связи с упоминанием в песне этого праздника, а также запреты на Иванов день. (См.: Черных А. В. Пищевые запреты летне-осеннего периода у русских Пермского Прикамья // Традиционное русское застолье: сборник статей. – Москва: Государственный республиканский центр русского фольклора, 2008. – С. 60–68.)
29. **«Пошел молодец на гулянье, на девицыно собрание»**. Л. 17 об. – 18.
Близкий вариант: Истомин, Ляпунов, № 8, С. 152.
30. **«Во своей большой деревне не видал парень веселья»**. Л. 18–18 об.
31. **«Как у сокола голова болит...»**. Л. 18 об. – 19.
Близкий вариант: РНП 1936, С. 140, 141.
32. **«Зайду млада о сеницы, возьму млада ведерцы»**. Л. 18 об. – 19.
33. **«На улице в саду гулял молодец с саду»**. Л. 19 об.

34. **«Как вечерняя зорюшка спотухала, на меня ли грусть тоска напала».** Л. 21–21 об.

Песня записана у одной старухи в дер. Чисти [починок Чисть; в реестре 1891 г. «Ульяновская чисть. Чисть», Вятская губерния, Орловский уезд, Левинская волость, Зубаревское общество. Подробнее на сайте «Родная Вятка»: <https://rodnaya-vyatka.ru/places/81282>].

35. **«Не лести, милой, меня словам, не обманный в глазах».** Л. 21 об.

36. **«Я вечер дружка милаго унимала ночевать».** Л. 21 об. – 22.

Лирическая протяжная (любовный цикл). Известна в записях и публикациях XIX – начала XX в. и советского времени с различными зачинами («Я нигде дружка не вижу», «Я вечер дружка милого провожала далеко», «Я вечер дружка милого унимала ночевать»). На рубеже XIX–XX вв. была в вариантах широко распространена в разных областях.

Близкие варианты: ТФНО, 44; Соколовы, 2, 522; Песни Печоры, № 42, С. 78–79; Песни Пинежья, № 63; Картыков, № 227.

37. **«Сидел голубочек, сидел на дубочке. прилетела пава, се-редь двора пала».** Л. 22 об. – 23.

Близкий вариант: РНП 1936. С. 26, 27.

38. **«Как под белою березкой не листочки шумят... про милого говорят».** Л. 23–23 об.

Близкий вариант: Шейн 1, № 1227.

39. **«Сколько вам, мамонька, не гнаться – расставаться, всю Расеюшку за нам не испроить».** Л. 23 об. – 24.

Лирическая песня рекрутская.

40. **«Любила я друга семнадцати лет, милее его нет».** Л. 24 об.

41. **«Хай, Дуняша, ты Дуняша донна, по бережку ходила да гуляла».** Л. 24 об. – 25.

Песня свадебная.

42. **«Вкруг я бочки хожу, вкруг дубовенькия».** Л. 23–23 об.

Свадебная песня.

Близкие варианты: Васнецов, С. 195, 196, № 9.

43. **«Я гуляю, веселюсь, тятки с мамкой не боюсь».** Л. 26.

Частушка. Вар.: Зеленин, 2016, № 498.

44. **«Будет нам, ребята, чужо пиво пити»**. Л. 26–26 об.

Игровая песня, поцелуйная.

Бликие варианты: Васнецов, с. 157, № 190; Зырянов П, с. 224; Горелов, 1984, № 70; Картыков, № 226, с. 142; РСПС, №119.

45. **«Маленькой мальчишечко в горенке сидел, свое горе терпел»**. Л. 26 об. – 27.

Лирическая протяжная.

Бликие варианты: Пальчиков, № 59; РНПВО, № 82; Варенцов, с. 81; Абрамычев, 15; Лаговский, 20.

46. **«Как завел мне муж коровушку на мою бедну головушку»**. Л. 27–27 об.

Бликие варианты: Песенник 1810 г., с. 173.

Заключение.

При каждой песне отмечено место ее записи; записаны песни без соблюдения особенностей местного говора.

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ ОБ ОРЛОВСКОМ У[ЕЗДЕ] ВЯТСКОЙ ГУБ[ЕРНИИ] (18 стр.)

(Л. 1) Из всех уголков Вятской губ. мы выбрали для исследования Орловский – не потому, что он представляет особый интерес в этнографическом отношении, а просто потому, что, волею судеб, должны были безвыездно прожить в означенном уезде около трех лет. Что же касается этнографического интереса, то все другие уезды нашей губернии, исключая разве один только Вятский у[езд], несомненно представляют гораздо больше этнографич[еских] особенностей, чем у[езд] Орловский. В Вятском и Орловском у[ездах] народ промышленный, непоседливый; малоземелье и другие неблагоприятные физические и социальные условия не позволяют здешнему крестьянину сиднем сидеть на одном месте; они гонят // (Л. 1 об.) его в отхожие промыслы, на сторонние заработки¹. Не то совсем в других уездах губернии. Там народ больше сидячий, лежа на боку, дома, копейку добывает – земледелием, скотоводством или, наконец, местными кустарными промыслами. Само собой разумеется, что домоседное население сохранило больше самобытных и оригинальных черт своей народности, чем бродячие орловцы. Последние размытарили свою родную старину, свои традиционные звывчаи и обычаи² по чужой стороне. Вот почему Орловский у. представляет для этнографа меньший интерес, чем какая-ниб[удь] другая местность Вятской губернии. Мы пришли к этому выводу при первом же беглом знакомстве (Л. 2) с уездом, но это все-таки не остановило наших работ; мы продолжали наблюдать и записывать, держась такого разумного правила, что «на безрыбьи и рак рыба», лучше что-нибудь, чем ничего. – Район наших наблюдений был очень незначителен, и мы не могли записать многого. Да и смешно признаваться – и в этом немногом мы не могли проверить себя. Может быть, многие из сказок и песен давным-давно записаны уже нашими исследователями и напечатаны, но мы не могли знать этого, потому что в наших *глухих палестинах*

¹ Средним числом в год берется по уезду Орловскому: паспортов человек 2417, полугодовых – 5938, билетов в 40 коп. – 483, билетов в 20 к. – 6,267 (Расчет сделан за пятилетье с 1870 по 1874 г.) (прим. Н. А. Добротворского).

² Свычаи и обычаи (устар.).

невозможно достать ни Рыбникова, ни Сахарова, ни Афанасьева¹. Таким обр[азом], нам пришлось записывать с плеча все, что ни попадет, и в таком виде мы // (Л. 2 об.) посылаем свои материалы Обществу. Quod potui, feci i faciant meliora pofentes (Я сделал все, что мог, чтобы сделать их лучше).

Общее число жителей Орловского у. простирается до 200 000 (199 443 чел.) человек обоего. На 1 кв. милю приходится около 800 человек или по 16–17 человек на кв. версту; стало быть, на 10 % больше средней густоты населения всей Европейской России (15 чел. на 1 кв. версту).

Главный контингент населения уезда – русское; на севере, по течению речки Летки, живут пермяки, но их очень немного – всего 4335 человек, или 2,17 % всего населения Орловского уезда.

Из общего числа всех жителей уезда 9 % – раскольники, беспоповцы, по//морского (Л. 3) толка. Лица привилегированных сословий составляют ½ % всего населения. Отношение мужского пола к женскому = 1:1,12, или на 100 мужчин приходится 112 женщин.

Сельское население живет по большей части починками и небольшими деревнями в 1–10 дворов. Выписываем здесь подробную таблицу, показывающую величину селений.

От 1 до 5 дворов в уезде 606 селений:

¹ Н. А. Добротворский, вероятно, имел ввиду сборники «Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Часть I. Народные былины, старины и побывальщины. – М.: Типография А. Семена, 1861; Он же. Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Часть II. Народные былины, старины и побывальщины. – М.: Типография А. Семена, 1862; Он же. Песни собранные П. Н. Рыбниковым. Часть III. Народные былины, старины, побывальщины и песни. – Петрозаводск: Губернская типография, 1864; Сахаров И. П. Песни русского народа: [ч. 1–5]. – СПб.: Тип. Сахарова, 1838–1839. Ч. 1. Сборники русских песен. Русские святочные песни. – СПб.: Тип. Сахарова, 1838. CLVIII, 168 с.; Ч. 3. Русские свадебные песни. – СПб.: Тип. Сахарова, 1839. – XII, 928 с.; Ч. 4. Русские семейные песни. – Русские разгульные песни. – Русские удалые песни. – Русские солдатские песни. Русские казацкие песни. Русские исторические песни. Русские обрядные песни. Русские колыбельные песни 1839 (на обл. 1838). XII, 494 с.; Афанасьев А. Н. Народные русские сказки. – М.: К. Солдатенков и Н. Щепкин, 1855–1863. – Вып. 1–8.

– 6-10	– 647
– 11-15	– 407
– 16-20	– 258
– 21-30	– 228
– 31-40	– 69
– 41-50	– 25
– 51-60	– 9
– 61-70	– 7
– 71-80	– 2
– 81-90	– 1
– 91-100	– 2
более 100	– 1 //

(Л. 3 об.) Итого – в уезде 2262 селения.

Вообще у жителей Орловского у. замечается тенденция селиться малыми починками, – тенденция, корни которой нужно искать в исторических и топографических условиях здешней местности. Исстари земледельческое население Вятской губ. выбирало для сельбища удобную для хлебопашества и более или менее хлебородную землю. Но так как удобная земля разбросана была по клочкам в лесных дебрях здешнего края, то и «нельзя было селиться ни родами, подобными тем, которые существуют у новых народов, ни многочисленными семейными общинами, вроде сербских задруг¹, и поселенцы славяне должны были при колонизации разбросаться среди болот и лесов однодворными, двух- и много трех-, четырехдворными починками², деревнями и // (Л. 4) погостами³. Это сказано было про деревни ста-

¹ Сербские задруги – задруга (серб. задруга, задружна кућа) – община, состоящая из нескольких семей, связанных не столько родством, сколько экономическими и территориальными связями. Была распространена до начала XX в. у южных и западных славян, особенно среди сербов и некоторых хорватов.

² Починок – небольшой новый посёлок, выделившийся из большого селения или возникший в результате переселения жителей из другой местности; выселок.

³ Соколовский. Очерк истории селений на севере России. Стр. 6 (прим. Н. А. Добротворского). Соколовский П. А. Очерк истории сельской общины на севере России. – Санкт-Петербург: Типография В. Ф. Демакова, 1877. – 184 с.; Погост – сельское кладбище (в старину – церковь с прилегающим участком и с кладбищем, в стороне от села).

рой Новгородской области, но одинаково подходит, или по крайней мере подходило, к Орловскому уезду, тем более, что первоначальное население здешнего края составилось из выходцев той же Новгородской области, которые, естественно, принесли сюда свои порядки и традиции.

По страховым спискам 1875 года в уезде считается 30 083 двора; на каждый двор, стало быть, приходится по 6 ½ человек. Крестьянская стройка очень плоха. «Сколько мы можем судить по нашим наблюдениям, говорит один местный исследователь, ни в каком уезде Вятской губ. не встречается уж мало характерных крестьянских построек как в Орловском уезде»¹. Сплошь да рядом бывает так, что 5–6 человек живут в избе с 2–3 кубич[ескими] саженьями² // (Л. 4 об.) воздуха. Такие убийственные условия чрезвычайно губельно действуют на здоровье народа. Мы не знаем ни одного года, когда бы не свирепствовала в уезде какая-ниб[удь] эпидемия; а уж о спорадических болезнях, порождаемых теснотой и неудобством помещения, равно как и другими условиями, и говорить нечего.

Бедность населения повлекла за собой неимоверное развитие отхожих промыслов, а эти последние приводят к тому, что народ прямо опошляется. Песни, например, пошли больше похабные, которых и слушать-то без отвращения невозможно. Сказки – то же самое. Особенно сильно замечается разложение нравственности среди крестьян пригородных, у которых земельный надел настолько мал, и земля такого плохого качества, что собственно хлеба им едва-едва хватает до Рожде//ства (Л. 5). Здесь даже община, и та как-то стусевалась, замерла. Все лучшее, здоровое в народе с каждым годом уходит, испаряется куда-то, остается одна грязь, в которой только изредка можно найти крупинку чистого золота. Самая религиозность, о которой так много писали и пишут местные литераторы из духовных, потеряла здесь почву и уступила стремлению к наживе. Широкий размах новгородского романтизма выродился в узкую черствую практичность. Грош – копейка заправляют теперь всем. Духовенство, правда, живет еще хорошо, сравнительно с другими губерниями; оно еще в состоянии строить себе дома и копить капиталы, но это объясняется не усердием прихожан, а, скорее, усердием самих «отцов», неусту-

¹ Источник не выявлен.

² Сажень – русская мера длины, равная трём аршинам (2,13 м).

пающих в выколачивании крестьянских грошей никаким становым, никаким урядникам.

Но несмотря на такое отсутствие религиозности, суеверий в здешнем народе – тьма тьмушая. Оно и не мудрено. // (Л. 5 об.) Крестьяне здешние, несмотря на всю свою опытность и практичность, умственно совсем не развиты. Едва-ли из десяти человек можно отыскать среди них одного грамотного.

Для характеристики нравов здешнего крестьянства мы приведем здесь некоторые бытовые и этнографические данные из тех, какие нам удалось собрать, живя в Орловском уезде.

С осени, лишь только кончатся полевые работы и мужчины разъедутся кто в извоз, а кто и в иной какой промысел, молодежь начинает устраивать «супрядки», или «девьятники»¹, так называют их в некоторых местах. Собираются сюда преимущественно девушки, из парней бывают только «гулящие», т. е. такие, которым делать нечего. Девьятники бывают двух родов. Одни организуются также, как обыкновенные «посиденки» центральных губерний. Они также устраиваются где-ниб[удь] в избе старушки вдовы; причем отопление избы и освещение производятся насчет девушек, которые привозят для этого из дому дрова и лучины. Кроме этих девьятников-посиделок, есть еще девьятники-// (Л. 6) помочи. Если у хозяйки льну много, а прясть в дому некому, то она приглашает своих соседок красных девушек помочь ей в этом. Отказа никогда не бывает. Девки с охотой идут на девьятник, потому что дома скучно, а тут на людях, по крайней мере, поговорить и похвастать можно вовсю. Матери никогда не стесняют их в этом, даже сами посылают, на-помочь: «поди де – знать помоги соседке-то. Ишь, мается, одна прядет, шутка-ли!». На супрядках никаких особых игр не бывает. Играют иногда в «жмачки» (жмурки) или поют игрищевые, рождественские песни.

Игрища начинаются с Рождества и продолжаются до самой масляницы. Обыкновенно каждый праздничный день вся молодежь селения собирается в одну какую-нибудь избу, которая попросторнее. Избы для игрищ уступаются крестьянами даром: «За что тут деньги

¹ Супрядки (девьятники) – молодежная вечеринка, посиделки, где девушки прядут пряжу и развлекаются. См.: Ефименко А. Южно-русские братства / Александра Ефименко // Слово: науч., лит. и полит. журнал. – 1880. – Сент. – С. 181–210 ; – Ноябрь. – С. 67–103.

брать? – рассуждают они, – нешто за веселье деньги берут? Пусть поиграют; избы то не убудет». // (Л. 6 об.) Стол в избе во время игрища отодвигается к «кутнику»¹, т. е. к дверям, за ним сидят парни и играют в лодыжки или в карты, а девки усаживаются по лавкам («каравод») и поют сначала круговые, хороводные песни, а потом так называемые «парочные», в которых величают «бояр» – парня с девкой. Дело обыкновенно идет сначала как-то неловко, чувствуется натянутость; песни поются вяло, девушки заняты больше перешептыванием между собой. Но мало по малу под влиянием драматических «парочных» песен нервы у всех возбуждаются; девицы начинают веселые петь, парни делаются смелые, подходят к девушкам и начинают с ними разговоры вести; садятся даже к ним на колени, целуют их... Начинается смех, шум... Общее веселье охватывает даже публику, зрителей, которых набирается обыкновенно человек до 40–80 и на полатях², и на печи, и в «переборке»³ – везде битком набито, яблоку негде пасть. // (Л. 7) «Хорошень, хорошень ее, Гаранька!» – слышится с палатей поощрение одному парню в красной рубахе, подпоясанной шелковым с кистями поясом. Парень этот старается поцеловать девицу, а та прячет от него свое лицо, закрывается платком и отворачивается. «Да ты не так, дура! Ты ей хорошенько намыль вшивицуюто, – вот и дастся... А то лаской... Тут, брат, лаской ничего не сделать, потому – баба, кулак на ее нужен!» – «Ишь, ишь, треклятая!» – восклицает другой из-за перегородки. – Что змея увертывается. А ты, Ванюха, ее за испод-от возьми, за испод-от...». И т. д.

В конце концов вечер заканчивается жмачками; а если игрище святочное, то гаданьями, в которых принимают участие и парни. Гаданий здешних я не привожу, потому что особенно новых, оригинальных не заметил.

На маслянице игрищ уж не бывает, потому что вечера становятся короче, а дни, наоборот, длиннее: «За день можно нагуляться досыта». Зато // (Л. 7 об.) днем идет веселье – гульба во все тяжкие. Взрослые по домам пируют, друг у дружки угощаются; причем главную роль играет вино, вытеснившее за последнее время свойские

¹ Кутник, куть – задний, женский угол в избе, место перед печкой.

² Полати – лежанка, устроенная между стеной избы и русской печью; деревянные настилы (нары), сооружаемые под потолком.

³ Переборка – помещение у входа в избу, отделенное дощаной стенкой.

пива; а молодежь, подростки обоих полов на улице забавляются: которые помоложе – гору себе «катушку» устраивают и на ней катаются на ледянках, салазках и скамейках; а парни и девки «на шестах» катаются. Для этого по горе накладываются шесты, приблизительно аршина на 1 ½ один от другого; потом их несколько раз обливают водой, чтобы «склизкими» были, и катаются на них. Станут по человеку на каждом шесте, схватываются за руки и полетят – именно полетят, понесутся вниз. Неискусные, неповоротливые падают, «духу не выдерживают»; на них наезжают другие и тоже падают, образуется целая куча «живого товару», и все это барахтается кричит, смеется, – веселое!

Шесты кладут поочередно, но «порядком»: нынешний год кладет один порядок, одна сторона деревни, на следующий год – другая, в этом, как и во многом другом, заме//чается (Л. 8) артельная, общинная организация среди молодежи, – организация, очень напоминающая общину «паробков – дивчин в Малороссии» (см. Ефименко А. Южно-русские братства, Сл. 1880 г.)¹. Девки работают при этом наравне с парнями и также доставляют на гору шесты из своего дома, если их оказалось мало.

На Пасхе «рели» – качели устраиваются, тоже соединенными усилиями молодежи и в таком же порядке, как и шесты. Всю Пасху молодежь и собирается около качелей, которые становятся или в самой деревне, или где-ниб[удь] поблизости, «на задах»; а потом воскресные гулянья на все лето переносятся куда-нибудь подальше от деревни, к лесочку или на горку, на место, исстари излюбленное и выбранное для гулянья. Мне случайно приводилось производить некоторые незначительные раскопки на месте этих гуляний, и на глубине 5–6 вершков я находил полусгнившие ореховые скорлупы и хорошо сохранившиеся, хотя и побуревшие от времени, остатки яичной скорлупы, по всей вероятности, все это хранилось в земле // (Л. 8 об.) не одну сотню лет.

Летом на гуляньях молодежь «караводы» водит, песни поет; из игр особенно употребительны горелки – игра столь известная по всей по России.

За последнее время игрища в деревнях падают. Парни если не «на стороне», не «по промыслу ходят», то по праздникам больше в кабаках гуляют, «на село» или в город уходят, а на «деревенскую

¹ Ефименко А. Южно-русские братства. Сл. 1880.

необразованность» смотрят с презрением. Из девушек тоже не все являются на общественные игры и гулянья. Дочки «умственных» мужиков предпочитают сидеть дома или баловаться где-ниб[удь] в гостях у такого же умственного мужика, как и папаша. «Спесивы, как поповны!» – говорят про них крестьяне: «Шелковые то платья надели, так думают, что барышнями сделались».

Парней родители стараются поженить как можно раньше, чтобы приобрести в дом лишнюю пару рабочих рук: рабочие руки в здешнем краю очень дороги, так что летом, напр[имер], поденщина доходит до 1 рубля, а то и больше. В свою очередь по той же причине родители невесты стараются держать дочь у себя в доме по возможности дольше. Так что впоследствии этого происхо//дят (Л. 9) зачастую неравные браки: мужу, напр[имер], 18–19 лет, а жене 25–27.

Эта тенденция к неравным бракам, происходящая из противоположных интересов семей жениха и невесты, замечается и в других местах, но нигде она не проявляется в таких грандиозных размерах, как здесь, в нашем краю. К сожалению, мы не можем здесь привести точных статистических данных, так как не имеем ничего подходящего под руками. Факт этот, т. е. неравенство лет в браке – порождение самого последнего времени, когда экономическое положение здешних крестьян быстро пошло к понижению и вместе с тем обнаружилось усиленное развитие отходных промыслов. Только в этом одном нужно искать причину неравных браков, и ни в чем больше. Раз мне пришлось по поводу этого говорить с одним местным земским деятелем, считающимся человеком образованным и, главное – знатоком крестьянской жизни. Он, становясь на общую почву, // (Л. 9 об.) сказывал, что неравные браки происходят вследствие расширения крестьянского земледельческого хозяйства и обнаружившегося за последнее время среди крестьян стремления к интенсивности культуры, так как оба эти обстоятельства, несомненно, должны влиять на дороговизну рабочих рук. Не знаю, может быть с общей точки зрения этот почтенный земец и прав, но в данном случае его объяснение кажется нам слишком уж априорным¹. Насколько нам удалось узнать здешне-

¹ Априори (лат. a priori, букв. «от предшествующего») – знание, полученное до опыта и независимо от него (знание априори, априорное знание), т. е. знание, как бы заранее известное.

го крестьянина, никакого расширения в его хозяйстве земельном за последнее время не последовало. Можно даже сказать напротив, что хозяйство его сузилось, сузилось до невероятной степени. Прежде он палы¹ палил и на этих «палениках», или подсеках, сеял хлеб; теперь палы он не палит, потому что в казенном делу запрещено (1864 г.), а своего, общественного леса у него мало. Прежде и скота у него было больше (Козаченко)², так что он имел возможность унавоживать не только ближайшие «заовинные» полосы, но и «зад//ники» (Л. 10), а теперь задники все-таки лежат запущены, заброшены совсем, потому что навоза у крестьянина здешнего едва-едва хватает и на передние полосы.

То же самое нужно сказать и относительно интенсивности. Прежде, когда крестьянами новины поднимались, подсеки распахивались, были у них, по крайней мере, косули, а теперь и их нет, одной сохой допотопной ковыряют землю. Или вот еще пример, все к этой же «интенсивности» относящийся: на первых парах своего существования земство Орловское выписывало разных образцовых семян и раздавало их крестьянам. Те брали сначала охотно, думали: толк выйдет какой-нибудь, а в конце концов никакого толку от этого не вышло: через три года прекрасные семена перерождались и начинали давать такой же скудный урожай, как и прежде, обыкновенное зерно... Земство и до сих пор каждый год выписывает образцовые семена, но крестьяне давно уж плюнули на эту «барскую затею» и перестали брать эти семена; а если кто и берет теперь, так разве одни только Разуваевы³, да // (Л. 10 об.) и им это зерно образцовое мало толка приносит.

¹ Палы – это расчистка земли от леса путем поджога. В 1864 г. такой метод был запрещен.

² Козаченко И. А. Сельскохозяйственные и ветеринарно-статистические сведения о Вятской губернии: депекорация, или уменьшение домашних животных вследствие увеличивающегося народонаселения. Статистика эпизоотий. Статистические сведения о скотоводстве / сост. И. А. Козаченко. – Вятка, 1879. – 441 с.

³ У М. Е. Салтыкова-Щедрина Колупаевы и Разуваевы – символические фамилии кулаков мироедов. (Салтыков-Щедрин М. Е. За рубежом // Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание соч. в 10 т. – Москва: Издательство «Правда», 1988. – Т. 7. – С. 23.)

Вот вам и вся интенсивность культуры, и расширение крестьянского хозяйства. Не в них, повторяю, скрывается истинная причина неравенства, а в плохом экономическом положении здешнего крестьянина и в чрезмерном развитии отходных промыслов...

Свадьбы устраиваются обыкновенно после уборки хлеба, осенью; в другое время года редко бывают. Невеста не приносит жениху приданого, а напротив жених должен давать невестиним родителям «запрос». Двадцать лет назад запрос этот не превышал 5–7 рублей, теперь бедный платит за жену 15–20 р[ублей], хозяин-средняк – 25–30 р[ублей], а богатый – 50–70 р[ублей]. «Попам» за венчанье дают 7–19 р[ублей]. Вся свадьба (средняя) обходится 50–70 рублей.

Подробно говорить о свадебных обрядах и обычаях, также приводить все песни, какие поются в этом случае, – я здесь не буду. Все это читатель может найти в «Календаре Вятской губ. на 1880 г.»¹ Там подробно описана // (Л. 11) свадьба Елабужского и других смежных с этим уездов. Свадьбы православных русских Орловского у. немногим разнятся от Елабужского. Что же касается до пермяцких и раскольничьих свадебных обрядов, то читатель может найти их – первое в «Вестнике Европы» за нынешний 1882 г. №², а вторые – в «Вятских губернских ведомостях» №№ октябрьские, 1882 г.³

Родят женщины, где придется, – редко в банях, больше, где «час приспел», – зачастую на полосе, на гумне, на сенокосе. Роженицу сейчас же отводят в баню, где она и остается непременно три дня. Сюда сходятся все кумушки-соседки и приносят с собой обыкновенно пирогов, шанег, короваев, муж роженицы обязан напоить их всех вином, допьяна, чтобы веселы были. В противном случае новорожденному придется весь век свой маяться и лить слезы. На крестины опять нанесут всего, даже крупы, муки, масла, яиц, хозяева готовят только варево да водку. – Если ребенок с самого рождения болезнен и пуглив, то или читают над ним заговор от родимца или

¹ Кошурников В. Свадебные обряды и песни юго-восточной части Вятской губернии // Календарь Вятской губернии на 1881 г. – Вятка, 1880. – С. 38–59.

² Добротворский Н. А. Пермяки. Бытовой и этнографический очерк // Вестник Европы. – 1883. – № 59. – 3–4 кн. (Добротворский неправильно указал год выхода своей статьи «Пермяки». – прим. В. П.).

³ Добротворский имел ввиду свои статьи в «Вятских губернских ведомостях» за 1882 г.

носят его на пробу // (Л. 11 об.) для этого кресная¹ ребенка или другая какая близкая родственница – только не мать – обладающая «легкой рукой»² берет ребенка и рано утром, до заутрени, уносит его на колокольню. Когда начнут звонить к заутрени, ребенка держат под самым колоколом. Если он вздрогнет от первого удара колокола, то будет жить, в противном случае непременно умрет.

Уход за ребенком и вообще все его воспитание такое же, как и везде в крестьянской среде. Те же соски из кислого черного хлеба, та же зыбка невозможная, пеленки, не моющиеся по целым неделям и т. д. и т. д., – словом все те же условия, которые сводят в могилу 50 % наших детей до 5-летнего возраста. Но вот что при этом странно и чего я до сих пор объяснить себе не могу, это чрезмерная заботливость матери о своем детище, в период своей беременности. Беременная женщина отказывается от многих удовольствий и любимых привычек своих, лишь бы не повредить своему ребенку. Она, напротив, не ест гороху, луку, водки не пьет, даже веником в бане не парится, а уж на что, кажется, // (Л. 12) охочи здешние крестьяне до бани: на неделе 2–3 раза непременно баню истопят. Это их лучшее и высшее удовольствие, баню они, пожалуй, и на кабак не променяют. И не смотря на то, женщина отказывается от бани на все время беременности, чтобы только не «испортить дитю». Мало того, и домашние все жалеют неродившегося еще ребенка, не посылают беременную женщину ни на какие тяжелые работы, заставляя ее убираться «по дому»: обед стряпать, пол мести, за скотом «присматривать»... Но лишь только родился ребенок и отпраздновали крестины, – о нем забывают совсем, да и не только игнорируют его, а даже прямо как будто во враждебные отношения к ребенку становятся. Подойдет, напр[имер], мать к зыбке, чтобы соску ему дать, а муж или свекровь сейчас уж и кричит на нее: «Чего, дескать, возишься-то с ним? Раз не знаешь, что коровам еще сена не дано, да и телятки не поены?!». И мать наскоро сунув ему в рот соску, бежит поить телятишек и за-

¹ Кресная – крёстный родитель (крёстный отец, крёстный, крёстная мать, крёстная) – духовный родитель в христианской традиции, который в ходе таинства крещения принимает ответственность перед Богом за духовное воспитание и благочестие крещаемого.

² «Легкая рука» – переносное значение о счастливом, удачливом, везучем человеке.

давать корму коровам, предоставляя ребенку полную свободу делать, что он хочет: спокойно сосать соску или // (Л.12 об.) реветь благим матом, покамест «кадык¹ не устанет». Такое отношение к детям даже в строго сознательный принцип обратилось. «Ребенок – что щенок: меньше смотри за ним, крепше вырастет; слышал я не раз от здешних крестьян. Да и не только отцы, братья и дяди, – сами матери говорят или думают таким образом. Спрашивается: чем объяснить такие совершенно противоположные взгляды на ребенка до рождения его и после рождения?»

Когда умирает человек, то его по обыкновению сейчас же омы-вать начинают, при этом одежда с умершего не снимается, а раздирается и вся потом отдается нищим. Когда повезут покойника в церковь, на гроб его садится жена, мать или вообще какая-нибудь близкая родственница и начинает жалобно причитать. После покойника избу вымывают и устраивают поминки, на которые сзываются все близкие родные и соседи покойного; если умер парень, то кроме того приглашают на поминки всех парней деревенских, его бывших товарищей, а если умирает девушка, то поминать по//койницу (Л. 13) сходятся девушки-подруги. Общее поминание умерших совершается в радоницу, т. е. во вторник на Фоминой неделе². Впрочем, в некоторых местах радоница бывает и в четверг, и в субботу на Фоминой неделе; а в пятницу в волостях уезда соединяется с семиком и празднуется в четверг на 7-й неделе после Пасхи³. В этот день носят на могилу пироги, мед в деревянных плашечках, нарочно для этого сделанных, хлеб и даже соленую рыбу – судак и пикшу, некоторые приносят также и пива с водкой и поливают ими могилы родителей и вместе

¹ Кадык – выступ гортани (кады́к, устар. «ада́мово яблоко»; лат. prominentia laryngea) – передне-верхняя часть щитовидного хряща, выступающая на передней поверхности шеи, преимущественно у мужчин.

² Фомина неделя – на церковнославянском языке название христианского праздника Антипасха, празднуемого в следующее воскресенье после Пасхи. Название праздничной недели, начинающейся на Красную горку (Фомино воскресенье) и заканчивающейся в субботу.

³ Семик (Русалчин Велик день, Троица умерших) – восточнославянский праздник весенне-летнего календарного периода; отмечается на седьмой четверг после Пасхи, за три дня до Троицы. Отличительной чертой Семика было поминовение «заложных» покойников, предшествующее поминовению предков в троицкую субботу. .

с тем сами попивают, так что к середине дня многие оказываются уже совершенно пьяными, и поминальная тризна зачастую оканчивается веселыми песнями и пляской под гармонику.

Из местных обычаев особенно замечательны два: ссыпки¹ и праздник троецпылѣтница². Начало их теряется в глубокой древности; теперь они начинают отживать и сохранились // (Л. 13 об.) только в отдаленных, захолустных местностях северной части уезда.

Ссыпки устраиваются обыкновенно после пашни и посева ярового. Для этого со всего селения собираются мука, крупа, масло и сносятся в один какой-ниб[удь] дом, который попросторнее. Сюда сходятся стряпухи, известные своей расторопностью и знанием дела, и накануне дня, назначенного для «общего стола», начинается стрепня. Состряпать требуется немало: на ссыпки сходитя человек 30–40 одних домохозяев, не считая их чад и домочадцев, которые тоже приходят на праздник; а если деревня мала, то соединяются вместе две-три деревни и устраиваются ссыпки сообща. На обед собираются часов 10–11 дня. Впереди садится самый старый и почетный человек общества, затем староста, мужики «красной стороны деревни» (Златовратский. Деревенские будни)³, а за ними уж и проч. гости – общинники. Братский обед продолжается часа три-четыре; кушанья подают женщины. Сначала разговоров почти совсем не слышно, все заняты исключительно едою – «рот на барщине», как говорят крестьяне. Потом, когда мало по//малу (Л. 14) начинают все наедаться, завязываются живые разговоры

О сенокосе, о вине,
О свадьбе, о своей родне⁴.

¹ Ссыпки-складчина часто являются составной частью многих календарных праздников.

² Троецпылѣтница (куриный обед) – самобытный вятский женский обряд на удачу. Поводом проведения Троецпылѣтницы были тяжёлые роды, болезни в семье и другие семейные несчастья, поэтому обряд не был связан с определённым временем или днём года.

³ Златовратский Н. Н. Деревенские будни. (Несколько ответов на запросы ученых и неученых людей, из дневника наблюдателя) // Отечественные записки. – 1879. – № 3, 4, 6, 8, 10, 12.

⁴ Цитата несколько искажена. У А. С. Пушкина: «О сенокосе, о вине, / О псарне, о своей родне...» // Пушкин А. С. Евгений Онегин. Роман в стихах. Глава II. Строфа XI.

К концу обеда мужики совсем «распоясываются», делают складчину и посылают за водкой. Тут уж пойдет разлитое море до самого вечера; вызывается молодежь, песни, пляски начинаются, и день кончается шумным весельем. – Во время обеда на сутках (на божнице) горит свеча восковая, и тут же стоит блюдце овсяной маза-ной каши, – должно быть, в виде жертвы.

Праздник троецыплатница устраивается в случае какого-ниб[удь] большого общественного, деревенского или семейного несчастья. Праздник этот – исключительно женский. По приглашению мира, семьи или по своей собственной инициативе собираются все деревенские бабы, берут несколько куриц – троецыплатниц, т. е. таких, которые выводили цыплят три раза, и потом их варят в одной корчаге или в нескольких мелких горшках, и собираются все на обед, на котором, кроме // (Л. 14 об.) мяса этих куриц и супу <нрзб>, ничего больше не подается. Во время обеда в избе не может присутствовать ни один мужчина, даже грудное дитя мужеского пола и то выносится вон. Бабы сидят за столом тихо, без всяких разговоров и торжественно едят мясо троецыплатниц. Кости, остающиеся от обеда, выносят к речке или ручейку и зарывают их на самом берегу, в песке. Этот последний обряд совершается с особенной торжественностью. Впереди идет какая-нибудь старушка и на руках несет горшок с костями; за нею тихо, в спокойствии важном, идут все женщины, присутствовавшие на обеде. Некоторые из них накрываются при этом рогожами и попонами; делается это не в шутку и не для смеху, потому что в такую минуту никто и смеяться то не станет, – а совершенно серьезно. Должно быть эти рогожи и попоны надеваются просто вместо риз, так как нет сомнения, что этот странный обычай есть троецыплатниц // (Л. 15) имеет, или по крайней мере имел прежде, таинственно-мистическое значение умиловительной жертвы разгневанному божеству.

Укажу здесь, между прочим, на некоторые оригинальные поверья и приметы орловских крестьян.

В голодные годы в деревнях обыкновенно поднимался говор, что все зло, все эти голодовки Бог посылает на нас за один великий страшный грех, – за то, что мы носим рубашки из французского сит-

ца, окрашенного собачьей кровью¹. В деревнях собираются сходы, постановляются приговоры: чтобы впредь таких рубах не носить; а в иных местах доходило до того даже, что мир требовал и отбирал у парней плюсовые² и александрийские рубашки³ и торжественно сжигал их во славу Божию и на посрамление врага рода человеческого, надоумившего проклятых французов красить свои ситцы поганой собачьей кровью. В обыкновенное же время к красным рубашкам крестьяне относятся снисходительно. //

(Л. 15 об.) Известное поверье о том, что если мертвец, привезенный в церковь, оживет и выйдет оттуда, то вслед за ним умрет 12 попов в том приходе, – это имеет здесь очень широкое распространение. Говорят, что в него верят и попы, и молва народная рассказывает по этому поводу много печальных и страшных историй... Говорят, что попы, нанимая церковного сторожа, между прочим, уговариваются с ним, чтобы он не выпускал из церкви ни одного покойника, заранее принимая грех на свои головы. И много будто бы народу загублено в церкви сторожами. У меня записано несколько рассказов, в которых с поразительным драматизмом описано, как покойники кричали из церкви «людям добрым»: «помогите, спасите!», как они рвались и метались по церкви, перебегая от одного окна к другому, а сторож в это время гонялся за ними с ломом и бил их по голове, по спине, по рукам... Ужасные рассказы! Мне все это пе//редавали (Л. 16) сами очевидцы... По большей же части воскресшего мерт-

¹ Рубашки французского ситца – ситец (нидерл. *sits*; первоисточник санскр. *ситрас* – пёстрый) – лёгкая хлопчатобумажная гладкоокрашенная или набивная ткань полотняного переплетения, получаемая при специальной выделке сурового миткаля с помощью красильно-отделочных операций. Обыкновенно плотность ситца составляет от 80 до 100 г/м². Ситец используется для пошива лёгкой верхней одежды, мужских сорочек, постельного белья.

² Ткань плюсовая – плис (нидерл. *pluis*, нем. *Plisch*, фр. *peluche*, лат. *pilus* – «волос») – хлопчатобумажная или шерстяная ткань с длинным ворсом до 6 мм, выполненная в бархатной технике и похожая на плюш.

³ Александрийские рубашки – александрийка (александрóвка, ксандрóвка, александрёйка, лександрёйка) – фабричная хлопчатобумажная ткань исключительно красного цвета, иногда с полоской или клеткой в одну нитку синего, белого или жёлтого цвета. Преимущественно шла на пошив мужских рубах, популярных в XIX в. у небогатого городского населения и также именовавшихся александрийками.

веща спроваживают на тот свет втихомолку, без всякого шума, так, что об этом ни одна душа христианская не знает, кроме сторожа церковного да самой жертвы. Делается это таким образом. Как только сторож заметит, что покойник поднялся, сейчас берет молоток большой и отправляется к нему. – Хочешь выйти? Спрашивает, а сам молоточек назади держит. – Как не хотеть, батюшка; вестимо хочу, отвечает боязливо воскресший. – Клади три поклона. Тот начинает молиться. Раз поклон, другой поклон... Только что начинает опускаться на колени в третий раз, сторож сейчас тук по голове, по самой макушке, – только, мозг брызнет, разлетится во все стороны, и воскресший мертвец опять мертвецом делается. Сторож кладет его в гроб и старательно закрывает рану саваном. На утро родные придут поклониться в последний раз милому родственнику, // (Л. 16 об.) и не узнают, какая страшная драма совершилась здесь ночью... А сторож шепнет обо всем попу и получит от него благодарность...

Прошу читателя не забывать, что все это я не от себя говорил, а передаю только то, что гласит народная молва, и в особенности в этой последней странице – ни одного штриха на свою ответственность не принимаю.

Раскольники думают, что прививать оспу¹ грех. Кто умирает от натуральной оспы, тот сподобится райского блаженства и будет ходить на том свете в светлых ризах.

У пьяницы на том свете в «нутре» гореть будет, пойдет дым и пьяница не увидит Бога.

В «чистый понедельник»², утром, натошак объезжают верхом на хвате или кочерге весь дом, – чтобы из дому богатство не уплыло. – В день, когда было Благовещение, весь год (?) ничего важного не начинают: Божия Мать осердится. – В «Великий четверг», на страстной неделе³, // (Л. 17) деньги считают, чтобы весь год води-

¹ Вакцинация от ветряной оспы – метод специфической профилактики, направленный на снижение риска заражения вирусом.

² Чистый понедельник – Чистый понедельник – в православной традиции первый день Фёдоровой недели и Великого поста. В Русской православной церкви «Чистый понедельник» – неканоническое название первого дня Великого поста.

³ Чистый четверг (Страстной четверг, Великий четверг) в христианской традиции – четверг на Страстной неделе, которой заканчивается Великий

лись. Великий четверг в мирозерцании здешнего крестьянина вообще облечен какой-то таинственностью, какую-то силою необычайной. Четвергова соль¹, напри[ер], употребляется знахарями и знахарками как самое сильное радикальное лекарство от всех болезней. Четверговы свечи² «очень вору способны» и помогают ему лазить по чужим клетям и постройкам так, что никто этого никогда не заметит. Четвергов хлеб³ крестьяне в сусек хлебный кладут, чтобы хлеб не оскудевал и т. д., и т. д. Вообще с одним днем соединена масса примет и различных суеверий. Ни один день в году не имеет для крестьянина такого громадного значения, как Великий четверг. Чем это объясняется, решить не берусь.

Если хочешь разбогатеть, то в Пасху, когда тебе будут говорить: «Христос воскрес!», – ты отвечай потихоньку: «Сам воскрес». Карманы будут у тебя всегда полны денег. // (Л. 17 об.) Еще одна примета. У всех лавочек, кабаков, мастерских прибита на пороге подкова, простая лошадиная подкова, – чтобы «народ сюда постоянно ходил, не уставал бы, как лошадь ходил».

В заключение два слова о чертях.

Чёрта его собственным именем называют редко: боятся на себя накликасть, да и грех это большой. Его называют больше черныш, шу-

пост перед Пасхой. В народной культуре – это день очищения, строгого воздержания и молитвы; многие обычаи и обряды Чистого четверга связаны с водой.

¹ Четвергова соль – Четверго́вая соль (чёрная соль) – продукт, используемый в русской православной культуре; соль, приготовленная особым способом в Великий четверг Страстной седмицы.

² Четверговы свечи – Четверговая свеча (четвережная, страстная, страшная свеча, огонь евангельский) – свеча, наделявшаяся особыми свойствами, зажигаемая в Чистый четверг в церкви на вечернем богослужении, состоящем из вечера четверга и утрени Великой Пятницы, во время чтения двенадцати Евангелий. Православная церковь видит в ней знак горячей любви верующих к Спасителю.

³ Четвергов хлеб – Четверговый хлеб («четвережный хлеб», «четверговый житник») – специально испеченный или освященный хлеб, или просфора, атрибут празднования Чистого четверга, наделявшийся магическими свойствами. Церковь связывает особую роль хлеба в этот день с памятью о благословении хлебов Христом на Тайной вечери, через которое получил начало обряд Евхаристии (Причащения).

том (шут те дери! – обыкновенная брань здешних крестьян), наконец шатуном (шатун тебя попади!). В ругательных выражениях, вместо этих слов, нередко употребляются слова: болюсь (болюсь те возьми), лихо (Лихо бы те встрелось! Лихом бы тебе подавиться!) и т. д.

Домового называют «суседком», а иногда просто «дворовым». Лешаго – «лешаком». Кроме того, у здешних крестьян есть еще водяники, банники, водящиеся в банях, «кладовики», стерегущие клады.

Замечательно поверье о чертовых свадьбах. У чертей свадьбы часто бывают. Они ездят тогда на тройках с прозвонами, как и быть настоящие люди. Од//нажды (Л. 18) перевозчики ночевали на пароме. Уж совсем было и спать улеглись, поужинавши, – вдруг и слышат: едет кто-то, колокольцы звенят, много должно быть народу едет, инда земля дрожит-гудит. – «Вот, – говорят, – леший бы их побрал, кто там едет. Становой надо быть катит, не было ему, такому-сякому, времени то». Только подъезжает вдруг к перевозу много троек, видимо-невидимо, и все мимо парома прямо в воду. Тут и пропали. Свадьба это, вишь, у них, у чертей, была.

А то раз сидят ребята-рыболовы на берегу. Ночью было дело-то, костер развели, да около него и расселись, ужину стали готовить себе. Только видят: выходит из воды черный какой-то человек. – Братцы, говорит, пустите, сделайте милость, погреться. Те вестимо испугались: – из воды человек вышел, легко-ли? – крестятся и его перекрестили. – Да что вы, говорит, меня крестите? Чего боитесь? Небось, худа не сделаю. А сам подошел к огню, сел на него // (Л. 18 об.) да и сидит греется. Сидит на теплине¹, а огонь не берет его: ну, вестимо, дьявол... Потом погрелся и говорит им: «Спасибо вам добры люди! Подите вон туда, к берегу, там много пива, и вина, и пирогов лежит. Мы нынче справляли свадьбу, всего осталось». А сам сейчас опять в воду. Рыболовы пошли к берегу и – верно много там пива и вина нашли, и пирогов, и всего. До самого утра угощались.

г. Орлов,
Вятской губ.

Н. Добротворский

¹ Теплина – огнище, теплинка, костер.

Комментарии

Этнографические данные об Орловском уезде] Вятской губ[ернии]. АРГО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 40. Л. 1–18 об. 36 стр. в четверку. (Получено в 1882-м г.).

Д. К. Зеленин так описывает рукопись: «Предисловие автора. Статистика народонаселения в уезде; малолюдность селений; общая характеристика населения. Посиденки и игрища; масленичные катанья. Возраст брачующихся (часто жениху 18–19, а невесте 25–27 лет, по экономическим соображениям). Крестьянское хозяйство; свадебные расходы. Родины; первоначальное воспитание ребенка; кое-что о похоронах и поминках. Ссыпки – общественные угощения весной, в складчину. Т р о е ц ы п л я т н и ц а – женский праздник, устраиваемый в случай какого-либо общественного, деревенского или семейного несчастья; собираются все деревенские бабы; варят кур троецыплатниц, т. е. которые выводили цыплат три раза; во время обеда не может присутствовать ни один мужчина, даже и дитя мужского пола; кости выносят к реке или ручейку и зарывают их на самом берегу, в песке; совершают это торжественно; впереди идет старуха и на руках несет горшок с костями; некоторые из женщин накрываются при этом рогожами и попонами – не в шутку и не для смеху, а, вероятно, вместо риз. Голодные годы объясняют страшным грехом – ношением рубашек из французского ситца, окрашенного собачьей кровью; деревенские сходы постановляли впредь таких рубах не носить, а иногда даже отбирали у парней плюсовые и александрийские рубашки и сжигали. Если м е р т в е ц, привезенный в церковь, оживет и выйдет оттуда, то в том приходе умрет 12 попов. В «чистый понедельник» утром натошак объезжают верхом на ухвате или кочерге весь дом, чтобы из дому богатство не уплыло. Некоторые другие приметы и суеверия, м[огут] пр[оисходить] в великий четверг. Черти, домовой, водяной. Описания вообще краткие, но иногда небезынтересные» // Зеленин Д. К. Материалы для описания Вятской губернии, хранящиеся в архиве Императорского русского географического общества // Зеленин Д. К. Духовная культура Вятки (фольклорно-этнографические и диалектологические статьи начала XX века) / сост. и науч. ред. В. А. Поздеев. – Киров: ООО «Радуга-ПРЕСС», 2015. – С. 167.

**(Л. 1) ОСОБЕННОСТИ РУССКОГО НАРЕЧИЯ
В ОРЛОВСКОМ У[ЕЗДЕ] ВЯТСКОЙ ГУБЕРНИИ.
СОБРАНЫ Н. ДОБРОТВОРСКИМ**

[А]

(Л. 2) Адище – рот¹.

Азям – длинный кафтан из серого сукна.

Алтырничать – без дела шататься.

Алшной – жадный.

Але ли – употребляется при вопросах.

Арава – ватага.

Ась – что?

[Б]

Балует, парень балует – водку пьет, с девками водится.

Балует – играет (о малых детях).

Балуют – «У нас балуют?» – воруют. //

(Л. 2 об.) Балы точить – разговоры вести.

Баско – хорошо.

Баской – хороший, красивый.

Бастенько – хорошенько.

Бахвал – хвастун.

Башка – голова (бран[ное] слово).

Баять, бахарить, балесить – говорить.

Бать – от слова «баять» – говорить.

Белентресничать – ничего не делать.

Бикешка – кафтан со сборками назад.

Боронит – врет. «Ишь как боронит!».

Болтаться – вертеться не у места, ходить без цели.

Болесть тебя побери! – бранное, // (Л. 3) вместо: «черт бы тебя побрал».

Бражка – (у перм[яков]), овсяное пиво.

Брякнуться – удариться, ушибиться.

Брякнуть – сказать не у места, ни к селу ни к городу.

Бель – сулема.

¹ В рукописи нет тире между словом и значением.

[В]

Веретье – возвышенность, холм.

Веснусь – весною.

Вестимо – разумеется, верно, конечно.

Вещи – лекарства.

Вица – прутик, розга.

Видко – видно, кажется. //

(Л. 3 об.) Вишь – от глагола видеть, 2-е лицо – присловье, употребляется очень часто без всякого значения.

Взяло – захворал.

Волок – лес.

Втомеже – в то время, ужо, после.

Втапоры – в то время.

В осенях – осенью.

Вошкаться – возиться долго над каким-ниб[удь] делом, медлить.

Выт – часть дня от завтрака до обеда и от обеда до паужины¹.

[Г]

Гад – мышь, крыса, змея.

Галдеть – говорить без дела, кричать.

Глико – посмотри на.

Голица – кожаная рукавица, в к[ото]рую вдевается // (Л. 4) шерстяная варега.

Горазд – умеет.

Грамотка – письмо, бумага.

Грядка – шестик, подвешенный у печки для тряпок и белья.

Гулящая девка – девушка нехорошего поведения.

Гумага – бумага (пермяцк[ое]).

Гребтится – думается.

[Д]

Добрый – хороший.

Домовище – гроб.

Дубас – сарафан из синей крашенины. //

(Л. 4 об.) Дичь – угар.

Дикой – навязчивый, надоедливый.

Девьё – соб[ственно] девки.

¹ Паужин – устар. и регион. приём пищи между обедом и ужином.

Е

Едрёный – крепкий, здоровый.

Езнулся, наезнулся – хотел было, думал было.

Елызнул – ударил.

Ермолья – ермонийка, гармония.

[Ж]

Жарит – бьет.

Живет – ничего, хорошо, сойдет.

Жило – деревня, селение. //

[В]

(Л. 5) Взабовь – правда, в самом деле¹.

[З]

Забрало – то же, что и взяло.

Зараза – бранное слово.

Запарник – чайник.

Запон – передник.

Запрос – калым со стороны жениха.

Заспа – крупа.

Запентерить – запрятать.

Зароды – стог сена; бывает двух родов: прямёжок – продолговатый стог и круглышек – круглый, конический.

Засуха – тощий челов[ек], человек низкого роста.

Засулить – обещаться.

Зипун – кафтан из свойского сукна.

Зимовка – постоянный двор в лесу.

Знамо – конечно.

Знатко – заметно, видно. //

(Л. 5 об.) Зычать – кричать.

[И]

Игрище – вечерняя беседа.

Изладить – сделать, поправить.

Имать – ловить.

Имя – им.

¹ В рукописи первоначально было слово «заболь», но зачеркнуто, поэтому Н. А. Добротворский поместил в этот раздел.

Исподка – рубашка.
Изурочить – сглазить.

[К]

Казак – бездомовый крестьянин, работник.
Кадык – рот.
Калым – выкуп, который вносит жених за невесту. //
(Л. 6) Калякать – разговаривать.
Картосы – картофель.
Катанки – валяные сапоги.
Кетрадь – тетрадь.
Киса – большая кожаная сума.
Кма – много.
Кохнуть – ударить.
Коты – башмаки.
Ководня – (вм[есто] того дня), на днях, в прошлый раз.
Колды – когда.
Комуха – лихорадка.
Кресь – крест.
Крушкой – крупный.
Крылошане – (клирошане) духовные; отсюда крылошанка –
женщ[ина] духов[ного] зван[ия]. //
(Л. 6 об.) Купороситься – упрямиться.
Курья – старое русло.
Крысать – чесать, крысаться, чесаться.
Кужель – запрядыш (Владим[ирское]) – нитки, напряденные на
веретено.

[Л]

Ладен – хорош, годен.
Лико, глико – посмотри, глянь.
Лихованка – лихорадка.
Лихо – тошно, дурно, больно.
Лихой – злой, нехороший, сердитый.
Лонись – слово употр[ебляется] для обозначения прошлого вре-
мени.
Ломить – работать помногу.
Лопай – ешь.

Лопоть, лопотина – одежда.

Леха – часть полосы, на который сеют хлеб, полоса без концов, без заполосков.

Лухать – бросать.

Лупить – чистить (картофель). //

(Л. 7) Лючки – по-людски, как следует.

Ляпнулся – упал.

Лог, ложок – низина, мокрое место, овраг.

[М]

Малёнка – хлебная мерка около четверика (у извозчиков).

Маська – молодые ягнята (ласкат[ельное]).

Матица – толстый поперечный перевод в избе, на к[ото]ром лежит потолок.

Млить – кажется. Употребляется для обозначения привидений. – Тут млит – значит, тут показывается какое-нибудь привидение.

Молодушка – женщина, недавно вышедшая замуж. //

(Л. 7 об.) Могутный – сильный.

Моргливый – брезгливый.

Морочить – обманывать чудесами и просто обманыв[ать].

Мотри – смотри.

Мошня – сумка для денег.

Мусолит – пачкает.

Мытарная девка – гуляющая девка.

Мьют – моют.

Мел – хлебные дрожжи.

[Н]

Набируха – корзина для собирания ягод и грибов.

Набольший – хозяин дома.

Нагодесь – если бы. //

(Л. 8) Назад – вм[есто] позаде.

Накося – на, возьми.

Намедни – на днях.

Напредки – в будущий раз.

Натяпался – наелся.

Наяривать – делать что-ниб[удь] с азартом, напр[имер], играть на гармонике, точить косу etc.

Некошной – злой дух, черт. – Некошной бы тебя забрал!
(бранн.) – Черт бы тебя забрал!

Нутро – внутренности, желудок.

[О]

Оболокаться – одеваться.

Объегорить – обмануть.

Обшевки – сани, обшитые тонко выплетенной рогожей или лы-
ком. //

(Л. 8 об.) Обиходно – опрятно, выгодно.

Околотень – неподвижный, ленивый.

Окажье, эка окажье! – Эко дело!

Оломеннись – в прошлый раз.

Опришь тебя – кроме тебя.

Опосля – после.

Опознал – узнал.

Осподь – Господь.

Осподин – господин.

Отважный (?) – вежливый, гостеприимный, добродушный.

Оттопки – истоптан[ные] башмаки, старые лапти.

Ошабашить – покончить.

Ошшо – еще. //

[П]

(Л. 9) Перестурило¹

Падина – ругател[ьное] слово (должно быть, от слова падаль).

Паря – зват[ельный] падеж от слова «парень».

Паужина – полдник.

Переполох – болезнь у детей, сопровождаемая постоянным криком.

Перечить – возражать.

Пёрст – палец.

Пестерь – ящик, сундучок, плетеный из лык – употребляется для
дороги.

Пестредь – толстая ткань из конопли.

Поганая болезнь – сифилис.

Погониха – сваха со стороны жениха.

Похабить – портить.

¹ Этому слову в рукописи нет объяснения.

Поштё – зачем. //
(Л. 9 об.) Пospelо – употребляется вм[есто] слова «пора»: «поспело идти в поле».

Пожня – скошенная полоса.

Польснуть – ударить.

Посыкался – обещался, хотел было.

Поскотина – выгон.

Пристрело – сделалось.

Пропивать невесту – окончательно засватать ее.

Простоволосая – не покрытая платком.

Прытко – скоро.

Потка – птица малая.

Польга – польза.

Почитать – угощать.

Пестунья – нянька.

Р.

Рахманный – ласковый, добрый.

Робить – работать.

Робя – зват[ельный] падеж от слова «ребята». //

(Л. 10) Россыпалась – разродилась.

Рожа – лицо.

Ромонье – дырявая одежда, лохмотья.

Ромошина – лоскуток.

Рукобитье – свадебный сговор.

Рукотерник – полотенце.

Рюмить – плакать.

[С]

Стювать – бранить. Я те не стюваю – я тебя не браню.

Сады – искусственные цветы.

Сиверко – ветрено, холодно.

Сдоба, сдобьесо – лекарство.

Слямзить – украсть.

Смутило – вырвало.

Сон – вм[есто] солнце.

Способы – польза.

Стерва – падаль.

Стадо – толпа, сход.

Стряпея – стряпуха, хозяйка. //
(Л. 10 об.) Судачить – сплетничать про кого-ниб[удь].
Сугатно – много.
Судница – место для посуды у печки.
Сумлеваться – вм[есто] сомневаться.
Сутки – передний угол в избе, где стоят иконы.
Слуда – холм, возвышение, нагорный берег реки.
Сгореть бы те! – обыкновенная ругань здешних крестьян.
С панталыку сбиться – совсем потеряться.
Силюшки – цыплята; их манят обыкновенно: «силя! силя!».

[Т]

Талы – глаза. «Талы точить» – глаза пучить, глядеть.
Тамотка – тамока, там.
Тетерка – небольшой испеченный хлеб до 1 ф[унта].
Теплина – разложенный в поле или в лесу огонь. //
(Л. 11) Тожно – теперь.
Тожноля – тогда.
Тока – только.
Торкаться – стучаться.
Туес – бурак из бересты.
Туски – глаза.
Тысяцкий – большой сват со стороны жениха, начальник женихова поезда.
Тюря – сухари, размоченные в квасу. //

[У]

(Л. 11 об.) Убойки – ухабы.
Угор – кладбище.
Умчал – унес.
Уповод – часть рабочего дня после обеда или до обеда.

Ф

Фарти – рюмка, чарка.
Фатера, квартера – квартира.
Фимим – филин.
Фомяк – хомяк. //

[Х]

(Л. 12) Халтура – поминки по умершим.
Харахориться – храбриться.

Харя, бранное слово – лицо.
Херовина – ругательное слово.
Харчь – приварок.
Хотца – хочется.
Хоромы – дом со всеми службами.
Хлопуша – врун, лгун, сплетник.
Хлыноть – хворать.

Ц

Цыганить – просмеивать, насмехаться.

[Ч]

Чазнет – болеет, сохнет.
Чапурь – башмаки. //
(Л. 12 об.) Чебурахнуться – бросить, сильно ударить.
Чиперь – волосы выше лба, на темени.
Чурка, улей.
Чучкóй – нехороший (в шуточном смысле).
Чаруша – чашка, сплетенная из ивовых корней, для валянья
хлебного теста.

[Ш]

Шабур – верхняя одежда из холста (у перм[яков]).
Шары – глаза.
Шастать – толочь, в переносном смысле – ходить потихоньку.
Шаньга – ватрушка из репы, картофеля, творогу или ячневой каши. //
(Л. 13) Шамшура – женский головной убор.
Шебенкать – разговаривать.
Шибко – скоро.
Шти – щи, суп.
Шушун – сарафан из крашенины.
Шут – черт, дьявол.
Шатина (от слова шагаться) – гулящий, ничего не делающий че-
ловек, прохвост.

[Ю]

Юла – пронырливый.

[Я]

Яловая – бесплодная корова, овца.

[Э] //

(Л. 13 об.) Этта – здесь.

Кроме того, в разговоре замечаются следующие особенности:

1. Творительный падеж множественного числа почти никогда не употребляется ни с предлогами, ни без предлогов. Вместо его ставится всегда дательный падеж. «Я поду с кренделям, с иконами etc.».

2) Местоимение ТЫ // (Л. 14) в родительном и винительном падежах единств. числа имеет форму ТЕ вместо ТЕБЯ, а в дательном – ТЪ(е) вместо ТЕБЕ. «Я тЪ(е) дам». «Эх те разнесло!»

3) Причастие и деепричастие никогда не употребляются.

4) Точно так же никогда не употребляются определенные придаточные предложения.

5) Я и А часто переходят в Е. «Тетя» вм[есто] тятя, тенет вм[есто] тнянет, кричать вм[есто] кричать.

6) Т переходит иногда в Ч. Чечверг вм[есто] четверг.

7) Ц переходит постоянно в Ч. Заеч вм[есто] заяц. // (Л. 14 об.) и наоборот.

8) Ч переходит в Ц. Цасы, цутко вместо чутко, очнуться вм[есто] очнуться.

9) Ч переходит иногда в Щ. Що вм[есто] что.

10) Ъ зачастую заменяется буквою И. «Писни» вм[есто] песни, «сись» вм[есто] сесть, «издить» вм[есто] ездить, «дивки», «дिति», «тибе».

Произношенье отрывистое, скорое. Крестьяне говорят небольшими короткими предложениями. В отдельных починках эта краткость доходит иногда до того, что трудно даже понимать их речь.

Комментарии

Особенности русского наречия в Орловском уезде Вятской губернии. Собраны Н. Добротворским. АРГО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 42. Л. 1–14 об. 26 стр. в восьмушку. (Поступило в архив в 1882 г.).

Д. К. Зеленин отмечает, что «словарик местных слов, записан без соблюдения особенностей местного произношения и выделил 10 особенностей говора; м[ожет] пр[оизноситься], заечь вм. заяц, цасы вм. часы, цутко вм. чутко; писни вм. песни, сись вм. сесть, издить, дивки, дити вм. дети».

РАЗДЕЛ II. ПУБЛИКАЦИИ Н. А. ДОБРОТВОРСКОГО

РАСКОЛ В ПИНЮЖАНСКОЙ ВОЛОСТИ ОРЛОВСКОГО УЕЗДА

I

В приходе Пинюжанском числится около 2000 душ, и почти все они раскольники беспоповского толка. Есть между ними и поповцы¹ – старообрядцы, но таких немного. Раскол существует здесь издревле и занесен сюда, по всей вероятности, еще в Петровские времена, в эпоху гонений на староверов. В это время раскольники, жившие в центральных губерниях, в людных местностях, все разбежались, куда кто успел. Одни ушли на Австрийскую границу и в Польшу, другие потянулись на Иргиз, на Урал и в понизовье Волги, третьи, наконец, устремились на север, в глухое Вологодское полевье, и здесь, вдали от начальства, основали скиты, братчины или просто селились починками дома в два-три. Нужно полагать, что эти раскольники – переселенцы и положили начало Пинюжанской волости. В здешние края влекло беглецов еще и то обстоятельство, что около того времени (в самом начале прошлого столетия) вятчане начали вести хлебную торговлю с Архангельским портом. На первых же порах торговля пошла бойко и быстро стала развиваться, потому что, во-первых, Вятка в то время была действительно хлебу matka, во-вторых – и само правительство благоприятствовало торговле и оказывало ей свое покровительство. Так, при воеводе Чернявском²

¹ Раскольники беспоповского толка – Беспоповство – одно из двух основных направлений русского старообрядчества, последователи которого не имеют духовенства. Возникло в конце XVII в., по смерти священников «старого» рукоположения, т. е. поставленных в Русской церкви до церковной реформы патриарха Никона (середина XVII в.), отрицается необходимость священства для спасения души. Поповцы полагают «новообрядцев» еретиками «второго чина» (для приёма в молитвенное общение от которых достаточно миропомазания, причём такой приём осуществляется, как правило, с сохранением духовного сана переходящего в старообрядчество лица.

² М. И. Чернявский был воеводой в 1733–1736 гг.

Вятскому купечеству была дана льгота в торговле с Архангельском: пошлина уменьшена с 7 % на 5 %. Быстрый рост торговли вызывал улучшение и увеличение путей сообщения. Пролагались новые дороги, чистились и чинились старые. Где прежде рыскали одни звери, лежали непроходимые топи и болота, теперь заскрипели крестьянские сани, пошли целые обозы. К дорогам мало-по-малу стягивались поселения. Слудские и Пинюжанские починки увеличивались в числе, так что во время IV ревизии, в 1782 г., в Пинюге числилось уже 110 душ муж[ского] и 115 жен[ского] пола, к X ревизии количество селений возросло до 80, а ревизских душ было уже 1750, и все эторосло главным образом путем переселений¹. Само собой разумеется, сюда приходили не одни раскольники-староверы, но и «мирские»; только эти мирские недолго оставались верными сынами церкви православной и скоро принимали раскольничий крест. Этого требовала их прямая выгода, простой экономический расчет.

В настоящее время в приходе Пинюжанском едва можно насчитать 15–20 % православных, да и те «очень ненадежны», как отзывается о них местное духовенство. Раскольничьи учителя и наставники ведут деятельную и настойчивую пропаганду среди православного населения. Они обладают некоторым знанием Свящ[енного] Писания, довольно начитанны, а главное – умеют говорить с своим братом – крестьянином понятным для него языком. Поэтому труды их редко не увенчиваются успехом. Благодаря их стараниям, раскол разрастается с каждым годом, приобретает все новых и новых последователей.

Но самым лучшим пропагандистом в данном случае является жизнь самих раскольников, их материальная и нравственная обстановка. Раскольники ведут патриархальный образ жизни, «по старинке живут», «как закон Божий велит». Лениности и пьянства у них не видно.

¹ Ревизии 1782 г. – Ревизские сказки – документы, отражающие результаты проведения подушных переписей (ревизий) податного населения Российской империи в начале XVIII – 2-й половине XIX в., проводившихся с целью налогообложения. Ревизские сказки представляли собой поименные списки населения, в которых указывались имя, отчество и фамилия (при её наличии) главы семьи, его возраст, имя и отчество членов семьи с указанием возраста, отношение к главе семьи. В ревизских сказках (за некоторыми исключениями) учитывались лица мужского и женского пола, но в сводных таблицах женский пол никогда не фигурировал. X ревизия проводилась 26.08.1856 г.

Среди них меньше сифилитиков, потому что они не терпят разврата и строго следят за своими детьми. Почти все умеют читать и писать. На воспитание детей и на их образование обращается несравненно большее внимание, чем в среде православной. Как только дитя стало понимать и говорить, его тотчас же начинают учить изустно кратким молитвам, так что мальчик (девочек учат редко) 6–7 лет непременно уже знает Богородицу¹, Отче наш², молитву перед обедом и ужином³ etc. Начитанные отцы не ограничиваются этим и рассказывают детям своим библейские истории – об Аврааме, Ное, Моисее⁴. Лет с 9 мальчика начинают водить в общественные собрания, на богослужения и усаживают за книгу. В земскую школу⁵ детей своих раскольники не отдают: «там-де грешному учат». Мальчик учится под руководством отца, матери или наставителя, какого-нибудь почетного седовласого старика, который уже бросил землю, сдал ее общине или домашним и посвятил остаток своих сил обучению детей грамоте и закону. Главные предметы обучения: часослов⁶, псалтырь⁷ и письмо. В последнее время стали учить «цифири»⁸ и книгам гражданской

¹ «Богородица Дево, радуйся...» – ежедневная утренняя молитва.

² «Отче наш, сущий на небесах!» – молитва Господня. Согласно Евангелию, Иисус Христос дал её своим ученикам в ответ на просьбу научить их молитве.

³ Молитвы на благословение пищи и питья, а также перед вкушением и после вкушения пищи.

⁴ Истории об Аврааме, Ное, Моисее – (Авраам 1:1–2; 2:1; Бытие 11:31; Ной – Бытие 6:5, 9–10; Моисей 8:13, 19, 27; Моисей – Исход 1:22).

⁵ Зёмская шкóла (полное официальное название – одноклассное народное училище ведомства Министерства народного просвещения) – самый распространённый тип начального учебного заведения Российской империи с конца 1870-х гг. по 1917 г.

⁶ Часослов – церковная книга с текстами молитв, читающихся во время ежедневных церковных служб (кроме литургии).

⁷ Псалтырь (церк.-слав. Псалтырь, лат. Psalterium; от греч. ψαλτήριον, по названию музыкального инструмента псалтерия; в иудаизме – Тегилем – «хваления») – книга Танаха и Ветхого Завета. Состоит из 150 или 151 псалма – «песни», или «гимна». В христианской Библии Псалтирь располагается после книги Иова и перед книгой Притчей Соломоновых.

⁸ Цифирь – обучение счёту, счислению.

печати¹. Все жившие в Пинеге единогласно говорят, что дети раскольников резко отличаются от детей православных. Они всегда чище одеты, не робеют при посторонних людях, смыслены и развиты не по летам. Раскольники живут обыкновенно в достатке, нужды большой не имеют, подати вносят исправно. Они во всем помогают друг другу; все почти работы делаются у них помочами, «в круговую», причем на помочах не бывает ни капли вина: «не гля² выпивки ходим, а так, значит, за любовь», говорит раскольник: «он мне поможет, а я ему. Друг о дружке, а Бог обо всех». Разные недоразумения, возникающие в среде раскольников, по поводу семейных и земельных отношений, решаются на общем собрании и почти никогда не доходят до старшины или волостного суда. Мало того, самое юридическое положение раскольников как таковых дает им большие преимущества перед православными в экономическом отношении. Проигрывая в правах, раскольники выигрывают в благосостоянии. Если ему нужна в доме работница, он может женить сына 14–15 лет. Никаких общественных служб он не исправляет; его не выберут ни в старшины, ни в старосты, ни в сотские³, потому что закон запрещает это. А ведь уж известно, как смотрят крестьяне на все эти общественные должности: они считают их сущим наказанием божеским, самой тяжелой из всех повинностей. Поэтому можно представить себе с какой завистью смотрят православные на раскольников, лишенных права быть десятскими, сотскими, старостами.

Все это убеждает не развитых из православных крестьян в том, что «в расколе лучше, выгоднее, да и правды в нем больше». Потому они и бегут под его знамя целыми толпами. На каких-нибудь 10 годах вся почти северная часть Слудской волости, т. е. около 2000 человек обоего пола, перешла в раскол; большинство крестьян перестали ходить в церковь и во время Рождества и Пасхи не принимают право-

¹ Книги гражданской печати – книги, напечатанные гражданским шрифтом, введенным Петром I. Начинается такое книгопечатание в марте 1708 г. в Москве.

² Гля – в данном случае обозначает «для».

³ Старшина, староста, сотский – выборные должности в крестьянских общинах. Сельский сход выбирал сельского старосту, писаря, сборщика налогов, десятских и сотских.

славного духовенства. Точно такие же быстрые успехи раскол делает и на юге Пинеги, в Верходворской волости¹ и в Подрелье².

Но можно ли обвинять в этом местное духовенство, как делают многие; в состоянии ли православные священники, при всем своем желании, бороться с расколом и противодействовать его распространению – на этот вопрос можно ответить отрицательно.

II

Староверие в собственном смысле здесь уже давно потеряло свою почву, потому что «старая вера» требует «попов», а их здесь достать негде. Разве беглый какой заглянет мимоходом, да и это бывает нечасто. Приходится, стало быть, обходиться без попов, без правильного «по чину» богослужения; треб совершать также некому³. Под влиянием этих условий, старообрядчество рушится, отживает и перерождается в беспоповщину. Это новое направление в здешнем расколе еще не успело хорошенько выясниться, принять какую бы то ни было определенную форму. Пинюжанские раскольники называют себя то даниловцами, то федосьевцами, то, наконец, какими-то игнатьевцами⁴. Но все эти названия решительно ничего не поясняют.

¹ Верходворская волость – Верходворье – современное село в Юрьянском районе Кировской области.

² Подрелье – современное село, находится на западе центральной части Кировской области, на расстоянии приблизительно 21 км (по прямой) к северо-востоку от г. Орлова.

³ Чин богослужения – Чин (др.-греч. τάξις – порядок, устройство) – название в православных богослужебных книгах полного изложения или указания порядка всех изменяемых и неизменяемых молитв, назначенного для известного богослужения, с обозначением их взаимной последовательности. Например: «Чин божественной литургии Василиа Великаго», «Чин погребения младенческаго», «Чин, егда случится вскоре вельми больному дать Причаствие», «Чин благословения илитона». Чины или чинопоследования чаще всего излагаются в таких богослужебных книгах, как «Службеник» и «Требник».

⁴ Даниловцы – обозначение архиереев Русской православной церкви, близких к настоятелю московского Данилова монастыря Волоколамскому архиепископу Феодору (Поздеевскому), которые не приняли «Декларацию» 1927 г. Заместителя Патриаршего Местоблюстителю митрополита Сергия (Страгородского) и прекратили его поминовение за богослужением. Дани-

Здесь раскольников, по их догматам и обрядам, решительно нельзя причислить ни к одной из существующих сект. В их учении есть элементы молоканства, духоборчества, штундизма, и все это перемешано самым оригинальным образом с суеверием и узкими взглядами староверья¹. Мысль народная очевидно работает и ищет света, но ее постоянно сдерживают старая отцовская традиция и пустая внешняя обрядность.

ловцы – другое название Поморского согласия староверов-беспоповцев. Назван так по имени его зачинателя Данилы Викулина.

Федосьевцы – Федосеевцы (феодосиевцы, старопоморское федосеевское согласие) – беспоповское направление в русском старообрядчестве.

Игнатъевцы – по преданию, Игнатъевским этот скит назван по имени крестьянина Золотицкой волости Игнатия Лазарева, который в конце XVII – начале XVIII в., уйдя в раскол, вместе со своими сподвижниками поселился в верховьях р. Ручьи, основав здесь старообрядческий скит, где был «наставником и старостою». Он умер в 1739 г., и после его смерти основанный им скит назвали Игнатъевским. Наряду с Ануфриевским, Игнатъевский скит был убежищем для старообрядцев, бежавших сюда из Москвы и из нижегородских керженских старообрядческих скитов, после погрома этих скитов, устроенного Нижегородским архиереем Питиримом в 1717–1719 гг.

¹ Молоканы (малоканы) – последователи одного из течений духовного христианства.

Духоборы (духоборцы) – этноконфессиональная группа русских. Исторически русская религиозная группа, отвергающая внешнюю обрядность церкви, часто квалифицируемая приверженцами Русской Православной Церкви, некоторыми религиоведами и социологами как конфессия христианского направления. Идеино близка к английским квакерам. Одно из ряда учений, получивших общее название «духовных христиан».

Штундизм (русско-украинский, южнорусский), штунда (от нем. Stunde «час», подразумевается: для чтения и толкования Библии) – христианское религиозное движение, получившее распространение в XIX в. сначала в южных (Херсонской, Екатеринославской, Киевской) губерниях, а затем и других регионах Российской империи. В документах и литературе движение иногда именуется штундобаптизмом. В обличительной, так называемой «антисектантской», литературе, в публицистике и официальном делопроизводстве конца XIX – начала XX в. термин «штундисты» иногда применялся расширительно – к русским баптистам и евангельским христианам-пашковцам.

Уловить догматы раскола в настоящем его виде крайне трудно: тут полный хаос, «неразбериха», как выразился бы наш русский *rausan*¹. Все они сводятся, по-видимому, к следующему:

1) Раскольники исповедуют покаяние и крещение, без всякого видимого священства.

2) Принимают формально и все прочие таинства, но как обряды; на самом же деле не признают их за неимением священства.

3) Крайние из них постов не держатся. «Пост, говорят они, когда по духу живешь, по Божьи».

4) Богослужение заменяют простым чтением «закона», т. е. Библии и книг свято-отеческих. Причем наставники и знающие люди должны делать необходимые разъяснения.

5) Считают необходимым повиноваться властям предержавшим и молиться за них.

Раскольники высоко чтут Государя Императора и весь Царский род, называют Его «богом земным».

Почти в каждом раскольническом селении есть особый наставник, который читает и объясняет закон на общих собраниях, исправляет разные требы и в спорных делах играет роль третейского судьи. Наставником может быть всякий, лишь бы обладал необходимыми для этого познаниями. Кроме наставника, в общине есть еще так называемая «попадья», или «учительница». В прежнее время попадьи были, кажется, простыми «сподручными» наставников и исполняли обязанности древне-христианских дьяконисс², которые прислуживали апостолам на общих собраниях, заведывали угощением на

¹ Русский *rausan* – русский крестьянин.

² Древнехристианская дьяконисса – Диакониса (дьяконесса, от греч. *Διακόνισσα*) – особая категория женщин в древней церкви I–VIII вв., принявших посвящение и несших определённое служение в церкви. В настоящее время данное служение по-разному рассматривается исследователями. Традиционно-ортодоксальные авторы подчеркивают, что служение дьяконисс, хотя и было похоже на служение диаконов, но обращалось исключительно к женщинам в церкви и не имело сакраментального выражения во время общего церковного богослужения. Другие авторы описывают служение дьяконисс, определяя их роль в церкви как литургическую и пастырскую.

агапах (братских обедах)¹ и во многих случаях заменяли даже самих апостолов. У раскольников значение их переменялось; теперь они – «бабы попы», как их в насмешку называют сами раскольники, исполняют все обязанности наставника по отношению к женщинам. Ниже мы еще не раз встретимся с этим оригинальным разделением духовной власти. – Попадьей может быть только девица или вдова, старого, безупречного поведения, и не моложе 40 лет. Она, кроме того, должна быть непременно грамотной, потому что ей часто приходится читать «закон» на общих собраниях. Объяснять прочитанное попадьи не имеет права. Это может делать только наставник или какой-нибудь старик, хорошо знающий Св[ятое] писание и пользующийся общим уважением. Впрочем, бывают случаи, когда и попадьи разъясняют закон слушателям, но это случается редко, потому что, вообще по взглядам здешних раскольников, «бабе мужиков учить не приходится». Кроме наставников и попадей, у Пинюжанских раскольников есть еще, или был по крайней мере, «набольший поп», нечто вроде епископа. Он разрешает браки в близком кровном родстве, налагает эпитимии и т. п. Кто ставит его в набольшие и посвящает в епископы – неизвестно. У нас под руками есть кое-какие сведения о последнем здешнем епископе Лаврентии. Он забрел сюда в 40-х годах, одетый монахом и назвался беглым епископом из Соловецкого монастыря² (sic!). У него была панagia, и митра³, и вообще все знаки святительского достоинства. Он жаловался, что слуги антихриста гонят его, сжива-

¹ Ага́па (от др.-греч. ἀγάπη – «любовь») или вечера любви в I–V вв. н. э. – вечернее или ночное собрание христиан для молитвы, причащения и вкушения пищи с воспоминанием Иисуса Христа. Основанием этому изначально было исполнение заповеди Христа о любви, поэтому словом «ἀγάπη» стали называть и само это собрание.

² Соловецкий монастырь – Спа́со-Преображе́нский Солове́цкий монасты́рь – ставропигиальный мужской монастырь Русской Православной Церкви, расположенный в посёлке Соловецком Приморского района Архангельской области на Соловецком острове в Белом море.

³ Панаги́я (греч. παναγία – «всесвятая») – небольшой богато украшенный образ Богоматери (реже Спасителя, Троицы, святых, распятия, библейских сцен), чаще всего округлой формы, носимый архиереями на цепочке у своей груди. Митра (др.-греч. μίτρα – «пояс, головная повязка») – головной убор, часть богослужебного облачения в ряде христианских церквей.

ют со света, и негде ему, как и во время оно Сыну человеческому, главы своей приклонить. Пинюжане обрадовались высокому гостю и приняли его с распростертыми объятиями. Они предложили ему поселиться у них навсегда и основать здесь свой епископат. Лаврентий согласился. Раскольники приспособили свою главную молельню для епископского служения – и он стал служить в этом импровизированном кафедральном соборе. С всех мест стали стекаться сюда ревнители раскола, чтобы получить архипастырское благословение и хоть одним глазом взглянуть на гонимого святителя-страдальца. Приношения лились рекою, Лаврентий наживался и богател. Разумеется, все это делалось в тайне. До властей долетали только темные слухи, что в Пинеге проживает какой-то бродяга, поп-расстрига¹, и совершает там богослужение по неуказанному чину, но верного все-таки никто ничего не знал. Становые пристава много раз туда приезжали для расследования, но ничего не находили, так как из дома в дом были проделаны тайные ходы, и преосвященному ничего не стоило убежать таким путем в ближайший лес. Так шло дело до 70-х годов. Лаврентий наконец умер. Оплакав его, раскольники стали готовиться к его погребению и хотели совершить церемонию с большой помпой; но в это время вдруг приезжает становой, до которого как-то стороной дошел слух о смерти «набольшого попа». Раскольники струсили. Они хотели было закрыть глаза становому приличной ассигнацией, но этого им не удалось: становой денег не брал и настойчиво требовал, чтобы ему тотчас же показали умершего. Раскольники уперлись: нет-де у нас никого, никакого епископа мы и знать не знаем. Старики повели его в одну избу, в другую, третью... А между тем другие вынесли потихоньку тело Лаврентия в лес. Поискал-поискал становой да так и уехал ни с чем, а Пинюжане скромно, в ночную пору, похоронили своего архипастыря на своем кладбище. Говорят, что после смерти Лаврентия у него нашли большие деньги, которые он скопил уже без сомнения здесь, в Пинеге, потому что пришел сюда почти совершенно голым.

Вот все, что нам удалось узнать о набольшем раскольничьем попе. В настоящее время набольшего у них нет, и они, по-видимому, нисколько не жалеют об этом. Обязанности епископа отправляет сам

¹ Поп-расстрига – служитель культа, лишенный своего сана постановлением церковных властей.

мир, общее собрание. Община выбирает наставников, и отрешает их, судит провинившихся членов, и в случае большого проступка на время отлучает их.

III

Любимые книги у раскольников – Евангелие и Псалтырь. Их читают постоянно и на собраниях и дома. Особенно часто повторяется псалом «Живый в помощи Вышнего»¹. Эту прекрасную пророчески вдохновенную песнь великого ветхозаветного певца знают наизусть даже малые дети. Часто также читается V глава Евангелия от Матфея; причем 10–12 ст[ихи]² раскольники прямо относят к себе и всегда произносят их с особенным ударением, растягивая каждое слово. Всякая служба обыкновенно начинается чтением Псалтыри или Евангелия; затем поют молитвы – не «мирские, испакощенные» молитвы, а свои собственные, сочиненные, должно быть, каким-нибудь ученым наставником. Напев всех молитв старинный – монотонный и протяжный: «словно нищие у паперти тянут», отзываются крестьяне-«церковники». Служба продолжается 1–1 ½ часа. Затем все целуются и расходятся по домам.

Исповедь производится публично, на общих собраниях. Мужчин исповедуют наставники, женщин – «попадья». Во время исповеди пред иконою зажигается свечка; исповедник садится в передний угол и по книге (должно быть, по требнику³) спрашивает грехи у исповедующегося. А этот последний сидит на задней лавке, у двери «в кути»⁴ или даже на пороге. Выспросив все грехи, исповедник или исповедница-попадья подходит к кающемуся, кладет свои руки на крест, на его голову и говорит: «Бог простит, иди с миром». Тем дело и кончается.

¹ Псалом «Живый в помощи Вышнего» – Псалтырь, Кафисма 12 Псалом 90.

² V глава Евангелия от Матфея; причем 10–12 ст. 10 Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное. «11 Блаженны вы, когда будут поносить вас, и гнать, и всячески неправедно злословить за Меня. 12 Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах: так гнали и пророков, бывших прежде вас».

³ Трѣбник – богослужебная книга, в которой излагаются чинопоследования треб – Таинств и других священнодействий, совершаемых Церковью в особых случаях и не входящих по преимуществу в состав храмового (общественного) богослужения суточного, седмичного и годового круга.

⁴ Куть – задний, женский угол в избе, место перед печкой.

О крещении у раскольников мы не имеем никаких сведений.

Свадьбы у них бывают по большей части осенью после уборки хлеба, в октябре и ноябре месяце. Земля здесь велика и обильна, а рук рабочих мало, поэтому они очень дороги, и раскольники рано женят своего сына, чтобы приобрести в дом лишнюю работницу. Иногда жениху бывает не более 13–14 лет. Но на это родители не смотрят: для них важно приобрести в семью лишнюю пару рабочих рук. В свою очередь, родители девушки не торопятся выдавать ее замуж и стараются как можно дольше держать ее у себя при доме: им жаль отпускать от себя хорошую здоровую работницу. Поэтому здесь не редкость браки между 14–15-летним мальчиком и 25-летней девицей. Замечу мимоходом, что эта ощутительная разница в годах мужа и жены отражается на их взаимных отношениях. Муж здесь совсем не выглядит деспотом, а жена нимало не похожа на рабыню, в пределах домашнего обихода она вполне равноправна с мужем.

Сватанье и смотрины производятся здесь, как и у православных¹. После сговора к невесте сходятся все ее подруги, чтобы помогать ей «обшивать» жениха, потому что каждая девушка должна принести «в приданое», кроме своей женской рухляди, еще несколько пар белья для мужа и серую суконную поддевку. Песен при этом не поют. Раскольники вообще никогда не поют песен. «Христос с апостолами никогда не пели», говорят они. Вместо песен поют молитвы, духовные стихи и канты². Впрочем, молодежь не так строго держится этого

¹ Об этом см., напр[имер], статью г. Кошурникова в Календаре Вятской губ. 1881 г. (прим. Н. А. Добротворского).

² У нас, между прочим, записано два таких стиха – «О потопе» и «Скажем-ка мы, братие...». Первый, кажется, уже появлялся где-то в печати, а второй мы приводим здесь вполне.

Скажем-ка мы, братие,
Что значит двенадцать?
Двенадцать апостолов.
Скажем-ка мы, братие,
Что значит одиннадцать?
Одиннадцать праведных,
Столько же неправедных (?).
Десять заповедей Божиих.
9 чинов ангельских.
8 концов у креста.

правила и поет песни – лишь бы старики не услышали. Раз мне при-
велось ехать из Слудки в с. Великорецкое; ямщик у меня был моло-
дой пинюжанский парень из раскольничьего семейства. По дороге,
от нечего делать, он затянул песню. – Что ты поешь? Спросил я. –
Песню. – Да ведь по вашему закону это грех? – Ничего: здесь старики
не слышат, ответил он.

В день свадьбы родители жениха пекут большой каравай хлеба,
пшеничный или ржаной, смотря по состоянию. В него втыкают мед-
ный крест, прилепляют к нему огарок восковой свечи, впереди идет
мать с караваем в руках, затем отец и позади жених. После этого же-
них со всей своей родней отправляется к невесте; поезд замыкает по-
гониха¹, т. е. сваха, которая едет позади всех верхом. Приехав ко дво-
ру невесты, жених, не вылезая из телеги, посылает ей со сватом по-
дарки. Потом все входят в избу и становятся по середине ее в кружок.
Невеста входит в круг; в руках у нее деревянная тарелка, на которой
положены подарки для жениха – холстина, большой круглый пряник
в 10 коп. и бублик. Она кланяется жениху и передает ему подарки. Та-
ким же путем она дарит и всех родственников жениха, – кому поло-
тенце и пряник, кому платок и крендель, кому один только крендель.
Погонихе достается всех больше: на ее долю выпадает два платка
и два пряника.

Затем начинается пирушка. Жених и невеста сидят в переднем
углу под образами и ничего не пьют, не едят. После пирушки роди-
тели обеих сторон уводят жениха и невесту в светлицу, или клеть;
сюда же приглашают и наставника, но присутствует ли здесь также
и попадья – мы хорошенько не знаем. Происходит благословение.
Жених с невестой и наставник кладут перед образом по 3 поясных
и по 3 земных поклона. Потом молодые кланяются три раза настав-

7 собор святых отец.

6 крыл херувимских.

5 ран на кресте.

4 Евангелиста.

3 патриарха на земле.

2 скрижали Моисея.

Один Сын Марии

Милует, карает,

Всеми управляет (прим. Н. А. Добротворского).

¹ Погониха – свадебный чин.

нику; тот берет икону и благословляет их. Затем жених с невестой кланяются родителям своим, каждому особо, и те также благословляют их иконами.

После этого все отправляются опять в переднюю избу. Там уже все приготовлено для последнего акта – венчания: стол стоит посреди избы и на нем цела груда пирогов, караваев хлеба, тут же стоят «сулеи»¹ и кувшины с пивом. Жених с невестой становятся на шубу, посланную пред столом шерстью вверх. Погониха становится с правой стороны невесты, а рядом с женихом стоит сват. Поп впереди перед образом читает несколько времени молитвы, потом идет к столу и обводит вокруг него жениха и невесту три раза. При этом самом он идет впереди, держа в руке зажженную восковую свечку; за ним следуют родители невесты, а потом уже и жених с своею суженой. Родители жениха не участвуют в церемонии: они стоят несколько поодаль, у двери. Как только кончится обряд, невеста подходит к ним, и мать жениха надевает на нее шубу. Затем невеста садится к жениху на колени; в это время подходит к ней попадья, снимает у нее с головы платок, подстригает ей волосы и связывает рушником головы жениха и невесты вместе. Бабы заплетают невесте волосы в две косы и развязывают рушник. С этой минуты девушка-невеста становится «бабой», ее называют уже молодухой.

Свадебный пир устраивается обыкновенно в доме жениха. После пира молодых провожают спать в холодное подклетье или подамбарье², будет ли то летом или зимою – все равно. В прежнее время, по словам стариков, жена должна была в первую брачную ночь разувать мужа, причем тот легонько ударял ее сапогом в лицо, а в награду за это жена брала медный пятак в сапоге мужа. Теперь это уже вывелось. Теперь скорее жена заставит мужа снимать с себя башмаки, а уж мужу вряд ли это придется, «потому баба теперь совсем сдурилась», рассуждают раскольники; «ты ей слово, а она тебе десять, да еще прикрикнет на поддачу». А сдурилась баба потому, что она почти всегда старше мужа и чувствует себя опытнее и умнее его.

¹ Сулея – сосуд с длинным узким горлом на цепочке, который в пути прикрепляли к поясу. Сулея имеет давнее происхождение.

² Подклетье – подклет, подклеть, подызбица – название нежилого нижнего этажа под верхним жилым помещением, или нижний, цокольный этаж православного храма. Подамбарье – место под амбаром.

О других сторонах раскольников быта, о семейной организации и земельно-общинных отношениях в расколе мы поговорим с читателем потом.

Н. Добротворский

Комментарии

Раскол в Пинюжанской волости Орловского уезда.

Опубликовано: Вятские губернские ведомости, 1882, № 6. С. 4; № 7. С. 4; № 10. С. 3–4.

КЛАДЫ В ОРЛОВСКОМ УЕЗДЕ

«От своих трудов праведных не наживешь палат каменных», «с работы не будешь богат, а будешь горбат», – эти и им подобные пословицы постоянно слышатся от здешних крестьян. Крестьяне никогда и ни за что не поверят, чтобы кто-нибудь разбогател честным, трудовым путем. Улыбнутся только, когда вы станете уверять их в этом. Богатство раздобыть, по понятию здешнего крестьянина, можно только каким ни на есть «художеством»: воровством, напр[имер], плутней, обманом или, наконец, при помощи клада.

Но «кладовые деньги» обыкновенно в прок нейдут: одного доведут до преступления и прогонят вдоль по Владимирке¹, другой, найди клад, жену, и детей, и всех родных своих потеряет, третий сопьется и в вине потопит душу свою на радость «черному»², а иного корысть совсем заест, и до того дойдет человек в своей скупости, что отца родного на гривеннике³ надует, корки сухой для него пожалеет, а в конце концов все-таки деньги те прахом пойдут. Враг⁴ и день и ночь караулит счастливого человека, нашедшего клад, и постоянно

¹ Владимирский тракт, (просторечное Владимирка) – название грунтовой дороги главного сообщения из г. Москвы на г. Владимир. Позже – Московско-Нижегородское шоссе. Владимирский тракт являлся частью Сибирского тракта. Возникла позже Великой Владимирской и Стромьинской дорог.

² На радость «черному» – черту, дьяволу.

³ Гривенник – десять копеек, гривенник – десятикопеечная русская монета. Производное от древнерусской денежной единицы «гривна».

⁴ Враг – бес – лукавый – название черта, дьявола.

наталкивает на худое дело. Поэтому, как только найдешь клад, сейчас же нужно «попа» позвать, чтобы обмолебновал¹ он в дому, да вклад в церковь Божию нужно дать, да половину бедным раздать. Только при этих условиях бес *отшатится* и худа никакого не сделает. Но лукавый обыкновенно затемняет глаза человеку и ведет его к гибели. Покамест живет человек без клада – ничего, кажись добрый такой, рассудливый; а как дастся ему клад, – куда что денется! и рассудливость и смиренность пропадают, потому что деньги слепоту на человека напускают. – Таковы воззрения здешнего крестьянства на кладовые деньги.

Кладов в уезде очень много: они есть почти при каждом селении, особенно по течению рр. (рек) Вятки, Летьки и Великой – трех рек уезда, бывших во времена оно единственными путями сообщения в здешнем крае. Нам удалось собрать некоторые сведения о кладах, и мы приводим их здесь целиком, в полной уверенности, что люди, интересующиеся этнографией и археологией края и более нас знакомые с уездом, не приминут пополнить наши скудные данные.

1. Клад на Чертовом городище², в самом валу.

2. Насупротив его, в полугоре, в так называемом Чертовой пучине (простой подземный ключ, каких много по нагорному берегу р. Вятки) – сундук с деньгами. «Млится»³ огонек по ночам, «будто свечка горит». Иным клад показывался в виде человека: «сидит на ограде черный такой и просит всех, кого увидит, со слезами просит: «брось в меня, родимый, чурочкой какой ни то, золота много увидишь». Но никто не осмеливался сделать этого. А выходит он из земли и просит разбить его, потому что ему уже срок вышел: каждый клад ведь на срок тоже кладется.

3. В Тороповом озере прежде бочка с золотом на золотой цепи висела. Один конец цепи был прикован к корню громадной «борти» (подчищенной сосны)⁴, которая сгорела лет 15–20 тому назад

¹ Обмолебновал – задал молебен.

² Чертово городище – место, которое находится в двух верстах от г. Орлова

³ Млится – кажется.

⁴ Борт – искусственное дупло в стоящих на корню крупных растущих и сухостойных деревьях и привлечения в них пчелиных семей с целью получения мёда.

от пыжа¹ охотника. Теперь цепь оборвалась и бочка лежит на дне озера.

4. В городище Орловском возле самого вала. Здесь глубоко под землю сидит седой старик, возле него – чаша с соплями (sic!). Всякому, кто приходит за кладом, он предлагает выпить эти сопля, и счастлив, кто сможет исполнить это требование: он может брать тогда все, что ему вздумается: золото, серебро, оружие, посуду. В противном случае кладоискатель позорно изгоняется.

5. На пойме, против г. Орлова, на другом берегу р. Вятки, не далеко от избушки перевозчиков. Млится по ночам свечка и монах со свечкой. Порой слышат, как там поют по ночам известную разбойническую песню: «Вниз по матушке по Волге»² – затем кто-то хлопает в ладоши и хохочет на весь лес.

6–7. Два клада близь села Верховина³: в одном месте бочка, другом – сундук. На первом часто видят по ночам солдата верхом на бочке, на другом свечку горящую. В ночь на Иванов день⁴ эти клады,

¹ Пыж (устар. пыжина) – элемент выстрела, артиллерийского или гранатомётного огнестрельного оружия и патрона для спортивного и гладкоствольного стрелкового оружия, который размещается между пороховым зарядом и поражающим элементом (дробью, пулей и т. п.) для обтюрации пороховых газов.

² Разбойническая песня: «Вниз по матушке по Волге» – часто эту песню относят к бурлацким песням.

³ Село Верховино – село в Юрьянском районе Кировской области России. Административный центр Верховинского сельского поселения. Село основано в 1600 г. как село Верховское. По преданию, в 1609 г. марийцы-язычники напали на село и вместе с другими вещами захватили икону Преображения, которую, расколов на три части, использовали в качестве сидений в лодках, за что были поражены слепотой. Испугавшись, они выбросили осколки иконы в реку, но не получили исцеления и были схвачены русскими. Найденные доски чудесным образом сложились. Храм в Верховине возобновлён по грамоте митрополита Сарского и Подонского Ионы 22 сентября 1618 г.

⁴ Иванов день – народный праздник восточных славян, отмечаемый 24 июня (7 июля), посвящённый, по мнению исследователей, летнему солнцестоянию и наивысшему расцвету природы. По времени и названию совпадает с христианским праздником Рождества Иоанна Предтечи, от которого и берёт своё название: так как имя Иоанна – Креститель, с греческого буквально переводится «купатель, погружатель в воду». В календарном цикле симме-

как и все другие, выходят «наружу» – прямо руками бери. Копали несколько раз, да не знает никто, на какой «зарок»¹ положены клады; потому они и не даются, в землю уходят. Верховинские крестьяне утверждают, что клады здесь зарыты разбойниками. По здешней стороне во время оно гуляли будто бы Ванька Каин² да Степан Разин³. У них в каждой шайке было по 12 человек, да атаман 13-й. Они разъезжали по здешним рекам на своих косных лодках⁴, и грабили не только суда, но и городам и селам большим доставалось; не трогали только деревень да починков малых, потому что там голытьба жила. Когда награбленного имущества накоплялось в шайке очень много, то разбойники бросали промеж себя жребий: кому выпадал черный, тому сейчас голову рубили, и голову ту на серебро клали и зарок над ним читали – на медвежьих ли головы, или на волчьих, или – и это тоже часто бывало – человеческие. Потом атаман ходил кругом ямы и «колдовал»; по окончании этого все разбойники говорили: «аминь!», зарывали клад и уходили в другое место. – Предание говорит, что Стенька Разин и Ванька Каин долго здесь жили и в страхе держали весь край. Но как только прослышали, что царь Казань хочет брать, сейчас туда отправились. Ванька Каин помог царю Казань-город взять, Стенька помогать не захотел, обиделся на царя за что-то и на

тричен Рождеству, с которым связывается в библейских и богослужебных, нравоучительных текстах. Иван Купала и Петров день некоторыми исследователями считаются единым праздником летнего цикла.

¹ Зарок – клятва; обет, обещание не делать чего-либо.

² Ванька-Каин (Иван Осипов, 1718 – после 1755) – вор, разбойник и московский сыщик, ставший легендарным героем воровских приключений и удалства.

³ Степан Разин – Степан Тимофеевич Разин, известный также как Стенька Разин (около 1630, предп. Зимовейская, Белгородский разряд – 6 [16] июня 1671, Москва) – донской казак, атаман Войска Донского, политик, предводитель восстания 1667–1671 гг., крупнейшего в истории допетровской России.

⁴ Косная лодка, или коснушка – русская парусно-гребная двухмачтовая лодка, которая отличалась лёгкостью хода и предназначалась для транспортировки грузов по закрытым водоёмам. Обладала шпринтованным парусным вооружением, для его размещения несла на себе две мачты, на корме имела помещения для кормщика, в средней части – навес для пассажиров и банки для 4–12 гребцов. Вдоль бортов для хранения багажа и провизии устанавливались рундуки.

Волгу ушел. За то теперь в «чистую неделю»¹ (первую неделю великого поста) во всех церквах Ваньке Каину вечную память поют², а Стеньку проклинают. – Про Пугачева здешние крестьяне ничего не знают, не слышали даже имени его.

8. Клад в «могильнике»³, в дер. Вилках Левинской волости⁴, за овинами, – сундук с деньгами. Могильник этот – небольшая круглая яма. Чей он, кто в нем похоронен – неизвестно. Искали клада много раз, но ничего не находили. В «по затретий год» копали трое крестьян дер. Вилки. Только что выкопали на аршин, вдруг в земле, под ними, «и затрепеталось что-то, ровно курочка», а тут-то один крестьянин стал было копать, «так его вот кабы вершиной от ели чуть совсем до смерти на захвостало». По ночам на могильнике видят огонек.

9. В Слудской волости, недалеко от Булатовского починок⁵, по высокому нагорному берегу реч[ки] Летьки, находится 8–10 так называемых «чудских ям». Предание говорит, что в здешних краях в давнишние времена жил народ «Чудя». Чудя язычниками были, пенням Богу молились; жили, как звери, в лесах, в землянках. Только и пришел к ним Степа-угодник⁶, хотел их окрестить, к закону приспособить. А Чудя упорствовать стала: не хотим-де креститься, веру свою в воде смывать. Степа-угодник царю на них пожаловался. Царь послал против «Чуди» послугов⁷ своих целое войско. Чудя забоялась,

¹ Чистая неделя – первая неделя Великого поста.

² «Вечная память» (греч. αἰώνια ἡ μνήμη, церк.-слав. вѣчнаа памать) – песнопение, используемое в православном богослужении для торжественного поминовения усопших.

³ Могильник – комплекс погребений умерших людей. Также могильниками называются места захоронения павших животных (скотомогильник).

⁴ Деревня Вилки Левинской волости – Вилки (Ваховцы), Орловский уезд, Левинская волость, Кузнецовское общество; починок Валки (Ананьевский, Илки, Валовцы) (Орловский район, Кировская область) – ныне не существует.

⁵ Булатовский починок Слудской вол.; деревня Булатовка (Прилузский район, Республика Коми) – ныне не существует.

⁶ По всей вероятности, Св. Стефан, епископ Великопермский, ревностно занимавшийся обращением инородцев на путь евангельской истины (1376 г.) (прим. Н. А. Добротворского).

⁷ Послуги – воины.

в леса вся ушла. Послуги и там нашли ее и стали всячески теснить и насильно в воду гнали. Тогда «Чудя» выкопала себе ямы, залезла в них, накрылась жердями и подрубила подставы кровельные. Крыша упала и всех задавила. Так и пропала «Чудя» вся, и богатство свое с собой взяла. – «Чудских ям» очень много рассеяно по Вологодско-Вятскому полесью. Майнов¹ нашел их в Каргапольском уезде, Олонецкой губернии². В Усть-Сысольском уезде³ лет 15–20 тому назад в одной такой яме случайно найден был глиняный кувшин с мордочками – серебряной монетой старого допетровского чекана⁴. При раскопках, произведенных вслед за этим, самими крестьянами найдено было в «чудских ямах» много старинного оружия и разных вещей; некоторые из них принадлежали даже бронзовому периоду. – Чудские ямы всегда расположены группами от 7–15 штук. – Чудских ям при починке Булатовском никто никогда не раскапывал. Пермьяки верят, что тут большие клады лежат, но раскапывать их не раскапывают, потому что ямы эти внушают им какой-то «суеверный ужас».

10. Близь дер. Лебедоской Кленовицкого прихода Колковской вол[ости]⁵, находится гора «Колокольня». В ней часто слышится звон от того и название свое получила эта гора, как объясняют это сами крестьяне. Говорят, что в ней скрыт разбойниками бочонок золота; в горе небольшое углубление по мнению тамошних обывателей – остаток землянки, где жили разбойники. Раскопок произведено было

¹ Поездка в Обонеж и Корелу. «Зп. 1874 г. кн. V (примечание Н. А. Доброворского). Майнов – Владимир Николаевич Майнов (1845–1888) – русский педагог, этнограф, географ, писатель.

² Каргопольский уезд – административная единица, занимавшая юго-восточную часть Олонецкой губернии Российской империи. С 1919 по 1929 г. входил в Вологодскую губернию. Уездный город Каргополь.

³ Усть-Сысольский уезд – административно-территориальная единица в Вологодской и Северо-Двинской губерниях, а также автономной области Коми (Зырян). Административный центр – город Усть-Сысольск. Усть-Сысольский уезд образован из 29 волостей Яренского уезда в 1780 г.

⁴ Серебряные деньги – копейки и полушки. С 1654 г. поверх ефимка стали наносить изображения царя и государственного герба. Эта монета стала первой в России с номинальной стоимостью один рубль.

⁵ Дер. Лебедоская, Кленовицкого прихода, Колковской вол. – деревня Лебедовщина (Орловский район, Кировская область), ныне не существует.

много, вся гора изрыта усердными кладоискателями, но кроме громовых стрелок, не найдено ничего; клад не дается в руки, потому что не долежал еще сроку своего.

11. В лесной даче¹ Навалихинской волости, в 10 верстах от дер. Акиличей², что при речке Ромовице, находится так называемое «Атаманское веретье»³. Это просто небольшой совершенно голый холмик, на нем только растет один олений мох. На площади его заметны восемь углублений с дощатым срубом; возле веретья – «калужина», русло высохшего пруда или озера. Назад тому несколько лет у одного мужика дер. Трифоновской, Навалихинской волости⁴, нашлись какие-то записи об этом веретьи. И в записях тех было сказано, что на «Атамановом веретьи» прежде жили разбойники, и было у них для жилья 9 землянок. Атамана своего они очень любили и катали его на тележке вокруг озера, по березовой аллее. Вокруг калужины действительно существует березовая аллея, ее можно видеть и в настоящее время. Когда атаман помер, то его тут же на веретьи и похоронили.

«Без церковного пения, без ладана,
Без всего, чем могила крепка...»⁵

Вместе с ним в одну могилу положили полюбовницу атаманову, попову дочку, писаную красавицу, котору разбойники силком увели из родительского дома в свои дикие, лесные дебри... По смерти ата-

¹ Лесная дача – ограниченная часть лесных угодий в Российской империи, подчинённая единому хозяйственно-техническому плану и прикреплённая к какому-либо владельцу. Большинство лесных дач было государственными (казёнными).

² Дер. Акиличи – деревня в Орловском районе Кировской области, ныне не существует.

³ Веретье – Веретия, веретье, веретья, вереть ж. влад. перм. вят. тамб. волог., веретейка сиб. возвышенная, сухая, непоёмная гряда, среди болот или близ берега, образующая в разлив остров; гривка или релка в большом виде; незаливаемое место на пойме; релка, гряда, водопуск, сырт между двух соседних речек; по Каме, меженный речной берег, особ. крутой, место до которого доходит разлив: гряда, всегда сухая, вдоль поймы.

⁴ Дер. Трифоновская Навалихинской волости – деревня в Орловском районе Кировской области, ныне не существует.

⁵ Стихотворение Н. А. Некрасова «Похороны. (Меж высоких хлебов затерялося...)».

мана шайке житье стало плохое. Пошла нескладаца внутри, неудачи при набегах. Сговорились удалые и разошлись в разные стороны, а добро свое частью поделили, частью зарыли в землянке, где жил допрежь того атаман, сравнив ее с землею; да еще, кроме того, лодку серебра утопили в озере. – Крестьяне дер. Трифоновской пошли было, по этой записи, отыскивать клад на «Атамановом веретъи». Благословясь, с крестом да с молитвою, начали было они рыть; вдруг откуда ни возьмись «целый полк» солдат вышел из лесу, с ружьями, пиками, и прямо на них... Крестьяне побросали свои заступы и лопаты и давай Бог ноги.

К слову замечу, что «солдаты с ружьями и пиками» занимают не последнее место в здешних народных преданиях. Они стерегут клады, заняв таким образом место старинного кладовика-лешего¹, водят волков-оборотней² на водопой, защищают «свято место» (часовню, ключ целебный и проч.) от нечистой силы etc., etc. У меня под руками имеются несколько таких рассказов, записанных мною в селе Великорецком³.

Н. Добротворский

Комментарии

Клады в Орловском уезде.

Опубликовано: Вятские губернские ведомости. 1883. № 12. С. 3; № 13. С. 4.

¹ Кладовик-леший – Лёший (белор. лясўн, лесавік, укр. лісовік; существует множество региональных и оценочных наименований) – дух-хозяин леса в мифологии восточных славян. Леший был одним из самых популярных славянских мифологических персонажей и, учитывая современный упадок мифологической традиции, сохраняет относительную популярность и сейчас. Традиционный образ лешего сложен, многогранен и расплывчат. Часто охранял клады.

² Волки-оборотни, просто оборотни, имеющие человеческую и волчью формы. В современном представлении это вид существ из кино и литературы, из жанров ужасов, фэнтези и паранормальной романтики, а также из занимательных книг и передач про паранормальщину. Вервольфам приписывают такие качества, как связь с Луной, уязвимость к серебру, регенерацию, заражение через укус или передача ликантропии по наследству.

³ Великорёцкое – село в Юрьянском районе Кировской области, на берегу р. Великой; одно из древнейших поселений Вятской земли.

ОРЛОВСКОЕ ГОРОДИЩЕ

В «каталоге древностей Вятского края», помещенном в календаре Вятской губернии 1882 г.¹, опущено, между прочим, городище Орловское.

Оно лежит в самом городе Орлове, на высоком мысе, между р. Вятской и глубоким, никогда непересыхающим оврагом. В настоящее время на месте городища публичный городской сад. В саду же проходит и вал, длиною около 35 саж[ен] и вышиною – 1 ½ саж[ен], а возле него ров, глубиною не менее 2-х сажен. Вал имеет форму дуги, изогнут по середине под углом 75. Судя по глубине рва, прежде вал был гораздо выше, но с течением времени осел и обвалился. Верхняя площадь его, шириною до Городище имеет вид треугольника; высота его, т. е. расстояние от вала до противоположного острого угла, составляющего вершину, равняется 75 саж. Поверхность городища вся изборождена буграми и небольшими ямками; по вероятности, это следы построек, бывших когда-то здесь. В обвалах со стороны реки можно видеть остатки перегнившего дерева, угли, кузнечные шлаки, толстые черепки очень грубой работы, куски битого дикого камня, желтые полуистлевшие кости. В саду, на самой площади городища, я нашел верхнюю часть черепа. Подобные находки здесь, говорят, не редкость. При постройке клуба, когда рыли ямы для столбов, рабочим попадались человеческие кости и черепа. Специальных раскопок на городище никто не делал. Даже дотошные кладоискатели – и те, как слышно, никогда сюда не заглядывали. Березы в саду посажены, по видимому, лет 40–50 тому назад.

Местные старожилы соединяют с Орловским городищем предание о побоище, будто бы происшедшем здесь между орловцами и вятчанами, пришедшими помогать им. Говорят, что в церквах, в радоницу², и до

¹ Спицын А. А. Каталог древностей Вятского края // Памятная книжка и календарь Вятской губернии на 1882 г. – Вятка, 1881. – С. 25–91.

² Рáдоница, Рáдуница – день первого после Пасхи общецерковного поминовения усопших в народной традиции восточных славян. В Русской православной церкви отмечается во вторник после Фомина воскресенья, на второй неделе после Пасхи. В народной традиции восточных славян – в воскресенье (на Красную горку), понедельник или вторник, в зависимости от региона.

сих пор еще справляют панихиду¹ по невинно убиенным в этом сражении. Существует также сказание, что Орловское городище соединяется подземным ходом с чертовым городищем, которое находится в 2-х верстах от Орлова, вниз по течению реки.

Посреди городища когда-то была церковь во имя Св. Троицы. Тут и теперь заметны перегнившие остатки деревянного сруба. В настоящее время здесь стоит небольшая часовня, очевидно, недавней постройки. На ней четыре образа, писанных на жести масляными красками: на восточной стороне изображение Симеона столпника², на западной – Св[ятой] Троицы, на южной – Николая Чудотворца³ и на северной – Екатерины великомученицы⁴.

Сообщил Н. Добротворский

Комментарии

Орловское городище.

Опубликовано: Добротворский Н. Орловское городище // Вятские губернские ведомости. 1882. № 62. С. 4.

¹ Панихида – у христиан церковная служба по умершему в сам день похорон, а также на третий, девятый или сороковой день после смерти либо в годовщину его смерти или рождения.

² Симеон Столпник (греч. Συμεών ὁ Στυλῖτης; около 390 – 2 сентября 459) – сирийский христианский монах, основоположник новой формы аскезы – столпничества. Знаменит тем, что провёл на столпе 37 лет в посте и молитве, а также другими аскетическими подвигами. Был проповедником, согласно житию, получил от Бога дар исцелять душевные и телесные болезни, предвидеть будущее. Почитается в лике преподобных в православной (память 1 сентября по юлианскому календарю) и католической (память 5 января) церквях.

³ Никола́й Чудотво́рец; Николай Уго́дник; Николай Мирликийский; Святы́тель Николай (греч. Ἅγιος Νικόλαος – святой Николай; около 270 года, Патара, Ликия – около 345 года, Миры, Ликия) – святой в исторических церквях, архиепископ Мир Ликийских (Византия). В христианстве почитается как чудотворец, на Востоке является покровителем путешествующих, заключённых и сирот, на Западе – покровителем практически всех слоёв общества, но в основном детей.

⁴ Екатерина Великомученица – Ека́теρίна Алекса́ндрійская (греч. ἡ Ἁγία Αἰκατερίνη ἡ Μεγαλομάρτυς; 287–305) – христианская великомученица, родом из Александрии, мученическую кончину которой относят ко времени правления римского императора Максимиана (или Максенция).

ПЕРМЯКИ. БЫТОВОЙ И ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

У нас еще очень мало было писано о северо-восточных инородцах финского племени; литература по этому вопросу крайне бедна: мало фактов, мало обобщений. Едва ли найдется у нас пять-шесть обстоятельных исследований об этих соседях наших. А между тем описание их быта чрезвычайно важно: это – последний и единственный документ их истории. У них нет письменности, нет даже преданий и собственных песен, которые могли бы хоть несколько уяснить нам общий характер их прошедшей и настоящей жизни. К тому же физиономия племени начинает мало-помалу стираться; и можно с уверенностью сказать, что не пройдет и сотни лет, как все племенные оригинальные черты чудской расы пропадут и изгладятся, и финские «ручьи сольются в русском море».

Прожив довольно долго среди пермяков, я коротко ознакомился с их языком, характером и нравами и передаю здесь читателю свои наблюдения. Для полноты очерка я пользовался иногда и печатными источниками – разными беглыми заметками, разбросанными по местным изданиям, и указаниями компетентных лиц, близко знающих пермяцкую жизнь.

I

Пермяки называют себя коми-войтыр¹; название же пермяков дано им русскими. Вместе с вотяками и зырянками они составляют так называемую пермскую ветвь большого финского, или чудского, племени. К какой расе нужно отнести финнов – об этом мнения ученых не сходились. Одни, как Блюменбах², Бредов³, причисляют их к монгольской расе, другие – даже к кавказской, третьи

¹ Коми-войтыр – коми народ.

² Блюменбах – Иоганн Фридрих Блүменбах (Блюменбах, нем. Johann Friedrich Blumenbach; 11 мая 1752, Гота – 22 января 1840, Гёттинген) – известный немецкий анатом, антрополог и естествоиспытатель; доктор медицины, профессор. Член Гёттингенской академии наук (1784), иностранный член Лондонского королевского общества (1793), Парижской академии наук (1830; корреспондент с 1805), иностранный почётный член Петербургской академии наук (1826).

³ Бредов, Карл фон (Ганновер – 4 августа 1851 г., Петербург) – доктор медицины.

(Кастрен¹) утверждают, что финны составляют посредствующее звено между славянами и монголами², Вайц прямо говорит, что они – метисы, происшедшие от смешения этих двух племен³. Во всяком случае все эти мнения – не более как смелые гипотезы, не имеющие под собой твердой фактической почвы. Вопрос о происхождении финнов, о принадлежности их к той или другой расе может быть решен только при тщательном историческом и антропологическом исследовании этих племен. Новейшие научные изыскания установили, по крайней мере, тот факт, что чудские племена вышли из Средней Азии. Они занимали там во время оно склоны Алтайских и Саянских гор, хребет Алатау, селились по верховьям Иртыша, Оби и Енисея. В Минусинском округе и по всей вообще южно-сибирской границе встречаются чудские памятники и гробницы, свидетельствующие нам о большом культурном развитии финнов. Они, очевидно, знали много искусств,

¹ Кастрен – Матиас Александр Кастрён (швед. Matthias Alexander Castrén, фин. Matias Aleksanteri Castrén; 2 декабря 1813, Тервола, Великое княжество Финляндское, Российская империя – 7 мая 1852, Гельсингфорс, Великое княжество Финляндское, Российская империя) – российский филолог финского происхождения, исследователь финно-угорских и самодийских языков, финского и саамского фольклора; основоположник сравнительной уралистики.

² Фирсов. Полож[ение] инородцев на северо-востоке России. Казань, 1866. С. 34 (прим. Н. А. Добротворского). Никола́й Никола́евич Фирсов (30 сентября (12 октября) 1864, Казань – 7 апреля 1934, Москва) – русский историк, специалист по истории российского города, торговли и промышленности XVIII в., народных движений XVII–XVIII вв., революционного движения XIX в. Фирсов Н. Н. Положение инородцев Северо-Восточной России в Московском государстве / рассуждение, написанное для получения степени магистра русской истории Н. Фирсовым. – Казань: Университетская тип., 1866. – 261 с. Н. Н. Фирсов приводит доказательство Кастрена о том, что лингвистические и этнографические данные подтверждают близость финнов с самоедами. Дается ссылка на работу Эйхвальда «О чудских копиях». (Эйхвальд Э. И. О чудских копиях // Записки импер[аторского] Археол[огического] Общества. Т. IX. Вып. 2. – 1857. – 102 с.).

³ Вайц – Франц Теодор Вайц (нем. Franz Theodor Waitz; 17 марта 1821, Гота – 21 мая 1864, Марбург, Гессен) – немецкий психолог и антрополог. Величайшим трудом считается его шеститомная работа «Die antropologie der Naturvölker» («Антропология первобытных народов»), первые четыре тома которой вышли в свет в Лейпциге в течение 1859–1864 гг. Последние два тома были изданы уже после смерти автора Георгом Герландом.

обрабатывали металлы, гробницы их покрыты были прекрасными обделанными яшмовыми глыбами. Все почти золотые и серебряные рудники края, известные теперь, уже разрабатывались чудью; таковы, напр[имер], рудники Зырянские¹ и Змеиногорские², где найдены искусно сделанные орудия каменного и бронзового веков, служившие когда-то для добывания золота и серебра. Черноморские колонии греков долгое время вели с финнами торговлю, получая от них продукты горной промышленности³. До конца прошлого столетия по отрогам лесистого Алтая встречались еще остатки верхне-азиатской расы, под именем воти⁴, или по-татарски ари⁵, что значит пчелы, так как финны любили заниматься пчеловодством. Уход за пчелами, замечу в скобках, и до сего времени остается одним из любимых занятий некоторых финских племен, заселяющих наше северное полесье.

В незапамятные доисторические времена, вследствие какого-то сильного внешнего толчка, племена верхне-азиатской расы пришли в движение, оставили свои родные насиженные места и потянулись

¹ Рудник Зырянский основан в 1791 г. как рудник Алтайского горного округа после открытия здесь рабочим Локтевского завода Герасимом Зыряновым богатого месторождения полиметаллических руд. Назван именем первооткрывателя.

² Рудник Змеиногорский – наиболее крупный рудник бывшего Колывано-Воскресенского горного завода на Алтае. Назван по одноименной горе, где в 1725 г. рудоискатели Коростылёвы обнаружили богатое месторождение медных руд. В 1736 г. Ф. Е. Лелеснов – приказчик А. Н. Демидова, определил, что кроме меди в рудах Змеиногорского месторождения содержится серебро. Сохранившиеся к тому времени чудские копи свидетельствовали о добыче здесь самородного золота и серебра в древние времена. Демидовы на Колывано-Воскресенском заводе организовали тайную выплавку серебра. Вследствие поступивших доносов алтайские предприятия (в их числе Змеиногорский рудник) в 1744 г. были фактически отобраны у Демидовых, а указом от 12 мая 1747 г. конфискованы в пользу казны.

³ Страбон (прим. Н. А. Добротворского). Страбон (др.-греч. Στράβων; ок. 64/63 гг. до н. э. – ок. 23/24 гг. н. э.) – античный историк и географ Римской Греции. Автор «Истории» (не сохранилась) и сохранившейся почти полностью «Географии» в 17 книгах, которая служит лучшим источником для изучения географии древнего мира.

⁴ Воть – название удмуртов.

⁵ Ари по-татарски – собирательное название финно-угорских народов, населявших в Средние века бассейн рек Вятка и Чепца.

далее на запад, направляя свой путь в пределы нынешней европейской России. Вероятно, их начали теснить с юго-востока народы монгольского племени, усилившиеся и размножившиеся к тому времени. О самом переселении, равно как и обо всей предыдущей жизни финнов, мы не имеем никаких точных исторических данных; все это скрыто от нас непроницаемым мраком. Только в некоторых народных сказаниях слышится глухой отклик прошлого и еще сохранились кое-какие смутные воспоминания о старине, о былой жизни и переселении. Мне доставлено, между прочим, одно сказание, записанное у пермяков Пермской губернии. За темным вымыслом фантазии в сказке виден намек на этот громадный переворот, случившийся за много веков до начала нашего государства. Сказка говорит, что далеко отсюда, на восходе солнца, жили когда-то два брата, Осьяс и Ожьяс; у них было в подданстве много народу. Житье было всем хорошее; ни сеять, ни пахать было не нужно: все само родилось, само в рот валилось. И был у тех братьев бог Шурма, страшный бог¹; питался он человеческим мясом и запивал его теплой овечьей кровью. Пока братья удовлетворяли его кровожадным наклонностям, бог любил и защищал их. Но раз как-то братья забыли принести ему обычную еженедельную жертву – двух мальчиков, двух девочек и трех овец, и свирепый Шурма разгневался и нагнал на них большого черного ворона. Ворон этот крыльями своими производил гром, а изо рта у него выходило пламя. Он напал на Осьяса и Ожьяса, подданных погубил и сжег, а самих их прогнал далеко на закат. А чтобы они не могли воротиться назад и занять старое место, он провел в земле борозду своим ногтем, и вода потекла в той борозде, и образовалась глубокая широкая река. Он думал, что братья не в состоянии будут переправиться через ту реку; но случилось не так. Лишь только он улетел на солнце к Шурме, братья сделали плот, крепко перевязали его вичками (тонкими прутьями) и переехали реку: сердце их звало на родину. Но ворон увидел их и снова погнался за ними; гнал их пустынями, потом лесами, затем опять пустынями и снова лесами...

¹ Бог Шурма – «Шурма» (šurma) – свирепое божество в мифологии коми, питавшееся человеческим мясом. Шурма и его ворон (коршун) фигурируют в этногонимическом и этиологическом (топонимическом) мифе о братьях-близнецах Осьясе и Ошьясе – легендарных прародителях финно-угорского народа коми-пермяков. См.: Шурма // Мифология коми. – Москва: Изд-во ДИК, 1999. – С. 388.

И потом выдернул перо из хвоста и положил на землю, и выросли из этого пера большие горы, покрылись и зазеленели лесом. Видят братья, что теперь уж не пробраться им до родной земли, – остались жить в лесу... Сказывали старики, заканчивают пермяки свое сказание, что мы и народились от этих самых братьев¹.

У китайцев существует летописное сказание о народе Узуне, который жил по верховьям Лены и потом был оттеснен дальше на запад². По всей вероятности, дело идет здесь именно о народах верхне-азиатской расы... Так или иначе, но факт переселения несомненен. Определить время этого переселения с точностью, конечно, нельзя. «Не знаем, – говорит Карамзин – когда они (финны) в России поселились, но не знаем также и никого старобитнее их в северных и северо-восточных ее климатах»³. Вирхов на основании положительных археологических изысканий полагает, что оно случилось в последний период каменного века⁴.

¹ Мы пропустили здесь эпизод о том, каким путем удалось братьям плот сделать без топора и ножа, и многие другие подробности (прим. Н. А. Добротворского).

² Китайское летописное сказание о народе Узуне – сказание о происхождении усуней (узуней) с двумя западномонгольскими племенами – ус и ун.

³ Истор[ия] Гос[ударства] Рос[сийского], Т. 1. [Глава 2. О славянах и других народах, составивших государство Российское], с. 36 (прим. Н. А. Добротворского). Карамзин – Никола́й Миха́йлович Карамзи́н (1 [12] декабря 1766, Знаменское, Симбирская губерния (либо село Михайловка (Преображенка), Оренбургская губерния) Российская империя – 22 мая [3 июня] 1826, Санкт-Петербург, Российская империя) – русский историк, поэт и литератор эпохи сентиментализма, прозванный «русским Стерном». Действительный статский советник. Создатель «Истории государства Российского» (тома 1–12, 1803–1826) – одного из первых обобщающих трудов по истории России. Редактор «Московского журнала» (1791–1792) и «Вестника Европы» (1802–1803).

⁴ Вирхов – Вірхов Рудольф, Вирхов Рудольф Людвиг Карл (Rudolf Ludwig Karl Virchow; 13.10.1821, Шифельбайн, Померания, ныне Свидвин, Польша – 5.9.1902, Берлин) – немецкий естествоиспытатель, врач, один из основоположников научной медицины; археолог, этнограф; политический деятель; иностранный член-корреспондент Петербургской АН (1881).

Мюллер¹, Нильсон² и другие ученые полагают, что раньше переселения кельтов в Европу, верхне-азиатская раса занимала север и большую часть средней Европы. Катрфаж в своей книге о «прусской расе» доказывает даже, что большая часть прусского народа имеет финское происхождение³. «Есть между прочим, – говорят гг. Майнов⁴ и Коропчевский⁵, – некоторые основания предполагать, что остатки каменного века в Европе принадлежат какому-нибудь народу этой именно расы»⁶. Эйхвальд⁷ в своем замечательном исследовании о древней географии южной России утверждает, что чудь и скифы – одно и то же, что все археологические памятники, находимые на юге России, как-то: могилы, курганы, каменные бабы, построены именно чудью.

Изгнанные из Азии финны принесли с собою и свою цивилизацию, значительное культурное развитие. Нестор упоминает о городах в Чудской земле. Отер, норвежский мореплаватель IX в.⁸,

¹ Müller. Allgemeine Ethnographie (прим. Н. А. Добротворского). Мюллер – Фридрих Мюллер (нем. Friedrich Müller; 6 марта 1834 – 25 мая 1898) – австрийский лингвист; один из первых арменистов и иранистов Европы. Friedrich Müller. Allgemeine Ethnographie Hölder, 1873. 550 с.

² Нильсон – Свен Нильссон (швед. Sven Nilsson; 8 марта 1787 – 30 ноября 1883) – шведский зоолог и археолог.

³ Катрфаж – Жан-Луи-Арман Катрфаж (фр. Jean Louis Armand de Quatrefages de Bréau; 10 февраля 1810 – 12 января 1892) – французский зоолог и антрополог. Член Французской академии наук (1852), иностранный член Баварской академии наук (1864), Лондонского королевского общества (1879).

⁴ Майнов – Владимир Николаевич Майнов (1845–1888) – русский педагог, этнограф, географ, писатель.

⁵ Коропчевский – Дмитрий Андреевич Коропчевский (псевдоним – Г. Таранский; 1842–1903) – русский писатель и переводчик, публицист, этнограф, редактор журнала «Знание» (1870–1877) и «Слово» (1878–1881).

⁶ Переселение народов, эмиграция и иммиграция // Знание. 1874. VI. С. 63 (прим. Н. А. Добротворского).

⁷ Эйхвальд – Эдуард Эдуардович Эйхвальд (31 марта (12 апреля) 1839 – 2 (14) ноября 1889) – терапевт, доктор медицины, профессор Императорской медико-хирургической академии. Тайный советник.

⁸ Отер – норвежский мореплаватель IX в., открывший путь в Белое море в 870–890 гг.

посетив устье Сев. Двины, нашел здесь прекрасно обстроенный чудской город с значительным населением. С той поры норвежцы завязали правильные торговые сношения с северной частью финского края, – сношения, не прерывавшиеся вплоть до XIII века. Отсюда жители Скандинавии вывозили пушной товар, которым так богата была чудская страна с своими необозримыми лесами. Город, о котором упоминает Отер, служил, таким образом, рынком, где норвежские купцы-воины менялись своими товарами с мирными финнами. Если верить исландским сагам, город этот был очень богат. В нем был, напр[имер], идол Йомалы¹, очень искусно выделанный из самого лучшего дерева; он был украшен золотом и драгоценными камнями, которые яркими звездами искрились и переливались на солнце. На голове Йомалы блистала золотая корона с 12 дорогими камнями; на коленях стояла золотая чаша, наполненная золотыми монетами; она была так велика, что четыре человека смело могли напиться из ее досыта. Его одежда стоила дороже, чем груз трех богатейших кораблей. Верно или нет приведенное описание чудского бога Йомалы – это не важно; для нас имеет значение только тот факт, что задолго до колонизации Биармии² и Югорской земли³ новгород-

¹ Идол Йомалы – (карельское и финское) в финно-угорской мифологии общее наименование божества, сверхъестественного существа, прежде всего духа неба. В центре капища расположена статуя бога Йомалы, и никто не смеет ее грабить. На коленях статуи серебряное блюдо с серебряными деньгами. В руке у статуи чаша и кольцо, а на шее – драгоценный браслет.

² Биармия – Би́армия, или Бьярмия, или Бьярмаланд (норв. Vjarmeland) – известная по сагам и летописям историческая область на севере Восточной Европы.

³ Югорская земля – Юѓра (Югорский край) – наименование территорий на Северном Урале и побережье Северного Ледовитого океана от пролива Югорский Шар до устья р. Таз, на которых жили угорские хантыйские и частично мансийские племена. Использовалось в русских источниках XII–XVII вв. В польских источниках XVI в. Югра расположена к северо-востоку от Московского княжества за Волгой и представляет собой самую северную часть «Скифии», лежащую на побережье Северного океана. По этим представлениям непосредственно в Югре располагалось древнее отечество венгров, которых многие раньше называли «угры». Топоним «Югра» сохранился в географических названиях на крайнем Северо-Востоке Европы, таких как пролив Югорский Шар и полуостров Югорский в Ненецком автономном округе.

скими выходцами здесь были города, была высокая культура. То же указывают и другие исследования. Так, археологи Малахов и Невоструев¹, изучавшие Ананьинский курган в Елабужском уезде², утверждают, что здесь некогда обитал народ, имевший сношения с персами, мидянами и ассирийцами. В Кестымской волости Глаз[овского] уезда³ найдены были арабские монеты, относящиеся к VII и VIII векам по Р[ождества] Хр[истова]. В «Мухаммеданской Нумизматике» Савельева⁴ мы находим много сведений относительно торговли жителей Биармии и Югры с норманскими викингами⁵ и волжскими бол-

¹ Археологи Малахов и Невоструев – Малахов М. В. К антропологии Вятского края // Изв. ИРГО. – Санкт-Петербург, 1882. – Т. XVIII, вып. 4; Невоструев К. И. Ананьинский могильник // Труды Первого Археологического Съезда в Москве. – Москва, 1871. – Т. II. – С. 595–632; Невоструев К. И. Елабужские древности // Труды московского археологического общества. – Москва, 1871. – Т. 3, Вып. 2; Невоструев К. И. О городищах древнего Волжско-Болгарского и Казанского царств в нынешних губерниях Казанской, Симбирской, Самарской и Вятской // Труды Первого Археологического Съезда в Москве. 1869. Т. II. – Москва, 1871. – С. 521–594.

² Ананьинский курган – Ананьинский могильник – находится на правом берегу р. Камы у с. Ананьина, в пяти верстах от г. Елабуги Вятской губ. Открытие его произошло случайно, вследствие весенних разливов, которые стали обнаруживать в этом месте человеческие кости и разные древние предметы. В 1858 г. была предпринята первая раскопка, которая производилась под руководством чиновника удельного ведомства г. Алабина, составившего отчет об этой работе; несмотря на то, что могильник был пересечен при этом только одним продольным рвом, а прочие части его остались нетронутыми, найденные в нем черепа и вещи оказались столь любопытными, что тотчас обратили на себя внимание представителей русской науки.

³ Глазовский уезд – административная единица Российской империи, существовавшая с 11 сентября 1780 г. до 15 июля 1929 г. С момента образования уезд относился к Вятскому наместничеству, в 1796 г. по указу Павла I Вятское наместничество было наделено статусом губернии.

⁴ Арабские монеты, относящиеся к VII и VIII вв. по Рождества Христова описаны в «Мухаммеданской Нумизматике» Савельева (Савельев П. С. Мухаммеданская нумизматика в отношении к русской истории. – СПб., 1847. – Т. I.).

⁵ Норманские викинги – викинги (норманны), морские разбойники, выходцы из Скандинавии, совершавшие в IX–XI вв. походы протяженностью до 8 тыс. км, может быть, и на большие расстояния. Эти дерзкие и бесстрашные люди на востоке достигали границ Персии, а на западе – Нового Света.

гарами¹. Особенно много мехов вывозилось этими последними, потому что они снабжали мехами всю юго-восточную Азию, куда их требовалось немалое количество.

Приведенные нами факты указывают, что чудь, вытесненная врагами из отчины, не утратила и не растеряла на дороге тех зачатков культуры, которые успела развить там. Она сохранила их и перенесла на новую почву.

О финской земле и племенах, ее населяющих, в Европе долго не имели никакого понятия, о них носились разнообразные фантастические сказания. Так, исландские саги² повествуют, что в «великой финской земле» очень много чародеев, могущество которых может сравниться разве только с могуществом Бога: они воскрешают мертвых, излечивают все болезни, превращают день в ночь и пр. Адам Бременский³, один из ученейших людей своего времени, рассказывает об «амазонках севера», обитающих в чудской земле; Нестор – о других чудесах югорской земли⁴. В конце концов чудская народность должна была столкнуться с славянским племенем и вступить с ним в борьбу. Это было роковой исторической необходимостью. Равнинность страны, которую заселяли обе эти народности, делала столкновение неизбежным. Развивающаяся потребность великого Новгорода в новых и новых рынках ускорила развязку. В этой борьбе чудская народность, как более слабая по своей внутренней организации, не устояла и была побеждена. Молодое и сильное славянское

¹ Волжские болгары – Вóлжские булгáры (болгáры) – группа болгарских племён, составивших основу населения Волжской Булгарии и Булгарского улуса Золотой Орды.

² «Саги об исландцах» (др.-сканд. *Íslendingasögur*), или «родовые саги» – разновидность саг, являющаяся вершиной исландской средневековой литературы. Так называют те саги, действие которых происходит в Исландии в «Век саг» (930–1030 гг.).

³ Преподобный Адам Бременский – Адам Бременский (нем. Adam von Bremen, лат. Adamus Bremensis; умер после 1081 г., возможно, 12 октября 1085 г.) – северогерманский хронист и схоластик, каноник кафедрального Бременского собора и глава церковной школы при нём.

⁴ Нёстор Летописец, также Нёстор Печёрский, Нёстор Киевский (ок. 1056–1114) – древнерусский агиограф конца XI – начала XII в., монах Киево-Печерского монастыря. Традиционно считается также одним из составителей «Повести временных лет».

племя без особого труда победило финнов, у которых силы были уже надломлены предыдущей исторической жизнью, столкновением с монголами и переселением. Славяне теснили чудь с двух сторон: с запада (двинские поселения новгородцев) и юга, и загоняли их все дальше и дальше на северо-восток. Финны должны были бросить все, свои города, дома, торговлю, и удалиться в глушь непроходимых лесов приуральских... Борьба эта длилась долго. Покорение Биармии новгородскими повольниками было только последним актом этой вековой борьбы двух рас, культуры старой азиатской и новой европейской.

Уже в XI веке часть финнов, занимавших западные окраины великой Биармии и область приморскую, сделалась данниками Новгорода. В это же время был покорен и город, упоминаемый Отером и так красноречиво описанный скандинавскими сагами. С этого времени торговля, которую вели финны с норвежскими купцами, переходит вся в руки новгородцев. Финны отходят на задний план; они становятся не более, как только простыми производителями-рабочими, простыми поставщиками товара для великого Новгорода, который стал торговым посредником между финнами и западным соседством. С тех пор северные и восточные чудские племена, подпавшие под власть Новгорода, стусеиваются окончательно и уже более не показываются на страницах истории. Самый город их с его великолепным идолом пропадает бесследно, так что современные ученые не могут даже указать места, где стоял он.

Владения Новгорода росли не по дням, а по часам. Его смелые сыны забирались все дальше и дальше на восток, основывали колонии, которые служили для них только временным станом и операционным базисом для дальнейшего движения вперед. Эти неутомимые искатели приключений и добычи шаг за шагом отбивали у финнов-туземцев их родную землю, заставляя их уходить дальше в леса или платить дани и оброки. С течением времени число русских увеличивалось как от естественного приращения населения, так и от наплыва новых сил. Удача первых пионеров привлекала сюда массу новых переселенцев, сперва из Новгорода, а потом и из других краев русско-славянской земли. В короткое время около острога, основанного ушкуйниками на берегу Вятки, выросло целое поселение; отсюда русские разливались и по всей Биармии. Это было целое на-

воднение. Инородцы, и в том числе пермяки, не могли противиться могучему потоку и отступали перед ним дальше, на северо-восток, в объятия дикой и неприветливой северной природы. На месте их поселений возникали русские починки, эти последние разрастались в деревни, деревни – в города. А финны ютились в лесах, выбирая для поселения места закрытые, безопасные, где-нибудь в низине, чтобы не привлечь на себя внимание лихого русского человека. Все почти поселения пермяков лежат в лощинах и котловинах.

Прочных жилищ себе пермяки сначала не строили, чтобы не жаль было бросать их, когда подойдут русские и прогонят их отсюда. Дома пермяков были сколочены из легких жердочек, на манер шалаша. Многие также рыли себе жилища в земле, закрывая сверху прутьями и жердями. Пола в таких землянках не было, для спанья на землю подстилали траву или сухие березовые листья. Для сиденья употребляли чурбаны или корневища толстых деревьев. О печах здесь не было и помину. Пещеры нагревались просто при помощи «теплины»¹, которая раскладывалась посередине ямы; здесь же в котелке варили и кушанье; горшки и ухваты только недавно стали входить в употребление среди пермяков, – в их языке нет даже слов для обозначения этих предметов. Дым выходил в отверстие, проделанное вверху, это же отверстие служило входною дверью в их нору. К нему приставлен был вместо лестницы ствол дерева с отрубленными наполовину сучьями. Землянки, в противоположность шалашам, вырывались обыкновенно на высоком месте, где-нибудь на берегу реки, на пригорке среди леса, потому что, живя в них, пермяк уже не рисковал ничем и не боялся быть замеченным русскими. Характер таких подземных жилищ сохранился у пермяков и теперь еще в тех избушках, какие устраиваются ими для лесования (охота). Для этого они выкапывают небольшую яму, в аршин глубиною и аршина три шириною и длиною, и над нею делают надстройку, шалаш из прутьев и жердей. Здесь они складывают свою добычу, варят обед и ночуют при свете горящего костра, разложенного по середине шалаша. Остатки таких жилищ сохранились по местам и до сих пор. Мне самому приводилось видеть их по нагорному берегу реки

¹ Теплина – костер.

Летьки¹, впадающей в Вятку; но сколько я ни просил пермяков разрыть эти ямы, они не соглашались ни за какие деньги, считая это святотатством. Пермяк относится к ним с каким-то благоговейным ужасом: и днем он боится подходить близко к ямам, а ночью он готов сделать пять верст лишних, только бы не пройти мимо их. Да чего же вы боитесь их? – спрашивал я. – Так, ответил мне пермяк неопределенно; и видно было, что он действительно боится их «так», сам не зная почему. Называются эти ямы у пермяков «чудскими»². О происхождении их пермяки передают различно. Одни говорят, что в ямах жили злые колдуны, выходившие по ночам морочить добрых людей; другие утверждают, что это – чертово игрище; что черти сюда собирались плясать, хороводы водили, но раз, когда они собрались здесь в самую страстную субботу, под светлый день³, Бог разгневался и послал на них Илью с громом, и все бесовские хороводы провалились сквозь землю, и следом их беззаконного веселья на земле остались эти ямы. Третьи... рассказ третьих так характерен, что я считаю нужным привести его вполне. «Давным-давно, – рассказывают пермяки, – когда еще в здешние места начальство не заглядывало, жил здесь один народ, “чудя”. Жили эти чуды как звери, в лесах; а леса в те поры были не то, что нынешние: ни проходу, ни проезду тогда через них не было; о дорогах уж и толковать нечего: ходили только по солнцу да по звездам. Чудя и жила в здешних местах, промышляя зверьем:

¹ Река Летька – Летка – река в Республике Коми и Кировской области, правый приток Вятки. Устье реки находится в 804 км по правому берегу Вятки. Длина реки – 260 км, площадь водосборного бассейна – 3680 км². При впадении в Летку р. Волосницы стоит с. Летка.

² Чудь – 1. Собирательное древнерусское название ряда племён и народностей, как правило, прибалтийско-финской группы (воть, весь, сумь, емь, корела, ижора, эсты и др.). 2. Чудь – мифический народ, персонажи мифического времени, связанные с представлениями о первопредках, персонажи легенд о древнем народе, у коми-пермяков персонажи быличек, духи. Мифы о Чуды – персонажах мифического времени, распространены в основном среди коми-пермяков.

³ Страстная суббота – суббота накануне Пасхи. Великая суббота (греч. Μεγάλο Σάββατον), Страстная суббота – суббота Страстной седмицы, посвящённая воспоминанию погребения и пребывания во гробе тела Иисуса Христа и сошествия Христа в ад. Светлый день – Пасха, Воскресение Христа, которое празднуется в ночь с субботы на воскресенье.

и питалась зверьем, и одевалась зверьем. Долго ли, коротко ли, только вот и пришел сюда Степа-угодник¹ и всех начал крестить. А чуди не хотелось этого. Со Степой-угодником пришли царские послуги² и начали они чудю ту теснить всячески и принуждали в воду идти. А тогда так было: коли кто окрестится, тот настоящим русаком делается и должен платить царю оброк³. Чудь уперлась: не хотим-де креститься да царю оброки выплачивать. Кинулась она в леса, убежать думала. Только царь послал народу еще того больше и велел переловить ее всю и окрестить, и взять с нее подати – оброки великие. Видит чудя: дело плохо, не сдобровать ей; выкопала она эти ямы, залезла туда да и зарылась в них, и все имущество с собой взяла».

– Так вся чудя и погибла здесь, в этих ямах? – спросил я.

– Нет, зачем вся... Много тоже ее в лес убежало. Мы вот теперь от этой чуди и народились.

Кроме приведенного выше баснословного рассказа о переселении, это последнее сказание о чудских ямах есть единственное историческое предание о прошлом, сохранившееся в памяти пермяков. В этом коротком сказании – вся жизнь пермяцкого племени, все главные моменты его исторического прошлого: и взаимное враждебное отношение пермяков и русских властей во время и после завоевания Биармии, и насилие, каким сопровождалось здесь введение христианства.

Пермяк верит, что в чудских ямах скрыты великие богатства, клады. – Да откуда же тут клады? – спрашивал я. Пермяки объясняют, что чуди все были большие разбойники, целыми ватагами нападали на деревни и города⁴ и грабили, и потому денег у них было видимо-невидимо.

Пермяки рассказывают, что многие обогатились от этих кладов. Они вообще любят объяснять причину богатства найденным кладом или другим чудом и глубоко убеждены, что от своих трудов не наживешь богатства.

¹ Стефан Великопермский (прим. Н. А. Добротворского).

² Послуги – воины.

³ Оброк – одна из повинностей зависимых крестьян, заключающаяся в выплате дани помещику продуктами или деньгами.

⁴ Намек на «разорения», какие чинили финские племена русским в XIII–XV столетии (прим. Н. А. Добротворского).

Чудских ям в здешнем крае очень много. Они попадаются не только в северном уральском полесье, но даже и в Олонецкой губернии¹. Особенно часто встречаются они в Усть-сысольском у., Волог[одской] губернии². Назад тому 15–20 лет тамошние крестьяне обратили на них внимание вследствие того, что в одной такой яме случайно найден был целый кувшин с серебряными монетами. При раскопках, произведенных вслед за этим самими крестьянами, здесь найдено было много старинного оружия и вещей каменного и бронзового периода. Если не ошибаюсь, в таких же чудских ямах найдены были и кельты³, доставленные Бэру из Вятской губернии⁴. К слову замечу – и это замечание, кажется, не будет здесь лишним – что в восточной Сибири, по предгорьям Станового хребта, и до сих пор существует железное орудие, по форме своей

¹ Майнов [В. Н.]. Поездка в Обонежье и Корелу // Зн[ание]. 1874. Кн. V (прим. Н. А. Добротворского). Олонецкая губерния – административная единица Российской империи. Губернский город – Петрозаводск, хотя название губернии дал г. Олонец. Существовала с 1801 по 1922 г. По площади на 1914 г. занимала 130 801 км². Население, согласно данным переписи 1897 г., – 364 156 чел.

² Усть-сысольском у., Волог[одской] губернии – Усть-Сысольский уезд – административно-территориальная единица в Вологодской и Северо-Двинской губерниях, а также АО Коми (Зырян). Административный центр – г. Усть-Сысольск. Усть-Сысольский уезд был образован из 29 волостей Яренского уезда в 1780 г.

³ Кельты (греч. Κελτοί, лат. *Celtae*) – близкие по языку и материальной культуре племена индоевропейского происхождения, в древности на рубеже эр населявшие обширную территорию в Западной и Центральной Европе.

⁴ См[отри] его лекции о «Древнейших обитателях Европы» (прим. Н. А. Добротворского). Бэр – Карл Эрнст Риттер фон Бэр Эдлер фон Хутхорн (нем. Karl Ernst Ritter von Baer Edler von Huthorn, или, как его называли в России, Карл Макси́мович Бэр; 17 [28] февраля 1792 – 16 [28] ноября 1876) – российский естествоиспытатель немецкого происхождения, один из основоположников эмбриологии и сравнительной анатомии. Академик Императорской академии наук (1828–1830; 1834–1862; член-корреспондент в 1826–1828, почётный член в 1830–1834 и с 1862), президент Русского энтомологического общества, один из основателей Русского географического общества. Иностраный член Лондонского королевского общества (1854), Парижской академии наук (1876; корреспондент с 1858).

очень напоминающее древние кельты. Оно употребляется местными жителями для выкапывания сарины¹, которая там идет в пищу. Вся разница между кельтами, найденными в Западной Европе, и кельтами приуральскими и сибирскими заключается лишь в том, что первые – бронзовые, а вторые – по большей части медные. Замечательно, что чудские ямы никогда не встречаются поодиночке, а всегда группами в 10–20 штук.

В момент первого столкновения пермяков с русскими, у первых было уже довольно прочное социальное устройство. Племя делилось на роды, и каждый род управлялся особым начальником, старшим в роде. Старший пользовался решающим голосом на миру, всеобщим почетом и уважением; ему принадлежало право домашнего жертвоприношения, так что он в одно и то же время был и начальником, и картом (жрецом)². Это уважение к старшим осталось среди пермяков и до сих пор. Современный пермяк с чрезвычайным почтением относится к старшим, слово родителя для него закон. – Кроме этой местной родовой власти у них существовала еще власть общая всему племени, это был князь, номинальный начальник всего народа; он жил обыкновенно в укрепленном городе. Как далеко простиралась его власть, неизвестно, но, по-видимому, она еще не успела сложиться в определенную форму и не имела в народе твердой почвы. Можно думать, что князь заведывал только внешними делами, а всеми внутренними делами заправляли старейшины-родоначальники. Но все это – одни догадки, не имеющие под собой фактической опоры. История пермяков и вообще всех инородцев нашего полесья так бедна фактами и так мало разработана, что тут положительно бродишь, как впотьмах. Власть князя была уничтожена московским царем

¹ Сарины – Сарина, по Линнею, лилиевидное растение V класса. Растение три вершка от земли, небольшая, но очень красивая лилия, ярко-желтая с красными полосками и черной серединкой. Луковица сарины заменяет камчадалам хлеб. Ею усыпаны поля (очень красива для газона); луковица зубчатая, не больше хорошего лесного ореха, очень мучниста, немного сладковата и очень питательна, особенно вкусна с жареной уткой, но и просто сваренная в воде – тоже очень вкусна.

² Карт – жрец. Понятие тождественно коми Пам; коми-пермяцкий Пам. Пам – в значении «жрец» встречается в коми-зырянском песенном и сказочном фольклоре.

Иваном III¹, который прислал на его место своего наместника. Это было уже последним ударом, в конец доконавшим пермяцкую независимость. Прежде, при новгородцах, у них была хоть тень самостоятельности, теперь не стало и этого.

Можно думать, что у пермяков, равно как и у родичей их, вотяков, существовала и письменность. Вотяки рассказывают, что у их главного карта была книга закона, которую тот часто читал народу. Но раз во время молитвы он неосторожно положил книгу на пенек; в это время подошла корова и съела ее, приняв, должно быть, за клочок сена. С тех пор и не стало книг у вотяков. Пермяки не имеют об этом никаких преданий, но за то в их языке есть особенные слова для выражения понятий о чтении и письме: гижнэ – писать² и лынднэ – читать,³ что вероятно указывает на то, что пермяки также имели когда-то письменность. Но откуда явилась эта письменность, существовала ли она у финнов до переселения их из Азии в Европу или началась еще там, на месте их первоначального жительства? – все это вопросы крайне любопытные, но которые, кажется, никогда не будут решены по отсутствию всяких положительных данных.

Как бы то ни было, но все это – и высокая, по тогдашнему времени, чудская культура, и начало государства – было сметено нашествием русских, безвозвратно погибло от меча и пожара; а сами финны были загнаны в самые глухие места, вроде, например, болотистого Зюздинского края⁴, с крайне нездоровым климатом, куда в продол-

¹ Московский царь Иван III – Ив́ан III Васи́льевич (в историографии также Ив́ан Вели́кий; 22 января 1440 – 27 октября 1505) – великий князь Московский с 1462 по 1505 г., государь всея Руси, в некоторых документах титуловался царём, в ряде иноземных источников он именовался кайзером императором.

² Гижны (перех.) – писать, написать, записать, вписать; описать. Коми-русский словарь. – Сыктывкар: Коми государственное издательство, 1948. – С. 51.

³ Лыддыны (перех.) – 1. читать, прочитан, прочесть. Коми-русский словарь. – Сыктывкар: Коми государственное издательство, 1948. – С. 116.

⁴ Зюздинский край – Зю́здинские ко́ми, ко́ми-зю́здинцы, зю́здинцы (самоназвание – пермяки) – этнографическая группа коми-пермяков в Афанасьевском районе (бывшей Зюздинской волости) Кировской области, ранее северо-восток Глазовского уезда Вятской губернии. От коми-пермяков зюздинцев отличает некоторая близость языка и культуры к коми-зырянам, что обусловлено историко-территориальными причинами.

жение целого полугода нет возможности пробраться ни конному, ни пешему. Пермьяки, естественно, здесь крайне дичали.

Но память о свободе не сразу могла быть задушена даже и московским царем, имевшем у себя в распоряжении регулярные войска. Пермьяки еще долго не могли успокоиться и глухо волновались. Пользуясь всяким удобным случаем, они мстили «руссакам» за насилие, делали внезапные набеги на русские поселения, разоряли и сожигали их, а жителей беспощадно избивали, так что, когда знаменитый Аникий Строгонов¹ завел соляные варницы на севере вятской земли, то принужден был построить здесь крепость Кай для защиты от пермяков, воти и татар (1558 г.)². Смутное время самозванцев и пугачевский бунт отзывались в Вятском и Пермском краях всеобщим восстанием инородцев, которые нещадно разоряли русские поселения. Северная часть провинции до конца XVIII века оставалась беспокойною. Враждебное отношение инородцев к русским несколько сгладилось только в позднейшее время, а у некоторых племен оно осталось и до сих пор. В этом не мало виновата дурная администрация края. История Вятки за XVII и XVIII века представляет сплошную летопись взяточничества и разных злоупотреблений воевод и вообще всех местных властей. Воеводы и губернаторы сменяются постоянно. Несколько раз увольняется весь штат чиновников, чтобы уничтожить и искоренить этим взятки и плутовство, но на гнилом месте опять и опять вырастает гнилое дерево... Народу приходилось совсем плохо от таких властей. Чиновники самовольно уничтожали выборное начало, хотя сама царская власть иногда благоприятствовала ему и старалась его поддержать. Из указа царей Иоанна и Петра Алексеевичей

¹ Аникий Строгонов – Аникей Фёдорович Стрoганов (варианты имени Иоанникий, Аника, в монашестве принял имя Иоасаф) (1488, Новгород – 1569 или 1570, Сольвычегодск) – создатель солеваренной промышленности в Сольвычегодске и Перми Великой, колонизатор прикамских земель, крупнейший русский предприниматель своего времени, государственный деятель.

² Крепость Кай от пермяков, воти и татар (1558 г.). – Кай (до 1854 г. – Кайгород) – село в Верхнекамском районе Кировской области, центр Кайского сельского поселения. Кайгород был основан Строгановыми в 1558 г. Хотя некоторые и приписывают его основание новгородцам, но положительно известно, что Кай основан братьями Яковом и Григорием Строгановыми в середине XVI в., когда им принадлежали земли по рекам Кама и Чусовая.

вятскому воеводе Петру Дорошенко¹ в 1682 г. видно, что на Вятке, во всех пяти городах, уезды и волости находились в запустении, оттого, что там самовольно «сидели подьячие без мирских выборов по подписным челобитным² и по накупам³, и чинили жителям налоги и стеснения, и от письма брали лишние взятки, и разоряли в конец»⁴. Народ страдал, еще больше страдали невежественные и вполне беззащитные инородцы, и, разумеется, вражда их к начальству и вообще ко всем русским ничуть не сглаживалась. В сношениях с ними пермяк всегда держал за пазухой камень, видя в каждом «русаке» своего кровного врага. Введение христианства⁵ также мало способствовало сближению с русскими. Из пермяцкого сказания о чудских ямах мы уже видели, каким путем совершалось это крещение и с какими чувствами пермяки шли к купели. При таких условиях христианство, естественно, не могло быть примиряющим началом; напротив, оно еще более обострило взаимные отношения между двумя народнос-

¹ Петр Дорофеевич Дорошенко – воевода (1681–1683), бывший гетман Украины.

² Подписная челобитная – Челобитная – наиболее распространённая до третьей четверти XVIII в. разновидность актовых материалов. Акты этого рода писались либо площадными подьячими (профессиональными писцами и нотариусами Московской Руси XVI–XVII вв.), либо сельскими, мирскими, церковными дьячками, мелкими «приказными» всякого рода: приказчиками, старостами, целовальниками, сидельцами и т. д., либо же лично авторами текста, которые обладали навыками делового письма в разной степени. Содержание представляло собой жалобную просьбу, прошение, заявление в целях защиты своих интересов. На обратной стороне челобитной дьяк ставил дату, когда была подана челобитная и отмечал «доложить» или кратко записывал приказание по челобитной, данное царём или главой приказа. Такой документ назывался «подписная челобитная».

³ Накуп – разновидность актовых материалов.

⁴ Указ царей Иоанна и Петра Алексеевичей вятскому воеводе Петру Дорошенко, в 1682 г. // Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссией. Т. 5. 1676–1700. – Санкт-Петербург: Тип. 2-го Отделения Собственного Ее Императорского Величия Канцелярии, 1842.

⁵ Главная масса пермяков приняла христианскую веру при св. Стефане, епископе Великопермском, во второй половине XV в., вместе с родичами и соседями своими вологодскими зырянами. Остальные крестились в XVII и XVIII в. (прим. Н. А. Добротворского).

тами, послужило новой причиной разлада между ними. Неприязненное отношение к русским в пермяке уничтожилось только в позднейшее время, когда он присмотрелся и по привычке к русским. Сталкиваясь на каждом шагу с русским крестьянином, пермяк увидал в нем птицу одного полета с собою, увидал что их гнетет и давит одна сила, что простой «русак» радуется с ним одними радостями, печалится одною печалью. Он перестал враждовать и примирился с русскими. Но страх перед мундиром и вообще всем, что носит на себе печать чиновничества, какой-то бессознательный и суеверный страх остался и до сих пор. Приезд исправника¹, станового² и т[ому] под[обных] пермяк и теперь еще называет бедою. Он отречется от всего, отдаст последнюю рубашку, только не водите его на суд, к чиновникам: это для него горше всего.

II

Было время, когда пермяки считались сильным и многочисленным племенем, когда они занимали всю почти Пермскую губ. и север Вятской; теперь их насчитывается всего-навсего 60,000 человек. Из них около 50,000 чел. живут в Пермской губернии, остальные – в Вятской. Большая часть пермяков обрусела и смешалась с русскими³; сильнейшая народность поглотила слабейшую. Это слия-

¹ Исправник – глава полиции в уезде в Российской империи, подчинённый губернатору.

² Становой пристав – полицейское должностное лицо в земской полиции (чиновник уездной полиции) Российской империи, возглавляющее стан – полицейско-административную единицу из нескольких волостей. На становой приставе лежали все исполнительные, следственные и судебно-полицейские дела в стане каждого уезда России.

³ Один из лучших местных исследователей, г. Романов, полагает, напр[имер], что жители Кайского края (13,000 чел.) есть ни больше ни меньше как обрусевшие пермяки. Кратк. очерки уездов Вятской губ. Вятка, 1878, стр. 100 (прим. Н. А. Добротворского). Николай Никанорович Романов – земский статистик. Романов родился в 1848 г., учился в Вятской духовной семинарии, был преподавателем географии в духовном училище, потом служил в Слободской и Нолинской уездных земских управах. В феврале 1874 г. приглашён заведующим статистическими работами Вятской губернской земской управы, а с 1881 г. занимает такую же должность в Тамбове, где работает рука об руку с Василием Ивановичем Покровским. С 1881 по 1898 г.

ние продолжается и до ныне, и даже теперь в большей степени, чем прежде. Особенно сильно обнаруживается факт обрусения в деревнях, заселенных наполовину русскими, на половину пермяками. Пермяки перенимают здесь все русские обычаи и нравы, стараются подражать своим соседям даже в мелочах, говорят по-русски, рождаются с ними, так что самый тип их изменяется, переходя в какую-то неуловимую середину между славянским типом и финским. К слову замечу, что близкие отношения с пермяками и однородность жизненных условий не остаются без влияния и на русских и сильно отражаются на них; и если есть факты обрусения пермяков, то не мало, в свою очередь, и фактов совершенно противоположного характера – опермачивания русских. Находясь в близких, а иногда и кровных сношениях с пермяками, русские в иных местах совсем утратили свои племенные черты и приобрели тип, более приближающийся к финской народности, чем к славянской. Таковы, напр[имер], все почти жители восточных волостей Слободского уезда, Харинской волости, Глазовского у[езда] и др. Мы находим у них тоже хилое недоразвитое сложение, тот же низкий рост, очертание лица с маленькими узкими, несколько наклонными, глазами, и почти без всяких признаков усов и бороды; тот же неправильный угловатый череп с жидкими русыми волосами; тот же ленивый апатичный взгляд, вялую походку и медвежью неповоротливость. В таких местностях со смешанным типом невозможно различить, где кончается пермяк и где начинается русский. Взаимное воздействие двух народностей – русской и пермяцкой – проявляется даже на фамилиях. Пермяки часто заимствуют их у русских, так что теперь рядом с Гырдымовыми, Тугбаевыми мы видим Сидоровых, Петровых, Вырываевых etc. Среди русских, в свою очередь, зачастую встречаются фамилии чисто пермяцкие.

Пермяки, да и вообще все инородцы финского племени, в городах жить не любят. В 1871 г. в Вятск[ой] губ[ернии] всех инородцев (пермяков, вотяков и черемис) по городам жило только 91 чел[овек], в том числе пермяков 7 чел[овек] муж[ского] пола и 2 жен[ского]. Робкие пермяки боятся человеческого общества и предпочитают оставаться в своей глуши, среди родимых лесов.

Н. Н. Романов обследовал и издал описание всех уездов Тамбовской губернии. Романов Н. Н. Краткие очерки уездов Вятской губернии. – Вятка, 1875. – Вып. 1. Уезды: Слободской, Глазовский, Сарапульский и Елабужский. – Вятка.

Мы уже говорили, что пермяк выбирал для поселения какую-нибудь лощину, закрытую со всех сторон от глаз постороннего человека. Поэтому все старинные пермяцкие поселения расположены обыкновенно где-нибудь в котловине, на низком месте, возле небольшой речки или ручейка. Новые же поселения, все починки и деревнюшки, возникшие в недавнее сравнительно время, располагаются напротив на возвышенных местах. Пермяк заботится теперь не о безопасности, а об удобстве и красоте. Недостаток хороших мест для обработки земли принудил пермяков селиться лесными починками, дома в 2–3; этим и объясняется разбросанность пермяцких поселений. Впрочем, у пермяков вообще замечается тенденция селиться небольшими починками; они не любят больших деревень и бегут из них. Только последнее крутое время несколько посократило их, так как теперь нельзя уже безнаказанно селиться на казенных лесных землях по воле своей, где кому угодно, а сельские общества неохотно дают свои приговоры на заселение подушной земли¹. Кроме того, и большие дороги, и скотопрогонные тракты явились здесь централизующим началом. Пермяки стали собираться около них, образуя иногда очень большие деревни. При въезде в пермяцкую деревню вас прежде всего поражает невообразимая грязь и безалаберность построек. О порядке и симметрии здесь не может быть и речи. Строения беспорядочно нагромождены тут и там. Одна изба стоит задом наперед, другая выпятила свой угол на улицу, третья стоит боком к проходящей мимо дороге, четвертая отошла назад, на гумно², пятая выступила вперед. Не знаешь, где улица, где дорога. Так построены все старинные и удаленные от большой дороги деревни пермяков. К ним вполне применима пословица о трех дворах и семи улицах. Пермяку не из-за чего было тесниться, земли перед ним было вдоволь, расчищай и занимай ее, сколько хочешь. И он, действительно, не теснился, тем более, что ему хотелось иметь под руками все хозяйственные постройки. Он становился как можно дальше от своего

¹ Подушные земли – это земли «общества» податных крестьян. Податные сословия (также податные состояния) – в России XV – первой половины XIX в. группы населения (крестьяне и мещане), платившие подушную подать, подвергавшиеся телесным наказаниям, выполнявшие рекрутскую и другие натуральные повинности.

² Площадка для молотбы или помещение, сарай для сжатого хлеба.

соседа и беспорядочно громоздил эти постройки вокруг своего дома, и спереди, и сзади, не заботясь о расположении улиц. Только в позднейшее время, когда начальство строго стало следить за правильностью построек, деревни стали выравниваться, особенно те, которые лежат на большой проезжей дороге. Поселения лесные, куда никакое начальство не рискнет забраться, строятся по-прежнему, как Бог на душу положит.

Изобилие леса дает пермяку возможность строить просторные и высокие избы и крыть их не соломой, как у русских, а дранью или тесом. Архитектура пермяцких домов довольно своеобразна. Обыкновенно дом пермяка двумя капитальными продольными стенами разделяется на 3 части: жилую избу, пролет и клеть. Избы все почти курные. Окон всего четыре; три на улицу и одно во двор. Среднее окно обыкновенно большое, косячатое¹, аршина 1 ½ в высоту и аршин в ширину; другие три – маленькие, волоковые². Сплошь и рядом, вместо стекол, в окна вставлен пузырь или пропитанная маслом бумага. В Пермской губ. попадаются и слюдяные «окончины». Света такие окна дают мало, так что в избе постоянные сумерки; закопченные стены и потолок еще более увеличивают мрачность избы. На лево от входа обыкновенно помещается большая печь, битая из глины³ и по большей части без трубы; для дыма прорубается над печью

¹ Окно косячатое – заполненное застекленным переплетом окно деревянно-го дома, имеющее высоту не менее трех диаметров бревна в срубе.

² Окно волоковое – волоковое окно, особый тип окна в бревенчатой стене жилища (например, избы), образуемого углублениями, вырубленными в двух расположенных одно над другим брёвнах. Окно такого типа не требует никаких дополнительных конструкций (рамы или фрамуги), может за-тыкаться пучком соломы или тряпьем. Однако, как правило, с внутренней стороны к окну приделывалась задвижка из тесовой доски, которая «заво-лакивала» оконные проёмы. В XVI–XVIII вв. одно волоковое окно распола-галось в верхней части фронтона избы, через него выходил дым от печи «по-чёрному». В середняцких домах XVIII–XIX вв. из трёх окон по фасаду центральное было «красным» (застеклённым или закрытым слюдой), а два боковых – волоковыми.

³ Битые печи (чувалы), если не ошибаюсь, преобладают у всех инород-цев; они есть и у вотяков, и у черемис, остяков и т. п. (прим. Н. А. Доб-ротворского). Чувал (сыуал) – печь с открытым топочным отверстием и прямым дымоходом. В жилище чувал располагался преимущественно

в стене окошко, которое открывается во время топки и после опять замыкается деревянным ставнем; иногда это окошко проделывается и в потолке, над челом печи¹. Порой встречается и дымоволок – большая труба из липовой коры, которая во время топки вставляется в отверстие в потолке. Вдоль стен стоят лавки, в переднем углу – незамысловатый, топорной работы, стол собственного изделия; на столе – неизбежный жбан² с квасом и хлеб, завернутый в грязнейшую скатерть. Около печки непременно судница для посуды³, которая ежеминутно может понадобиться стряпухе; тут же хранятся ложки, ножи, чайная посуда, у кого она есть, и, наконец, неизбежный котелок, который сопровождает пермяка всюду – и на охоту, и на полевые работы, и на сенокос. Мало того, даже и дома пермяк предпочитает его всякому горшку и варит в нем почти все жидкие кушанья. Стульев и скамеек в избе нет; их роль исполняют толстые деревянные обрубки (джек)⁴, а по большей части и их не бывает, так что некоторым членам семьи приходится обедать стоя. В каждой избе непременно есть полати⁵. Они очень высоки, так что средний человек смело может стать на них во весь свой рост. Здесь семейство живет всю зиму, так как на полу бывает холодно; там иногда даже и обедают, пере-

у входа, не примыкал к стене, являлся одним из элементов традиционного интерьера. Основным строительным материалом служили глина, дерево, камень-плитняк, позднее – кирпич. Для закладки сооружали глинобитное возвышающееся над полом основание (көлдөксә), на которое устанавливали остов чувала из обвязанных лозой, лыком и обмазанных глиной вертикально расположенных жердей. Сужающийся кверху корпус чувала соединялся с трубой. Для приготовления пищи пристраивали очаг (усак) с вмазанным котлом и небольшую печь для выпекания хлеба (мейес, икмәк мейесе), которые соединялись с дымоходом. Чувал был распространён в Зауралье, южных, юго-восточных, горно-лесных, центральных районах Башкортостана. Подобные печи встречались у многих народов, проживавших на территории Сибири.

¹ Чело печи – сводчатое топочное отверстие в большой печи, в горне.

² Жбан – сосуд в виде кувшина с крышкой (часто изготавливали из бересты).

³ Судница – полка для посуды.

⁴ Джек (джекйыс) – 1. обрубок бревна, чурбан; 2. подставка для складывания на воз брёвен; 3. чурбан, служащий для сиденья; 4. (диал.) стул.

⁵ В избе: нары для спанья, устраиваемые под потолком между печью и стеной.

неся для этого стол снизу. На полатах пермяки спят зимой и летом; на пол ложиться не любят. Ни подушек, ни войлоков пермяк не знает, о перинах и не слыхивал. Спит он по-спартански, на голых досках, подложив под голову шабур¹ и укрывшись полушубком².

Грязь на полу, на лавках, на полатах и везде вообще непролазная, потому что пермяки неопрятны, убирают и метут избу очень редко, а моют только один раз в год, на Илью пророка³. Зимой на ночь они нередко впускают в избу всех домашних животных, как например: телят, овец и т. п., а днем кормят здесь коров. После этого пол не подмывается; хозяйка ограничивается только тем, что соскабливает помет косарем и выбрасывает его на двор. Грязная лохань стоит в избе по целым дням, не вынесенной... Мефитические испарения⁴ производят в избе невыносимую вонь. Вечером ко всему этому присоединяется еще смрад от лучины⁵, которая составляет единственное освещение пермяков. Целые мириады пукачей (тараканов) и клопов гуляют по избе, не возбуждая ни в ком ни малейшего внимания. Они попадают в кушанье, в хлеб, в квас, и пермяк нисколько не брезгает этим; заметит в хлебе запеченного таракана, выковыряет его пальцем и продолжает есть с прежним аппетитом. В каждой избе непременно висит люлька⁶, а иногда и две, так как пермяки по большей части живут большими семьями, а жены их вообще очень плодучи. Устройство люльки очень оригинально. Она делается из выгнутого луба⁷ и сверху, когда ребенок спит, перекрещивается веревкой, так что дитя никак не может вывалиться оттуда, если бы даже захотело это сделать. Колыбель для него превращается в клетку...

¹ Шабур – вид верхней одежды.

² Полушубок – вид верхней одежды.

³ Память святого славного пророка Илии совершается 2 августа (20 июля по ст. ст.). В христианстве является самым почитаемым ветхозаветным святым.

⁴ Мефитические испарения – воздух, пропитанный зловонными испарениями.

⁵ Лучина (драночка, щепань) – тонкая длинная щепка сухого дерева, предназначенная для растопки печи или для освещения избы.

⁶ Люлька (колыбѣль, зыбка) – подвесная или напольная качающаяся кровать для младенца или детей.

⁷ Волокнистая внутренняя часть коры липы и некоторых других лиственных деревьев.

Рядом с жилой избой находится пролет – маленькая узенькая глухая комнатка. Она отделена и от избы, и от клетки капитальными стенами. Здесь хранится посуда и различные хозяйственные продукты, вроде муки, крупы, масла и даже молока, так как погреба здесь не в употреблении. Эта комната находится в исключительном ведении женщин; мужчины никогда не ходят туда, а если хозяину нужно взять что-нибудь из пролета, он посылает туда «бабу».

Клеть делается не для гостей, как у русских, а специально приновлена для хранения «лопоти»¹ и разного другого имущества, как-то: хомутов, дуга, рыболовных снастей и т. п. Вследствие этого окон в ней нет, а вместо них прорублено одно маленькое отверстие, верхка² в 3 длиною и столько же шириною. Эти отверстия иногда бывают заделаны двумя железными полосками, положенными крест-накрест. Печки в клетке, разумеется, тоже нет.

Двор обнесен бревенчатым забором, по большей части не крытый; грязь на нем всегда невообразимая, так что скот иногда стоит в ней по колено и потому часто болеет. Пермяк редко подстиляет на двор солому, сберегая ее на зиму для корма скота.

На дворе, где-нибудь в углу, в куточке³, сложены соха и борона; тут же стоит и телега-двухколеска, употребляемая здесь только для возки снопов и навозу. Телег четырехколесных пермяк вовсе не знает; они составляют здесь редкость, роскошь, доступную только богатым. Когда в какой-нибудь отдаленный глухой починок случайно заедет русак на такой телеге, то ребятишки сбегаются смотреть на нее, как на чудо заморское. Кроме двухколесных телег, никаких других летних экипажей нет. Лет сорок тому назад, говорят, не было и этого; снопы и навоз возили на санях, на них же отвозили и мертвых на погост; отсюда и пошел обычай отвозить покойников в церковь непременно на санях – будет ли то летом или зимою все равно – обычай, имеющий широкое распространение среди пермяков.

¹ Так называют пермяки белье и вообще всякую одежду (прим. Н. А. Добротворского).

² Вершóк – старорусская единица длины, первоначально равнялась длине основной фаланги указательного пальца. 1 вершок = 4,445 см = 44,45 мм.

³ Куток – отгороженное где-нибудь в помещении место, уголок.

В Карсовайской вол[ости] Глаз[овского] у.¹ навоз вывозят и до сих пор просто на лубках, там и сани еще не успели войти в употребление.

Позади дома на дворе расположено многое множество разных пристроек. Пермяк вообще любит строиться; это – его страсть, – должно быть за неимением чего-нибудь лучшего, на что бы он мог обратить свою любовь. Пермяк называет себя бедным, несчастным, если у него, по крайней мере, половина двора не загромождена разными клетушками, сарайчиками, соломянниками, сенниками и т. п. И нужно ему отдать справедливость, он достиг известной степени совершенства в архитектуре своих построек: они прочно сложены и довольно красивы на вид. Русские, живущие рядом с пермяками, иногда в одних и тех же физических условиях, держатся совершенно противоположных воззрений. У них, не смотря на обилие леса под рукою, новые избы строятся весьма туго, только в крайних случаях, и не отличаются ни красотой, ни прочностью и во всем уступают пермяцким. – Надворные строения у пермяков делаются обыкновенно в два этажа; в верхнем устраиваются сараюшки для сена и соломы, в нижнем – помещение для скота; в зимнее время, когда стоят страшные холода, доходящие здесь порою до 40°, сюда загоняют скот, потому что на некрытом дворе он может переязбнуть. В домах старинной постройки для этой цели существуют особые приспособления. Такие дома устроены в два яруса, трудно сказать – этажа. В верхнем помещаются изба и клеть, нижний, совершенно темный, без окон и без пола, специально предназначен для скота. Называется он подполицей или подъизбицей.

Амбаров для хлеба здесь нет, потому что пермяки предпочитают хранить хлеб немолоченным, в копнах или, как их здесь называют, сёромах². У иного зажиточного пермяка такие сёромы стоят по три, по четыре года; редко, впрочем, это бывает, потому что таких богачей

¹ Карсавайская волость расположена в верховьях р. Варыж в месте впадения в неё р. Карсовайки, в 30 км к северо-северо-востоку от Балезино, в 32 км к восток-северо-востоку от Глазова. По сведениям Н. Н. Блинова, р. Карсовайка была «пограничной чертой» между русско-пермяцкими (на севере) и удмуртскими (на юге) поселениями, появившимися в этой местности относительно поздно – в конце XVII в. Коми-пермяки заселили край с севера, продвигаясь вверх по Каме, удмурты – с юга, поднимаясь по Чепце и её притокам.

² Сёрём – скирда.

в среде пермяков не много. – Овины здесь редки; они стали вводиться только очень недавно. Пермяки молотят свой хлеб по большей части «сыромолотом»¹.

В одежде пермяка преобладают холстина и сукно, исключительно домашнего приготовления: он не любит покупать что бы то ни было и старается обойтись своими домашними средствами. У 90 % пермяков вы не встретите в доме ни одного покупного клочка. Костюм незатейлив и напоминает до некоторой степени одежду русского крестьянина. Мужчины носят пестрядинные рубашки-косоворотки (пордэс)² и синие штаны (гэч)³ из толстой и грубой пеньковой ткани. Ворот и прорезь рубашки иногда обшиваются красной каёмкой. В праздники пермяки любят наряжаться в ярко-красные плюсовые рубашки⁴; красный цвет, замечу мимоходом, есть любимый цвет. На рубашке пермяк носит ременный пояс (юкос)⁵ с пришитой к нему бивой⁶ – нечто вроде маленького патронташа⁷. Пояс этот надевается на мальчика с 7–8 лет, т. е. с того времени, когда он начинает работать и пособлять отцу в хозяйстве, и с той минуты пермяк с ним никогда не расстается и уносит даже с собой в могилу. Кушаки⁸ покупные встречаются редко, разве у богатых, да и то надеваются только по праздникам. В последнее время стало входить в обычай, чтобы жених шел под венец непременно в красном ку-

¹ Сыромолотом – обмолот зерновых культур без предварительной сушки в овинах, ригах, шишах. Обычно сыромолотом молотили хлеба в южных губерниях Европейской России, где жатва совпадала с жаркой погодой и хлеба не намокали от дождя.

² Рубашки-косоворотки (пордэс) – рубаха с косым воротом, т. е. с разрезом сбоку, а не посередине, как у обычных рубашек. Йёрдös – ‘рубашка-косоворотка’.

³ Гэч – синие штаны. Точнее «гач» – штаны.

⁴ Плюсовые рубашки (плисовые рубашки) – рубашки из плиса – хлопчато-бумажной ткани.

⁵ Юкос – ременной пояс с пришитой к нему бивой.

⁶ Бива – кожаная сумочка с огнивом, кремнем и трупом.

⁷ Слово «бива» происходит от пермяцкого «би», что значит огонь. Прежде в биве носили кремь и огниво, чтобы постоянно иметь огонь под руками. Теперь в биве носят спички, мелкие деньги, пуговики, иголки и др.

⁸ Кушак – пояс (из коломенки).

шаке (из коломенки¹). – Летом пермяк ходит в одной рубашке или надевает поверх ее белый холщовый шабур², сшитый на манер русского азяма³, только несколько покороче его и без воротника, с четырехугольным вырезом для шеи. Зимой же и осенью пермяк носит нагольную шубу (пашь)⁴, а сверх ее надевает опять-таки тот же шабур. Азямы, зипуны⁵ и сукманы⁶ из толстого сермяжного сукна, какие в ходу у соседей русских, не получили еще здесь окончательного права гражданства и появляются только изредка на плечах зажиточных пермяков. В чердынском крае пермяки, напротив, зимою мало носят полушубки, а удовлетворяются по большей части одним дукасом⁷ (зипун), накинув на него неизменный шабур. Полушубок⁸ и азиям подпоясываются широким кожаным поясом (та́сма)⁹, с приделанною к нему слева железной скобкою (чергозьян)¹⁰ для топора, а справа кожаными ножнами (пуртес)¹¹ для охотничьего ножа. На голове и зимою, и летом пермяки носят шапку из домашних овчин. Впрочем, бо-

¹ Коломя́нка (коломе́нка, каламя́нка, коломе́нок, каламе́нок) – плотная гладкая ткань полотняного переплетения из льна, иногда с добавлением пеньки.

² Шабур – верхняя рабочая одежда из холста, без прорези спереди и с круглым вырезом вместо ворота.

³ Русский азиям – старинная верхняя одежда, поначалу употреблявшаяся всеми сословиями, позднее только крестьянами в праздничные дни и в дорогу; длинный кафтан, сермяжный или из толстого сукна домашнего приготовления, носился с кушаком.

⁴ Пашь – кышодтём пась – нагольная шуба.

⁵ Зипун (полукафтан) (дукас) – вид верхней одежды у крестьян. Представляет собой кафтан или пальто без воротника, изготовленный из грубого самодельного сукна ярких цветов со швами, отделанными контрастными шнурами.

⁶ Сукман (сукманец, сукня) – славянская верхняя мужская и женская одежда для весны и осени из домотканого сукманного сукна. Покрой сукмана аналогичен покрою кафтана и чекменя. Мужские шили обычно прямыми, женские – с отрезной талией и сборами.

⁷ Дукос – зипун, армяк, верхняя одежда из домотканого сукна.

⁸ Полушубок – короткая, до колен, овчинная шуба.

⁹ Тасма – ремень (поясной).

¹⁰ Чергозьян – железная скобка для топора.

¹¹ Пуртес – кожаные ножны для охотничьего ножа.

гачи летом заменяют ее классическим грешневиком¹, который и здесь наконец начинает входить в моду. В Пермской губ. очень распространен малахай, или чебак² – высокая шапка с наушниками, а также треух³ – шапка, с овчиною внутри и материей снаружи. Рукавицы у пермяков двух родов: рабочие и для поездок. Первый (кэпижь) и есть собственно рукавицы с варежками, как у русских; вторые называются кушаницами, они с длинной пушистой шерстью, вывороченной наружу, и служат пермякам вместо муфт; в сильные морозы пермяки закрывают ими лицо. Обувь состоит из лаптей (кэмыас)⁴, причем зимою ноги обертываются несколько раз черными шерстяными онучами⁵, а летом – простой небеленой холстиной, портянками (нямьд)⁶. Крестьяне зажиточные имеют иногда кожаные сапоги (сапогыас)⁷, которые носят только по праздникам.

Относительно одежды женщина оказывается консервативнее мужчины; в costume ее сохранилось больше оригинальности и самобытности. Снизу надевается белая холщовая или пеньковая рубаха (корома)⁸, ворот и рукава ее вышиваются обыкновенно красной и синей пряжей; рисунок вышивки очень затейлив и требует для своего исполнения большой сноровки и терпения. Порой рукава рубахи украшаются сборочками и складочками, а на плечах вшивается алый кумач, или и они также украшаются узорами из красных ниток. По-

¹ Грешневик (грешневик, гречник, гречушник) – летний мужской головной убор у русских крестьян в XVIII – середине XIX в. Представлял собой высокую валяную шляпу из поярка коричневого цвета в форме усечённого конуса или цилиндра с плоским дном и узкими полями.

² Малахай, или чебак – высокая шапка с наушниками.

³ Треух – шапка с овчиною внутри и материей снаружи.

⁴ Кэмыас – лапти; кём – обувь.

⁵ Онучи – устар. онучи (портянки, подвертки) – часть обуви, обертка на ногу, замена чулок, под сапоги и лапти, длинная, широкая (около 30 см) полоса ткани белого, чёрного или коричневого цвета (холщовой, шерстяной) для обмотки ноги до колена (при обувании в лапти). Элемент традиционной русской и финской одежды.

⁶ Портянка – нямьд нямёд – онуча, портянка.

⁷ Сапогыас – сапоги.

⁸ Корома – корёма [кегема] собранный; сборчатый – женская рубашка.

верх рубашки надевается крашеный сарафан (дубас, синюха)¹ из посконной ткани², выкрашенной в кубовую синюю краску³. С некоторого времени стали входить в моду и ситцевые фартуки, но платьев еще нигде не видно. Шубы женские крыты всегда крашеной, а у богатых – синей китайкой. На ноги женщины надевают или лапти, или кожаные коты (котэмяс)⁴, чапчуры⁵, как называют их здешние русаки. Башмякьяс⁶, т. е. башмаки, пермячка знает только по одному названию. На Чердыни, кроме лаптей, женщины носят еще «чарки»⁷, род башмаков с суконной опушкой. Женские лапти плетутся из тонких лык⁸ и расшиваются иногда очень красиво красными нитками. – Головной убор пермячек составляет предмет их гордости и постоянных забот. У замужней женщины он состоит из сороки: это – кичка⁹ из грубого толстого холста с широкой лопастью назад, закрывающей весь затылок. Спереди она старательно расшита разноцветными бумажными, а иногда и шерстяными нитками. На лбу симметрично расположены красные и синие четверугольники, треугольники и др. фигуры. Задняя часть обыкновенно покрыта ситцем, а концы обшиты красной бахромой, ссученной из красных ниток руками самой же

¹ Крашеный сарафан (дубас, синюха) из посконной ткани, выкрашенной в кубовую синюю краску.

² Посконная ткань – домотканая дешевейшая ткань из конопляного волокна, грубая и неокрашенная.

³ Кубовая синяя краска – синяя краска из перегонки растений индиго.

⁴ Кожаные коты – котэмяс – вид праздничной кожаной обуви. Их делали из черной грубой кожи в виде туфель с круглыми носами, высоким жестким задником, на жесткой подошве и невысоком каблуке.

⁵ Чапчуры [čarčur] – в коми диалекте слово обозначает подножки в ткацком стане. Вероятно, Н. А. Добротворский не понял этот термин.

⁶ Башмякьяс – башмаки.

⁷ Чарки [čarki] – 1. род сандалий; 2. род башмаков.

⁸ Лыко – луб молодой липы и некоторых других листовых деревьев (вяза, ивы). Применяется для плетения лаптей. Из луба более старых деревьев заготавливают мочало, идущее на изготовление грубых изделий – рогожи, канатов, решёт.

⁹ Кичка – старинный женский головной убор.

пермячки. Снизу сороки¹ надевается повой² – сетка из суровых посконных ниток, сплетенная на манер рыболовных сетей. Под повоем лежит шамшура³ – маленькая китайчатая или крашенная шапочка; она едва прикрывает шмак⁴ на голове. Каждая девушка должна приготовить себе к свадьбе непременно две сороки, три повоя и две шашмуры. Поверх сороки надевается обыкновенно платок (чишьян), – пестрядинный или ситцевый, смотря по состоянию.

Девушка отличается от замужней женщины только по своему головному убору. Она заплетает свои волосы в одну косу и носит на голове повязку, убранный бисером (коловадеч)⁵. В Пермской губернии девушки ходят просто закрытые фатой⁶. Каждая девушка, кроме того, непременно носит оловянные серьги и стеклянные бусы (мольяс⁷); медные и оловянные кольца составляют также одно из любимых украшений пермячек.

¹ Сорока – старинный русский головной убор замужних женщин или его часть, собственно сорока, позатыльник, налобник, платок. Имелись дополнительные различные украшения из бисера, перьев, лент, искусственных цветов.

² Повой – праздничный головной убор, который изготавливался из цельного шёлкового платка, расшитого золотными нитями; платок складывался и сшивался в форме шапочки. Из концов платка, соединенных на лбу, формировали оригинальный декоративный элемент – кустышки.

³ Шамшура – она же повойник, повой, оповойник, повец, волосник, сдериха, подубрусник – старинный головной убор замужних женщин, представлявший собой полотняную шапочку, иногда с твёрдым очельем, украшенным галуном, полностью закрывавший волосы, заплетенные в две косы и уложенные на голове.

⁴ Так называется пучок волос на самой макушке головы (прим. Н. А. Доброворского).

⁵ Коловадеч – повязка, расшитая бисером. У летских коми «головедец» – род повязки девичьего головного убора с жемчугом [Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов / сост. Т. И. Жилина, М. А. Сахарова, В. А. Сорвачева. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1961. –С. 82].

⁶ Фата – лёгкое женское покрывало из кисеи, шёлка, кружев и т. п., закрывающее голову и верхнюю часть тела, свадебный головной убор невесты в виде такого покрывала.

⁷ Мольяс – стеклянные бусы.

Коловэдеч девушки – лучшая и красивейшая часть костюма пермячки, может быть потому, что никогда не требует стирки, вечно оставаясь белым, так как сплошь унизан бисером. Издали он кажется венком из белых полевых цветочков и придает лицу пермячки благородное выражение невинности и простоты. Вообще же одежда пермяков – и женщин и мужчин – неприятно поражает своею неопрятностью и нечистотой. Пермячка мало заботится о своем платье и очень редко моет и чистит его. Даже самые лучшие праздничные пельномы-коромы (вышитые рубашки) и синюхи ее загрязнены и засалены до крайности. Тем же достоинством отличается и одежда мужчин, на которую порой бывает просто страшно взглянуть, – до того она пропитается салом, кровью и грязью.

В пище пермяк неприхотлив и неразборчив – «навоз жрет», презрительно отзывается о нем русский. Главной пищей служит ячный или овсяный хлеб из засеянной муки, так называемый ярушник¹. Ржаной хлеб – здесь редкое явление; у большинства пермяков он появляется на столе только в праздники и воскресные дни. Во время голодовок, которые не составляют среди пермяков редкого явления, ячный хлеб заменяется пихтовой корой. Для этого кору мелко-на-мелко толкут в ступах; полученную «муку» смешивают с отрубями или ячной мукой и приготавливают из этой смеси лепешки, твердые как камень и как камень же невкусные и непитательные. Говорят, что от этой пищи сильно пухнут ноги; я сам, впрочем, не видал и не ручаюсь за достоверность этого. Кроме пихтовой коры, суррогатом хлеба во время неурожая служит черемха (*pinus padus*)². Здесь ее чрезвычайно много; поймы речные сплошь залиты кустами этого растения. Конечно, в других местах нашего обширного отечества ее может быть еще гораздо больше, но нигде, я думаю, она так не утилизирована, как здесь. Нужда, говорят, мать изобретательности. Голодный пермяк долго думал, чем бы ему набить пустой желудок; наконец и выдумал: нарвали ягод этой самой черемхи, высушил, смолот на ручном жернове и получилась у него костяная мука; муку эту он смешал с ячной

¹ Ярушник – серый хлеб в виде каравая из ярового ячменя.

² Черемха (*pinus padus*) – черемуха обыкновенная Сахалинская черная (*Prunus padus Sahalinskaya chernaya*) – крупное быстрорастущее лиственное дерево из семейства Розовые, ценится за высокую морозоустойчивость, раннее созревание и отличный вкус плодов.

и стали из этой смеси хлеба печь... Я раз было – попробовал этого хлеба и на целую неделю расстроил себе желудок.

– Непривышен ты, – утешал меня пермяк-хозяин, у которого я нанимал квартиру. – Непривышен... Погоди, как пооботрешься – станешь есть. Сладко ведь, не в пример лучше овсянника, особливо как тот засохнет.

Старики некоторые помнят, что как-то раз, во время голодухи, пермяки питались мохом, пареным сеном и конопляной избоиной¹. О последней они говорили: «горько и невкусно; в брюхе словно камень, а все будто голоден».

Пермяцкое питание незатейливо и непритотливо. Часов в 5–6 утра, как только встают с постели, они завтракают хлебом и кислым молоком (шомайел)². В 11 часов утра обед. Здесь прежде всего подается шид³, щи. Во щах этих нет и признака капусты, так как в здешних местах она совсем не родится и ценится чуть ли не на вес золота. Шид – это просто горячая вода, приправленная кислым молоком и овсяной мукой, а в постные дни – конопляным соком; в великом посте шид варится из репы. По праздникам во щах варят пикшу, воючую и невозможную на вкус рыбу, привозимую сюда из Архангельской губернии; мясо пермяк средней руки ест не более десяти раз в год. Весною шид готовится из ягеля (путьки)⁴, с прибавлением того же кислого молока. – За шидом, «на загладку», следует холодное кислое молоко с ярушником, а в праздничные дни, кроме того, еще ячная каша-размазня, сваренная на воде. Молоко пресное пермяками в пищу не употребляется; они едят молоко кислое, упомянутый шомайел. Для этого пресное молоко заквашивается в особых кадках, и чем дольше стоит оно, тем считается лучше. Вполне заквашенное, «хорошее» молоко получается только тогда, когда оно простоит в теплом месте недели 3–4 и совсем перебродит. При этом оно получает зеленоватый оттенок, цвет плесени, и разлагается на свои составные

¹ Конопляная избоина – иначе жмых, избоина, колоб – конопляные выжимки, употребляемые как отличное кормовое средство для скота. Чаз [čaz] – избоина конопляная, остатки от семян после выжимки масла.

² Шомайел – шомайёв [šomajev] (Венд.); см. шомйёв – простокваша с творогом.

³ Шид – шыд, шыд – суп, щи.

⁴ Ягель (путька) – род лишайника в виде маленьких серых кустиков, растущих в тундре и на торфяных болотах, так называемый олений мох.

элементы: белковина и жир свертываются комками, а водянистые части выделяются в виде сыворотки. Молоко получает острый специфически запах, очень напоминающий запах лимбургского сыра¹, до которого очень падки гг. гастрономы, извратившие свой вкус разными изысканными блюдами. Вкус такого молока кисло-горький. В нем зачастую заводятся отвратительные беловатые черви. Один вид этого молока приводит свежего человека в содрогание и ужас, но пермяки находят, что оно очень хорошо и вкусно, и с большой охотой едят его. Масло коровье никогда на стол не подается; оно все уходит на продажу. Кашу едят с конопляным или льняным маслом. – Часа в 2–3 по полудни пермяки полдничают остатками обеда, и вечером, ложась спать, ужинают, – опять кислым молоком и хлебом.

По праздникам иногда пекут пироги (чериньян)² с начинкою из пикши. В это время положительно боязно входить в избу пермяка: как только вы отворите дверь, – вас обдаст таким смрадным, невыразимым запахом разлагающегося трупа, что вы невольно отшатнетесь; это значит пермячка готовит пироги из пикши. Нередко также пекут шаньги – ватрушки из картофеля и ячной муки. О гречневой каше пермяки не имеют никакого понятия, так как гречиха совсем не родится на здешней болотистой и сырой почве. Зато здесь в большом ходу овес; из него приготавливают муку, крупу и толокно³. Последнее вместе с редькой и репой служит единственной пищей во время великого поста. Говорят, что ирландцы дошли до такого искусства, что приготавливают из картофеля до 60 отдельных кушаньев; пермяк с своей репой нисколько ему не уступит. Он и варит ее, и жарит, и вялит, и печет; ест ее и просто, и с квасом, и с водой, и с конопляным соком, и с толокном. Картофель здесь стал входить в употребление очень недавно, всего 10–15 лет тому назад; сажают его очень немногие, да и то не на полях, а в огородах, вместе с луком и редькой, единственными огородными овощами пермяков.

¹ Лимбургский сыр – мягкий сыр из пастеризованного коровьего молока, отличается резким ароматом и интенсивным вкусом.

² Чериньян, чериньян – рыбник, кулебяка, пирог с рыбой.

³ Толокно – мука из поджаренного (предварительно заваренного) очищенного овса. Гежень, гежень – 1. толокно, разведённое на воде или квасе. Тэзь тес (-к-) – толокно.

Мясо, как я уже заметил, пермяки едят редко; зайцев и петухов не едят совсем: «погано». Основание этого странного взгляда теряется в глубокой древности. По всей вероятности, прежде, в языческие времена, заяц и петух были жертвенными животными, почему и составляли табу для простого смертного. На эту мысль наводит то обстоятельство, что животные эти и теперь еще играют роль в некоторых религиозных обрядах пермяков; так, петух и до сих пор приносится в жертву (см. ниже), а невыделанные заячьи шкурки зачастую служат местным колдунам при их гаданиях.

Из напитков, кроме водки, пермяки употребляют квас и спиртуозную овсяную брагу¹, квас (сюкась) в большинстве случаев готовится из репы; для вкуса иногда прибавляется к этому несколько отрубей². Квас этот мало чем отличается от воды; цвет его – мутновато-желтый. До браги (сура) пермяки большие охотники и варят ее очень часто; причем кладут в нее достаточное количество хмеля. Можно сказать, что насколько вотяк любит свою кумышку³, настолько же пермяк уважает свой сур. Он готовится не просто, а с различными обрядами и наговорами, которые должна знать каждая хозяйка. – Чаю пермяки совсем не употребляют; самовары здесь крайне редки.

III

Между всеми пермяками, по наружности, замечается чрезвычайное сходство; все они на один покрой, так что одного трудно отличить от другого. С виду они сухие, тощие, с каким-то грязно-желтым цветом кожи. Узкие плечи, тонкая и короткая шея, плоская, недоразвитая грудь, кривые, короткие ноги – все это указывает на слабость и хилость сложения. Голова небольшая, угловатая; белокурые жидкие волосы острижены по-русски в кружок, падают на лоб, совершенно закрывая его, никогда не вьются и не седеют. Между 20–22 годами

¹ Овсяная брага – брага. Канжи канжі хмельная брага. Сур – пиво, брага || пивной, бражный.

² Отруби – твёрдая оболочка зерна. Побочный продукт мукомольного производства. Не следует путать с мякиной.

³ Кумышка – (от слова кумыс, либо от слова кумушка) – домашний алкогольный напиток, дистиллят из кумыса. Распространён у удмуртов, марийцев и других народов.

появляется у пермяка маленькая редкая бородка; у многих ее и совсем не бываете. Глаза узкие, подслеповатые, по большей части голубые, как и у всех народов финского племени. Подслеповатость их зависит от золотушного¹ сложения пермяков и от курных, чадных изб, в которых они живут. Глаза расположены не на горизонтальной линии, а несколько наклонно, лежат глубоко; выражения в них нет никакого, они вялы и безжизненны. Вздернутый нос и ноздри, несколько вывороченные наружу, придают пермяку свирепый и заносчивый вид, хотя на самом деле едва ли в мире найдется такая овца, которая была бы так же смирна и кротка, как современный пермяк. Скулы у многих сильно выдаются. Щеки осунувшиеся, безжизненные, румянца на них нет и следа; губы тонки и сжаты. Женщины совсем почти лишены бровей. Вообще говоря, физиономия пермяка не привлекательна; в ней не замечается ни красоты, ни живости. Походка его вполне соответствует физиономии: пермяк ходит мешкотно, неуклюже, по-медвежьи, и при этом не размахивает руками, что всегда показывает или тупую, или сосредоточенную, флегматичную натуру.

Ростом пермяки не щеголяют; они, по крайней мере, на 1 ½ вершка ниже того среднего типа, какой мы привыкли встречать в Великороссии. Точно также они не обладают особенной физической силой. Прежде когда-то пермяки были рослым и сильным народом, но постоянное соприкосновение с русскими подействовало на них так же, как и столкновение с европейцами на индейцев Америки. Русские занесли к ним разные болезни, вроде сифилиса², в корень подтачивающие здоровье пермяков; привили к ним пьянство, воровство, о котором пермяки ранее и не слыхивали. Племя это быстрыми шагами идет к вырождению, и можно с уверенностью сказать, что ему уже не долго существовать на белом свете, что оно уже доживает свои последние минуты. «Народ там муха, – говорят русские про пермяков. – Светлого народу там нет, изродился». По собственному сознанию пермяков они стали больно жидки. И действительно, жидки. Редкий из них доживает до 50 лет. К 35 годам женщина теряет

¹ Золотушное сложение – страдающий золотухой. Золотуха – устаревшее название, соответствующее современным представлениям об экссудативном диатезе и/или наружном туберкулезе (кожи, слизистых, лимфоузлов).

² Сифилис – хроническое инфекционное заболевание, вызываемое бледной трепонемой (*Treponema pallidum*).

уже способность деторождения. Среди всеобщего разложения сохранились только те семьи, которые живут в лесных починках, вдали от большой дороги, городов и русских поселений. Чистота крови спасла их от вырождения. Паули¹ в своем сочинении «*Les peuples de la Russie*» приводит пример силы и долговечности одной такой пермяцкой семьи. Один из членов этой семьи легко и свободно поднимал телегу, нагруженную 25 пуд. муки. Этот богатырь прожил 115 лет, а отец его 112. Но таких нетронутых семейств теперь очень мало; они сохраняются каким-то чудом.

Язык пермяков крайне беден и неблагозвучен, частое повторение звуков *ы* и *э* неприятно действует на слух. В разговоре пермяков вы постоянно слышите русские слова; они-то отчасти и восполняют скудость их собственного языка. Разумеется, слова эти переделываются пермяками на свой лад; так, напр[имер], к русским глаголам они присоединяют пермяцкое окончите – *нэ*, гоститьнэ, воровайтнэ и т. д.; к именам для обозначения множественного числа прибавляют окончание *яс*, чулокьяс, лампайяс и т. п. Слов для выраженья отвлеченных понятий у пермяков совсем нет. В шестидесятых годах был издан «Опыт грамматики пермяцкого языка» (Рогова)²; к сожалению, несмотря на все мои старания, я никак не мог достать его. – Говорит пермяк как-то лениво, вяло, немножко нараспев, без всяких повышений и понижений в голосе и притом никогда не жестикулирует, если не считать постоянного почесыванья. Письменности у них нет. Песни они поют русские и при том до такой степени искажают их, что в большинстве случаев трудно добраться до смысла. Напев песен отличается монотонностью и однообразием. В нем слышится безысходная тихая грусть, от которой сжимается ваше сердце. Песня ноет, стонет над ухом, разливается глубокой, но неоформленной, затаенной тоской... Веселых, разухабистых песен у пермяков очень мало.

¹ Паули «*Les peuples de la Russie*» – Густав-Теодор Паули (Gustave Theodor Pauly, 1817–1867) – российский этнограф; член Русского географического общества; немец по происхождению, известный в России под именем Федор Христианович. Автор известного иллюстрированного издания «*Les peuples de la Russie*» («Народы России»).

² «Опыт грамматики пермяцкого языка» Рогова – Опыт грамматики пермяцкого языка / сост. Николаем Роговым. – Санкт-Петербург: Тип. Императорской Академии Наук, 1860. – IX. – 166 с.

Сказки пермяцкие не богаты поэзией и не блещут цветами фантазии и творчества: они вялы, безжизненны и неуклюжи, как сам пермяк. Целые эпизоды в них иногда заимствованы из русских сказок. Содержание свое они черпают исключительно из мира духов. В каждой сказке непременно является черт, леший, водяной и т. д. Бытовых сказок у пермяков совсем не встречается. Все это наводит на мысль, что пермяцкие сказки есть не более, как остатки языческих верований, глухое эхо старины. Замечательны, по своей оригинальности, финалы пермяцких сказок. Здесь вы найдете непременно сто р[ублей] денег и ½ ведра водки, – то, как плату за услугу, то, как находку, то, как вено брачное¹, то, как стоимость брачного пира, – ни больше, ни меньше, как сто рублей и полведра водки! Даже в песнях – и то слышится слышать об этих ста рублях и полуведре водки. Должно быть, пермяку сильно хочется иметь эти вещи.

Главною преобладающей чертою в характере пермяка является апатия и полное отсутствие всякой инициативы. «Не толкни пермяка под бок – он и на двор не сходит», говорят про них русские. Сонливый и неповоротливый, он готов целый день пролежать на печи. Он не стукнул бы палец о палец, если бы злая необходимость не принуждала его работать, заботиться о куске насущного хлеба, «Авось, небось и как-нибудь» имеют здесь самое широкое распространение. Пермяк не заботится о будущем, не заглядывает в него, он живет исключительно настоящим. Ни погони за наживой, ни жажды новых впечатлений, ни стремления улучшить свое положение – ничего нет. Это, во истину, мертвое царство, болото, подернутое плесенью.

Эта вялость и лень – родовая черта пермяка. До чего простирается лень и беззаботность пермяка, можно видеть из следующего факта. Он никогда не навозит на зиму дров с осени, как это делают русские крестьяне. Привезет себе воз, два – и довольно, и сидит себе дома на печи, или ковыряет что-нибудь по дому, или пойдет по соседям, лясы точить с ними, или отправляется в кабак – на людей посмотреть и себя показать, узнать дневные деревенская новости, – и так до тех пор, пока жена не напомнит ему, что дрова все вышли. Съездит раз-другой и опять откладывает о них всякое попечение на месяц или полтора. А жена, меж тем, работает рук не покладая, управляется со всем хозяйством, ухаживает за детишками, занимается пряжей, тка-

¹ Вено брачное – в значении выкупа, который платился за невесту.

нем холста и т. п. Далее, он никогда не обмолотит сразу весь свой хлеб; он возится с ним опять в течение всей зимы. Вымолотит оwin, свезет зерно на мельницу и потом дожидается, когда кончится весь хлеб. Затем опять молотит и едет на мельницу и т. д.

Если что и придает пермяку энергии, так это страстное желание подражать русским, стать с ними вровень. Увидит он у русского самовар – и ему, стало быть, нужно самовар иметь, – и трудится он до поту лица, чтобы только заработать лишнюю копейку на покупку самовара. И надо отдать ему справедливость, он обыкновенно умеет добиться того, что задумал. Его ослиное терпение и необыкновенная выносливость производит просто чудеса. В 3–4 года пермяк, взявшийся за ум, совершенно поправляется и становится если не богатым, то, по крайней мере, зажиточным. «Пермяк в работе черта сломит, – говорят про него русские, – только бы ему приняться». И это справедливо; пермяк действительно черта сломит своим упрямством, терпением и настойчивостью, несмотря на то, что по своим физическим силам он далеко уступает русским. Жаль только, что пермяк редко «принимается».

В характере пермяков видна какая-то забитость и пришибленность. Они робки, трусливы, скрытны и неразговорчивы. Нужно много соли съесть с пермяком, долго пожить с ним, чтобы заслужить его полную откровенность. Внутренние движения души его подглядеть крайне мудрено: он живет в себе и для себя; это натура флегматичная, глубоко сосредоточенная. Климатические условия местности и тиранический гнет русских, тяготевший над ним с XIII в., пришибли его и заставили замкнуться в самого себя. – Пермяк не любознателен и не любопытен. Русский крестьянин великоросс, когда встретится с образованным, «хорошим» человеком, не может наговориться с ним досыта. Он расспрашивает его, как живут люди в других местах, что они делают, чем занимаются, интересуется политикой, любит слушать объяснение разных машин и земледельческих инструментов. Ничего подобного мы не видим в пермяке. Он – воплощенное равнодушие. Ему и в голову не придет спросить о чем-нибудь, никакая вещь его не заинтересует; только блестящие предметы, яркая окраска останавливают на себе его внимание. Несколько раз я показывал пермякам картинки; при этом они любовались только одними раскрашенными, и чем пестрее были цвета на картинке, тем больше

она им нравилась, – нравилась не по содержанию, а именно только за цвет, за краски. Простыми картинками, без красок, они совсем не интересовались и почти не глядели на них. Каждую картину, занимавшую их, они по нескольку раз переворачивали на другую сторону, чтобы убедиться, не нарисовано-ли и там чего-нибудь. Многие из них буквально не могли отличить лошади от собаки. Вопросов никаких не предлагали, хотя в большинстве случаев совершенно не понимали картин. Им, очевидно, было решительно все одно, что бы ни стояло на картине, лишь было бы написано «ядрено», как они выражались. Показывал также я им некоторые инструменты, употребляемые при геодезических работах; они с жадностью бросались на блестящие предметы и подолгу рассматривали их, но никто не полюбопытствовал узнать, на что употребляется та или другая вещь. Их интересовали эти предметы как блестящие диковинки, – не более; о назначении их они не думали.

Разумеется, я говорю здесь не обо всех пермяках абсолютно; есть и между ними такие доки, которые за пояс заткнут нашего великорусского крестьянина средней полосы. Это интеллигенция, сливки пермяков; я говорю не о них, наша речь – о большинстве, о массе.

При всей своей апатии и лени пермяк не обижен от Бога здравым смыслом; у него есть тонкая наблюдательность и критический анализ. Он глубоко понимает окружающую природу – разумеется, в практическом отношении – и умеет приложить свои знания и опыт к делу. При выборе места для кулиги или поселения ему достаточно взглянуть на растения местности, чтобы определить характер почвы; он сразу видит, выгодно-ли ему разрабатывать место или нет, и если выгодно, то для каких хлебов. Он прекрасно знает свойства почвы, какой грунт, «любит» то или другое растение. Он знает, что ива, береза, сосна, подорожник и гвоздика (тыгчэ)¹ растут на песчаной почве, тимофеева трава² – на глинистой, шалфей³

¹ Гвоздика – тыгчэ, быгзян, быгзян турун.

² Тимофеева трава – тимофеевка, или аржанец (лат. *Phléum*) – род однолетних или многолетних трав семейства Злаки, или Мятликовые (*Poaceae*), широко распространённых в Евразии и Африке, интродуцированных за океаном в Америке и Австралии. Встречается в лесах, лесостепях и в горных районах. Зимостойкое растение, всходит ранней весной.

³ Шалфей – шалфёй лекарственный (лат. *Sālvia officinālis*) – травянистое растение или полукустарник высотой до 75 см, вид рода Шалфей (*Salvia*) семейства Яснотковые (*Lamiaceae*).

и можжевельник¹ – на известковой, ольха и др[угие] криво растущие кустарники – на почве кислой болотистой, – никогда не ошибется в выборе места для подсеки и починка. Такую же сметливость он выказывает и в лесованье (охота), которое составляет одно из любимых его занятий. В сравнении с своими соседями, русскими и даже зырянами, пермяк кажется существом слабым и беззащитным. Он легко подчиняется чужому влиянию и уступает силе, какова бы она ни была – умственная, физическая или нравственная. Его смирение и беспримерная кротость вошли даже у здешних жителей в пословицу. С особенным уважением относятся пермяки к русским. Пермяк отлично сознает, что русский умнее и развитее его – и преклоняется пред ним, уважает его. Русский крестьянин для него идеал; он, как мы уже сказали, стремится подражать ему и копирует его даже в мелочах, в походке, в одежде, в постройке, во всем. Тем не менее пермяки избегают и сторонятся русских, потому что те их обижают и эксплуатируют. Очень редко случается, чтобы пермяцкая деревня позволила русаку поселиться на своей подушной земле, тогда как своему брату пермяку она с величайшей готовностью дает на это свой приговор, – по крайней мере, так было до последнего размежевания, когда еще у пермяков земли было вдоволь. Если среди пермяцкого населения и попадаются русские деревнюшки и починки, то основаны они непременно на казенной земле, но уж никак не на пермяцкой. Зырянам чаще удается втереться в пермяцкие деревни, но вообще пермяки не любят пускать посторонних на свои земли, и если встречаются исключения из этого общего правила, то они обуславливаются просто-на-просто давлением со стороны волостного правления, перед которым пермяк трепещет. Русские и зыряне безбожно обманывают и эксплуатируют простодушных пермяков. Они покупают у них хлеб, масло, шерсть и др. хозяйственные продукты и отвозят их в город, выручая при этом сто на сто. Пермяки жалуются, что русак их больно забирает, но сами все-таки ничего не делают, чтобы избавиться от наглой эксплуатации.

¹ Можжевельник (лат. *Juniperus*) – род вечнозелёных хвойных кустарников и деревьев семейства Кипарисовые (*Cupressaceae*). Можжевельник обыкновенный известен также под названием вёрес. Тюркское название различных видов крупных древовидных можжевельников, перешедшее в научную литературу, – арча́.

– Да что же вы сами не отвозите хлеба в город? – спросите вы их.
– Куда уж нам? – ответят они. – Не срушны¹. Нас муха и та крылом зашибить может. Кабы мы не пермяки были...

Не то насмешкой над собою, не то грустью звучат эти слова – не разберешь хорошенько. Одно ясно: что пермяк сознает свое беспомощное положение и чувствует, что у него не хватает сил на борьбу с русской и зырянской предприимчивостью и энергией.

А вот и другой факт такого же рода. Для постройки барки² здешние лесопромышленники всегда приглашают рабочих из Руси. Пермяков на подмогу нанимают только в самых крайних случаях, когда рабочих-русских слишком мало, а половодье, как говорится, на носу: не нынче-завтра, река, того гляди, разольется. По большей же части стараются обойтись без найма пермяков, потому что «пользы от них мало», «не понимают ничего», «ворон ловят», а тут нужно, чтобы работа кипела. Если уж крайность и заставит прибегнуть к их помощи, то плату им дают небольшую, иногда вдвое меньше, чем русским. Русскому крестьянину платят, например, в день 40 коп., а пермяку положат никак не больше 30, а то и 20 коп. Но пермяк идет и на такую плату, лишь бы только взяли. Работу свою, свой труд он не ценит ни во что, ему дороги деньги.

Соседство русских деморализующим образом действует на нравственность пермяков. Благодаря их влиянию, за последнее время пермяки пристрастились к водке. Кабаки растут и плодятся в пермяцких деревнях, как грибы после дождя, и сидельцами во всех кабаках оказываются те же русские, или отставные солдаты из пермяков, окончательно обрусевшие во время своей долговременной службы. В быстром распространении пьянства не последнюю роль играет, разумеется, нужда, которая с каждым годом все ближе подкрадывается к пермякам, засылая перед собою своих обыкновенных помощников – неурожай и голодовки. Пьет теперь пермяк и с радости, и с горя, и в праздник, и в будни; при продаже, при купле, мене; на сходах при решении общественных дел. «Пермяки больно пить люты!» –

¹ Срушны – искаженное сручный – привычный, подходящий, годный кому-либо // ОСВГ. Вып. 10. – Киров: ООО «Радуга-ПРЕСС», 2016. – С. 198.

² Барка – большое самоходное грузовое плоскодонное судно, применявшееся с начала XVIII до конца XIX в. на крупных водоёмах Российской империи.

удивляются им даже здешние крестьяне-русаки, сами здорово защищающие. Ни одно решение схода, ни один мало-мальски выходящий из ряду житейский случай не обходится без водки. Кабацкое зелье сделалось душою всех собраний, и общественных, и частных. Родится ребенок – попойка¹, умер кто-нибудь в семье – попойка; про такие случаи, как свадьба, помочи², нечего и говорить. Кстати, сообщу здесь характерный обычай, существующий у пермяков при купле-продаже и найме. В этих случаях и вообще, при заключении каких бы то ни было условий, стороны уговариваются о попятной. При неисполнении которою-нибудь из сторон заключенного условия с нее взыскивается эта попятная в виде ведра или даже двух ведер водки, которая и выпивается на миру. Если же не исполнивший условия заупрямится и станет отлынивать от попятной, то деревня расправляется с ним «по-свойски» и крепко наказывает розгами... Что это, защита ли начала справедливости, или просто злость за неудавшуюся выпивку?

Порой между стариками, ревнителями трезвой и суровой старины, слышатся жалобы на общую испорченность молодого поколения, происходящую от пьянства; но эти жалобы исчезают бесследно и не производят никакого действия. Пьянство разрастается все шире и шире: пьют даже подростки и дети, – разумеется, с одобрения отца и матери. По вычислению, произведенному мною в 1880 году, оказалось, что пропитых за год денег приходится почти по 3 р. на каждого пермяка или по 7 ½ р. на семью – цифра солидная при здешней дороговизне денег. Кабак сделался у пермяков общественным местом, где они сходятся и решают все дела, возникающие в общине. Там происходят совещания по поводу выбора старшин, десятских и др. начальственных лиц деревни³; ведутся нескончаемые прения о раскладке податей, о том, какому десятку теперь следует гати гатить,

¹ Именин пермяк не правит; да вряд ли он и знает о их существовании (прим. Н. А. Добротворского).

² Помочи – помочь – сев. и вост.; толока – южн. – работа миром, за угощение. Кто на помочь (т. е. толоку) звал, тот и сам иди. Собирать помочь или делать помочь: созывать на помочь, собирать окольных крестьян на уборку хлеба, покос, молотьбу и пр.; местами собирают помочь и на уборку капусты, это капустки. Даром кормят, так на помочь зовут, на работу.

³ Выбор старшин, десятских – 1837–1841 гг. – реформа П. Д. Киселева в государственной деревне: введение крестьянского самоуправления (выбор волостных и сельских старшин, сотских, десятских).

мости настилать и пр. Там же производятся и все торговые сделки; там пермяк и веселится, пропивая последний грош. Словом, кабак – биржа, дума и клуб пермяков.

В пьяном виде пермяк безалаберен и страшен. Он пьет сам, поит других, безобразничает, поет, ругается. Здесь выплывает наружу все, что накопилось, накипело у него на душе, и чем забитее, ограниченнее личность, тем больше в ней бесшабашного ухарства под влиянием винных паров. Флегматик-пермяк делается тогда неузнаваем. Куда девается его смиренность, кротость! Он бьет всех и вся, куражится, ломает, лезет в драку. Им овладевает в это время какая-то дикая злоба. Он готов убить, задушить вас ни за что, ни про что. «У них как драка, так и покойник, – отзываются русские: – потому не по любви они дерутся, а по злобе».

Вместе с пьянством проникло сюда и воровство, которое прежде было явлением невозможным и неслыханным среди пермяков. У них на собственном языке нет даже слов для выражения понятий: вор, воровство, хотя слово грабеж и существует. Назад тому 20 лет, по рассказам стариков, здесь и не знали, что такое замок. Дома никогда не запирались, а если случалось, что все уходило из дому, то ставили у дверей пас¹, т. е. коромысло, или просто-напросто палку наискось; и тогда никто из посторонних не считал себя вправе войти в дом². Нынче не то. Ныне не диво встретить целые семьи, промышленяющие воровством, а уж о молодом поколении и говорить нечего. Среди подростков и «робят» 18–20 лет вы редко встретите такого, который бы не был бит соседями за кражу. И все это – результат короткого знакомства с рюмкою и сближения с русскими. Так и сами пермяки объясняют это. «А все и пошло с того, что стали якшаться с русаками. Русаки, известно, парни теплые: вор на воре едет да воров погоняет. Научат добру, только свяжись с ними». У пермяков существует даже по этому поводу одна сказка, в которой рассказывается,

¹ Пас – палка или иной предмет, вставленный в дверную скобу снаружи в знак того, что в доме никого нет. Кильчобс паса – приложенная у наружной двери палка в знак отсутствия хозяев.

² Такие порядки сохранились теперь только в местностях, удаленных от большой дороги и русских поселений. Там о воровстве и донныне еще понятия не имеют и сохраняют все обычаи старых времен (прим. Н. А. Добро-творского).

как русак учил пермяка воровать и как последнему учеба эта в наук пошла, так что ученик перещеголял даже своего учителя и обокрал его самого. И какой злой иронией звучит эта сказка! Должно быть, сложил ее какой-нибудь старик, глубоко возмущенный испорченностью молодежи. Все вообще старики страшно негодуют против развивающегося воровства. Победа пока еще остается за ними, и кража никогда не проходит даром виновному, нарушившему древнее обычное право¹: артель беспощадно дерет его розгами. При этом не дают спуска и чужим. Раз какой-то нищий-зырянин, шляясь по здешней местности, задумал было прокатиться на чужой лошади домой. Его догнали, привезли назад и жестоко отодрали на миру.

Между собой пермяки живут дружно, редко ссорятся и не обижают друг друга. Поземельная община у них еще только в зародыше и Бог знает, когда разовьется – да и разовьется ли еще? – но зато здесь существует община нравственная, крепкая солидарность. Пермяк не выдаст ни за что своего брата: «пермяк за пермяка – что бык за быка», говорит местная русская пословица. Русский крестьянин никогда не затронет в драке пермяка, зная, что за того горой поднимутся все товарищи-собраты и намнут ему шею. В случае какого-нибудь преступления, случившегося в их среде, пермяки своим судом накажут преступника, но ни за что не выдадут его властям. Следователи, приезжающие сюда по разным делам, ничего не могут добиться от них: знать не знаем, ведать не ведаем – единственный ответ пермяка на все вопросы, хотя бы он прекрасно знал все мельчайшие подробности дела.

Стадность, общественность сильно развиты у пермяков. Друг без друга они ложки ко рту не поднесут, везде – соседи, мир, артель. Почти все работы справляются помочами. Самые пустяковые деревенские дела непременно решаются на сходе². Даже время покоса, посева, жатвы и то определяется всем миром. Сход заведует не только общественными делами, он считает себя в праве вмешиваться и в семейную обстановку пермяка. На сходе решаются споры и раздоры между членами семьи, по жалобе кого-нибудь из них; случается

¹ Обычное право – исторически сложившийся источник права и правило поведения. Позже часто избирательно санкционировалось государством и включалось в его систему правовых норм.

² Сход – собрание, сходка, сельский сход.

даже, что деревенский сход разводит мужа с женою, если они живут не ладно, и определяет разделы между братьями. Решающим голосом на сходах пользуются старики. Решения схода безапелляционны и в большинстве случаев исполняются свято и нерушимо. Непослушных сход наказывает собственной властью. Раз был даже такой случай: за отказ городить огород артель наказала розгами старосту деревенского и десятского, так как те вообразили, что и они – начальство, а начальство-де огородов не городит.

Пермяки очень гостеприимны и сострадательны. Ни один странный, захожий человек не уйдет от них без угощения и приветов. Они накормят, напоят его, чем Бог послал, а иногда и ярушник всунут ему в карман на дорогу. Это гостеприимство и доброта особенно проявляются в их отношениях к «ссылникам». Несмотря на то, что ссыльные – мы говорим в данном случае про ссыльных уголовных, а не о политических – ничего, кроме вреда, не приносят пермякам, несмотря на то, что они с презрением и высокомерием смотрят на пермяцкую «необразованность», пермяки в высшей степени благодушно относятся к ним, жалеют их и в крайнем случае всегда готовы помочь им. Когда приезжает новый ссыльник, тотчас же к нему являются сострадательные пермячки и приносят с собой ярушников, шанег, чтобы угостить ими новоприезжего. «Тошно ведь, поди, родименькому первое то время: как не пожалеть его!»

Но при всем своем добродушии и гостеприимстве, пермяки в домашней жизни очень бережливы, даже скупы. Пермяк почти ничего не покупает, а старается по возможности обойтись своими домашними средствами. В дому у него только и есть покупного, что шляпа-грешневик¹, соль, да 2–3 горшка; все остальное – свое; даже чашки, ложки и те по большей части самодельщина. О мыле пермяки и понятия не имеют; его заменяют зола и щелок. При охоте за белками пермяк заряжает ружье 3–4 дробинками, – никак не более, и старается целить прямо в глаз или ухо. При своей замечательной сноровке и верности глаза, промаха он никогда почти не дает, и белка после выстрела тотчас же кубарем летит с дерева. Снимая шкурку, пермяк распластает всю белку по косточкам, но уж непременно найдет свои дробины и употребит их снова в дело. Тоже, самое, говорят, наблюдается и среди других инородцев, родственных пермякам по

¹ Грешевник – шапка из валяной шерсти.

происхождению. Пермяк болит душою, когда ему приходится выплачивать деньги.

Нужно видеть, как он покупает что-нибудь в лавке. Он долго переминается с ноги на ногу, уходит из лавки и опять приходит, десять раз спрашивает настоящую цену и потом с каким-то остервенением достает из-за пазухи замасленный «чишьян», в котором хранятся у него деньги, молча отдает их лавочнику, и с сердитым, нахмуренным лицом, взяв покупку, выходит из лавки. Даже водки не решится пермяк выпить сразу: скупость и тут удерживает его. Придя в кабак, он долго сидит на полу или на лавке, угрюмо вглядываясь в лицо кабатчика и, по всей вероятности, ругая его на чем свет стоит. И случается нередко, что, придя в кабак с твердым намерением выпить, пермяк посидит, посидит там, да так и выйдет вон, не выпив. Желание выпить долго борется в нем со скупостью. Но стоить пропустить ему одну рюмку – всякий расчет пропадает, пермяк пьет уже дальше без оглядки, до тех пор, пока не свалится или пока деньги не уйдут из кармана.

В заключение передам здесь один курьезный факт, показывающий, что скупость пермяка не сдавалась даже под давлением администрации, как ни боится пермяк вообще всякого мундирного начальства. В 1844 году местный окружной начальник предложил пермякам Орловск[ого] уезда, Вятской губ. завести у себя огнеспасительные инструменты и пожарные дощечки; при этом предлагалось как то, так и другое выслать «за умеренную плату» из города. В былое время предложение начальника равнялось приказанию. Так пермяки и поняли это, но тем не менее наотрез отказались исполнить волю начальства, красноречиво доказывая на целом листе, что в городских дощечках они не имеют никакой надобности, ибо лесу у них довольно и, стало быть, они и сами могут наделать таких дощечек, сколько душа пожелает. Точно так же не согласились на приобретение огнегасительных инструментов, мотивируя свое несогласие недостатком денежных средств и плохими заработками. На том, кажется, дело и кончилось; окружной начальник, получив такой категорический отказ, не стал больше и настаивать.

Леса – это варварство, сказал В. Гюго, описывая жителей нижней Бретани¹. Горец борется за идеал, лесной житель за предрассудки. Пермяк – дитя лесов и потому страшно суеверен. У него – на всякий шаг приметя, каждое дело сопряжено с обрядом, имеющим таинственное полурелигиозное значение. Суеверие встречает его при рождении, всю жизнь идет с ним рука об руку и провожает его до могилы. Лишь только родится ребенок, на лбу у него проводят сажей продольную полосу или крест, в предупреждение уроков, или порчи, при взгляде на него посторонних лиц. О времени рождения никто из соседей не должен знать, потому что в противном случае женщина не разродится. Роды происходят непременно в бане. Существует поверье, что родильница сама должна наносить дров и вытопить баню: ребенок крепче будет. В продолжение трех дней женщина остается в бане, причем ее одну не покидают ни на минуту, потому что банник², злой дух, живущий в бане под печкою, можете задушить ее. Чтобы ребенок был здоров и силен, на голову кладут краюшку хлеба, приговаривая: будь здоров, будь здоров! и так до трех раз. Отцу новорожденного дают круто посоленный кусок хлеба, иногда даже подсыпают сюда песку. Новорожденного целую неделю носят в баню и парят на полке березовыми вениками; причем от обжога на теле у ребенка иногда появляются водяные пузыри. Болезни, равно как и всякое несчастье свое, пермяк приписывает действию нечистого

¹ В. Гюго – Виктор Мари Гюго́ (фр. Victor Marie Hugo, 26 февраля 1802, Безансон – 22 мая 1885, Париж) – французский писатель (поэт, прозаик и драматург), одна из главных фигур французского романтизма, политический и общественный деятель. Сенатор Франции от департамента Сена (1876–1885). Член Французской академии (с 1841). Нижняя Бретань – Бретань (фр. Bretagne, брет. Breizh, галло Bertaèyn) – историческая область Франции, занимающая одноимённый полуостров на её северо-западе.

² Ба́нник (рус. баенник, баинник, байнушко, банный, байник; белор. лазеннік, лазнік) – демонологический персонаж в поверьях восточных славян, особый род домовых, недобрый дух. Банник / Будовская Е. Э. // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого; Институт славяноведения РАН. – Москва: Межд. отношения, 1995. – Т. 1: А (Август) – Г (Гусь). – С. 137, 138.

или порче¹, или наконец дурному глазу²; поэтому заговоры и нашествия играют главную роль при их лечении. В фельдшеров и медицинскую науку пермяк не верит, напротив, к шептунам и шептуньям³ относится с большим уважением. Во время эпидемий и эпизоотий мер никаких не предпринимается, а каждый домохозяин особо относит в лес ярушник и кусок мяса и бросает где-нибудь под высоким деревом в жертву «лесному»⁴. Пермяк уверял, что Вэрчен⁵, которого он считает своим покровителем, не оставит его без защиты и отгонит злую хворь (вишан)⁶ прочь от двора. Вербное воскресенье⁷ – праздник «соседке»⁸, домовому, и потому в этот день его угощают, выносят ему на двор пирог с пикшей и просят, чтобы он берег скотинку, холил и любил ее. На радость соседке и ради его праздника в этот день

¹ Пóрча (от рус. портить) – суеверие, основанное на вере некоторых людей во вредоносное магическое влияние со стороны недоброжелателей. За результат влияния принимаются болезнь, смерть, психическое расстройство, уродство, расстройство дел и добрых отношений, расторжение договоров.

² Сглаз или дурной глаз (диал., арх. призор) – распространённое у многих народов суеверие о вредоносном влиянии взгляда некоторых людей («дурного глаза») или при некоторых обстоятельствах. От сглаза якобы болят люди и животные, засыхают деревья, постигает неудача. Считался самой распространённой причиной порчи и назван по способу, которым та «насылается» – буквально «с глаз».

³ Шептун и шептунья – знахарь, знахарка, колдун, колдунья.

⁴ Лесной – лесовик – то же, что леший.

⁵ Вэрчэн – До недавнего времени у коми сохранялась вера в низших духов – лешего – ворса (ср. лесного людоеда Ягморта, пермяцкого Вэрьсьморта), водяного (зырянский васа, бауса, пермяцкий ваисьморт, вакуль), домового – олысе, злых духов (куль, кутьтя-войса, воплощение порчи шева и др.). Искаженное слово от коми-пермяцкого вöрись – «леший». Скорее всего, от Вöрсянь – «из лесу» > Верчен. Еще И. Н. Смирнов отмечал, что «слово Вэрчем мы у пермяков не встретили. Нам кажется, что вместо него должно быть Вэрьйссень лесной бог». (Пермяки: историко-этнографический очерк / И. Н. Смирнова. – Казань: Типо-лит. Имп. Каз. ун-та, 1891. – С. 277).

⁶ Вишан – висьём, висём – болезнь, заболевание; недуг, хворь. Висьёдчём, висёччём и. д. – недомогание, хворь.

⁷ Вербное воскресенье – один из главных христианских праздников, который празднуется всегда за неделю до Пасхи.

⁸ Соседко – название домашних духов, «хозяев» дома, двора, бани.

подстригают лошадям хвосты и увешивают рога у коровы красными и синими тряпками. При первом выгоне скота весною, его провожают до самой околицы с зажженными свечами и, остановившись там, кланяются вслед ему, чтобы коровки молока побольше приносили, а овечки шерсти за лето нагуляли.

Суеверие пермяков нисколько не смягчается грамотностью, потому что ее здесь совсем почти не существует: грамотных едва наберется и 1 %. Школы, устроенные земством, мало помогают, ибо пермяки очень неохотно отдают детей своих в училище, малыш нужен при доме. Ребята с 7–8 лет считаются полуработниками, помогают отцу и матери в хозяйстве, ездят в лес за дровами, боронят, пасут скот, так как здесь общего пастуха никогда не держат, и каждое семейство пасет свой скот особо. О школе тут не может быть и речи. Учиться мальчику совсем некогда... да и не для чего: «вырастет – хозяйством править станет, к чему же тут грамота? ведь ему не “писчиком”¹ быть». Так и не отдает мальчика в школу.

Пермяки страшно нечистоплотны, и это служит причиною многих болезней между ними. Еще хорошо, что они очень любят баню и ходят в нее раза по два в неделю; в противном случае их замечательное равнодушие к чистоте могло бы повлечь за собой гибельные последствия. Белье меняется ими крайне редко и занашивается до последней возможности. Среди орловских пермяков я делал наблюдения, сколько, в общей сложности, дней в году болеет каждый из них; оказалось 28. Впрочем наблюдения мои касались не более как 70 дворов, или около 200 душ, а на основании таких скудных данных строить общий вывод было бы невозможно.

Пермяки часто страдают болезнью глаз от курных и дымных изб, худосочием и опухолью желез; диссентерия посещает пермяков каждый год регулярно и уносит значительный процент населения. Но самыми страшными бичами являются оспа и сифилис. Эти болезни минуют здесь лишь немногих. От оспы, разумеется, страдают больше всего дети до 5 лет. Сифилис или, как говорят пермяки, дурная болезнь (омал вишан)² распространился здесь за последнее время до громадных размеров. Он занесен сюда русскими; ближайшей же причиной его развития и распространения служит ужасаю-

¹ Писарь (прим. Н. А. Добротворского).

² Омал вишан – искаженное лёк висьём (вуджан висьём).

щая бедность и неопрятность пермяков. Сифилис проявляется здесь в весьма тяжелых формах и приобрел уже эпидемический характер, сделавшись как бы местным страданием, вроде болотной лихорадки барабинской степи или итальянских маремм. В редком семействе им не заражены если не все поголовно, то, по крайней мере, молодежь. К фельдшеру обращаются редко. Процент сифилитиков, по отношению к общей массе населения, определить с точностью невозможно. По реестрам фельдшеров оказывается, что сифилитики здесь составляют около 25 % всех больных, приходящих за медицинской помощью; но цифра эта, само собой разумеется, гораздо ниже действительной, потому что к фельдшеру идут очень немногие, а особенно при такой щекотливой болезни. По тем данным, какие мне удалось собрать, живя среди пермяков, оказывается, что около 80 % всего населения здесь – сифилитики. Тоже говорят и другие люди, близко знакомые с пермяцким бытом.

Такое чрезмерное распространение сифилиса среди взрослых сильно отражается на здоровье молодого подрастающего поколения. Дети здесь большею частью бледны, болезненны на вид; лица их старчески-морщинисты, глаза безжизненны, движения вялы. Смертность между детьми чрезвычайная: в иных местах около 30 и даже 32 % умирает в первые полгода жизни. Пермяки вырождаются – это несомненно. Признаков этого вырождения и кроме сифилиса очень много. Мелкий рост и слабосилие пермяков зависят не только от климатических условий и от племенных особенностей организации, но и имеют характер патологический и составляют один из признаков дегенерации. Мало того, высшее выражение дегенерации – бесплодие встречается здесь очень часто. Причины этого факта ясны: проституция, относительное неравенство лет мужа и жены, распространившееся за последнее время пьянство и вообще эксцессы *in Baccho et Venere*¹, как выражаются ученые доктора.

¹ Эксцессы *in Baccho et Venere* – *in Baccho et Venere* (лат.), в пьянстве и в любви.

IV

Пермяки давно осели и стали заниматься земледелием. У них в языке есть все названия хлебных растений (рожь – шю¹, овес – зор² и т. д.), земледельческих орудий, домашних животных и хозяйственных работ (молотить – варгэн³, жать – вундэнэ⁴ и проч.). Хлеб – главное богатство пермяка, земля – его кормилица. Поэтому не мудрено, что земледелие составляет его главное и любимое занятие. Он прекрасно сознает, что все его благосостояние зиждется на земле, и он любит, холит ее, ухаживает за нею. Весною он будто перерождается: и смотрит весело, и ходит прямо, в нем прибывает и бодрости, и энергии; полевые работы и весенний воздух оживляют его. И нарочно, и не нарочно он забежит в поле посмотреть, как всходит рожь, вызрела ли она, не пора ли жать наконец. Покамест зреет хлеб, он, по крайней мере, раз десять побывает в поле, остановится и долго-долго смотрит на свою полосу с каким-то любовным наслаждением. И как радуется его простая душа, если хлеб хорошо поднимается и поспевает ко времени до заморозков, и как он печален, если какое-нибудь несчастье обрушится на его поле. А эти несчастья случаются сплошь и рядом. Иной раз градом побьет, а то так дожди зальют, червь съест. Недаром же в здешних краях, среди русских крестьян, сложилось поверье, что Касьянов год⁵ постоянно приносит несчастье. Так оно, пожалуй, и выходит: из 3–4 лет один год непременно бывает голодный.

Главный вред земледелию приносят дожди, продолжающиеся иногда недели по две, по три сряду и превращающие почву в какую-то массу вязкой и липкой грязи. Хорошо, если идут они вовремя, напр[имер], вскоре после посева хлеба, – тогда, разумеется, они оказывают росту хлебов громадную услугу; но по большей части они идут и вовремя, и безо времени, и не дают убраться с сеном, а посевам ржи

¹ Шю (искаженное) – ж. сю, рудзюг, озимая рожь – озим сю.

² Овёс – м. зёр.

³ Молотить – варгэн (искаженное). Вартны (машинаён); чапавны (чаптён).

⁴ Жать – (искаженное) вундэнэ. Вундины.

⁵ Касьянов год – год, в котором есть Касьянов день (Касьян-високос) – день народного календаря у восточных славян, приходящийся на 29 февраля (13 марта). Название дня происходит от имени святого Иоанна Кассиана Римлянина.

и ярового вызреть и выколоситься. Бывают года, когда не проходит ни одного летнего дня, чтобы не было дождя. Остается тогда пермяк и без сена, и без хлеба, и, проклиная свою горькую долю, идет в кабак и топит печаль в чарке зелена вина. Годы 1871–1878 были вообще дождливы, и пермяки в то время набедствовались. Особенно же неблагоприятны были года 1875 и 1878. В эти два года сена пермяки не собрали вовсе, урожаи хлебов тоже были неблистательные, далеко ниже среднего, – по большей части сам-2, а сам-3¹ считали уже за особенную милость Божию. Скот продавался по баснословно дешевой цене, и, не смотря на то, покупателей на него не было, потому что сена по всему краю нигде не собрано было ни соринки. Корова стоила 4–7 руб.; мелкий скот, как-то: свиньи, овцы и др., не считался ни во что. Лошадей, впрочем, пермяки продавали мало, рассчитывая на извоз; это был последний шанс их существования, и они старались изо всех сил прокормить своих лошаденков. Пермьский скот попробовал в эту зиму и соломы с крыш, и сеной трухи, оставшейся от прошлого года в сараях; а когда и этого наконец не стало, начали кормить его зелеными пихтовыми хвоями.

– И неужели коровы ели эти колючки? – ужаснулся я, услышав об этом.

– Есть-то ели, – отвечали пермяки, – только плохо. Навоз из-под ног подбирают, а от пихты отворачиваются.

Сами хозяева питались не лучше своего скота и не были сытее его. Ржаную и ячменную муку во многих домах мешали с мякиной² и отрубями³, а в некоторых ели просто-напросто одно мясо буренки или чернавки без хлеба, а где и этого не было, там пускали в ход, суррогаты хлеба, известные уже читателю. Пермяки с каким-то благоговейным ужасом вспоминают эти года, называя их черными, дурными (омаль)⁴. Экономический уровень их за это время сильно понизился, так что они не могут справиться еще и до сих пор.

¹ Сам – мера урожайности (сам-2, сам-3 – т. е., когда получали в два или три раза больше посеянного зерна).

² Мякина – остатки колосьев, стеблей и другие отходы при молотье.

³ Отруби – твердая оболочка зерна. Побочный продукт мукомольного производства.

⁴ Омаль (искаженное) – дурной, -ая, -ое 1) лёк, омоль.

Кроме дождя и сырости, столь обыкновенной в здешней местности, немалый вред посевам приносит хлебный червь (*Noctuida* из рода *Agratis*)¹, так часто попадающийся во всей Европе, Сибири и Сев[ерной] Америке (Ф. Кеппен²). Град в том краю падает редко, так как пермяки живут по большей части около лесов, а эти последние, как известно, служат лучшим естественным градоотводом. Кроме всего этого, мы упомянем здесь об одном очень странном явлении, встреченном нами впервые в здешних местах. Как только ячмень успеет околоситься и зерно начнет наливаться, некоторые колосья делаются сперва серыми, потом все более и более чернеют и, наконец, ко времени жатвы делаются совершенно черными. Зерен в таком колосе вовсе нет, а вместо них какая-то черная пыль на подобии сажи³. Вместе с колосом изменяется и соломина; она делается сероватой, даже почти черной. Пермяки утверждают, что скот не ест такой соломы. В 1880 г. таких колосьев было очень много, не менее 10 % всего количества, а на полосах открытых, «лобовых», и того более, отчего, разумеется, получился недобор. Это странное явление замечается не только на землях пермяцких, но и у русаков здешней местности, и повторяется оно регулярно каждый год – в одно лето больше, в другое меньше. Чем же объяснить этот непонятный факт? Одно из двух: или это происходит от действия сырости, – колос загнивает вследствие обилия почвенной и атмосферной влаги, или от морозов-утренников, которые зачастую бывают здесь даже среди самого жаркого лета, в июне и июле месяцах. Эти летние морозы, не

¹ Хлебный червь (*Noctuida* из рода *Agratis*) – большой мучной хрущак, или мучной жук, или мучник (лат. *Tenebrio molitor*) – насекомое с полным превращением из отряда жесткокрылых. Соответственно, мучные черви – его личиночная форма.

² Кеппен Ф. – Фёдор Петрович Кёппен (нем. Friedrich Teodor Köppen; 30 декабря 1833 (11 января 1834), имение Карабах, около Алушты – 24 мая (6 июня) 1908, Санкт-Петербург) – российский зоолог-энтомолог, ботаник, географ, библиограф, член-корреспондент Петербургской Академии наук; библиотекарь Публичной библиотеки; действительный статский советник.

³ Пыльная головня вызывается возбудителем *Ustilago tritici*, который относится к высшим грибам класса Базидиомицеты, подкласса Телиомицеты, порядка Головневые. Болезнь разрушает все части колоса: завязи, чешуйки, ости, которые покрываются черно-коричневой массой телиоспор, легко разлетающейся (пылящейся).

сильные сами по себе, мало приносят вреда колосьям сильным, вполне здоровым, но колосья слабые, развившиеся при тех или других неблагоприятных условиях, «робеют» и страдают от них.

Итак, пермяк – истый земледелец, он любит свою землю, несмотря на то, что она зачастую оказывается неблагодарной и плохо вознаграждает его труды; он любит земледельческий труд и старательно ухаживает за своею полосой. Пермские праздники все почти совпадают с различными фазами полевых работ. Первый праздник бывает весною, как только оголится земля и надо выезжать с сохой на полосу. Теперь это, собственно говоря, даже не праздник, а просто поздравление кулаков и мироедов; он так и называется – «литками»¹.

Устраивается он следующим образом. Собирается сход, на котором, между прочим, обсуждают вопрос, кому сдать землю маломочных, которые работать не в состоянии. Так как арендная плата за землю здесь ограничивается только теми податями, земскими и государственными, которые лежат на ней, то богачи деревенские и зажиточные крестьяне с охотою берут на себя эту землю, выставя миру четверть или полведра водки. Таким путем водки набирается иногда до 2–3 ведер – то ли не праздник для пермяка! Он пьет, гуляет, ругается, дерется – и весело ему, он в своей стихии. Нет сомнения, что прежде праздник этот носил иное название и имел совершенно другой характер, и только условия нового времени, постепенное понижение экономического благосостояния пермяков и возрастающая любовь к водке сделали его «литками», торговой сделкой. А что он действительно имел во время оно другой характер, это видно из некоторых обрядов, сопровождающих этот праздник. Так, когда принесут водку, самый старший пермяк наливает водки в простую деревянную чашку и долго смотрит в нее. Потом выливает водку на землю и говорит собратам, какого урожая следует ожидать в этот год. Предсказания его всегда бывают светлы и радужны; он всегда обнадеживает своих собратий и говорит им, что ни град, ни дождь, ни червь дурной не придут на их хлеба. Верят пермяки этому предсказанию или нет –

¹ Литки – так называют обычай угощения покупателем или вообще участником юридической сделки своего со-контрагента и свидетелей. Оно безусловно имело юридическое значение, отчасти сохраняемое им и теперь в русском обычном праве. У коми литки – взятка, калым; литки; дзурик; перен. мавтас; гӱснеч, гӱстинеч.

не знаю, но только всегда выслушивают его с полным вниманием и почтением. После этого каждый присутствующий на сходе подходит к ведру, выпивает чашку водки и остатки выплескивает, приговаривая: «новый год – хороший хлеб». Затем начинается общая попойка, которая кончается иногда только на 3-й или 4-й день, после чего пермяки все вместе выезжают на пашню. – Другие два праздника бывают в Ильин день¹, при начале сенокоса, и Спасов день², при его окончании. Эти праздники сопряжены даже с жертвоприношениями, что прямо указывает на их древнее происхождение; о них мы скажем ниже.

Размеры душевого надела земли здесь не велики, всего от 3 до 8 десятин³ на душу. Впрочем, это нисколько не влияет на благосостояние пермяка. Недостаток надельной земли вполне вознаграждается обилием кулиг⁴ и подсек⁵. Хищническая, лядная система⁶ хозяйства и по сие время имеет еще право гражданства в здешних краях и прак-

¹ Ильин день – Ильин день (болг. и макед. Илинден, серб. Илиндан, осет. Уацилла) – церковный день памяти пророка Илии и традиционный народный праздник у восточных и южных славян, греков, грузин и некоторых других народов, принявших православие. Отмечается 20 июля (2 августа). У славян Илья-пророк принадлежит к самым почитаемым святым, наряду с Николаем Чудотворцем.

² Спасов день – Яблочный Спас (празднуют 19 августа; православные христиане в этот день вспоминают Преображение Господне). Ореховый Спас (празднуют 29 августа, в православии этот день озаменован праздником Нерукотворного Образа Иисуса Христа).

³ Десятина – русская единица земельной площади, равная 2 400 кв. сажням, или 1,09 гектара.

⁴ Кулига – новь, раскорчёванное место, лесная поляна или часть поля, расчищенная для земледелия; лес, расчищенный, выкорчеванный, выжженный под пожню или пашню; росчисть, чищоба, чища, подсека, починок, огнище, пожег, валки или удалённое, заболоченное место в лесу, где, по суеверным представлениям, обитала нечистая сила.

⁵ Подсека – вырубленное, расчищенное в лесу место для пашни.

⁶ Лядная система хозяйства – Подсечно-огнево́е земледелие – одна из примитивных древних систем земледелия лесной зоны, основанная на выжигании леса и посадке на этом месте культурных растений. Место вырубки и выжига леса при подсечно-огневом земледелии на Руси называлось лядом. Лядная система представляет собою весьма низкую ступень развития земледелия.

тикуется пермяками, хотя, кажется, она и здесь доживает уже свои последние дни. – Душевые надельные участки расположены обыкновенно на землях, близко прилежащих к селениям; на них ведется трехпольное хозяйство с унавождением земли через каждые три года в четвертый. Остальные пахотные участки, кулиги, находятся на задах, на поддушной земле, в поселянских лесных дачах¹. Урожаи на пермяцких землях, особенно надельных, вообще плохие: максимум сам-4, а бывают года, когда не собирают и семян. «Прежде не в пример лучше было», говорит пермяк и по пальцам высчитывает, сколько он собирал хлеба прежде и сколько получает теперь. И действительно, теперь стало хуже. Тогда ему предоставлялось полное право расчищать кулиги и места для сельбища не только на поддушной земле, но и в казенных лесных дачах, где только он пожелает, и ему жилось тогда хорошо. Он не нуждался ни в хлебе, ни в деньгах, не ездил в Казанскую губернию нищенствовать, потому что урожаи на новинах и чищобах сторицею вознаграждали его труд и приносили иногда 20 % и более. С рокового 1864 года все пошло вверх дном. Самовольные расчистки казенного леса были воспрещены, и пермяки принуждены были довольствоваться только тою землею, на которой «сидели». А земля эта была уже истощена частыми посевами и требовала усиленной и деятельной обработки и навозу. Но при всем своем желании подлиповец-пермяк² не мог дать ей ни того, ни другого вследствие крайней бедности своей и невежества, и немудрено, что теперь он не получает с земли и пятой доли того, что получал когда-то прежде.

Главными орудиями для обработки земли служат здесь борона (гэр)³ и соха (очас)⁴. Кроме того, для распахивания запущенных полос,

¹ Лесная дача – ограниченная часть лесных угодий в Российской империи, подчиненная единому хозяйственно-техническому плану и прикрепленная к какому-либо владельцу. Большинство лесных дач было государственными (казенными).

² Подлиповец-пермяк – персонажи в повести «Подлиповцы» Ф. М. Решетникова. Автор дает нам представление о быте одной бедной деревеньки Подлиповки Пермской губернии.

³ Борона (гэр) – ж. пиня, агас – деревянная борона пу агас (Добротворский перепутал произношение бороны с сохой).

⁴ Соха (очас) – гөр – соха, плуг. Гөр – соха с металлическим наконечником, черкуша.

пустошей употребляется пермяками еще чертэц¹, или, по-здешнему произношению, чертэч, у которого вместо сошников приделан резец. Этот же чертец употребляется и для ломанья эж². Для пальников и подсек у пермяков сохранилась еще борона старой первобытной конструкции; это – еловая плаха, с обрубленными на половину сучьями, которые заменяют в данном случае зубья бороны. В поле великорусская форма бороны почти везде вытеснила этот первобытный тип.

Ржи пермяки сеют мало. На здешней почве, содержащей в иных местах до 70 % глины, рожь, не смотря на всю свою невзыскательность, не может произрастать с успехом. Ржаной хлеб, как я уже упоминал появляется на столе пермяка только иногда, в качестве лакомства; постоянной же пищей служит хлеб ячменный. «Ячмень у нас всему голова», говорят сами пермяки. Он составляет в хозяйстве их статью, на которую обращается преимущественное внимание; им засеивается большая часть ржаного и ярового полей и даже кулиг. Ячмень не боится холодов, летних июльских утренников, не «робеет» на этой холодной, почти постоянно влажной почве – это и дает ему большое преимущество перед всеми другими хлебами. Кроме того, и навозу на здешней почве он требует гораздо меньше, чем рожь: там, где подо ржаной хлеб нужно было бы положить 100 телег, для ячменя за глаза довольно 50, а это расчёт. Засевая поля ячменем, пермяк остается в чистом выигрыше, потому что там, где бы он снял всего 9 пудов³ ржи, при урожае самом счастливым, – он получает 15 пуд[ов] ячменя, так как этот последний родится гораздо лучше, чем рожь: обыкновенная норма его урожая – сам-4, в хорошие года – сам-5–6 и даже 7. Относительно питательности 15 пудов ячменя заменяют 11–12 пуд[ов] ржи; стало быть, вся выгода на стороне ячменя. Правда, ячменный хлеб не так вкусен, как ржаной, да и кроме того, имеет еще одно большое неудобство: если он полежит дня 2–3, то его хоть топором руби – не разрубишь: он превращается в камень, но пермяк рассчитывает, что жевать каменный ячменный хлеб все-

¹ Черкуш (чертэч) – соха с металлическим наконечником.

² Целина, место, никогда не паханное (прим. Н. А. Добротворского). Эж – поверхность; покров; наружная, верхняя сторона; верхний, наружный слой.

³ Пуд – устаревшая единица измерения массы русской системы мер. С 1899 г. один пуд равен 16,3805 кг.

таки лучше, чем питать сомнительную надежду на урожай ржи и рисковать её посевом.

Овса и льну пермяки высевают очень мало. Льну в полях они вовсе не сеют, во-первых, потому что пахоты полевой и без того немного – под ячмень не хватает, а во-вторых, лен в полях совсем не родится: он требует удобрения, а его едва хватает для ржи и ячменя. Потому лен сеют обыкновенно на чищобах. Для этого весной, лишь только земля пообсохнет, каждый пермяк расчищает в лесу небольшое местечко в 20–30 кв. сажень¹, оставляя деревья на месте. Летом деревья эти высохнут, и на следующий год, в мае, их палят и тут же сеют лен. Вся эта процедура очень легкая, потому что тут не нужно ни пни выкорчевывать, ни пахать, ни боронить; сжег сваленные заранее деревья, разбросал семена – и дело в шляпе, больше и беспокоиться не о чем: само уродится. Обыкновенный посев льна 10–12 фунтов² на семью, урожай бывает всегда очень порядочный, сам-5–7.

Посеяв лен один раз на пальнике, место это обыкновенно оставляют и переходят на другое; а так как лен сеет почти каждый, то все поселянские и казенные дачи, лежащие близ поселений пермяков, испещрены этими пальниками, или лысынами. Случалось, что таким образом уничтожались целые рощи. Впрочем, с тех пор как вышло запрещение расчистки казенных лесных дач, облысение леса встречается редко. Теперь пермяку приходится или совсем прекратить посев льна, что в иных местах уже и сделано, или сеять его на общественной подушной земле, в деревенских дачах. При этом, дорожа своим лесом и не желая губить его понапрасну, пермяки уже не бросают раз вычищенное место, а распахивают его и сеют тут хлеб. Чищоба становится таким образом кулигой, входит в состав хозяйства и уже не покидается. Распахивают ее обыкновенно на другой или на третий год после посева льна, когда корни у пней подгниют и их легко будет выкорчевать. В первый год сеется рожь или ячмень, причем урожай бывает сам-10–15 и даже более; во-второй – опять рожь, на этот раз урожай уменьшается до 5. В третий год высевают овес или лен, на

¹ Сажень, или сажень (сяжень, саженка, прямая сажень) – старорусская единица измерения расстояния. В XVII в. основной мерой была казённая сажень (утверждённая в 1649 г. «Соборным уложением»), равная 2,16 м и содержащая три аршина (72 см) по 16 вершков.

² Фунт – единица измерения массы, равная 0,45359237 кг.

4 кулигу оставляют, под паром и она с этих пор входит уже в систему трехпольную.

Лен составляет исключительную собственность женщин. Они сами и ухаживают за ним; мужик только приготовит чащобу да раскидает семена, все остальное – дело женщин. Семя они продают скупщикам русакам и деньги употребляют на свои бабьи нужды. Что же касается волокна, то его они сами прядут и готовят из него «лопоть» для себя и для семьи.

Сеют здесь еще репу и коноплю. Конопля сеется на гумнах¹ и в огородах, а репа – на пальниках (сюртюиму²) таким же порядком, как и лен. Репа-паренка³, вместе с кислым молоком и редькой, составляет главное кушанье пермяков. Картофель садится не в полях, а в огородах, так как он еще только недавно введен здесь и не получил, еще права полевого гражданства. Он составляет очень редкое явление за столом пермяков. Они смотрят на него, как на лакомство, на роскошь; они варят его только по большим праздникам, как Ильин день, Пасха и т. д., и в случае болезни кого-либо из членов семьи (sic!).

Скотоводством занимаются небрежно. Только лошадей любят и берегут. Оно и естественно: лошадь – лучшая помощница в хозяйстве: на ней пермяк и землю пашет, и извоз⁴ правит, а этот последний промысел доставляет ему немалые выгоды и затыкает все прорехи в его утлом хозяйстве. Пермяцкие лошади принадлежат к так называемой вятской породе. Маленькие ростом, мускулистые, с короткими толстыми ногами и едва заметной шеей, они обладают одним неоцененным качеством – необыкновенной выносливостью. Это настоящий ломовик, какой и потребен крестьянину здешних мест. Целые сотни верст она везет иногда 30–35 пуд[ов] клади и не только не надрывается при этом, но даже и не худеет, если порядочно кормят

¹ Гумно – помещение, сарай для сжатого хлеба. Площадка для молотбы, ток.

² Пальник (сюртюим) – пальник – подсека. Шабді вóдитан пальник – подсека для возделывания льна. Возможно, здесь искаженное «сотом му» – «пальник, сожженная земля» или сочетание, где есть сю «рожь», му «земля».

³ Паренка – старинное русское блюдо. Овощи, обычно корнеплоды, томлёные длительное время без воды в чугунах в печи.

⁴ Извоз – промысел, перевозка лошадьми грузов и пассажиров.

ее. Пермяк ухаживает за лошадей сам не доверяя жене или кому бы то ни было из домашних. Он ничего не жалеет для нее, дает ей вволю овса и сена и во время извоза, в сильные морозы, поит ее даже вином, чтобы не зазябла. Цвет шерсти у пермяцких лошадей рыжеватый с желтым отливом; полной зрелости достигают они на пятом году.

Весь остальной скот пермяков плох до невероятности. Коровы некрасивы, хилы, необычайно малого роста и, что особенно замечательно, рогов совершенно не имеют. Пробовали было разводить здесь рогатую породу, но это оказалось невозможным, потому что через 2–3 поколения рогатые коровы перерождались и становились такими же безрогими, как и все другие. Рогатые коровы ценятся здесь дороже обыкновенных на 3–5 рублей потому, что они могут с успехом защищаться сами от нападения диких зверей. Местные коровы очень бедны молоком. Это объясняется дурным помещением и уходом, а главным образом недостаточностью хорошего корма. Скупой пермяк жалеет для коровы сена и кормит ее всю зиму или яровой, или ржаной соломой, а сено скорее свезет какому-нибудь русаку-кулаку или продаст извозчикам. В течение 7 зимних месяцев скот едва спасается от голодной смерти и выгоняется на пастбище в самом жалком положении. К счастью здесь много выгонных угодий и хороших пастбищ, так что скот на подножном корму скоро поправляется. Пастуха общественного здесь нет, скот пасут малые дети. Лошадей пускают в лес одних, там они и гуляют по целым дням и даже неделям, до тех пор, пока не понадобится хозяину съездить куда-нибудь или не наступит пора пашни. Пойдет тогда хозяин искать своего бурку по лесам, лугам, трясинам и болотам. Ищет иногда дня по 2–3, исходит весь лес верст на 30 кругом и все-таки в конце концов находит, никогда не возвратится домой без лошади. При этом пермяк обнаруживает удивительное терпение и настойчивость, изумительное знание леса и умение ориентироваться в нем. По направлению и наклону сучьев дерева, по тому, как задралась кора на березе и по многим другим признакам, неуловимым и непонятным для постороннего человека, он без всяких затруднений находит себе дорогу. Практическая сметливость и привычка к лесу служит ему путеводной нитью в этом лабиринте деревьев. – Медведь редко трогает лошадей, разве только жеребенком иногда полакомится; большие же взрослые лошади ему не даются.

Цена на скот определяется здесь большими или меньшими урожаями трав и хлебов. Средняя цена лошади 20–30 р., высшая – 40–50 р., низшая – 15 р. – Пермский скот мало страдает от эпизоотий. Чума и сибирская язва, так часто посещающая безлесные местности восточной полосы Европейской России, заглядывают сюда очень редко, потому что пермяки живут в глуши, вдали от всего Божьего мира, и отделены от него громадной зеленой стеною, хвойным лесом, иногда в несколько десятков верст шириною. Таким образом, леса, затормозившие их умственное развитие и держащие их в невежестве и темноте, защищают их в данном случае от всех бед и напастей, неразрывно связанных со скотскими падежами. «Нет худа без добра», говорит пословица.

Кроме лошадей и коров, пермяки держат также свиней и овец. Мясо их невкусное, какое-то жесткое. – Кур здесь мало: петух, две три курицы – вот и все птичье обзаведенье пермяка. Курицы считаются исключительной принадлежностью девушек, и весь доход, какой получается от кур, составляет собственность этих узкоглазых и курносых особ. Пермячки яйцами отдаривают своих кавалеров за платки и разные гостинцы, которые те приносят им. При таких условиях яиц здесь найти трудно; десяток их стоит 15–20 коп., да и за такую сравнительно дорогую цену не всегда их отыщешь. Только одни станковые пристава и прочий чиновничий люд во всякое время дня и ночи могут достать их, «сколько угодно» и при том еще даром. Ну, на то они и чиновники...

Ремесел и производств у пермяков почти вовсе не существует. Они не успели еще хорошенько развиваться и окрепнуть здесь. Если пермяки и делают что-нибудь, то делают исключительно для своего домашнего употребления. Каждый у себя дома – и столяр, и кузнец, и плотник, и слесарь; все, что ему нужно, он делает сам: и избу ставит, и сошник наваривает, и ложку с чашкой сделает, при случае даже курок у ружья справит; но все это у него выходит грубо, топорно, без всякого следа изящества. Пермячки прядут за прялками, имеющими вид лопаты, на которую и навязывается кудель¹; ткут из конопли

¹ Кудель, куделя – очищенное от костры волокно льна, конопли или шерсти, приготовленные для прядения. Кудель получается после очистки волокнистых отходов (смеси перепутанных волокон и костры), которые образуются при переработке льняной и конопляной тресты на длинное волокно в тре-

и изо льна разные ткани, из шерсти овец готовят грубые, низкопробные сукна. Отмечу один интересный факт. Шерсть и конопля считаются принадлежащими всей семье, тогда как лен, как мы уже сказали, составляет собственность женщин и главным образом девушек. Ткани из шерсти иконопли идут на одежду семьи; их готовит по большей части старшая в доме хозяйка, жена большака. Девушки же занимаются изготовлением льняных тканей, которые всецело поступают в их коробы, где хранится чуслей¹. Красят ткани сами же женщины. Краска обыкновенно не покупается, а готовится дома из ивовой или ольховой коры, а иногда и из кэрэса, дико-растущей марены².

После земледелия любимое занятие – охота, или «лесованье». Пермяк будто создан для охоты. У него есть все качества, необходимые для охоты: необыкновенная выносливость и терпение, тонкая наблюдательность, короткое знакомство с нравами и образом жизни лесных зверей и птиц, знание леса и удивительная способность быстро ориентироваться в нем в какое угодно время и при каких бы то ни было обстоятельствах. Пермяк молодой – в душе охотник; он страстно любит шляться по лесам и лугам, далеко раскинувшимся по берегам рек, протекающих здесь, – за утками, рябчиками, зайцами и белками. Приобрести новое ружье и гармонику составляет заветную мечту каждого парня, и он стремится всеми силами осуществить эту мечту, но, к сожалению, для большинства мечта эта так и остается мечтой, потому что парню редко удается сколотить такую сумму, которая была бы достаточна для покупки гармоники, а тем более ружья: оно ведь стоит так дорого – от 2 до 5 р. Где же ему взять такую махину денег?.. – Потом, когда парня женят, когда он заживет

пальных машинах. Очистка отходов (выделение костры) производится на куделеприготовительных машинах, оборудованных мялкой, трепальными барабанами и трясилкой.

¹ Чуслей (?) – короб для приданого или приданое девушки.

² Кэрэс (коми), марэна красильная (лат. *Rubia tinctorum*) – многолетнее травянистое растение с деревянистым горизонтальным корневищем и разветвленными лазящими побегами высотой до 1,5–2 м; вид рода Марена семейства Мареновые (*Rubiaceae*). Исторически известен ряд общеупотребимых русских названий растения: ализарин, зеленица, брусек, крап, красильный корень, марина, марзана.

своим хозяйством и выстроит себе особую керку¹, – словом, когда он вполне окунется в житейский омут и практика жизни обвеет его своим холодным дыханием, когда он на своих плечах понесет всю тяготу крестьянской жизни – ему уже становится не до мечтаний, не до ружья и не до гармоника. Все его помыслы направлены теперь на то, каков будет урожай, чем заплатить подати, не остаться бы к весне без хлеба и т. д. Он весь поглощен заботами о завтрашнем дне, о куске насущного хлеба. Так продолжается до тех пор, пока, под давлением житейских забот, постоянной безысходной нужды, он не превращается просто-напросто в рабочую машину: тогда он совсем перестает думать, мечтать и желать... Но даже и в это время он по временам как будто оживляется и воскресает, искра жизни вдруг вспыхивает в нем опять. Это бывает с пермяком на охоте, когда он бродит с ружьем по диким, величественным лесам и широким лугам: в нем пробуждается тогда настоящий человек со всеми его страстями, желаниями и стремлениями. Он оживляется, выходит из своей спячки и из неповоротливого, ленивого флегматика превращается в горячего, задорного сангвиника, из старика делается молодым; сгорбленный стан его выпрямляется, глаза блестят, походка учащается. Любо тогда взглянуть на него!.. Но это магическое превращение, вызванное могучими чарами природы и чудными красотами дикого леса, проходит так же скоро, как и появляется. С возвращением домой, вступив за порог своей избы, пермяк опять погружается в спячку, опять делается сонным. Ружья у пермяков самой первобытной конструкции: все они по большей части кремневые² и только за последнее время замечается попытка переделывать их в пистонные³. То, что в образованном мире давно уже отслужило свою службу и признано негодным, здесь считается новинкой

¹ Керка – дом, изба, избушка.

² Кремнёвое оружие – огнестрельное оружие с кремнёвым замком, воспламенение заряда в котором происходит при помощи искр. Кремнёвые замки были двух типов: колесцовые, где кремль, зажатый в губках курка, тёрся по быстро вращающемуся при нажатии на спуск стальному колёсику, и ударные, где курок с кремнем ударялся по стальной огнивной пластинке.

³ Пистонное ружье – капсюльное (или по терминологии того времени – «ударное») гладкоствольное ружьё. Это ружьё было разработано на волне происходившей тогда смены кремнёвого оружия ударным.

и только еще начинает вводиться в употребление. Когда явились тут эти допотопные кремневки и скольким поколениям служили – ведомо одному Аллаху; новые ружья покупаются здесь очень редко. Пермяк – замечательный стрелок, он лучший охотник края; промах для него немислимое дело, и, несмотря на то, что археологическое ружье его бьет не далее, как на 10–15 сажень, он в одну неделю настреливает иногда до 150 пар рябчиков.

Главная охота производится осенью и зимой. Осенью пермяки собираются группами человек по пяти и уходят лесовать в далекие северные вологодские леса, и там остаются недели по две, по три; бьют рябчиков, тетеревов, зайцев, белок – вообще мелкую дичь. Добычу вывозят оттуда целыми возами. Зимой охотятся на медведей с ружьем и рогатиной. Кроме того, для ловли зайцев, куниц, рысей etc. употребляют капканы и тенета¹. Замечательна охота на зайцев при помощи «колод». Для этого толстую лесину ставят в наклонном положении и подпирают снизу тоненьким осиновым прутиком (вичкою), – непременно осиновым, так как зайцы очень любят это дерево. Неосторожный заяц перегрызает эту вичку, колода падает и убивает его. Таких колод здесь по лесу можно встретить очень много, так как здесь этот способ охоты один из самых употребительных: и выгодно, и нехлопотливо – два преимущества, которыми так дорожит скупой пермяк, не особенно ретивый на работу.

Большую часть денежного заработка пермяк выручает охотою. Жаль только, что львиная доля при этом попадает в руки русского кулака, которому он продает продукты своей охоты. Немало также затрудняет пермяков дороговизна пороха. Прежде они сами приготавливали его, но строгости начальства прекратили это противозаконное занятие; впрочем, говорят, что в отдаленных лесных починках и до сих пор делают порох сами.

Из других занятий можно указать на извоз и дранье корья и бересты² – два промысла, имеющих немаловажное значение для пермяцкого хозяйства.

¹ Капкан – ловушка, техническое приспособление для ловли какого-либо мелкого животного, например дичи. Тенета изготавливаются из крепкой белой пряжи толщиной в 2 мм, вяжется дель длиной 30–35 м с ячеей в 7–7,5 см.

² Береста – ж. (неправильно бересто) верхний, светлый, ремковый слой березовой коры, скала; она идет, кроме выгонки дегтя, на подстилку под тесовые кровли и на лыко.

Подробно говорить об экономическом положении пермяков не позволяют нам узкие рамки нашего очерка. Для этого потребовалось бы написать целый трактат, так как они живут рассеянными группами и потому норма их бюджета для разных местностей неодинакова. В большинстве случаев они живут плохо, хуже даже, чем здешние русаки¹. Нищенство здесь развилось до грандиозных размеров и отлилось даже в форму особого, отхожего промысла. На такой промысел пускаются обыкновенно те, у кого есть одна лошадь, так как в извоз им ехать невыгодно: «самого себя съешь», а дома сидеть на бескормице и еще того хуже. Ездят больше по двое, причем один непременно бывает слепой, или хромой, или глухой, или, по крайней мере, притворяется таким, чтобы пуще разжалобить сердобольных хозяев. Сбирать отправляются по большей части в другие губернии: Уфимскую, Казанскую, Костромскую. В нищие уходят иногда целыми семьями, мало того, целыми починками, деревнями. Всех пермяков, промышляющих этим, можно считать около 3 % общего их количества².

V

Справить свадьбу для пермяка дело нелегкое. Немало изъязу³ оставляет она в его утлом хозяйстве, так что иногда нужны целые годы, чтобы оправиться после нее; но, с другой стороны, он радуется, что в дом прибудет новая работница или работник. Рабочие руки здесь дороги, особенно в летнюю страдную пору, когда плата поденщику доходит до 70 коп. Поэтому каждый пермяк дорожит своею дочерью и старается удержать ее при себе как можно дольше. Девушки здесь выходят замуж очень поздно, лет 20–25, так что жених почти всегда бывает моложе невесты на 5–7 лет. Этим-то главным образом и объясняется разврат, какой мы находим среди пермяков: между девочкой и замужней женщиной никакой посредствующей стадии

¹ А до чего плохо живут здесь русские крестьяне, это можно видеть, напр., из статьи г. Верхокамскаго: «Современное положение Вятск[ой] губ.». Отеч[ественные] зап[иски]. 1878; IX. Положение пермских крестьян. Немногим лучше вятских (прим. Н. А. Добротворского).

² Процент вычислен только для вятских пермяков (прим. Н. А. Добротворского).

³ Изъязн – повреждение, недостаток.

не существует; в 12–13 лет она уже любитя с каким-нибудь зоном (парнем)¹. Замечательно, что на пермяцком языке нет даже особого названия для обозначения девушки и замужней женщины. У них есть одно только слово «ныл»², означающее вообще женщину. Пермяки вятские, близко стоящие к русским, заимствовали у этих последних слово «баба» для замужней женщины, а название «ныл» теперь осталось только за девушками. Свобода отношений полов доведена у пермяков до *pes plus ultra*³. Родители смотрят на это сквозь пальцы; они и не думают унимать своей дочери, и даже бывают довольны, когда дочь зашибает копейку, сама себя кормит и одевает. Мало того, нередко они сами посылают ее к приезжим господам и «знатным иностранцам», которые никогда не переводятся в этих краях.

В продолжение холостой жизни парень переменит несколько любовниц, и этого никто не ставит ему в вину, как будто, так и следует. Зимой, начиная с Рождества и до масленицы, молодежь собирается по вечерам на игрища. Здесь пьют водку, пляшут, поют, играют и в заключении ложатся все вместе спать... Немудрено, после этого, что среди пермяков развивается сифилис. Но справедливость требует заметить, что пермяки допускают свободу отношений только до брака; со вступлением же в брак все прекращается. Супруги остаются верны друг другу до гробовой доски.

Представляется вопрос: показывает ли разврат пермяков их глубокую нравственную испорченность или он зависит от каких-нибудь других причин? Судя по общему взгляду пермяков на свободные отношения среди молодежи, можно думать, что это есть просто отклик седой старины, остатки прежде бывшего общинного брака. На это указывают и некоторые обычаи и обряды, сопровождающие брак у пермяков. Так, например, во время девичника после того, как невеста вернется из бани, в избу набираются парни со всей деревни. Они рассаживаются по лавкам, а девушки становятся кучей у дверей. Брат или другой какой-нибудь родственник невесты берет из толпы первую попавшуюся девушку, схватывает ее в охапку и сажает на колени к парню, потом берет другую и относит ее другому парню, за-

¹ Зон (-м-) суц. – парень; верстьö зон – взрослый парень.

² Ныл [ni] – см. ныв в 1, 2 знач. вв. (Крч.) ёсь юра ныл, эндэм ныл старая дева. Ань, ань – женщина (женский).

³ *Nes plus ultra* (лат.) – дальше некуда. В данном контексте – «до предела».

тем третью, четвертую, и таким образом каждый парень получает по девушке. Начинается обнимание, любезности и пр. Наговорившись вдоволь с одной девушкой, парень передает ее своему соседу и от него взамен получает другую и т. д. Это называется «жениться». В языке пермяков нет даже слов «вступать в брак», «жених», «невеста».

У всех, вообще диких и необразованных народов, находящихся на одинаковой степени умственного развития, существует обычай калыма: или жених должен платить за невесту известную сумму, или, наоборот, невеста платит за жениха. Этот калым как бы освящает рабство и неравноправность полов. У пермяков этого обычая нет. Калым не платится здесь ни со стороны жениха, ни со стороны невесты. Муж не покупает себе жены, а сходится с нею как равный с равным. Поэтому женщина здесь вполне самостоятельный член семьи и отличается от мужчины только тем, что круг ее занятий ограничивается домашним обиходом.

Свадьбы бывают по большей части зимой, в мясоед¹, между святками и масленицей. Жenu себе парень берет непременно из чужой деревни; и редко женится на девушке, с которой жил до свадьбы: обычай запрещает ему это. При выборе невесты руководствуются только ее дородностью и способностью работать. Русский прежде, чем возьмет жену, внимательно проследит ее прошлое, не было ли там чего зазорного, и ни за что не возьмет ее, если это прошлое было не совсем чисто. Вотяк думает иначе: не любили девку парни, стало быть, плохая жена будет. В пермяке примиряются оба эти крайние взгляды. Была бы девка хорошая, здоровая, до остального ему нет дела; мускульная ценность бабы, ее «туша», как он сам выражается, стоит для него на первом плане.

Сватовство ведется обыкновенно кем-нибудь из родственников жениха. Во время переговоров свата с отцом невеста уходит из дому к подругам и поднимает там плачь, жалуясь на свою горькую судьбу, на то что –

Пришел в их дом серый волк
Хочет ее молодую в лес вести;

¹ Мясоед – период, когда по церковному уставу разрешена мясная пища. Обычно это время после какого-либо поста. Зимний мясоед – с Рождества Христова 25 декабря (7 января) до Недели мясопустной – предпоследнего воскресенья перед Великим постом).

А там и холодно, и голодно.

А здесь-то мне тепленько,

У родимого моего батюшки и т. д.¹

Если дело между отцом и сватом будет улажено, призывают невесту, и мать спрашивает ее при всех, согласна ли она выйти замуж за такого-то. Невеста отвечает прямо: «да» или «нет», и мнение ее всегда уважается. Не было примера, чтобы отец с матерью выдали дочь свою против ее желания. Да, впрочем, редко и случается, чтобы невеста дала отрицательный ответ: в 22 года какой девушке не хочется вырваться из-под опеки родительской и зажечь самостоятельной жизнью? Порой это желание выражается даже в очень резкой форме: девушка упрекает родителей, что они так долго держат ее у себя и не выдают замуж, так что родители бывают рады отвязаться от дочки.

Если девушка согласна выйти замуж за предлагаемого ей жениха, то она из своих рук подносит свату рюмку водки. Тот сначала отказывается принять ее и выпивает только после долгих и неотступных просьб со стороны невесты; затем он уходит, чтобы оповестить жениха о результатах сватовства. Спустя несколько времени, – по большей части на другой же день после этого, – назначаются «свидышки» (смотрины), формальное сватовство, на котором присутствует сам жених и все его близкие родные. Здесь дело решается уже окончательно, уговариваются о дне свадьбы, о приданом и проч. Здесь же, на сговоре, происходит и обручение – обычай, перешедший к пермякам, вместе со многим другим, от русских. Невеста и жених меняются оловянными кольцами (чунныч)². После этого невеста выходит в клеть и приносит оттуда целую кучу подарков, которыми оделяет всех родных жениха. Подарки эти состоят из грубых, толстых полотенец, не более как в аршин длиною и четверти полторы шириною; концы их вышиты красными нитками или просто обшиты широкой плюсовой каймой. За это женихова родня должна отдаривать ее 2–5 коп., – не ради денег, а «для чести». Жениху невеста дарит красную плюсовую рубашку, расшитую очень затейливо разноцветными нитками руками самой невесты. Рубашка эта заготавливается задолго до свадьбы; из всего чулка она вышивается особенно тщательно, так как по ней судят о способностях невесты, ее искусстве, ловкости

¹ Это причитает девушка на своем родном языке, перевод сделан мною (прим. Н. А. Добротворского).

² Чунныч – искаженное чунькытш – кольцо, перстень.

и старании. Поэтому иногда девушки отдают вышивать ее на сторону, русакам. Но беда, если узнают об этом соседи: бедную девушку засмеют, даже мальчишки на улице будут дразнить ее, и в таком случае выйти замуж ей представляется очень мало шансов, потому что никакой хороший жених не возьмет за себя такую обманщицу. Жених, взявши рубашку, отдаривает невесту котами¹ или лаптями и при этом два раза целуется с нею. Свидышки обыкновенно бывают в праздники, так как по будням разъезжать некогда.

После окончательного сговора и обручения отказаться от брака не имеет уже права ни та, ни другая сторона. Особенно строго в этом случае общественное мнение относится к жениху, если он возвратит свое слово и не женится на засватанной девушке. После такого скандала ему уж не найти невесты в своей волости; все девушки и даже вдовы откажут ему. Женщины крепко стоят здесь друг за дружку, и общими силами мстят за обиду. Жених должен ехать за женою куда-нибудь на сторону, на Русь. Ничего подобного не бывает, если откажется от своего слова невеста; на ней сейчас же женится какой-нибудь «зон» из соседней деревни; мужчины, стало быть, оказываются далеко не такими дружными и солидарными, как женщины. Впрочем, после сговора дело расходится очень редко, так как это невыгодно ни той, ни другой стороне. Изменивший слову должен, во-первых, возвратить все полученные подарки, и кроме того, дать известное вознаграждение за все траты, сделанные потерпевшей стороной во время сватовства. Потерпевший подарков не возвращает; это как бы плата за хлопоты и окуп уничтожения. Но если брак не состоялся по причинам действительно уважительным, напр[имер], вследствие солдатчины, болезни и смерти жениха и невесты, то стороны не платят друг другу ничего. «Дело божье», говорят пермяки при этом и, погоревав вместе о случившемся за полуштофом водки, полюбовно расходятся, разменявшись только подарками.

Свадьба назначается обыкновенно в ближайший воскресный день, через неделю после свидышек. Накануне собирается у невесты девишник, где присутствуют все девушки селения; парней сперва не допускают. Девушки сидят вокруг стола; их угощают орехами, пряниками; при этом угощение не ставят на стол, как это делается у русских, а раздают по рукам. Сама невеста сидит на передней лавке, не-

¹ Коты – тёплая, преимущественно женская обувь, обычно на меху.

сколько поодаль от стола. Волосы ее распущены и живописно падают по плечам. Сверху они прикрыты белой барашковой шапкой. Шапку эту невеста не скидает до самого венца, даже спать в ней ложится. Перед венчанием жених должен сам снять ее с головы невесты и повязать свою будущую жену платком. Рядом с невестой сидит мать или другая какая-нибудь родственница; сидят они, обнявшись, и обо горько плачут... Истинные ли то слезы или только фикция – не знаю. Девушки во все время девичника поют заунывные, грустные песни, в которых выражается вся грусть-тоска невесты, разлучающейся с родным домом, с отцом, матерью. Все эти песни поются по-русски и очевидно заимствованы у «русаков»; порой они так искажены и перековерканы, что невозможно добраться до смысла. Чтобы познакомить читателей с их содержанием, приведу здесь одну из них, наиболее понятную. Я записал ее, исправив главным образом родовые и падежные окончания, которые перевираются пермяками безбожнейшим образом. Вот эта песня:

Не зайка серый прыгает,
Не снеги на дворе кутят и мутят,
Надрывается мое сердечушко.
Нету мне горькой покоюшка.
Как приходится мне расставатися
Со батюшкой родимым,
Со матушкой-касатушкой,
Со милыми моими братцами,
Со лебедушками-сестрами.
Со теплым гнездом отцовским.
Уж вы братцы мои, братцы милые.
Вы корепа (укрепа?) моя богатырская!
Выходите из-за бранаго стола,
Становитесь посередь избы,
(Вы) взгляните на восход солнечный,
Обернитесь ясными соколами,
Вы летите за поля, за леса
К Ивану свет Васильичу,
Ко тому ли злому разлучнику;
Закажите ему все пути дороженьки,
Чтоб не ехал он за мною, молоденькой,

Не брал бы меня с гнезда матушкина.

Затем начинается благословение. Девушки поют протяжным голосом:

Ты, родимый мой батюшка!
Ты взгляни на меня, горькую,
Благослови-ко меня во последние,
Что во первые, во последние.
Как твое-то благословеньице
Изо дна моря повынесет,
В обидушку никому не даст.

А в это время невеста встает с лавки и, подойдя к отцу, бросается перед ним на колени и долго плачет, оставаясь в таком положении. Наконец, когда девушки запоют тоже самое во второй раз, она поднимается с полу, и отец благословляет ее. Потом невеста таким же порядком спрашивает благословения у матери, все время оставаясь в шапке.

После этого мать на минуту отходит к печке и приносит оттуда приготовленные заранее белье и шубу и передает эти вещи дочери. Невеста принимает и кланяется матери в ноги; потом мать приносит пару веников и на них каравай хлеба или ярушник. Невеста принимает и это, и опять кланяется своей родительнице до земли. Затем отправляются в баню. Выходит из избы с песнями, обыкновенно в сопровождении целой толпы зевак, между которыми не редкость встретить даже солидных, пожилых мужиков, пользующихся общим уважением и почетом на селе. Впереди идет невеста, под руку с матерью или другой какой-нибудь близкой родственницей, если матери нет в живых. С невестой входит в баню и несколько девушек, которые должны мыть ее и парить. Прочие же девушки, которыми не достало в бане места, равно и вся посторонняя публика, поджидают невесту у двери бани. И все время, пока невеста парится, они не перестают петь песни; причем четыре девушки, держа на голове одежду и белье невесты, пляшут среди круга. Невеста выходит с бани в шубе, с веником в руках. Веник этот она перебрасывает, через голову, потом кланяется на все четыре стороны всему честному народу, собравшемуся здесь, и отправляется домой в сопровождении той же свиты, причем песни ни на минуту не смолкают до самих дверей керки. Придя домой, невеста становится посередь избы, опять кланяется

на все четыре стороны и говорит (по-пермяцки) «спасибо» теплой баенке, милому братцу за то, что вспоил вскормил ее и не дал никому в обиду, любезным подружкам, всем добрым молодцам, с которыми гулять приводилось, и потом, наконец, отцу и матери. Затем девушки усаживают невесту в передний угол¹ и умывают ее брагою (сур); невеста вытирается чистым полотенцем и целует всех своих подруг, которые поочередно подходят к ней. После этого невесту оставляют в покое и молодежь начинаете «жениться», о чем мы уже говорили выше.

Утром в день свадьбы к невесте опять собираются подруги; здесь поются песни, в которых слышатся те же жалобы невесты на свое несчастное положение, на горькую судьбину. Невеста по-прежнему в шапке, сидит среди подруг и плачет... А между тем у жениха в это время устраивается веселая пирушка, на которую собираются обыкновенно все его родные. Порядочно подвыпивши, вся компания отправляется к невесте. Звон и гром разносится по деревне от целой массы колокольников и бубенчиков, которыми увешиваются лошади; крики, свист и гам самих поезжан вторят им. Вся деревня от мала до велика сбегается смотреть на женихов поезд. Дядя жениха целыми горстями кидает в толпу «чэрки»², маленькие каточки из ржаной или ячной муки, замешанные на пивном сусле; по вкусу они несколько походят на «солоделыш», осолоделый, перекисший хлеб, столь употребительный между крестьянами владимирской и ярославской губерний. Ребячишки гурьбой бегут за поездом до самой околицы и наперерыв, с дракой, подбирают по дороге любимые ими «чэрки». Приехав к дому невесты, поезжане должны долго стоять на морозе и стучать в запертые ворота, прежде чем их впустят в избу. В это время невеста одевается и готовится к венцу. На нее надевают новую кирому³ и синюху и за пазуху кладут шерсть и ярушник, чтобы невеста жила замужем тепло, сыто и привольно. Когда кончится туалет невесты, она начинает прощаться со всем, что было дорого и мило ей в доме родительском, прощается с милым гребнем, за которым ко-

¹ Красный угол (от ст.-слав. красень – «красивый, прекрасный») – святой угол, передний угол, кутный угол (кут), большой, почётный, верхний угол, кутник – у восточных славян наиболее почётное место в избе, в котором находились иконы и стоял стол, обычно был обращён на юго-восток.

² Чэрки (?) – небольшие круглые шарики из ржаной или ячной муки.

³ Киромы – көрөма диал. женская рубаха со сборчатыми рукавами.

ротала длинные девические вечера, с полатами, которые доставляли ей спокойный сон, тепло и покой; целует корову и лошадь, к которым так привыкла, ухаживая постоянно за ними, целует все четыре угла избы; потом, в последний раз, обнимает мать, отца, братьев и сестер... В это время подходит к ней дядя жениха, берет ее за руки, связывает их легонько лыком или мочалою¹ и выводит из избы; вместе с ними выходит вся женихова родня; садятся на сани и отправляются в церковь. Из невестиной родни на венчании присутствуют только дядя и тетка, которые тотчас же после обряда уезжают домой. К поезжанам почти всегда присоединяются и девушки, которые всю дорогу поют трогательные, прощальные песни, в которых выливается скорбь невесты, вылетающей из родного гнезда. После венчания молодую отводят к церковным дверям и тут происходит окончательное превращение девушки в «бабу». Ее прическа и головной убор совершенно изменяется. Коловедач² снимается с ее головы навсегда, девическая коса расплетается, волосы собираются на голове в один пучок, который называется «шмаком», и поверх его надевают повой и сороку.

После венчания молодые уезжают в дом жениха, куда в одно время с ними подъезжает и приданое невесты, по пермяцкой поговорке, которую можно перевести так: «молодая к воротам – и приданое там». Чтобы не нарушить буквального смысла этого правила, брат или дядя невесты, который везет приданое, иногда по часу и более ожидает брачного поезда где-нибудь за околицей. К слову замечу, что приданое невесты состоит из рухляди³, лопоти, а также из коровы и двух овец, которых отец невесты непременно должен дать за дочь, или правильнее своей дочери, выходящей в замужество. Это обычай старый; при заключении брачного условия на сговоре стороны даже не договариваются об этом. После венца у жениха устраивается пир, где бывает одна только женихова родня, а родственники невесты приезжают обыкновенно на другой день по утру. Отмечу здесь один важный, любопытный факт, раскрывающий нам кое-что из прошлой жизни народа. В некоторых местностях, заселенных пермяками, есть

¹ Мочало – лубяная часть коры молодой липы, разделанная на узкие полоски – волокна, идущие на изготовление рогожи.

² Коловедач искаженное – гёловенеч [ge]eueńeć – девичий головной убор, повязка с бисером.

³ Рухлядь – пожитки, скарб, движимое имущество.

обычай созывать на свадебный пир к молодому всю деревню. Делается это так: один из ближайших родственников жениха садится верхом на лошадь, увешанную лентами, конфетными¹ бумажками (sic), бубенцами и колокольчиками и объезжает все селение, останавливаясь у каждого дома и говоря на распев по-русски: «Господи Иисусе Христе! Приходите добрые соседи пиво пить, хлеба соли кушать к молодому князю N». Вся деревня поголовно собирается к жениху на двор, старики приглашаются в избу, и всех угощают пивом, водкой, ярушниками. В благодарность за это молодежь устраивает перед домом хоровод, поют песни, величают молодого князя со княгиней; желают ему всякого блага, и коней с золотой сбруей, и палаты белокаменные, и удачу в охоте великую. Мы упомянули здесь о хороводе: собственно говоря, пермяцкий чункыч² (круг, кольцо) нельзя назвать хороводом, это особенного рода пляска, пермяцкий национальный танец, выполняемый под песню. Для этого становятся все в круговую и начинают легонько притопывать ногами, медленно подвигаясь вперед по кругу. В танце этом нет живости и энергии; все двигаются, будто манекены по проволоке, с пунктуальной, размеренной точностью. Жестикуляции никакой; руки у всех опущены по швам, головы держат неестественно прямо. Песня, под которую производится танец, поется по-пермяцки и составляет, кажется, единственную собственную песню пермяков. И Боже, что это за песня! – простой набор слов, лишенный всякого смысла и содержания. Вот ее точный перевод: «Куда пошел, молодец (вон)? В лес, в лес, в лес. Там пихты стоят, там ели стоят, – мне хочется идти туда; пусти меня, отец, пусти меня, мать, – мне хочется идти туда. Видел там коня, видел черногривого. Мне не нужен конь, я пешком дойду. Хорошо меня угостили, денег ничего не взяли, ярушников много дали. Я ел, ел – сыт стал; медведь ел, ел – не доел, а собака пришла, взяла и съела».

¹ Конфеты – от лат. *confectum* – «приготовленное снадобье», прич. от *conficere* «изготавливать, совершать», далее из *cum* (варианты *co-*, *com-*, *con-*) «с, вместе» + *facere* «делать, производить» (восходит к праиндоевр. **dhe-* «девать, делать»). В русск. (в форме конфеты) – впервые у Петра I; форма на -кт- заимств. через нем. *Konfekt* (с XVI в.). Соврем. форма конфёта, конфёты – через итал.

² Чункыч – чунькытш чунькыщ – кольцо, перстень (в значении круговой пляски).

Обычай угощать на пиру у жениха всех его односельчан может указывать на то, что во времена оны между пермяками существовал брак посредством умычки¹, или захвата невесты из чужого племени. Это видно и из того, что перед венчаньем дядя жениха связывает невесте руки, и в таком виде она едет до самой церкви, где уже сам жених развязывает веревку и освобождает ее. Умычка могла развиваться из общинного брака, о котором мы уже упоминали, и могла составлять вторую стадию в развитии быта. Умычка и до ныне еще имеет место у некоторых финских племен, родственных пермякам, – даже и у таких, которые просвещены светом христианства, напр[имер] у вотяков, черемисов и у вогулов. Похищение невесты не могло быть произведено единичными силами молодца; парню требовалась помощь, и она являлась со стороны рода, к которому он принадлежал. Угощение со стороны жениха было платою и благодарностью своему племени за оказанную помощь. Обычай звать на пир к жениху невестину родню проистекает из того же источника. Захватив жену из чужого племени, жених старался потом умиловить тех, у кого он взял себе жену, так или иначе примириться с ними, и с этой целью устраивал пир жениной родне.

Когда молодые после венца приедут домой, их встречают отец и мать жениха, оба в шапках и шубах, хотя бы на дворе стояло красное лето. Они здороваются с молодыми, целуются и, взявши их за руки, вводят в избу. Начинается пир, продолжающийся до глубокой ночи. На другой день битья посуды, как у русских, не бывает. К родителям невесты молодые отправляются только на третий день после свадьбы; здесь также устраивается пир горою. Только на пятый день прекращается пиrowанье, все входит в обычную колею и молодые принимаются за работу.

Свадьба обходится пермяку средним числом в 15–20 р. Водки выпивается обыкновенно около ведра. Главное угощение на свадьбе – овсяное пиво (сур); им хоть облейся. Крестьянин середняк не-

¹ Умыкание (брак умыканием, умычка) – заключение брака через похищение невесты у её родителей, т. е. без заключения помолвки. Различают умыкание настоящее (насильственное), фиктивное и имитативное. Фиктивное умыкание совершается, как правило, по предварительной договорённости семей жениха и невесты для того, чтобы обойти сложившиеся ограничения брачных обычаев.

пременно готовит на свадьбу около 20 ведер пива. С этой целью в год свадьбы он даже овса сеет больше обыкновенного, засевая им почти все яровое поле.

В брак вступают пермяки, как я уже говорил выше, не по принуждению, а по доброй воле. Отец не считает себя вправе принудить дочь свою идти за парня, который ей не нравится. А если случаются факты принуждения, то они никогда не проходят даром их виновникам, общественное мнение сильно восстает против таких отцов и карает их – не презрением, нет, оно здесь не существует, а просто ругательствами, а порой и дубиною. За отцом остается одно право, перешедшее в обычай, – не выдавать дочери замуж до тех пор, пока она не отработает на семью всего, что было на нее затрачено во время ее детства. Родство несколько не служит препятствием к браку. Говорят, что случаи сожительства братьев с сестрами зачастую встречаются между пермяками, обитающими в глухих, отдаленных починках.

VI

Положение женщины у пермяков совсем иное, чем у русских. Здесь она почти совершенно свободна и самостоятельна, и хотя не имеет права быть на сходах и подавать свой голос в делах общественных, но зато в семье она вполне равноправна с мужем. Жена заведует всем домашним хозяйством, блюдет за скотом, топит печку, готовит кушанье; на ней же лежит главная тягота семейной жизни – уход за детьми. Муж ведаёт дела общественные и полевые, на домашний обиход он оказывает мало влияния; да здесь и не требуется его вмешательства, потому что пермячка – баба расторопная и сметливая, и не нуждается в советах и руководстве. В семействе пермяка царит полное спокойствие; не слышно тех ругательств, какими русский мужик угощает свою бабу; о подзатыльниках, тычках и «разгах» здесь и помину нет. Пермяк не то боится, не то уважает свою жену, а в домашних делах даже слушается ее. Это обуславливается двумя главными причинами. Во-первых, пермяк признает за женщиною какую-то особенную, сверхъестественную силу. Он считает ее существом, одаренным даром прозорливости, и думает, что она может сноситься с духами. Отсюда должно быть и пошла одна пермяцкая поговорка, которая, в переводе на русский язык, будет значить: «баба всегда в горшке черта держит, с ней не разговаривай». А кроме того, нуж-

но принять еще во внимание, что пермяк бывает всегда моложе своей жены, как мы уже говорили выше. Эта разница в годах особенно сильно проявляется в первое время после свадьбы; муж оказывается совершенно под башмаком жены. Немалую долю влияния сохраняет она и тогда, когда муж совсем созреет и делается настоящим хозяином-мужиком. Никогда муж не решится без ее совета на какое бы то ни было дело.

Самостоятельность женщины проявляется очень рано. Обыкновенно с 12–13 лет девушка уже начинает жить своею собственною личною жизнью. Она как-то удаляется от семьи, начинает рядиться, шить себе «лопоты» и готовить «чуклей». Под этим общим названием понимаются как подарки, которые невеста должна делать родным жениха на свадьбе, так и приданое ее. Родители не помогают ей в этом ни деньгами, ни трудом, у отца слишком много других расходов, чтобы он стал тратиться еще и на затеи дочери, матери же совсем некогда, – у ней слишком много дела по хозяйству. Она голова всему дому и первая работница семьи; она и повар, и портной, и порой даже сапожник семьи, так что свободных минут у ее очень мало. Вся помощь со стороны родителей ограничивается тем, что они дают дочери в собственность половину посеянного льна, – делай с ним что знаешь; другая половина поступает в семью, из нее мать приготавливает белье и одежду для домашних. Таким образом, интересы ее не сталкиваются ни с чьими: она сама по себе, другие семейные сами по себе. На нее даже мало обращают внимания; она не более как работница, обязанная отбыть в доме отца известный срок. Со свадьбой всякая связь с родной семьей порывается. Выросшая при таких сравнительно хороших условиях пермячка на всю жизнь остается самостоятельной, рабское подчинение мужчине становится для нее невыносимым. У русских вятской губернии есть обычай бить жену в первую брачную ночь, «чтобы запрежа¹ власть, значит, показать, чтобы не зазнавалась после, не гнула рылом-то». Не то у пермяков; здесь скорее жена задает трепку своему мужу... Муж, взятый в дом, имеет на жену еще меньше влияния; тут он полный раб жены и ее родни, ломовая лошадь, которая делает, что ей укажут. В подобных

¹ Запрежа – вперед. Запрежний порядок – бывший допрежь, наперед последнего, прежде последнее отмененного // Словарь живого великорусского языка В. И. Даля. Часть первая. А–З. – Москва, 1863. – С. 556.

случаях он даже прозвища своего не удерживает, а принимает родовое прозвище жены. Имущество жены, которое она приносит в приданое, муж никогда не смеет назвать своим. Оно находится в полном и исключительном ее владении; жена может располагать им, как ей угодно, и только в случай отчуждения его она спрашивает совета у мужа. Приданое жены целиком переходит к ее дочери тоже в качестве приданого; сын не имеет никакого права на материнский «чуклей». В случай, если дочери нет, чуклей переходит к сестре или другой какой-нибудь близкой родственнице умершей; и только в таком случае, когда совсем не окажется наследников по женской линии, он достается сыну.

Совсем иное положение в семье занимает сын. Он вполне подчинен отцу; этот последний властен сделать с ним, что угодно, властен бить его как собаку, и никто слова не скажет против этого. Власть отца над сыном продолжается до самой смерти первого. Сын не имеет своего имущества, своих денег, как это водится у здешних русских крестьян; все свои заработки он отдает отцу и тот бесконтрольно распоряжается его деньгами. Сын пикнуть не смеет перед отцом. Общественное мнение, мнение мира всегда на стороне отца, – все равно, виноват он или прав. В случае семейного разлада отец и сын идут на Мир судиться, и дело всегда оканчивается тем, что сына высекут беспощадно, хоть бы он был прав сто раз. Тем не менее власть не всегда остается в руках отца. Отец главный распорядитель в доме только до тех пор, пока он в силах работать; а когда он засядет на печку и перестанет появляться на поле и на гумне, то фактически старшинство переходит к старшему, опытнейшему сыну, хотя *de jure*¹ старшим продолжает считаться отец, и к нему постоянно обращаются за советами и приказаниями не только в важных и экстренных случаях, но и в самых пустых делах, например, когда ехать на мельницу, куда поставить на ночь перезябшую телушку – в сенник или в избу, не нужно ли постлать на дворе соломы etc. Но советы эти выслушиваются, кажется, только для проформы. После смерти отца большая часть переходит иногда к его жене, если она женщина умная, оборотистая, умеет на сыновей узду накинуть. Это случается здесь на каждом

¹ *de jure* – де-юре (лат. *de iure*, *de jure* «юридически», «по (согласно) праву») – латинское выражение, которое обозначает формальное положение дел, юридическое представление о факте или ситуации.

шагу, потому что пермячки вообще женщины самостоятельные, за себя постоять умеют.

Старшой в пермяцкой семье – глава и начальник двора, впрочем, ограниченный домашним советом. Он обязан блюсти бюджет семьи, сводить концы с концами. Он распределяет домашних на работы, наблюдает, чтобы все было исполнено вовремя, чтобы сено было убрано в стоги сухим, чтобы рожь не перестоялась и т. д. В больших семьях обязанности старшого очень многосложны и тяжелы. Он должен за всем усмотреть, во все вникнуть, иначе младшие члены семьи, работающее из-под палки, непременно что-нибудь набедокурят. Старшой, кроме того, представитель семьи, двора на общественных сходах и в делах с начальством; если же большинство держит женщина, то на сход отправляется обыкновенно сын, племянник или вообще какой-нибудь мужчина, так как здесь не принято, чтобы «бабы» появлялись на сходе.

Положение других членов в семье определяется их умственными способностями, опытностью и иными качествами. На семейных советах, которые бывают по поводу тех или других важных случаев, подают свой голос даже дети, хотя мнение от них отбирается в шуточной форме. – «А ну-ка, пузан, скажи, что бы ты сделал?» – спрашивает шутя отец или дед у восьмилетнего малыша, и тот пресерьезно высказывает свое мнение. Если оно неосновательно, отец разъясняет ему, что, дескать, так, брат, нельзя потому и потому; если же мальчишка скажет умное слово, его хвалят и глядят по головке. Девушек при этом не спрашивают никогда. Что касается подростков, которые работают уже на ряду с большими, то их выслушивают вполне серьезно и зачастую принимают их слова во внимание. Решающим голосом на домашних советах пользуется большак; как он скажете, так тому и быть в конце концов. Только в одном случае голос его не имеет такого решающего значения, – это при женитьбе одного из членов семьи. Прежде чем засылать сватов, семья долго советуется насчет того, какую бы невесту выбрать для парня; причем большим весом и значением пользуется слово самого жениха, так как «ему с женой жить, ему и нужно смотреть в оба, чтобы после не плакаться ни на кого». О свободе, какая предоставляется девушке при выборе мужа, я уже говорил выше.

Всем именем семьи распоряжается старшой. Только женщины имеют свою собственную коробью, в которую прячут свой скарб. Все деньги, какие поступают в семью за проданные продукты, сохраняются у старшого в кошельке, который он носит постоянно на шее. К нему же поступают и деньги, заработанные членами семьи на стороне. Молодежи в храмовые праздники дается иногда по несколько копеек «на баловство». – Мелкие расходы на семью большак производит сам, не спрашивая никого. При расходах крупных он наперед непременно посоветуется с домашними, если бы даже дело шло о таком необходимом расходе, как подати или покупке хлеба. Старшой обязан одевать домашних из общего заработка, причем покупать приходится вообще мало, так как вся одежда у пермяков свойская, домашнего приготовления.

Но все эти порядки, равно как и самое старшинство, начинают более и более исчезать. Пермская семья переживает в настоящее время переходный период, – старые патриархальные устои рушатся, на место их возникают новые порядки. Короткое сближение с русскими принесло свои плоды. Старший теряет свое значение, сыновья выходят из-под родительской опеки. Экономическая неурядица последнего времени еще более обострила положение. Новая семья, слагающаяся на развалинах старой, заработка у своих членов не отбирает, и, оставляет их жить, как кому заблагорассудится; и потому, разумеется, не дает себе труда входить в их положение и помогать им чем бы то ни было. Все здесь «разбредось розно», всякий сам по себе. Принцип новой семьи – свобода, самостоятельность и самостоятельность. Родители заботятся только о детях своих, племянники же и другие родственники по боковой линии для них будто не существуют. Взаимные отношения членов этой новой семьи характеризуются пословицей, очевидно, новейшей формации: «брат брату – шабер» (сосед).

Незаконнорожденные дети пользуются у пермяков одинаковыми правами со всеми другими членами семьи. Это объясняется, во-первых, теми свободными отношениями полов, о которых мы уже говорили. Иметь ребенка не считается здесь позором для девушки; число незаконнорожденных очень велико; чуть ли не пятая часть всего населения состоит из таких «крапивников», как окрестили их русские (пермяки никакого особенного названия им не дают). С другой

стороны, такое положение незаконнорожденных в семье обусловливается тем, что здесь человек дорог, как рабочая сила двора, потому что население слишком редко. Этим же последним обстоятельством объясняется и то особенное положение, какое занимают в семье пермяка простые работники-батраки. Они считаются такими же полноправными членами семьи, как и все вообще домашние, имеют голос в семейных совещаниях и могут пользоваться имуществом семьи в таких же пределах, как и всякий родной член семьи, – разумеется, только до тех пор, пока живут в доме. Если «казак» – здешнее название батрака, перешедшее, без сомнения, от русских – человек работающий и не слишком зашибает, то хозяева выдают за него свою дочь и тем привязывают его к дому.

За последнее время среди пермяков стали распространяться разделы. Братья живут вместе в одном доме только до тех пор, пока жив отец-большак и авторитет родительской власти сдерживает сыновей. Но лишь только отвезли отца на погост – сейчас же делиться, недели не проживут вместе... Стремление к разделам особенно сильно проявляется среди пермяков, живущих по большим дорогам и вблизи от русских поселений. Патриархальные многочисленные семьи сохранились только в глухих, лесных деревеньках, куда еще до сей поры не доносился русский дух.

Один большак, умирая, строго-настрого наказывал своим сыновьям не расходиться, а жить вместе, в миру и в согласье. А чтобы еще больше утвердить детей в этой мысли, он призвал священника, от которого прежде бегал как от чумы, и при нем повторил сыновьям свое увещание. Батюшка, с своей стороны, сказал им поучительную речь. Сыновья в конце концов поцеловали крест, принесенный батюшкою, и облобызали взаимно друг друга в знак братской любви и согласия. Но едва лишь успели они похоронить отца, как начались ссоры, неудовольствия – и чрез месяц они уже жили в разделе.

– Да из-за чего вы делитесь? – спросил я раз одного пермяка, разошедшегося с своим братом. – Ведь вместе жить выгоднее, да и теплее; сами же вы говорите, что голубь от голубя в морозы греется.

– Стеснительно, друг. Каждому, вишь, старшим хочется быть, чтобы другого, значит, взашей, да по рылу. Ноне, брат, совсем у нас неладно пошло, весь разум вином зашибло. Вон у меня брательник-от в первую же неделю чересседельником меня отхлестал. Я, гово-

рит, старшой; ты слушать меня должен, как-бы отца родного. А что он за старшой?.. зерен не размечет по полосе... Взял я да и уехал от него. Живи, мол, как знаешь, я и без тебя обойдусь. Лесу у нас много, нужды в этом не видим. Чего же мне терпеть-то от него? проживу и так.

Самый акт раздела производится у пермяков следующим образом. Утром в день окончательного размета имущества к братьям в избу собираются родственники и уважаемые соседи «на любовь», как выражаются пермяки. Один из ближайших «родников» приносит с собою пару новых лаптей и, войдя в избу, дает каждому брату по лаптю. Братья целуются, меняются лаптями. Затем опять целуются и опять меняются лаптями и потом передают их самому старшему и уважаемому из всех присутствующих, как будто делая его свидетелем того, что они расходятся не в сердцах, а совершенно мирно. Потом начинается обсужденье всей компанией, что кому из братьев «надлежит». Лошади, коровы, овцы, весь скарб домашний живо сортируются между ними; причем, если в доме есть сестра – девица или вдова, все равно, – ей отдают всех телят, сколько бы их ни было, и одну овцу; больше она ничего не получает из имущества отцовского. Затем начинается столованье. На столе появляется полштоф водки и неизбежный ярушник, в качестве закуски. После выпивки компания расходится, заставив братьев поцеловаться вторично. Взявший лапти все время заседания не выпускает их из рук и потом уносит их с собою и забрасывает на поветь¹, т. е. на крышу своего дома.

Обычай приглашать соседей на любовь очень распространен. Пермяк редко что делает сам, без совета близких соседей и родственников. Случится ли ему продавать лошадь, корову или женить сына, – первое всего он собирает соседей и советуется с ними. Понятно, что все эти совещания непременно бывают сопряжены с вы-

¹ Поветь (повет, поветье, поветка, повить, павець) – вообще крытое место, простор с верхом, нежилая пристройка к деревенскому дому (в основном на Русском Севере (Архангельская, Вологодская, Костромская области) сзади над хлебом, для хранения скотского корма, земледельческих орудий, дровней, телег и других хозяйственных принадлежностей, здесь же устраивают и клеть. В летние (теплые) месяцы здесь устанавливают кровати для сна (преимущественно с пологом, чтобы не досаждал овод), так как в основной части дома (избе), которая утеплена, летом спать очень жарко.

пивкой. Без родников и соседей не обходится у пермяков даже такое обыкновенное дело, как продажа сена, скота, хлеба (обыкновенно – русским кулакам) и проч[ее]. При этом часть платы, как бы она ни была незначительна, непременно идет на литки.

VII

По своему мировоззрению, по своим детски-наивным верованиям пермяки очень напоминают Подлиповцев¹. Религиозные понятия их крайне темны и сбивчивы. Они «все еще плохие христиане и очень суеверны», говорит про них Максимов². Рассказывая о домовом, который бросает с печи горшки и ходит ночью по сениям, русский мужик – особенно новый, хлебнувший уже городской жизни – ухмыляется в бороду и на половину сам не верит в эту чертовщину. Пермяк же искренно и беззаветно верит всем подобным рассказам. Скажу более, вся религия пермяка – беспросветное суеверие.

Представления пермяков о духовном мире отличаются крайней грубостью и чувственностью. Пермяцкий Ен³ (Бог) совсем не похож на христианского Бога, хотя пермяки и считаются номинально христианами. Они думают, что Ен живет на небе в прекрасно устроенной керке, окруженной садом из лучших, какие только может представить пермяк, деревьев. От простых смертных Ен отличается только тем, что может прожить «тыщу» лет; больше этого числа пермяк ничего не в состоянии и представить себе, оно для него более, чем бесконечность. Кроме того, Ен обладает неимоверно большим ростом и чрезвычайной физической силой: Ен одной рукой может поднять целую деревню (sic!) и забросить ее далеко за море. Такие случаи не раз и бывали, когда жители земли слишком уж раздражали Ена своими грехами и бесчинством. Ен могуществен и управляет всем миром; но в этом ему постоянно мешает его младший брат черт (культы). Черт был прежде таким же добрым богом, как и Ен, но потом они поссорились и разошлись. С этих

¹ Подлиповцы – собирательный образ и название бедных, забытых крестьян, по-детски наивных людей северо-востока Европейской России (Пермской губернии), изображенных в повести Ф. М. «Подлиповцы».

² Сергей Васильевич Максимов (25 сентября (7 октября) 1831 – 3 (16) июня 1901) – русский этнограф-балетрист.

³ Ен – јен (-м-) бог || божий.

пор черт старается вредить своему брату; козлом отпущения является человек, творение Ена; над ним-то и проделывает черт свои пакостные эксперименты. Он вводит его в грех, научает воровству, которое, по взглядам пермяков, составляет для человека самый страшный, непростительный грех. Черт приходит к пьяным женщинам в виде красивого мужчины и соблазняет их на грех. Поэтому пермяк никогда не оставит своей пьяной жены наедине; боясь, что черт заступит его место, он не отойдет от нее, до тех пор, пока она не проспитя совершенно. Пермяк убежден, что раз черт поживет с его женой – она останется на веки бесплодной. Вследствие этого здесь очень не любят пьяных женщин, а на бесплодных смотрят с отвращением... Далее, черт посылает на поля червей, душит хлеб дождями; летом насылает сильный жар, мошку, комаров, зимой – трескучие морозы, от которых даже у терпеливого пермяка выступают слезы на глазах, белеет нос и щеки. Бог дал людям солнышко красное, а черт из зависти поставил на небе луну, чтобы ночью освещать дорогу своим клеветам¹ – ворам, грабителями и убийцам. У Ена с чертом идет постоянная война; причем первый берет силою, а черт хитростью. За кем остается победа в этой борьбе, пермяк не договаривает. Самое сильное орудие у Ена – гром, которым управляет Илья-пророк, любимец и наперсник² Ена: черт бежит от грома в глухие леса и там в бессильной злобе начинает ломать и метать деревья. Этим и объясняется, почему после каждой грозы в лесу бывает много поломанных и вырванных с корнем деревьев.

Вообще, по понятиям пермяков, Ен существо зиждущее, благое, а черт – озлобленное, мстительное и все разрушающее. В этом дуалистическом веровании, может быть, слышатся отголоски седой старины; под покровом Ена и черта можно рассмотреть древних чудских богов – Инмара³

¹ Клевет – книжное, устар. сторонник, приспешник, приверженец, постоянный помощник в каких-либо (обычно неблагоприятных) делах.

² Наперсник – устар. любимец, пользующийся особым доверием и благоклонностью кого-либо.

³ Инмар – верховное божество в удмуртской мифологии (или его эпитет), бог-творец. После христианизации – название Бога-Отца. Инмар – демиург, создатель всего хорошего, он противостоит Керемету (Луду, Шайтану). Родственен финскому Ильмаринену, марийскому Ёыну (инверсия) и коми Ену. Инмару молятся о хорошей погоде и урожае. Наряду с Инмаром верховны-

и Кереметь¹, которым и теперь еще поклоняются чужь-язычники, во-таки и черемисы.

Прибавим еще, что черти живут в лесу целыми деревнями. Они заманивают или даже забирают насильно к себе заблудившихся и заставляют их пахать, сеять, молотить, носить воду, строить дома, месить глину, – словом закабаляют их к себе на веки-вечные в батраки. Человек богобоязненный смело может ходить в лес: черти его не тронут; они уводят к себе только воров да мошенников. Редкий вор выходит из лесу целым и невредимым; на эту тему у пермяков существует несколько сказок, мораль которых одинакова: не воруй, а если украдешь – в лес не ходи.

Наряду с Еном и чертом, двумя высшими верховными силами, пермяки чтут Вэрчена² (вэр³ – лес), лесного духа. Пермяки величают его дядюшкой и избегают употреблять его собственное имя, а если когда и произносят его, то непременно шепотом, чтобы не подвергнуться его гневу – он не любит, чтобы его имя упоминалось всуе, и мстит за это. На вид дядюшка, должно быть, очень непрезентабелен: по рассказам людей сведущих, он весь покрыт черной шерстью, хром на одну ногу и крив на один глаз; но это не мешает ему бегать быстрее ветра и видеть все, что делается на земле. Волосы у него сбились в одну громадную копну, которую не расчешешь и бороной. Дядюшка – большой охотник до женского пола и пермяк боится пускать в лес одну бабу и посылает обыкновенно с нею малых детей. – Вэрчен в большом уважении у пермяков. Дикари всегда особенно уважают того духа, который соответствует условиям местности, где они живут. Верование это создано под обаянием таинственности дремучего леса, со всех сторон окружающего пермяков. Лес

ми божествами в традиционных верованиях удмуртов являются также Кылдысин, Куазь, Инву.

¹ Кереметь, киреметь (от араб. قرامات «карамат») – термин в традиционной вере народов Поволжья, которым могло обозначаться священное место поклонения духам предков, священная роща, в современной поэзии – некое божество.

² Вэрчэн – у Н. А. Добротворского искаженное – Вёрса (коми – вёрса. Вёркуль – «лесной чёрт», вёр-морт – «лесной человек», а также вёрысь у коми-пермяков) – мифологический персонаж народов коми, леший.

³ Вёр – лес || лесной.

на всякого даже необразованного человека производит чарующее впечатление. В уме пермяка составилось убеждение, что властелин леса есть вместе и его властелин. По его понятиям, власть Вэрчена не ограничивается одним только лесом, как у лешего русского; она обнимает всю жизнь пермяка, все его работы и занятия, и одинаково чувствительна в керке, в семье, как и в лесу или в поле. Можно сказать, весь языческий культ пермяка сосредоточился в лешем. Пермяк обращается к Вэрчену за помощью во всех вообще затруднительных жизненных обстоятельствах. Украдут ли у него лошадь – он идет в лес и кладет под какое-нибудь высокое дерево – но только не березу, так как дядюшка не любит этого «русского» дерева – ярушник, рябчика убитого, ковш зерен, шкурку беличьё и возвращается домой спокойный и уверенный, что его жертва не останется втуне и лошадь найдется. Захворает ли жена или кто-нибудь из домашних, отправляется ли он в извоз, случится ли какое несчастье – везде и всегда призывает он в помощь Вэрчена, принося ему посильную жертву¹. Он помогает пермяку во всех его начинаниях; он поднимает бури и вихри и сносит крыши с домов у тех хозяев, которые виновны в краже или осмелились непочтительно отозваться о своем дядюшке. Он для пермяка и заступник, и покровитель, и вместе страшно-карающая сила. К Богу церковному пермяки обращаются редко.

Из второстепенных духов, окружающих пермяка, нужно отметить Вумурта (человек воды)². Это – известный всем водяной; характеристические черты его те же, что и у русского водяного; поэтому мы излагать их здесь не будем. Укажем только на странные отношения между водяным и «дядюшкою»: между ними, по словам пермяков, идет постоянная война. Водяной сердится на то, что дядюшка бросает коряги и пни в его жилища, которыми служат главным об-

¹ О времени принесения жертвы никто из домашних не должен знать, – иначе она потеряет свою силу. Леший не примет ее и отдаст на съедение зверям и птицам (прим. Н. А. Добротворского).

² Вумурт (удм. Водяной человек), вукузё (удм. Хозяин воды) – водяной в удмуртской мифологии. Вумурт ведал водной стихией, от него зависели разливы рек, сохранность плотин, мельниц, обеспечение водой. По внешности вумурты почти ничем не отличаются от обычных людей, но всегда черноволосы.

разом бездонные озера в лесу, с черной болотной водой, и речные омуты. Выведенный из терпения этими проказами Вэрчена водяной выходит из своей стихии и начинает с ним сражение, причем дядюшка всегда остается победителем.

Суседко¹ обладает всеми качествами русского домового. Он также живет на дворах, также ухаживает за скотом, заплетает гривы у лошадей; наконец, по наружности своей он также походит на черную кошку. Кроме того, он наблюдает за шмаком у замужних женщин. Беда, если он увидит, что баба расчесывает свой шмак: непременно сотворит в доме какую-нибудь пакость: или корову задушит, или хворь пошлет на семью, или красного петуха под крышу пустит. Поэтому пермячки никогда не расчесывают своих волос гребнем – от свадьбы и до самой могилы. Можно себе представить, сколько грязи накопится у нее в голове. За то суседко доволен и покровительствует дому... Если он особенно благоволит хозяйке, то приходит по ночам в избу, садится за гребень и начинает прясть, чтобы помочь ей в работе, причем вместо лучины ему служат собственные глаза, которые светятся в темноте синеватым фосфорическим блеском.

Из всего сказанного нами очевидно, что пермяка христианином назвать мудрено. У него, собственно говоря, две веры: своя собственная, перешедшая к нему по преданию от времен давно минувших, и церковная, христианская. Из смешения этих двух верований у него и получился тот оригинальный, крайне-своеобразный взгляд на Ена и черта, о котором мы сейчас говорили. Следы этого смешения вы найдете во всех сказаниях пермяков. Вот, например, что говорит одна легенда о происхождении грома (перевозу почти буквально).

«В одной керке (избе) собрались на пирушку пророки. Тут же был и Илья-пророк. Все другие – пророки, как и быть: жирные да толстые такие, что твои коровы яловые² (sic), а Илья – худенький ровно бы спичка какая. Вот и стали пророки смеяться над ним: «что

¹ Суседко – мифический персонаж коми-пермяцкого фольклора, домовый, хранитель домашнего очага.

² Яловая корова – это бесплодное животное, воспроизводительная функция которого оказалась нарушена в результате каких-либо причин. Яловой может стать как недавно отелившаяся особь, так и телка, еще не дававшая потомства.

де, ты, за пророк! и силы у тебя нет, да и худ ты, как ветла середь поля. Не на пророка ты похож, а на карамору; по стенам бы тебе лазить, а не с нами сидеть». Горько стало Илье. Вышел он из избы, да и взмолился Ену: Господи, говорит, ты меня любишь, а суседи пророки обижают. Не дал ты мне красоты пророческой, дай же хоть силу. И услышал его Ен, дал ему огниво и кремь: «Вот, говорит, тебе сила, Илья». Стукнул Илья огнивом о кремь, – как загремит-загремит у него, самому страшно сделалось. Пророки, что сидели в избе, так и попадали все. Вышли они и Илье поклонились: «Сильный ты пророк, Илья, любит тебя Ен, будь же ты нашим на́большим от ныне до веку». И стал Илья во старшие им. И гремит он с тех пор на небе на страх дьяволам и грешным людям».

Кто не узнает в этом Илье, производящем гром при помощи огнива и кремня, старинного финского Укко¹, перенесенного на христианскую почву?

В церковь пермяк редко заглядывает; иной бывает там не более двух-трех раз во всю свою жизнь. Исповедоваться и причащаться он не любит, потому что не видит в этом никакого смысла, глядит на исповедь как на тяжелую обязанность. Он не говее² и не постится³ перед исповедью и нередко случается, что идет на дух⁴ прямо из кабака. Многие из них соблюдают великий пост, но летних постов⁵ совсем

¹ Тэйлор. Первобытная культура. СПб. 1872. Т. II, 816 (прим. Н. А. Добротворского). Укко (фин. Ukko) – верховный бог, громовержец в карело-финской мифологии. Представлялся стариком с седой бородой, разъезжающим по небу на колеснице, мечущим молнии и производящим гром. Известен как покровитель скота и урожая.

² Говеть – религ. поститься и посещать церковные службы, готовясь к исповеди и причастию в установленные церковью сроки.

³ Поститься – религ. воздерживаться от скоромной пищи: во время поста. Скоромная пища (устар. скóром, от праслав. *skormъ – «жир») – продовольственные продукты, в состав которых входит пища от теплокровных животных (птиц и млекопитающих).

⁴ На дух (на духу) – устар. на исповеди.

⁵ Летние посты – Петров пост всегда начинается через неделю после дня Святой Троицы и продолжается до дня памяти Святых Первоверховных апостолов Петра и Павла – 12 июля. Установлен в честь проповеднических трудов и мученической кончины апостолов. Успенский пост – с 14 по 28 августа. Установлен в честь Успения Божией Матери.

не признают и все лето едят свой шомайен, потому что больше им и питаться нечем. Молитв пермяки никаких не знают; только «Богородице» почему-то посчастливилось больше всех других, и ее часто можно слышать от детей в искаженном виде. Ее употребляют даже в играх, при пересчитывании играющих, вместо русского: «перводан, другодан» и пр.

Немногие молитвы пермяками перековеркиваются, равно как и русские песни и поговорки.

О загробной жизни пермяки не имеют никакого определенного понятия. С одной стороны пермяк верит в рай и ад, в возмездие и наказание за грехи, содеянные на земле¹; с другой, он думает, что люди и после смерти продолжают вести такой же образ жизни, как и на земле, – также работают, пьют, едят и с женами играют. Погребальные обряды представляют странное смешение этих взглядов, повидимому, несогласимых между собой.

Как только умирает кто из семьи, его кладут сейчас же на лавку, в переднем углу, а не на стол, как это делается у русских. В гроб умершего кладут ярушник или пирог с пикшею, иголку и несколько медных монет – «на обзаведенье». К этому иногда прибавляется и новый праздничный шабур², в котором любил гулять покойник. Впрочем, теперь одежду умершего по большей части отдают беднякам; в этом уже заметно влияние христианства. Покойников отвозят на погост непременно в санях, которые и оставляются на могиле. Когда едут на кладбище, то назад не оглядываются, чтобы не вызвать нового покойника в доме. Перед тем, как опускать гроб в могилу, крышку на гробе приподнимают, чтобы покойник мог взглянуть последний раз на вольный белый свет. Здесь с ним еще раз прощаются, раскланиваются на последнее расставание и затем засыпают землю. В продолжение трех дней после похорон пермяки ходят на могилу усопшего и приносят сюда ярушников, шанег, а иногда и водку, которую выли-

¹ Самыми тяжкими грехами считаются между пермяками воровство и порча (килы и сажанье черта в живот, нечто вроде истеричности и пр.). Грехи эти так велики, что их даже замолить нельзя. Убийство составляет менее важный грех; а если оно произведено в драке или «за дело», то грехом и вовсе не почитается (прим. Н. А. Добротворского).

² Шабур – верхняя мужская и женская одежда из грубого холста, сукна или полусукна домашней выделки (сукманины).

вают на землю. В иных местах это делается так: на могиле вырывают небольшую ямку и в нее выливают водку, приговаривая: ю, ю! (пей, пей)¹; потом кладут поверх ямки ярушник и говорят: кэчь, кэчь! (ешь, ешь!)². То же самое происходит и в радоницу, весенний поминовенный день, когда каждый пермяк считает своею обязанностью задать родителям угощение. Он смотрит на умерших, как на покровителей своего дома, и уверен, что чем больше их угощать, тем они добрее будут к нему; если же не положить умершему в гроб нужных вещей да не задабривать его порою водкой и ярушниками, то он рассердится, сам придет из могилы, возьмет, что ему нужно, да еще, мало того, и отомстит оставшимся в живых, расстроив их хозяйство.

На третий день после похорон в доме устраиваются поминки, на которые приглашают всех родственников и соседей. Перед началом стола зажигают несколько восковых свеч и ставят их на окна и по обе стороны порога. Потом на несколько времени дверь открывается, гости садятся за стол и приглашают лола (душа, тень)³ за общую трапезу. Дверь затворяется лишь только все усядутся по местам. В передний угол кладется шапка или платок, смотря по тому, мужчина или женщина был умерший. Место, где лежит шапка, никем не занимается; против него на столе ставится особая чашка, которую доверху наполняют блинами, кислым молоком, ярушниками, водкой и т. п. Всякий гость считает своею обязанностью положить в чашку покойного часть каждого кушанья, которое подается на стол, говоря при этом: «ешь, сватушка!» или «пей, брательник!» После обеда блюдо это выносят в огород и ставят там в крапиву, в какой-нибудь укромный уголок, чтобы собаки не съели. Через три дня смотрят, осталось ли что в чашке или нет. Если вороны не успели растаскать всего и в чашке что-нибудь осталось, – значит, «лол» есть не хочет, сердится на что-то.

Колдовство у пермяков в большом ходу. Этим делом занимаются по большей части женщины, за которыми пермяк признает какую-то

¹ Ю – ю [jy]– река, речка || речной. Тшайыс беговмёма ні, ю чай уже остыл, пей. (Вероятно, Н. А. Добротворский искажил значение слова).

² Кэчь! – Н. А. Добротворский переводит «ешь!». «Чег, чег» – ‘Отломи, отломи’ [ярушник и отдавай, т. е. ешь] (такой перевод более предпочтителен, на взгляд А. Н. Рассыхаева).

³ Лол – душа, дух, дыхание.

особенную, одной ей присущую, таинственную силу и способность сноситься с духами и прозревать будущее. Знахарки имеют большое влияние на семейные и общественные дела; к ним часто обращаются за советами в затруднительных обстоятельствах. Главный прием их колдовства – чэр эшван (вешать топор)¹: заключается он в следующем. Когда к знахарке приходят с какой-нибудь болезнью, то она зажигает перед образами свечку, достаёт из печки несколько каленых угольков и ставит их в ковше или котелке по среди избы. Потом бросает на угли шишку хмеля² и на толстом гайтане³ из пеньки вешает над жаровнею топор, стараясь привести его в равновесие; потом начинает перебирать разные имена, до тех пор, пока он не упадет. Тогда она объявляет посетителю, что он должен сходить в церковь и помолиться там такому-то святому и поставить ему свечку, величиною в палец, в руку, в целый рост, смотря по тому, что болит у человека. Такие чэр-эшованные свечи приготавливаются кругами, в виде веревочек. Их можно видеть во всех церквах пермяцких приходов пермской губернии.

Праздников у пермяков очень много. Одни из них – христианские, другие – языческие, но те и другие непременно связаны с земледелием, охотой и поминовением усопших. Пермяки встречают праздниками вскрытие рек, первую озимь, празднуют несколько дней пред посевом хлеба и после уборки его; осеннюю охоту завершают также праздником!.. Все праздники ознаменовываются страшным разгулом; пир идет обыкновенно с утра до ночи, водки и овсяной браги выпивается множество. Нет сомнения, многие из этих праздников прежде сопровождалась известными обрядами, но теперь обрядов соблюдается мало, молений не бывает, и праздники стали служить только удобным предлогом попить да погулять. Впрочем, жертвопри-

¹ Чэр эшван – вешать топор. Топор – м. чер. Вешать несов. что – ошодны, ошлыны. См.: Королева С. Ю. Представление о мыже в народных поминальных молитвах, сказочной прозе и обрядовой практике коми-пермяков (опыт системного описания) // Вестник Пермского университета. – 2011. – Вып. 4 (16). – С. 194–203.

² Шишка хмеля – женские цветки в шишковидных сложных соцветиях. Хмель (лат. *Húmulus*) – род вьющихся травянистых растений семейства Коноплёвые (*Cannabaceae*).

³ Гайтан – шнурок, на котором носят нательный крест, образок или ладанку.

ношения по местам ещё удержались и до сего дня. Духовенство не только не старается искоренить эти остатки языческой старины, но, по-видимому, даже поддерживает их...

Из всех праздников пермяцких особенно заслуживает внимания праздник Ильи-пророка. Этот святой пользуется особенным почетом, чуть ли не наравне с Вэрченом и Еном. День Ильи пророка считается у пермяков главным праздником в году и по большей части соединяется с жертвоприношением. Приготовления к празднику начинаются обыкновенно за неделю или за две. Хозяйка приберет весь дом, очистит его от грязи и сора, накопившихся здесь в течение целого года; накануне истопит баню и все домашние вымоются. Перед праздником дня за 2–3 староста деревенский делает сбор на покупку жертвенного животного, причем плата необязательная: кто сколько даст, то и ладно. В случае нехватки денег на покупку быка или барана, с богатых и зажиточных семей собирается особая добавочная плата; по большей части в этом случае добавляет деньги кто-нибудь один «по усердию». Пермяк, отдавая деньги на жертву, говорит: «от меня и от родителей моих». Колют жертву особым священным ножом, который хранится у какого-нибудь уважаемого старика на деревне. Эта операция производится за селением, где-нибудь на берегу реки, на пригорке. Некоторые ультра-религиозные пермяки мажут себе кровью, капающей с жертвы, глаза и лоб. Освежевав¹ жертву, ее разрубают на части; лучшие отдаются духовенству; остальные же варят в особом артельном котле, который, как, например, у вятских пермяков, хранится при церкви. Варенное мясо приносят к храму и ставят перед папертью². После обедни священник выходит и читает над ним молитвы. Лишь только он удалится, все разом бросаются на жертвенное мясо. Начинается настоящая свалка... Все сливается в одну пеструю массу; каждому хочется ухватить кусок заветного «святого мяса». Стон стоит в воздухе... Некоторые съедают свою долю тут же «для здоровья», другие уносят домой, зашивают в тряпку и хранят

¹ Освежевать – очистить от шкуры и выпотрошить убитое животное.

² Па́перть, или внешний притвор (греч. ἄτριον, лат. atrium, impluvium, pars aperta, польск. Parierc) – непокрытая кровлей площадка перед внутренним притвором храма, на которой в первые века христианства стояли плачущие и кающиеся. В середине паперти устраивался бассейн с водой, в котором верующие умывали лицо и руки, прежде чем входили в церковь.

в своей биве, как талисман, предохраняющий от всевозможных бед и напастей. Многие уносят мясо на кладбище и кладут на могилы родных, или зарывают в поле, на своей полосе, чтобы хлеб родился лучше.

Такие жертвоприношения в Ильин день бывают и по небольшим деревням. Для этого две-три деревни собираются вместе, покупают одного быка и съедают всем миром; роль священника исполняет какой-нибудь старик. Он произносит над жертвой свою импровизированную молитву, в которой просит Ена о том, чтобы он «добра» (имущества) им побольше послал, хлеб от дождя и червя спас, чтобы сено получше уродилось и т. п.

В день Ильи-пророка пермяки не выгоняют скота на пастбище, потому что тогда все звери лесные свободно бродят по лесам, и будто бы дано им право от Ильи-пророка делать в этот день все, что они ни захотят.

В некоторых местах жертвоприношения бывают не в Ильин день, а в другие праздники. Время этих жертвоприношений совпадает обыкновенно с началом или окончанием полевых работ. В день жертвоприношения устраиваются братчина, братский обед, в складчину; в нем принимает участие обыкновенно вся деревня от мала до велика... Но о братчине, равно как и вообще об устройстве общины у инородцев Вятской и Пермской губерний, мы надеемся говорить подробнее при другом случае.

У женщин существуют особые праздники, как-то: дожинки (сюрлютуй)¹, девичие праздники т. п. «Девичий праздник» бывает в конце лета, после снятия льна с полей. В этот день девушки (ныльяс)², нарядившись в свои лучшие пельпомы-коромы, ходят гурьбою по селу или деревне и распевают песни. Некоторые щедрые домохозяева угощают их водкой и пирогами с пикшей. Хотя девушки и пьют вообще водку, приучаясь к ней под благотворным влиянием отца и матери чуть не с пеленок, однако на этот раз они сдерживаются и отказываются от рюмки, показывая вид, что они совсем не пьют водки и даже понятия не имеют о вкусе ее. Оно и понятно: парни в это время скрытно подсматривают за ними; и горе, если они узнают, что

¹ Дожинки – сюрлютуй. В удм. сюрло – «серп», коми чарла – «серп»; туй – «дорога, след».

² Ныльяс – ныльясасьны [ni]jasašni] – гулять с девушками.

какая-нибудь девушка пьет водку: ей никогда не выйти замуж, потому что кто же пожелает иметь у себя соперником черта и вдобавок бесплодную жену?

Н. Добротворский

Комментарии

Пермяки. Бытовой и этнографический очерк.

Опубликовано: Вестник Европы. 1883. Г. 18. Т. 2. Кн. 3. С. 228–264; Кн. 4. С. 544–580.

И. Н. Смирнов в работе «Пермяки: историко-этнографический очерк»¹ 1891 г. дает достаточно основательные сведения об историческом материале о пермяках, их расселении, о спорных вопросах, рассмотренных учеными до него. Исследователь отмечал: «г. Добротворский долгое время жил среди пермяков, овладел их языком и поэтому находился в счастливых условиях для этнографических наблюдений»². Далее писал об исторических аспектах статьи Н. А. Добротворского, в частности, заметил, что исторические сведения «не все выдерживают критику»³. И. Н. Смирнов отмечал, что «переходя к современному быту Пермяков, автор дает прекрасную картину их жилья, орудий труда, средств передвижения, костюма»⁴. В то же время есть некоторые неточности. Например, Добротворский не понял, почему пермяки не употребляют в пищу зайцев и петухов, объясняя это табу. Однако И. Н. Смирнов уточняет: «Финны, держащиеся язычества, поедают жертвенных животных, а не воздерживаются от их употребления»⁵. Также отмечал, что многие аспекты жизни пермяков изложены ясно, их умственные способности «автор

¹ Смирнов И. Н. Пермяки: историко-этнографический очерк. – Казань: Типо-лит. Имп. Каз. ун-та, 1891. – [6], 289 с. (Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете; Т. 9. Вып. 2). (Восточные финны: историко-этнографические очерки / И. Н. Смирнов; Т. 2. Прикамская, или пермская группа. Ч. 2).

² Там же. С. 58.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 59.

⁵ Там же.

обрисовывает меткими, характерными чертами»¹. В главе III «Внешний быт Пермьяков» Смирнов приводит сведения Добротворского о пермяках Орловского уезда, которые, по мнению собирателя, вырождаются, однако данные антрополога профессора Н. М. Малиева² о пермяках Инвенского уезда противоположные. И. Н. Смирнов использует материалы Добротворского для сравнения с пермяками других уездов, также опирается на материалы по этнографии жилища, семейного быта, языка, «духовного творчества».

ДВА СЛОВА О ВЕРОВАНИЯХ ПЕРМЯКОВ

Все вообще пермяки верят в лешего и водяного. Они уверяют, что между этими двумя духами идет постоянная борьба не на жизнь, а на смерть. При этом пермяки Глазовского уезда, Вятской губернии, полагают, что в этой борьбе верх остается постоянно за «дядюшкой», т. е. за лешим³. Слудские же пермяки Орловского уезда думают иначе. По их представлению, победителем, всегда остается водяной, Ву-мурт (человек воды), и дядюшка – Вэрчен – уходит от него в свои тущобы лесные, избитый до полусмерти. Когда же они дрались в последний раз – а это случилось, по уверению крестьян, очень недавно – то дядюшка был окончательно убит водяным. Тело его, длиною до 4 сажень, долго лежало на берегу одного лесного озера, и некоторые старики, сами видавшие его, до сих пор показывают это место. – Сказание это, очевидно, новое, недавнего происхождения, оно имеет реальную жизненную основу. Леса по Слудской волости (Орлов[ского] уезд[а]), населенной пермяками, все более и более редуют. Лесопромышленники каждый год вырубают массу деревьев и отправляют их по рр. Летьке и Вятке в поволжские низовые города. Река, стало быть, действительно, съедает, уничтожает здешние леса; водяная сила перевешивает лесную.

¹ Там же. С. 59.

² Малиев Николай Михайлович (2(14) апреля 1814 – не ранее 1916) – анатом, археолог, этнограф.

³ См. нашу статью о пермяках в «Вестнике Европы» за нынешний 1883 год. Настоящая заметка написана в дополнение этой статьи (прим. Н. А. Добротворского).

Передам здесь кстати одну сказку, основанием которой послужило сказание о драке между водяным и лешим. Она записана мною у пермяков в селе Слудском. Мне передавали ее наполовину на русском, наполовину на пермском.

Для удобства я перевел все пермяцкие слова по-русски.

«Однажды вышел водяной на берег драться с лешим. Он одолел дядюшку¹ и повесил его на дереве. Висит леший на березе, качается. Идет один крестьянин, Кузьмой звать его. Дядюшка молит его: «высвободи, говорит, дружок, из петли; большую службу сослужу тебе. Кузьма подошел, вынул его из петли. Черт богатства не дает, денег не дает: «Я, говорит, пойду за тебя охотником в солдаты». Кузьма вестимо рад; хлопнули по рукам, зипунами поменялись... Вот ладно. Слышно набор; царь на войну собирает, ратников готовит. Дядюшка пошел за Кузьму в солдаты, да и наказывает ему: сходи ты, Кузьма, ко мне в деревню, проведай все ли там живы здоровы, поклон отнеси; скажи, что я на царской службе теперь. Ладно, пошел Кузьма. Зайди он спервоначалу в кабак в городе, да и запировал там. День нейдет – водку пьет, другой нейдет – водку пьет; так и шесть дней (прошло). Пил, пил, потом бросил. «Будет, говорит, пойду теперь в чертову деревню». Черт растолковал ему, как идти. «Поди, говорит. Все на восход: там дойдешь до перекрестка, сверни влево поди тут задом наперед. Увидишь деревню, 9 домов, каменно строенье. Спроси неровно только, где тут живет Иван Иваныч, все тебе укажут. Туда и поди; это и есть мой отец». Ну, вот Кузьма пошел в лес, дошел до перекрестка, повернул налево, взял и пошел задом наперед. Шел, шел, видит – деревня 9 домов каменно строенье. Спрашивает, где тут Иван Ваныч живет. – А вон, говорит, большой дом с золотой крышей. Он и пошел туда. Пришел и видит, Иван Ваныч сидит за столом в переднем углу. А икон там нет, одни шишки еловые торчат. – Вот, говорит, так и так, от сына поклон привез; велел вас спросить, все ли здорово живете. – Ничего, говорит, здорово: садись с нами, – гость будешь. Сел с ними Кузьма. Подчуют его пряникам разным, конфетами, хлеб белой тут – что хошь. Водки тоже поднесли. Старик и говорит: «Больно мне здесь скучно, гости здесь». Ну, Кузьма рад: что ему? – остался. Заугощали совсем: водка, пироги, пряники – каждый день: делать ничего не де-

¹ Так наз[ывают] пермяки лешего (прим. Н. А. Добротворского).

лай. Шесть дней уж прошло. Он уж отслужил всю службу и пришел домой, а Кузьма и не знает, что 12 лет прошло; ему млится, будто 12 ден. – «Ну, – говорит (Леший) – собирайся, поедem домой. Жена у тебя там грешит: за другого выходит. Завтра и девичник». Мужик сел на порог закручинился. А черт ему и говорит: «Ты, говорит, не думай ни об чем, не заботься. Жена не выйдет ни за кого – у тебя останется: я уж устрою». Как свиснет – так и понесло их ветром. Кузьма шапку обронил: за куст зацепил, она тут и осталась. – «Постой, – говорит, – дядюшка, шапку обронил». Ну-у, – говорит, – твоя шапка далеко осталась за 500 верст теперь. Да нишни¹ заедem в Казань, купим новую». Ну, заехали, купили... Приезжают в деревню к Кузьме. Черт и посылает его: «Поди, говорит, посмотри, что у тебя дома-то, а здесь останусь, полежу на сене». Дядюшке-то, вишь ты, нельзя входить в дом-от: соседко (домовой) рассердится... Ну, пошел он. Только видит, сидит жена в переднем углу, сидит цалуется с женихом, а девки песни поют. Кузьма и говорит: «Дайте православные напитокя чего-нибудь». Дали ему пива, налили в туес². – «Нет, – говорит, – пусть сама невеста подаст». Невеста вышла из переди и подала. Ну и как подошла к нему поближе и видит на руке у него (что-то) засветило. Глянула – ан это суперчик³ обручальный. Она узнала своего мужа, взяла его за руку, да и подвела к гостям: «Вот, говорит, – гости честные, муж мой, а я ему жена». Так и стали жить вместе. А Черт как уходил, дал Кузьме 100 руб. денег и полведра вина⁴.

Комментариев сказка эта не требует никаких. Не нужно обладать ученостию г. Буслаева⁵ или смелостию мысли

¹ Нишни – несов. молчи, не издавай никаких звуков // Областной словарь вятских говоров. Вып. 6. М–Н. – Киров, 2011. – С. 248.

² Туес – небольшой круглый короб с тугой крышкой для хранения и переноса меда.

³ Суперчик обручальный – суперик, супырь, супирка – дамское кольцо с цветным камнем, перстень.

⁴ Эти 100 руб. и полведра водки фигурируют почти во всех сказках и преданиях пермяков (прим. Н. А. Добротворского).

⁵ Буслаев – Фёдор Ива́нович Бусла́ев (13 апреля 1818, Керенск, Пензенская губерния – 31 июля [12 августа] 1897, Люблино, Московская губерния) – российский лингвист, фольклорист, историк литературы и искусства, глава русской мифологической школы. Своими трудами «О преподавании отечественного языка» (1844) и «Опыт исторической грамматики русского языка»

г. Стасова¹, чтобы видеть, что сказка эта скроена и сшита из разных русских сказок. Самобытного здесь очень мало: одно только начало да два последние слова. Вообще у пермяков нет оригинальной поэзии, нет ни песен своих, ни сказок, ни былин: все это переделано, или целиком взято из богатого склада русской народной поэзии.

В нашей статье о пермяках («Весн[тник] Европы») мы указывали, как высоко почитал, да почитает еще по местам до сих пор, пермяк своего ближайшего духа-покровителя – лешего. Это верование в покровительство лесного духа и благоговение перед ним имеют давнее, старинное происхождение. Пермяк исстари жил в диких, непроходимых лесах, которые подавляли его своим угрюмым величием, пугали его воображение своею громадностью и таинственностью. Поэтому естественно, что пермяк смотрел на лес, как на пребывание какой-то страшной могучей силы, молился Вэрчену и приносил ему жертвы, считая его своим ближайшим заступником от всех бед и напастей. К Богу (Ен) обращаться было далеко; услышит ли он еще молитву пермяка, ведь он живет так высоко – высоко, где-то там, на голубом прозрачном небе, долетит ли до него смиренное прошение? Это еще вопрос. А леший живет тут, под боком, по соседству; он знает и видит все, что делается в деревне, и уж конечно услышит моление пермяка, особенно если при этом снести какой-нибудь подарок, вроде, напр[имер], зайца убитого, утки, шанег, каравая хлеба. А силы у него, конечно, хватит на удовлетворение какой-нибудь незначительной просьбы пермяка, потому что он также могуществен, как и сам Бог. – Христианство сделало брешь в этих языческих воззрениях пермяка, и с течением времени брешь эта все более и более увеличива-

ка» (1858) заложил основы лингвистической русистики. Положил начало научному изучению русской народной словесности. Действительный член Петербургской Академии наук (1860), ординарный академик. Тайный советник (1877).

¹ Стасов – Владимир Васильевич Стасов (2 [14] января 1824, Санкт-Петербург – 10 [23] октября 1906, там же) – российский художественный и музыкальный критик, историк искусств, библиограф, архивист, общественный деятель. Многолетний сотрудник Императорской Публичной библиотеки (с 1856), почётный вольный общник Императорской Академии художеств (с 1859), почётный академик по разряду изящной словесности Петербургской академии наук (с 1900), тайный советник (1884). Одна из самых влиятельных фигур художественной жизни России второй половины XIX в.

лась; старые верования рушились, на месте их росли и образовались новые. Старое значение Вэрчена, как духа-покровителя, духа могучего, страшного, теперь многими позабыто. В некоторых местностях его прямо смешивают с христианским чертом, духом соблазнителем. Пермяк начинает забывать своего старинного благодетеля и употребляет его имя, как синоним дьявола. Это до некоторой степени отразилось в приведенной выше сказке, в которой леший несколько раз назван чертом. Это же видно и во многих других сказках. Усвоив себе христианское понятие о черте, как злой силе, пермяк никак не мог справиться с адом. Представление об этом жилище дьявола никак не могло уместиться в голове пермяка. Ограниченный кругозор и скудость его фантазии не позволили воображению нарисовать ясную отчетливую картину страшного места постоянных мучений, плача и скрежета зубовного. Поэтическое творчество вообще чуждо пермякам; это народ сухой, узкоколейный, практический; он довольствуется только тем, только тем, что видит и слышит, черпает содержание для своих верований из мира материального, из окружающей его обстановки. Про него скорее, чем про кого-нибудь другого, можно сказать, «ищите корней его жизни, характера и взглядов в земле, на которой он живет». — Поэтому материалист — пермяк поселил чертей, пришедших к нему вместе с христианством, в глухих дебрях таинственного леса, стоявшего перед ним какой-то непонятной зеленой загадкой. С этих пор леший, могучая лесная сила, стал смешиваться с чертом, отождествляться с ним; его характерные отличительные признаки мало-помалу начинают стусhevываться и исчезают перед новым христианским ученьем. Благодетель и заступник пермяков, дядюшка Вэрчен, уступает место новому духу, «нечистой силе», которая днем живет в лесу, а по ночам вылетает из леса в деревни и морочит людей недобрыми снами, настраивает их на худые, грешные дела, внушает преступные мысли. Новая религия начинает по-маленьку вытеснять старинное поклонение силам природы. Но это, покамест¹, только еще в деталях; процесс переработки пермяцких верований только еще начинается, несмотря на то, что христианство принято пермяками около 3-х веков тому назад. В общем пермяк

¹ Покаместь — значение просторечное, то же, что покамест; употребляется при выражении одновременности действия, соответствуя по значению словам: в то время как, в течение того времени как, когда, пока.

и до сих пор еще язычник, его понятия о духах так и дышат антропоморфизмом¹, непосредственной жизнью в природе. В «Пермяках» мы привели достаточно доказательств этого положения. Здесь нам остается еще указать, как смотрит пермяк на чертей, поселившихся в лесу. По его понятиям, они живут целыми деревнями, занимаются полевым хозяйством, пашут, боронят, сеют, молотят и даже лес рубят и сплавляют его по реке, только неизвестно куда. Точь-в-точь люди. Они имеют даже образ человеческий, носят зипуны, дукасы и лапти; так как и люди спят, едят и водку пьют. Порою они ходят по деревням и ищут бездомовых «казаков», чтобы нанять их в работники; за деньгами при этом не стоят, а сыплют их целыми горстями. Кто польстится на их деньги и пойдет за ими, тот пропадает на веки, черти до самой смерти держат его у себя, заставляют работать и кормят камнями и пихтовой корой. Впрочем, чаще всего они получают даровых рабочих: вор, например, или человек, сделавший какое-нибудь дурное дело, зайдет в лес, – черти сейчас же хватают его и уносят в свою деревню. Иногда работников у них накапливается так много, что сами они перестают работать и взваливают все бремя хозяйства на людей, «а сами промеж себя пиры водят» в это время. А если рабочих рук все-таки оказывается много, то заставляют своих пленников камни воровать, воду таскать на гору и здесь опять ее выливать и т. д.

Н. Добротворский

Комментарии

Два слова о верованиях пермяков.

Опубликовано: Вятские губернские ведомости. 1883. № 14. С. 3–4.

¹ Антропоморфизм (фр. anthropomorphisme от др.-греч. ἄνθρωπος – «человек», μορφή – «вид, образ, форма») – перенесение человеческого образа и его свойств на неодушевленные предметы и животных, растения, природные явления, сверхъестественных существ, абстрактные понятия и др.

РАЗДЕЛ III. ПИСЬМА Н. А. ДОБРОТВОРСКОГО В КАНЦЕЛЯРИЮ ВЯТСКОГО ГУБЕРНАТОРА

В Центральном государственном архиве Кировской области хранятся документы о ссыльном Николае Добротворском: Ф. 582. Оп. 139. Д. 120. «Дело о высланном под надзор полиции запасном рядового Владимирского пехотного резервного батальона Николае Добротворском за политическую неблагонадежность. Начато 20 дек. 1879 г. Окончено 10 окт. 1882 г.». Всего в деле 93 листа.

Прошение Н. Добротворского Вятскому губернатору от 22 декабря 1879 года

Его Превосходительству господину начальнику Вятскому губернии ссыльного под надзор полиции в город Орлов, уволенного в запас рядового из вольноопределяющихся¹ 79 резервного пехотного батальона² Добротворского покорнейшее прошение.

Присланный в город Орлов под надзор полиции, я решительно не имею никаких средств к существованию, и по роду своих занятий, как учитель, не могу найти себе работы, а потому честь имею покор-

¹ Вольноопределяющийся – военнослужащий (из нижних чинов) Русской Императорской армии и Флота, поступивший на военную службу добровольно и пользовавшийся определёнными льготами.

² Резервные и запасные войска предназначались для обучения личного состава и пополнения некомплекта действующих частей. За время своего существования они прошли несколько этапов развития. В июле 1877 г., когда Россия находилась в состоянии войны с Турцией, из состава Владимирского местного батальона был выделен кадр на формирование 38-го резервного пехотного батальона. Правительство возлагало на резервные части выполнение полной программы строевой подготовки войск и предполагало, что из состава резервных батальонов при мобилизации могут быть сформированы дополнительно пехотные полки. Однако 38-й резервный пехотный батальон участие в войне не принял и в сентябре 1878 г. был расформирован. А в соответствии с расписанием во Владимире в полном составе разместился с августа 1878 г. 79-й резервный пехотный батальон.

нейше просить Вас Ваше Превосходительство, сделать надлежащее распоряжение о назначении мне из казны ежемесячного денежного пособия.

Надеюсь, что Ваше Превосходительство сочувственно отнесется к моей горькой, незавидной участи и исполните мою просьбу, так как у меня нет никого из родных, к кому бы я мог обратиться с просьбой о помощи.

К сему прошению уволенный в запас рядовой 79-го пехотного резервного батальона, потомственный почетный гражданин¹, Николай Добротворский подписался.

Декабря 22-го 1879 года

ЦГАКО Ф 582. Оп. 139. Д. 120. Л. 8–8об. Подлинник. Автограф.

Рапорт Орловского уездного исправника Васильева 24 декабря 1879 г.

Его Превосходительству господину Вятскому Губернатору
Орловского уездного исправника Рапорт

Имею честь при сем представить Вашему Превосходительству на распоряжение прошение, состоящего под надзором полиции в Орловском уезде запасного рядового Николая Добротворского, ходатайствующего о выдаче от казны пособия на содержание.

Уездный исправник (подпись) Васильев

№ 2514

24 декабря 1879

ЦГАКО. Ф 582. Оп. 139. Д. 120. Л. 7. Подлинник. Автограф.

Заявление Н. Добротворского начальнику Вятской губернии от 30 декабря 1879 года

Его Превосходительству господину начальнику Вятскому губернии состоящего под надзором полиции в селе Слудка Орловского уезда, сына священника Николая Добротворского заявление.

¹ Потомственный почетный гражданин – звание, присваивавшееся в дореволюционной России лицам недворянского происхождения за какие-либо заслуги или в силу образовательного ценза.

Назад тому несколько дней из города Орлова, через г[осподина] исправника, я подал на имя Вашего Превосходительства прошение о назначении мне ежемесячного пособия. В настоящее же время препровожденный на жительство в село Слудку я вынужден необходимостью снова утруждать Ваше Превосходительство просьбой о назначении мне пособия, так как я не имею решительно никаких средств к существованию; а работы здесь найти нет никакой возможности. Помощи же мне ждать неоткуда, потому что у меня нет ни родных, ни знакомых, которые бы выручили меня из этого затруднительного положения.

30 декабря 1879 года.

К сему прошению сын священника, уволенный в запас рядовой из вольноопределяющихся Николай Добротворский подписал.

ЦГАКО. Ф. 582. Оп. 139. Д. 120. Л. 19–19 об. Подлинник. Автограф.

Прошение Николая Добротворского 30 декабря 1879 года

Его Превосходительству господину начальнику Вятскому губернии состоящего под надзором в селе Слудке Орловского уезда, сына священника Николая Добротворского прошение.

Состоя под надзором полиции в селе Слудке, я не могу зарабатывать себе средства к существованию и одежду, так как к черной простой работе я неспособен, а другого какого-нибудь дела найти здесь невозможно. Вследствие чего честь имею покорнейше просить Ваше Превосходительство сделать надлежащее распоряжение о выдаче мне от казны одежды, следующей мне по Закону. При сем прошении прилагается мера моего роста. К сему прошению сын священника, уволенный в запас рядовой 79-го резервного пехотного батальона Николай Добротворский подписался.

30 декабря 1879 года

ЦГАКО. Ф. 582. Оп. 139. Д. 120. Л. 18. Подлинник. Автограф.

Рапорт уездного исправника Васильева 28 января 1880 г.

Его Превосходительству господину Вятскому Губернатору
Орловского уездного исправника

Рапорт

На присланное от 2 сего января за № 8, имею честь донести Вашему Превосходительству, что состоящий под надзором полиции в селе Слудском, запасный рядовой Владимирского 79-го пехотного резервного батальона Николай Добротворский. Как оказалось, по забранным мною сведениям, средств к своему существованию совершенно не имеет, мастерства или ремесла, через которое он мог бы доставать себе деньги на пропитание и одежду никаких не знает, родственников, которые бы могли помогать ему, как он отозвался у него нет. При сем имею честь представить также поступившие ко мне от Добротворского два прошения, адресованные на имя Вашего Превосходительства, из которых одним он ходатайствует о выдаче ему казенной одежды с определением роста Добротворского в 2 ар. 7 в.

Уездный исправник Васильев

№ 225

28 января 1880

ЦГАКО Ф. 582. Оп. 139. Д. 120. Л. 17–17 об. Подлинник. Автограф.

Прошение Николая Добротворского 13 февраля 1880 года

Его Превосходительству господину начальнику Вятскому губернии состоящего под надзором в селе Слудке Орловского уезда, сына священника Николая Добротворского

прошение.

Не хотелось бы беспокоить Ваше Превосходительство новой просьбой, но роковая нужда принуждает меня вновь сделать это. Приехал я сюда, в село Слудку, только с 47-ю копейками; с тех пор прошло уже 1 ½ месяца, и я, разумеется, не мог прожить столько времени на эти деньги, вследствие чего мне приходилось одалживаться у здешних крестьян в ожидании скорого получения кормовых денег; в настоящее же время мне более никто не доверяет, так что волей-неволей приходится или умереть, или покончить с собой насильственным образом. – Но находясь в настоящее время в таком незавидном положении, я решился еще раз обратиться к милостивому вниманию Вашего Превосходительства и попросить еще о назначении мне кормовых денег¹, в надежде, что Ваше Превосходи-

¹ Кормовые деньги – деньги на продовольствие, выдаваемые на руки нижним чинам во время передвижения их в составе нештатных команд или одиноч-

тельство сочувственно отнесется к моему положению и примет во внимание мою покорнейшую просьбу. 13 февраля 1880 года. К сему прошению личный дворянин¹ Николай Добротворский подписался.

ЦГАКО. Ф. 582. Оп. 139. Д. 120. Л. 23–23 об. Подлинник. Автограф.

Прошение Н. Добротворского от 8 сентября 1880 года

ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ

Господину Вятскому Губернатору

Состоящего под надзором полиции
в селе Слудском, Орловского уезда гражданина
Николая Добротворского
Прошение.

При здешней дороговизне съестных припасов и особенно мяса; шести рублевого пособия, которое я получаю от казны, не хватает на удовлетворение даже самых насущных моих потребностей. Из дня в день приходится питаться только хлебом и молоком, молоком и хлебом; мясо я вижу на своем столе только раз в месяц. Такие неблагоприятные условия плачевно могут отозваться на здоровье и разрушительно подействовать на организм.

Вследствие всего этого я честь имею покорнейше просить ВАШЕ ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВО перевести меня в город, где я мог бы найти работу, которая бы могла обеспечить мне безбедное существование. 8 сент[ября] 1880 года. К сему прошению Добротворский подписался.

ЦГАКО. Ф. 582. Оп. 139. Д. 120. Л. 34. Подлинник. Автограф.

Прошение Николая Добротворского 25 апреля 1882 года

Его Превосходительству Господину Начальнику Губернии состоящего под надзором в г. Орлове, запасного Николая Добротворского прошение.

Не имея под руками необходимых материалов для задуманного мною сочинения по древней истории Вятского края, я покорнейше про-

ным порядком. При передвижении по железным дорогам и морем установлен постоянный оклад кормовых денег, именно 16 и 15 коп. в день на человека.

¹ Личное дворянство – это пожизненное дворянское звание в дореволюционной России, полученное за личные заслуги и не передающееся по наследству.

шу ВАШЕ ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВО разрешить мне приехать в г. Вятку на 3–4 недели для научных занятий при местной библиотеке. 25 Апр., 1882. Состоящий под надзором полиции Николай Добротворский.

ЦГАКО. Ф. 582. Оп. 139. Д. 120. Л. 81. Подлинник. Автограф.

Орловскому уездному исправнику

2057 и 2218¹

Министерство
Внутренних дел
Вятский
ГУБЕРНАТОР
По канцелярии
21 мая 1882 года
№ 2204
Вятка²

Орловскому уездному исправнику

Вследствие рапорта от 26 минувшего апреля за № 740, предписываю Вам, милостивый государь, объявить состоящему под надзором полиции в г. Орлове запасному рядовому Николаю Добротворскому, ходатайство о разрешении ему прибыть временно в г. Вятку для научных занятий при местной библиотеке не признано подлежащим удовлетворению.

За губернатора, управляющий государственными имуществами.³

При этом возвращаю к Вам, милостивый государь, представленные Вами при означенном рапорте за № 140, деньги один руб[ль], за удержание надлежащего количества в почтовый доход на пересылку, денег выданным означенному ссыльному Добротворскому.

Правитель канцелярии

Верно < нрзб >⁴

ЦГАКО. Ф. 582. Оп. 139. Д. 120. Л. 82–82 об. Подлинник. Автограф.

¹ Написано карандашом.

² Угловой штамп.

³ Зачеркнуто.

⁴ Синий штамп канцелярии.

Прошение Н. Добротворского о выделении прогонных денег после освобождения

Представлено при рапорте Орловского исправника от 24 июля 82 г. № 1048 – в деле Дубровина¹

Его Превосходительству,
Господину Начальнику губернии
В Д[епартамен]т Государственной
полиции с приложением
Ведомости 7 августа 82 г. № 3216

От ссыльного под надзором полиции
в г. Орлове, сына священника
Николая Добротворского
Прошение

9-го сентября 1882 года кончается срок моего пребывания под надзором полиции. Но так как я не имею собственных средств для возвращения на родину, то покорнейше прошу ВАШЕ ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВО исходатайствовать для меня, к означенному времени пред Министром прогонные деньги².

К сему честь имею присовокупить, что я желал бы, после освобождения из под надзора полиции, поселиться во Владимирской губернии, у своего дяди, сельского священника, или в г. Орле. 23 июля 1882 г.

Сын священника Николай Добротворский.

ЦГАКО. Ф. 582. Оп. 139. Д. 120. Л. 85. Подлинник. Автограф.

Справка

7 сентября 1882 г. за № 979

Орловскому исправнику предписано об освобождении от надзора полиции Николая Добротворского.

Начальнику Вятского губернского жандармского управления 9 сентября 1882 года № 983.

¹ Написано карандашом.

² Прогонные деньги – уплачиваемые за проезд по почтовым дорогам, рассчитываются по количеству верст и лошадей, по правилам, изложенным в почтовом дорожнике. Взыскиваются с проезжающих сполна до отъезда со станции.

Владимирскому губернатору с документами 13 сентября № 999
Орловскому исправнику с свид[тельством] Добротворскому
11 сентября № 3816
Свидет[ельство] № 3814

ЦГАКО. Ф. 582. Оп. 139. Д. 120. Л. 87. Подлинник. Автограф.

ОБОЗНАЧЕНИЯ И СОКРАЩЕНИЯ

Указатели и словари

АТ – Указатель Аарне – Томпсона

АА – Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне – Андреева

АТУ – Указатель сюжетов фольклорной сказки (индекс Аарне – Томпсона – Утера)

Березкин – Березкин Ю. Е., Дувакин Е. Н. Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам: Аналитический каталог. URL: <https://ruthenia.ru/folklore/berezkin/index.htm>

ВГВ – Вятские губернские ведомости

ОСВГ – Областной словарь вятских говоров

СРНГ – Словарь русских народных говоров

СУС – Сравнительный указатель сказочных сюжетов. Восточно-славянская сказка

Фонды, научные архивы, учреждения

АРГО – Архив Русского географического общества

Архив ИРГО – Архив Императорского Русского географического общества

РАН – Российская академия наук

ЦГАКО – Центральный государственный архив Кировской области

Административно-территориальное деление

Афн. – Афанасьевский район

Бхл. – Белохолуницкий район

Вшж. – Верхошижемский район

губ. – губерния

Дрв. – Даровской район

Клм. – Кильмезский район

Ктл. – Котельничский район

Кчп. – Кирово-Чепецкий район

Лз. – Лузский район

Нгр. – Нагорский район
Нлн. – Нолинский район
обл. – область
Орл. – Орловский район
Орч. – Оричевский район
Пжн. – Пижанский район
Пск. – псковское
Сар. – Саратовская
Свт. – Советский район
Слб. – Слободской район
Снч. – Свечинский район
Твер. – тверское
у. – уезд
Шбл. – Шабалинской район
Юрн. – Юрьянский район

Общепринятые сокращения

вып. – выпуск
гл. – глагол
ж. – женский род
мн. ч. – множественное число
нрд. – народное
об. – оборот
повс. – повседневное
повсеместн. – повсеместно
сущ. – существительное
устар. – устаревшее
etc. –сокращение латинского выражения *et cetera*, означающего «и другие», «и тому подобное», «и так далее».

БИБЛИОГРАФИЯ

РАБОТЫ Н. А. ДОБРОТВОРСКОГО

Архивные материалы

Добротворский, Н. А. Лекарственные средства, заговоры и т. п. (Орловск. уезда Вятской губ.) // АРГО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 37. Л. 1–6 об.

Добротворский, Н. А. Детские игры // АРГО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 38. Л. 1–7 об.

Добротворский, Н. А. Сказки, легенды, предания и т. д. (Орловск. у. Вятской губ.). Запис. Н. Добротворский // АРГО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 39. Л. 1–54 об.

Добротворский, Н. А. Этнографические данные об Орловском у. Вятской губ. // АРГО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 40. Л. 1–18 об.

Добротворский, Н. А. Песни // АРГО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 41. Л. 1–28 об.

Добротворский, Н. А. Особенности русского наречия в Орловском у. Вятской губернии. Собраны Н. Добротворским // АРГО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 42. Л. 1–14 об.

Добротворский, Н. А. Песни Вязниковского уезда // АРГО. VI Владимирская губ., № 54; 1883.

Добротворский, Н. А. Обрезанцы // АРГО. XIX Курская губ., № 36; 26 с.

Добротворский, Н. А. Детские песни Вязниковского уезда // АРГО, VI Владимирская губ., № 55.

Добротворский, Н. А. Промышленные и потребительские артели в Курской губ. // АРГО. XIX Курская губ., № 37; 8 с.

Публикации

Добротворский, Н. А. Раскол в Пинюжанской волости Орловского уезда // Вятские губернские ведомости. 1882. № 6. С. 4; № 7. С. 4; № 10. С. 3–4.

Добротворский, Н. А. Орловское городище // Вятские губернские ведомости. 1882. 4 авг., № 62.

Добротворский, Н. А. Пермьяки. Бытовой и этнографический очерк // Вестник Европы. 1883. № 3. С. 228–264; № 4. С. 544–580.

Добротворский, Н. А. Клады в Орловском уезде // Вятские губернские ведомости. 1883. № 12. С. 3; № 13. С. 4.

Добротворский, Н. А. Два слова о верованиях пермяков // Вятские губернские ведомости. 1883. № 14. С. 3–4.

Добротворский, Н. А. Старинная лубочная картинка: Указание христианам, отчего приключаются разные немощи и болезни // Владимирские губернские ведомости. 1883. 2 сент.

Добротворский, Н. А. Клады в Вязниковском уезде // Владимирские губернские ведомости. 1883. 23 сент., № 38; 30 сент., № 39.

Добротворский, Н. А. Клад в Баглачеве // Владимирские губернские ведомости. 1883. 11 нояб., № 45.

Добротворский, Н. А. Окаменелая лошадь (Предание) // Владимирские губернские ведомости. 1883. 18 нояб., № 46.

Добротворский, Н. А. Старинная лубочная картинка «Сон богача» // Владимирские губернские ведомости. 1884. 3 февр., № 5. С. 3.

Добротворский, Н. А. Вятское озеро во Владимирской губернии // Вятские губернские ведомости. 1884. 8 февр., № 11.

Добротворский, Н. А. Пугачев на Каме // Исторический вестник. 1884. Вып. XVIII. С. 719–753.

Добротворский, Н. А. О кустарных промыслах Курской губернии. Курск, 1885.

Добротворский, Н. А. Промыслы и вземзледельческие занятия крестьян Центрального района. Курск, 1885.

Добротворский, Н. А. Народный календарь. Январь // Курский листок. 1886. 6 февр., № 11; 1886. 23 февр., № 16.

Добротворский, Н. А. Народный календарь (Приметы и поверья Курского края). Март // Курский листок. 1886. 27 марта, № 25; То же. Апрель // 1886. 1 мая, № 34; То же. Май // 1886. 26 июня, № 50.

Добротворский, Н. А. Екатерина II в Курской губернии // Исторический вестник. СПб., 1886. № 3. С. 721–724.

Добротворский, Н. А. Кустарные промыслы Курской губернии. Курск, 1886.

Добротворский, Н. А. У великорусских крестьян [Кур. губ.] // Киевская старина. 1886. № 11. С. 585–588.

Добротворский, Н. А. Народное предание об освобождении крестьян от монастырской неволи // Русский архив. 1887. № 2. С. 158–161.

Добротворский, Н. А. Саяны. Историко-этнографический очерк // Вестнике Европы. 1888. № 9. С. 197–213.

Добротворский, Н. А. Курские и орловские Кудеяры // Киевская старина. 1888. № 12. Документы. С. 117–123.

Добротворский, Н. А. Крестьянские юридические обычаи в восточной части Владимирской губ. (Уезды: Вязниковский, Гороховецкий, Шуйский и Ковровский) // Юридический вестник. М., 1888. № 6/7. С. 322–349; 1889. № 6. С. 261–293.

Добротворский, Н. А. Николай Иванович Хмельницкий (1789–1846) // Исторический вестник. СПб., 1889. № 12. С. 559–583.

Добротворский, Н. А. Кудеяров курган // Киевская старина. 1889. № 5/6. С. 607–609.

Добротворский, Н. А. Коляда во Владимирской губернии // Живая старина. 1898. Вып. 3/4. С. 482–485.

ТЕКСТЫ

АА – Андреев, Н. П. Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне. Л., 1929.

Абрамский – Абрамский, А. С. Песни русского Севера. М.: Советский композитор, 1959.

Абрамычев – Абрамычев Н. Сборник русских народных песен. СПб., 1879.

Афанасьев – Народные русские сказки А. Н. Афанасьева в трех томах. Т. I–III / подгот. текстов, предисл. и примеч. В. Я. Проппа. М., 1957.

Афанасьев, Акад. – Народные русские сказки А. Н. Афанасьева. Т. I–III / под ред. М. К. Азадовского, Н. П. Андреева, Ю. М. Соколова. М.–Л., 1936–1940.

Афанасьев, Легенды – Афанасьев, А. Н. Народные русские легенды / под ред. И. П. Кочергина. Казань, 1914.

Балашов – Сказки Терского берега Белого моря / изд. подгот. Д. И. Балашов. Л., 1970.

Бахирев – Бахирев В. Русский карточный игрок: Полн. и ясное излож. правил, как всех новейших, так и преж. употребительнейших в настоящее время карточ. игр : В 4 отд. – Санкт-Петербург: тип. Б.Г. Янпольского, 1879. – X, 206, IV с. : черт. : 23.

Бахтин-Ширяева – Сказки Ленинградской области / собр. и подгот. к печати Владимир Бахтин и Пелагея Ширяева. Л., 1976.

Башк. Ур. – Материалы и исследования по фольклору Башкирии и Урала / отв. ред. Л. Г. Бараг. Уфа, 1974.

Белкин – Сказки, записанные в Тимском уезде. Собраны Ф. Белкиным. – Тр. Курск. губ. стат. ком. Вып. I. Курск, 1863. С. 518–542.

Бессонов – Бессонов П. А. Калеки переходные. Сборник стихов и исследование. Вып. 2. М. : Типография А. Семена, 1861.

Варенцов – Сборник песен Самарского края / сост. В. Варенцов. СПб.: изд. Н. А. Серно-Соловьевич, 1862.

Васильев – Материалы по фольклору: Научно-пед. сб. / предисл. М. Васильева. Восточный пед. ин-т в Казани. II. Казань, 1927. С. 129–145; IV. 1928. С. 211–231.

Васнецов – Песни Северо-восточной России. Песни, величания и причеты. Записаны Александром Васнецовым в Вятской губернии. М., 1894.

Верещагин – Верещагин, Г. Е. Легенда о царе Соломоне // Верещагин, Г. Е. Фольклор. Удмуртский фольклор. Книга первая. Собр. соч. Т. 3 в двух кн. Ижевск, 2001.

Винокурова – Азадовский М. К. Сказки Верхнеленского края. Вып. I. Иркутск, 1925. – Записи от Н. О. Винокуровой.

Вятский родник 2009 – Вятский родник. Песни Уржумского района в современных записях / сост.: В. А. Поздеев, М. А. Валовая. 2-е изд., доп. Киров, 2009. 128 с.

Горелов – Русская народная поэзия. Лирическая поэзия / сост. Горелов. М. : Художественная литература, 1984. 584 с.

Господарев – Сказки Филиппа Павловича Господарева / запись текста, вступ. ст. и примеч. Н. В. Новикова; общ. ред. и предисл. М. К. Азадовского. Петрозаводск, 1941.

Добровольский – Смоленский этнографический сборник / сост. В. Н. Добровольский. Ч. I. Спб., 1891. (Записки РГО, т. XX).

Добровольский, IV – Смоленский этнографический сборник / сост. В. Н. Добровольский. Ч. IV. М., 1903. (Записки РГО, т. XXVII).

Забайкалье – Русские народные песни в многоканальной записи. М. : Всесоюзное издательство «Советский композитор», 1979.

Записки Красн. – Записки Красноярского подотдела Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества. По этногра-

фии. Т. I, вып. I / под ред. А. В. Адрианова. Красноярск, 1902; т. I, вып. II / под ред. Г. Н. Потанина. Томск, 1906.

Зеленин 2016 – Зеленин, Д. К. Песни деревенской молодежи, записанные в Вятской губернии // Зеленин, Д. К. Духовная культура Вятки: (фольклорно-этнографические и диалектологические статьи начала XX века) / Д. К. Зеленин; сост. и науч. ред. В. А. Поздеев. Киров: ООО «Радуга-ПРЕСС», 2015. С. 44–130.

Зеленин, Вят. – Великорусские сказки Вятской губернии. Сборник Д. К. Зеленина // Записки РГО. 1915. Т. XLII.

Зеленин, Перм. – Великорусские сказки Пермской губернии. Сборник Д. К. Зеленина // Записки РГО. 1914. Т. XLI.

Зимин – Зимин М. М. Ковернинский край (Наблюдения и записи). – Тр. Костром. науч. о-ва по изучению местного края. Кострома, 1920. Вып. XVII, отд. «Сказки». С. 54–78.

Зиновьев – Зиновьев В. П. Указатель сюжетов-мотивов быличек и бывальщин // Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири / сост. В. П. Зиновьев. Новосибирск: Наука, 1987. С. 305–320.

Зырянов – Зырянов А. Песни святочные и круговые, записанные в Шадринском уезде, Пермской губернии. 1862.

Иваницкий – Иваницкий Н. А. Материалы по этнографии Вологодской губернии. Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения России. Вып. II / под ред. Н. Харузина. М., 1890. (Изв. О-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии при Моск. ун-те, т. LXIX. Тр. этногр. отд., т. XI, вып. I).

Истомин, Ляпунов – Песни русского народа. Собраны в губерниях Вологодской, Вятской и Костромской в 1893 году. Записали слова Ф. М. Истомин, напевы С. М. Ляпунов. СПб., 1899.

Кавк. – Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. I–XLVI. Тифлис–Махачкала, 1881–1929.

Карнаухова – Сказки и предания Северного края / запись, вступ. ст. и коммент. И. В. Карнауховой; предисл. Ю. М. Соколова. Л., 1934.

Картыков – Русские песни. Изборник народной лирики / сост. М. Н. Картыков. Вологда, б. г. С. 142.

Киреевский – Песни, собранные П. В. Киреевским. Вып. I–X. М., 1860–1874.

Китайник – Уральский фольклор / ред. М. Г. Китайник. Свердловск, 1949.

Кожемякина, 1973 – Сибирские сказки. Записаны И. С. Коровкиным от А. С. Кожемякиной / ред. Н. А. Каргаполов. 2-е изд., доп. Новосибирск, 1973.

Колосов – Колосов, М. А. Заметки о языке и народной поэзии в области северно-великорусского наречия // Сб. ОРЯС. 1877. Т. XVII, № 3.

Коргуев – Сказки М. М. Коргуева. Кн. I–II / Запись, вступ. ст. и коммент. А. Н. Нечаева. Петрозаводск, 1939.

Королькова – Сказки А. Н. Корольковой / Запись, вступ. ст. и коммент. В. А. Тонкова. Воронеж, 1941.

Красноженова, 1940 – Красноженова, М. В. Сказки нашего края / предисл. и ред. С. Ф. Савинича. Красноярск, 1940.

Крачковский – Крачковский, Ю. Ф. Быт западно-русского селянина. М., 1874.

Куприяниха – Сказки Куприянихи / Запись сказок, статья о творчестве Куприянихи и коммент. А. М. Новиковой и И. А. Оссовецкого, вступ. ст. и общ. ред. И. П. Плотникова. Воронеж, 1937.

Курск. – Фольклор. Частушки, песни, сказки, записанные в Курской области. Сборник произведений народного творчества / под ред. А. Аристова и М. Павлова. Курск, 1939.

Кучерявенко – Кучерявенко, В. Сказы Дальнего Востока. Хабаровск, 1939.

Лаговский – Лаговский, Ф. Н. Народные песни Костромской, Вологодской, Новгородской и Ярославской губ. Череповец, 1877.

Леонтьев – Леонтьев, Н. П. Печерский фольклор / Предисл., ред. и примеч. В. М. Сидельникова. Архангельск, 1939.

Листопадов – Листопадов, А. М. Песни донских казаков. В 5 т. Т. 1. Ч. 1. М., 1949; Ч. 2. М., 1949; Т. 2. М., 1950; Т. 3. М., 1951; Т. 4. М., 1953; Т. 5. М., 1954.

Митропольская – Русский фольклор в Литве. Исследования и публикация Н. К. Митропольской. Вильнюс, 1975. Отд. «Сказки». С. 125–351.

Молдавский – Русская сатирическая сказка в записях середины XIX – начала XX века / подгот. текстов, статья и коммент. Д. М. Молдавского; отв. ред. В. П. Адрианова-Перетц. М.–Л., 1955.

НДС 2004. – Народные духовные стихи / сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. Ф. М. Селиванов. М. : Русская книга, 2004. 552 с.

Никифоров – Севернорусские сказки в записях А. И. Никифорова / изд. подгот. В. Я. Пропп. М.–Л., 1961.

Озаровская – Озаровская, О. Э. Пятиречие. Л., 1931.

Ончуков – Северные сказки. Сборник Н. Е. Ончукова. Записки РГО. 1908. Т. XXXIII.

Пальчиков – Крестьянские песни, записанные в с. Николаевке, Мензелинского уезда, Уфимской губернии, Н. Пальчиковым. СПб., 1888.

Песни Пинежья – Песни Пинежья: Материалы фонограмм-архива / собр. и разработ. Е. В. Гиппиус и З. В. Эвальд; под общ. ред. Е. В. Гиппиус; Академия наук СССР. М.: Б. и., 1937. (Труды института антропологии, этнографии и археологии).

Печ. – Леонтьев, Н. П. Печорский фольклор. Архангельск, 1939.

ПКВГ – Памятная книжка и календарь Вятской губернии на 1882 г. Вятка, 1881.

Померанцева, Башк. – Русское народное творчество в Башкирии / под общ. ред. Э. В. Померанцевой. Уфа, 1957. Отд. «Сказки». С. 17–135.

Покровский – Покровский, Е. А. Детские игры, преимущественно русские. СПб., 1994.

Пономарев – Пономарев, В. Ф. Народные игры, забавы, ристания на Вятке. Киров, 1988. 84 с.

Попов – Попов, Василий. Народные песни, собранные в Чердынском уезде Пермской губернии. Изд. книгопродавца А. И. Манухина, 1880. 249, VI с.

Потявин – Народная поэзия Горьковской области. Вып. первый / сост. и ред. В. Потявин. Горький, 1960. Отд. «Сказки». С. 7–193.

ПП – Песни Печеры / изд. подг. Н. П. Колпакова, Ф. В. Соколов, Б. М. Добровольский. М.–Л., 1963.

РЛПС – Русские народные песни Сибири. № 109.

РНП 1936 – Русские народные песни. Сборник первый. М.–Л. : Отдел изд-ва Народного комиссара обороны Союза ССР, 1936. С. 26–27.

РНПМЗ Щ – Щуров, В. Песни села Афанасьевка Алексеевского района Белгородской области. Песни семейских Забайкалья //

Русские народные песни в многомикронной записи / А. Руднева, В. Щуров, С. Пушкина. М. : Советский композитор, 1979.

Романов, Материалы – Романов, Е. Р. Материалы по этнографии Гродненской губернии. Вып. II. Вильна, 1912. С. 358–390.

РПВС 2006 – Русские песни Восточной Сибири: сборник / сост. В. П. Зиновьев; науч. ред. Ю. И. Смирнов. – Иркутск, 2006. – 252 с.

РСПС – Русские сказки и песни Сибири // Записки Красноярского подотдела Восточно-Сибирского отдела ИРГО по этнографии. Т. I. Вып. 1 Красноярск: Енисейская губернская типография, 1902. 200 с. № 113.

РНПВО – Русские народные песни Вологодской области / сост., вступ. ст., коммент. М. Бонфельда. Северо-Западное книжное изд-во, 1973. 207 с. № 82.

Садовников – Сказки и предания Самарского края. Собраны и записаны Д. Н. Садовниковым. – Записки РГО, 1884. Т. XII.

Семевский – [Семевский, М. И.] Сказочник Ерофей // Отечественные записки. 1864. № 2. С. 489–490.

Ск. Сар. обл. – Сказки Саратовской области / сост. Т. М. Акимова и П. Д. Степанов. Саратов, 1937.

Сказки дедушки – Сказки моего дедушки. Новейшее российское сочинение. М., 1820.

Соболевский – Великорусские народные песни / изд. проф. А. И. Соболевским. СПб.: Гос. тип., 1895. Т. 1. – 1895. – XII. 628 с.

Сов. фольк.– Советский фольклор. Сборник статей и материалов. М.–Л., 1935. № 2–3; 1936. № 4–5.

Соколовы – Сказки и песни Белозерского края. Записали Б. и Ю. Соколовы. М., 1915.

Соколовы 2 – Сказки и песни Белозерского края. Сборник Б. и Ю. Соколовых: в 2 кн. СПб.: Тропа Троянова, 1999. Кн. 2. 704 с.

Сто русских песен – Сто русских песен. Записи Вл. Захарова. М.: Гос. музыкальное изд-во, 1958.

Тамб. – Тамбовский фольклор / ред. и предисл. Ю. М. Соколова и Э. В. Гофман. Тамбов, 1941. Отд. «Сказки». С. 21–196.

ТКУЦ – Традиционная культура Усть-Цильмы. Лирические песни. Научное издание / сост. Т. С. Канева (отв.), А. Н. Власов, А. Н. Захаров, Ю. И. Марченко, З. Н. Мехреньгина, Е. А. Шевченко. М. : Государственный республиканский центр русского фольклора, 2008. 352 с.

Тумилевич – Сказки казаков-некрасовцев / запись, вступ. ст. и коммент. Ф. В. Тумилевича. Ростов н/Д., 1945.

ТФНО – Традиционный фольклор Новгородской области (По записям 1963–1976 гг.). Песни. Причитания / изд. подгот. В. И. Жекулина, В. В. Коргузалов, М. А. Лобанов, В. В. Митрофанова. Л.: Наука, ЛО, 1979. 351 с.

Устьянские песни – Устьянские песни / сост. А. Мехнецов, Ю. Марченко, Е. Мельник. Л., 1982. Вып. I; 1984. Вып. II.

Худяков – Великорусские сказки в записях И. А. Худякова / изд. подгот. В. Г. Базанов и О. Б. Алексеева; отв. ред. В. Г. Базанов. М.–Л., 1964.

Цейтлин – Цейтлин Г. Поморские народные сказки. Архангельск, 1911 // Отд. оттиск Изв. Арханг. о-ва изучения русского Севера. 1911. № 2, 3.

Чернышев – Сказки и легенды пушкинских мест. Записи 1927–1929 гг. / записи на местах, наблюдения и исследования В. И. Чернышева; подгот. к изд. Н. П. Гринковой и Н. Т. Панченко. М.–Л., 1950.

Шастина – Шастина Елена. Сказки ленских берегов. Иркутск, 1971.

Шастина, 1974 – Сказки Приленья / под ред. Е. И. Шастиной. Иркутск, 1974.

Шастина, 1975 – Шастина Е. Сказки и сказочники Лены-реки. Иркутск, 1975.

Шейн 1 – Великорус в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т. п. Материалы собранные и приведенные в порядок П. В. Шейном. СПб., 1900. Т. I. 376 с.

Элиасов, Тунк. – Фольклор Тункинской долины / сост. Л. Е. Элиасов, И. З. Ярчевский, Л. А. Соловьева; общ. ред. и вступ. ст. Л. Е. Элиасова. Улан-Удэ, 1966.

Эрленвейн – Народные сказки, собранные сельскими учителями Тувльской губернии / изд. А. А. Эрленвейна. М., 1863.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Аарне Антти 297
Абрамский Александр Савватьевич 129, 301
Абрамычев Николай Иванович 135, 301
Адам Бременский 196
Адрианов Александр Васильевич 302
Адрианова-Перетц Варвара Павловна 304
Азадовский Марк Константинович 302
Азбелев Сергей Николаевич 90, 91
Акимова Татьяна Михайловна 306
Александр II Николаевич, царь 82
Александр Павлович, император 20
Александра Федоровна, императрица 82
Александров В. А. 131
Алексеева О. Б. 307
Андреев Николай Петрович 297, 301
Афанасьев Александр Николаевич 87–89, 91, 93–95, 137, 203, 301, 305
Базанов В. Г. 307
Балашов Дмитрий Михайлович 93, 301
Бардин Александр Владимирович 308
Бараг Лев Григорьевич 302
Бахирев Вадим 44
Бахтин Владимир Соломонович 93, 301
Белкин Ф. 94, 302
Белова Ольга Владиславовна 90–93, 221
Березкин Юрий Евгеньевич 90–93, 297
Бессонов Петр Алексеевич 130, 302
Блинов Николай Николаевич 213
Блуменбах (Блюменбах) Иоганн Фридрих 12, 188
Бодуэн де Куртенэ Иван Александрович 52
Бонфельд Морис Шлемович 306
Бредов, Карл фон 13, 188
Будовская Е. Э. 235
Буслаев Федор Иванович 285
Бэр Карл Максимович 201
Валовая М. А. 302
Вайц Франц Теодор 13, 189
Ванька-Каин (Иван Осипов) 181
Варенцов Виктор Гаврилович 135, 302
Васильев М. 93, 302
Васильев, уездный исправник 290–292
Васнецов Александр Михайлович 131–135, 302
Васнецов Виктор Михайлович 36
Васнецов Николай Михайлович 23, 28–30, 34, 36
Верещагин Григорий Егорович 96, 302
Верхокамский Е. 253
Викулин Даниил 170
Винокурова Наталья Осиповна 93, 94, 302
Вирхов Рудольф Людвиг Карл 13, 192
Витберг Александр Лаврентьевич 14
Власов А. Н. 13
Власова 92
Вольф Маврикий Осипович 52
Герланд Георг 189
Гиппиус Е. В. 305
Горелов Александр Александрович 132, 135, 302

- Господарев Филипп Павлович 94, 302
- Гринкова Надежда Павловна 307
- Губанов 133
- Гюго Виктор Мари 235
- Даль Владимир Иванович 23
- Демаков В. Ф. 138
- Деменков Д. А. 20
- Демидов Акинфий Никиитич 190
- Добровольская Варвара Евгеньевна 2
- Добровольский Б. М. 305
- Добровольский Владимир Николаевич 96, 302
- Добротворский Николай Александрович 2–4, 7–20, 32, 34, 35, 42, 45, 86–88, 90, 96, 129, 132, 133, 137, 145, 153, 157, 178, 185, 186, 217, 244, 245, 278, 283, 288, 290–295, 299, 300
- Дорошенко Петр, воевода 205
- Достоевский Федор Михайлович 86, 87
- Дувакин Евгений Николаевич 297
- Дуров Иван Матвеевич 309
- Екатерина II 300
- Екатерина, великомученица 187
- Ефименко Александра 140, 142
- Жекулина Валентина Ивановна 306
- Жилина Т. И. 218
- Заичневский Петр Григорьевич 20
- Захаров А. Н. 306
- Захаров Владимир Григорьевич 306
- Зверин С., наборщик 20
- Зеленин Дмитрий Константинович 8–10, 18–20, 93, 94, 134, 154, 164, 302, 303
- Зимин Михаил Михайлович 94, 303
- Зиновьев Валерий Петрович 93, 303, 305
- Златовратский Николай Николаевич 148
- Золотова Татьяна Аркадьевна 2
- Зырянов Герасим 190
- Зырянов Иван Васильевич 135, 303
- Иван III Васильевич 203
- Иваницкий Николай Александрович 89, 303
- Иванова Анна Александровна 93, 94
- Ильина И. В. 13
- Иоанн Алексеевич, царь 204, 205
- Иоанн Богослов 130
- Иоанн Кассиан Римлянин 239
- Ион митрополит Сарский и Подонский 180
- Истомин Ф. М. 132
- Кабакова Галина Ильинична 91–93
- Калинников Иосиф Федорович 90
- Канева Татьяна Степановна 306
- Капица Федор Сергеевич 30
- Карамзин Николай Михайлович 13, 192
- Карнаухова Ирина Валериановна 94, 95, 303
- Картыков Михаил Николаевич 131, 134, 135, 303
- Кастрен Магиас Александр 13, 189
- Катрфаж Жан-Луи-Арман 13, 193
- Кеппен Федор Петрович 241
- Киреевский Петр Васильевич 139, 132, 303
- Киселев Павел Дмитриевич 230
- Китайник Михаил Гершевич 95, 303
- Ковтун А. А. 19
- Кожемякина Анастасия Степановна, сказочница 93, 303
- Козаченко И. А. 144
- Колосов Митрофан Алексеевич 95, 303
- Колпакова Наталья Павловна 305

- Конаков Н. Д. 13
 Коргуев Матвей Михайлович 94, 304
 Коргузалов В. В. 306
 Королева Светлана Юрьевна 279
 Королькова Анна Николаевна 94, 304
 Коропчевский Дмитрий Андреевич 193
 Коростылёвы, рудоискатели 190
 Косарев Михаил Сидорович 11, 12
 Кочергин И. П. 301
 Кошурников В. 145
 Красноженова Мария Васильевна 94, 304
 Крачковский Юлиан Фомич 304
 Крашенинникова Юлия Андреевна 2, 11
 Кузнецова Вера Станиславовна 92, 96
 Кузьмина 91
 Куприяниха (Барышникова Анна Куприяновна) 94, 304
 Кучерявенко Василий Трофимович 304

 Лаврентий, епископ 173
 Лаговский Федор Никанорович 135, 304
 Лазарев Игнатий 170
 Лелеснов Ф. Е., приказчик А. Н. Демидова 190
 Леонтьев Николай Павлович 129, 131, 304, 305
 Линней Карл 202
 Листопадов Александр Михайлович 132, 304
 Лобанов М. А. 306
 Лузянина Лидия Николаевна 36
 Луппов Павел Николаевич 3, 4, 8
 Ляпунов С. М. 132

 Майнов Владимир Николаевич 13, 183, 193, 201

 Максимов Сергей Васильевич 271
 Малахов Михаил Викторович 195
 Малиев Николай Михайлович 283
 Мамонтов А. И. 13
 Манухин А. И. 305
 Марченко Юрий Иванович 306, 307
 Мельник Е. (Якубовская Елена Ивановна) 307
 Мехнецов Анатолий Михайлович 307
 Мехреньгина Ф. В. 306
 Митропольская Нина Константиновна 90, 304
 Митрофанова В. В. 306
 Молдавский Дмитрий Миронович 94, 304
 Морохин Владимир Николаевич 92
 Мюллер Фридрих (Müller) 13, 193

 Напольских В. В. 13
 Наумов Петр 12
 Невоструев Капитон Иванович 195
 Некрасов Николай Алексеевич 86, 184
 Нестор 193, 196
 Низов Виктор Валентинович 14
 Никифоров Александр Исаакович 90, 304
 Николай Павлович, император 82
 Николай Чудотворец 187
 Никон, патриарх 165
 Нильссон Свен 193
 Новиков Николай Владимирович 302
 Новикова Анна Михайловна 304
 Новикова Н. В. 302

 Овичников Г. Д. 19
 Озаровская Ольга Эрастовна 94, 304
 Ончуков Николай Евгеньевич 93–95, 304
 Осовецкий И. А. 304

- Отер, норвежский мореплаватель IX в.
193, 194, 197
- Павел I, император 195
- Павел, апостол 276
- Павлов М. 304
- Пальчиков Николай Евграфович 131,
135, 305
- Панченко Н. Т. 307
- Паули Густав-Теодор 224
- Петр Алексеевич, царь 81–83, 96,
168, 204, 205, 262
- Петр, апостол 276
- Поздеев Вячеслав Алексеевич 2, 3,
8–10, 36, 90, 154, 302, 303
- Познанский Николай Федорович 29,
30
- Покровский Василий Иванович 206
- Покровский Егор Арсеньевич 42–
45, 305
- Померанцева Эрна Васильевна
(Э. Гофман) 89, 90, 94, 305, 306
- Пономарев Валерий Федорович 305
- Попов Василий 132, 305
- Порфирьев Иван Яковлевич 90
- Потявин Василий Михайлович 94,
305
- Пропп Владимир Яковлевич 304
- Пугачев Емельян 182, 300
- Пушкин Александр Сергеевич 91,
148
- Пушкина Светлана Ивановна 305
- Разин Степан – Степан Тимофеевич
Разин 181
- Рассыхаев Алексей Николаевич 278
- Решетников Федор Михайлович 244,
271
- Рогов Николай Абрамович 224
- Романов Евдоким Романович 96,
305
- Романов Николай Никанорович 206,
207
- Руднева Анна Васильевна 305
- Рупини И. 133
- Рыбников Павел Николаевич 137
- Савельев Павел Степанович 195
- Савинич С. Ф. 304
- Садовников Дмитрий Николаевич
93, 94, 306
- Салтыков-Щедрин Михаил Евграф-
ович 144
- Сахаров Иван Петрович 137
- Сахарова М. А. 218
- Селиванов Федор Мартынович 304
- Семевский Михаил Иванович 91,
306
- Семена А. 137
- Серно-Соловьевич Н. А. 302
- Сидельников Виктор Михайлович
304
- Симеон Столпник 187
- Скобелев Михаил Дмитриевич 41
- Сметанина Зоя Викторовна 27, 28,
30, 31, 33, 34, 36
- Смирнов Александр Васильевич 19
- Смирнов Алексей Матвеевич 10, 88,
90–96
- Смирнов Иван Николаевич 12, 236,
282, 283
- Смирнов Юрий Иванович 305
- Соболевский Александр Иванович
129, 131–133
- Соколов Ф. В. 305
- Соколов Юрий Матвеевич 301, 303,
306
- Соколовский Павел Александрович
138
- Соколовы Борис и Юрий Матвеевич
94, 95, 129, 134, 306
- Солдатенков Козьма Терентьевич 137
- Соловьев Е. Т. 92

Соловьева Л. А. 307
Соломон, царь 29
Сорвачева В. А. 218
Спицын Александр Андреевич 186
Стасов Владимир Васильевич 286
Степа-угодник (Святой Стефан),
епископ Великопермский 182,
200
Стерн Лоуренс, английский писа-
тель 192
Страбон, античный историк, гео-
граф 190
Строганов Аникей Федорович 204
Строганов Григорий 204
Строганов Яков 204
Суханов, крестьянин, поэт 20
Теряев Андрей 12
Тихон, святитель 73
Толстой Никита Ильич 235
Томпсон Стит 297
Тонков Вячеслав Алексеевич 304
Трапицын И. 36
Тумилевич Федор Викторович 94,
306
Тургенев Иван Сергеевич 86
Тэйлор Эдвард Бернетт 276
Утер Ханс-Йорг 297
Федченко А. П. 13
Феодор, архиепископ (Поздеевский)
169
Фирсов Николай Николаевич 13, 189
Харузин Николай Николаевич 303
Хмельницкий Николай Иванович 301
Худяков Иван Александрович 93,
307
Цейтлин Г. Л. 93, 307
Черных Александр Васильевич 133
Чернышев Василий Ильич 93, 307

Чернявский М. И., воевода 165
Шастина Елена Ивановна 93, 307
Шевченко Елена Александровна 306
Шейн Павел Васильевич 131–134,
307
Шестернин Сергей Павлович 16, 17
Ширяева Пелагея Григоьевна 93,
301
Щепкин Н. 137
Щуров Вячеслав Михайлович 305
Эйхвальд Эдуард Эдуардович 13,
189, 193
Элиасов Лазарь Ефимович 90, 307
Эрлвейн Альфонс Александрович
94, 307
Яковлев М. 133
Янович Всеволод Мефодьевич 12
Янпольский Б. Г.
Ярчевский Иосиф Зеликович 307

ИНФОРМАНТЫ

Горева Авдотья 65, 66, 69
Калеватова Аक्सинья Семеновна 106
Колеватов Григорий 106, 107
Коротаев Федор 80
Торопов Александр 49
Торопов Тимофей 81
Халтурина Орина 62, 64, 104, 107, 108
Чарушников Катерина Семеновна 25

ОГЛАВЛЕНИЕ

Поздеев В. А. Н. А. Добротворский – собиратель и публикатор вятских фольклорно-этнографических материалов	3
Раздел I. РУКОПИСИ Н. А. ДОБРОТВОРСКОГО	23
Лекарственные средства, заговоры и т. п. (Орловск[ого] уезда, Вятской губ[ернии])	23
Детские игры	36
Сказки, легенды, предания и т. д. (Орловск[ого] у[езда] Вятскойгуб[ернии])	46
Песни	97
Этнографические данные об Орловском у[езде] Вятской губ[ернии]	136
Особенности русского наречия в Орловском у[езде] Вятской губернии. Собраны Н. Добротворским	155
Раздел II. ПУБЛИКАЦИИ Н. А. ДОБРОТВОРСКОГО	165
Раскол в Пинюжанской волости Орловского уезда	165
Клады в Орловском уезде	178
Орловское городище	186
Пермяки. Бытовой и этнографический очерк	188
Два слова о верованиях пермяков	283
Раздел III. ПИСЬМА Н. А. ДОБРОТВОРСКОГО В КАНЦЕЛЯРИЮ ВЯТСКОГО ГУБЕРНАТОРА	289
Прошение Н. Добротворского Вятскому губернатору от 22 декабря 1879 года	289
Рапорт Орловского уездного исправника Васильева 24 декабря 1879 г.	290
Заявление Н. Добротворского начальнику Вятской губернии от 30 декабря 1879 года	290

Прошение Николая Добротворского 30 декабря 1879 года.....	291
Рапорт уездного исправника Васильева 28 января 1880.....	291
Прошение Николая Добротворского 13 февраля 1880 года.....	292
Прошение Н. Добротворского от 8 сентября 1880 года.....	293
Прошение Николая Добротворского 25 апреля 1882 года.....	293
Орловскому уездному исправнику	294
Прошение Н. Добротворского о выделении прогонных денег после освобождения	295
Справка 7 сентября 1882 года за № 979	295
ОБОЗНАЧЕНИЯ И СОКРАЩЕНИЯ	297
Указатели и словари	297
Фонды, научные архивы, учреждения	297
Административно-территориальное деление	297
Общепринятые сокращения	298
БИБЛИОГРАФИЯ	299
ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ	308
ИНФОРМАНТЫ	308

Научное издание

**ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА
ОРЛОВСКОГО УЕЗДА ВЯТСКОЙ ГУБЕРНИИ.
МАТЕРИАЛЫ Н. А. ДОБРОТВОРСКОГО**

Составление и комментарии Вячеслава Алексеевича Поздеева

Рекомендовано к изданию
Ученым советом ИЯЛИ ФИЦ Коми НЦ УрО РАН
(протокол № 7 от 19.04.2024 г.).

Редактор: К. А. Попова
Оригинал-макет: Н. К. Забоева
Дизайн обложки: Д. В. Осипова

Формат 60 x 84 ¹/₁₆. Подписано в печать 20.12.2024.
Уч.-изд. л. 18,35. Усл. печ. л. 18,3. Тираж 500.

Редакционно-издательский центр ФИЦ Коми НЦ УрО РАН.
167982, ГСП-2, Республика Коми, г. Сыктывкар,
ул. Коммунистическая, д. 24.